

ЕШОК

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ АЛЕКСАНДРА П

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ.

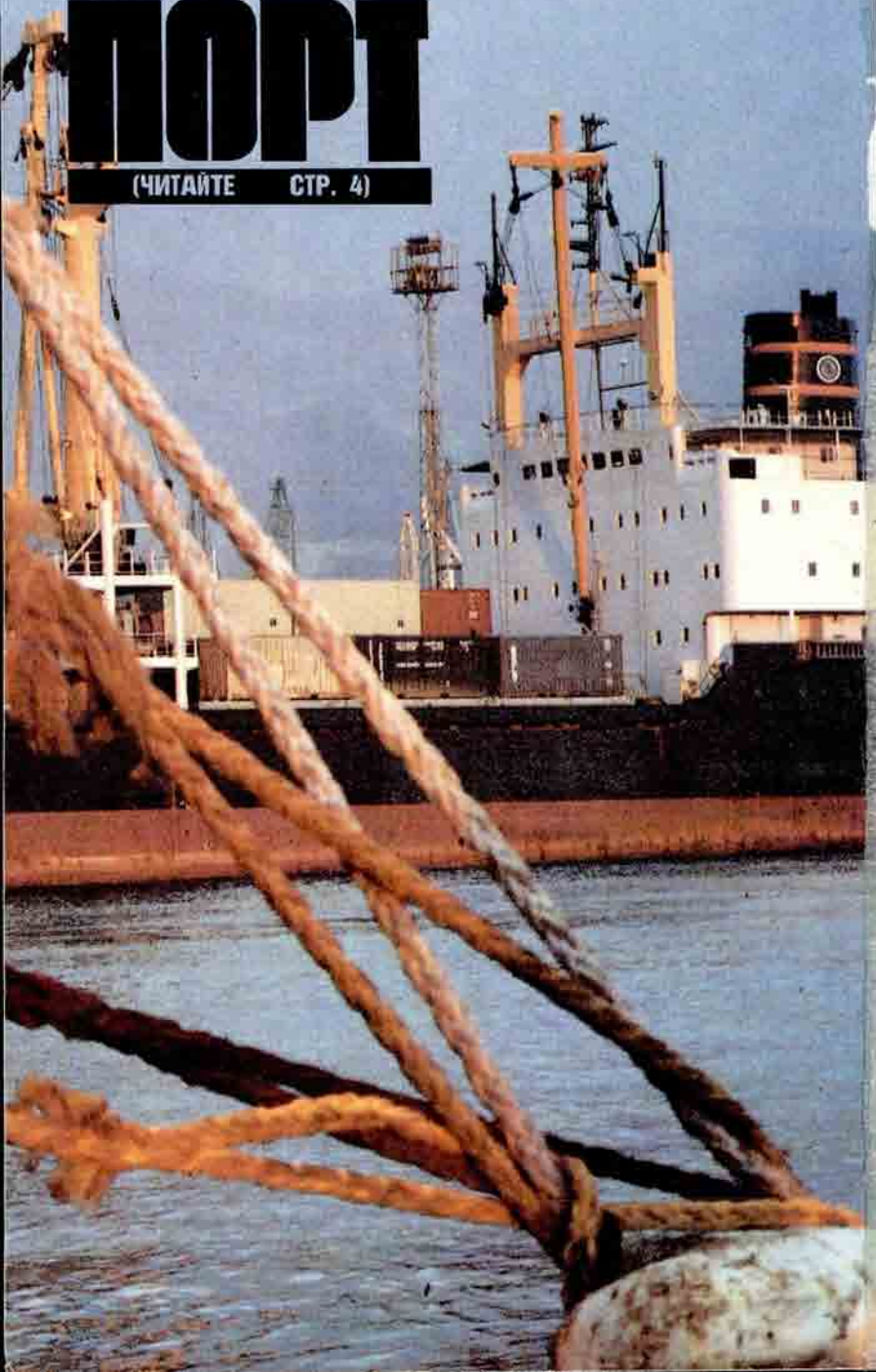
3'91

ЛЮБОВНЫЕ ПРИТЧИ

АНТОН АНТОНОВ-ОВСЕНКО. АТОМНЫЙ КОРОЛЬ СТИХИ ДАВИДА БУРЛЮКА

ПОРТ

(ЧИТАЙТЕ СТР. 4)

391 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНИУШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ВЯЧЕСЛАВ КОПЬЕВ
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

АЛЕКСАНДРЫ ГУСЕВОЙ
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА

Технический редактор
ЕКАТЕРИНА ЗЮКОВА

Сдано в набор 24.12.90.
Подписано к печати 16.01.91.
Формат 84×108^{1/2}.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 706 031 экз. (из общего тиража
1 906 000 экз.).
Заказ № 6. Цена 1 р. 65 коп.
101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем.
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

3 (1517) МАРТ

© Издательство ЦК КПСС «Правда»
«Смена», 1991.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

194

УИЛЬЯМ ПИТЕР БЛЭТТИ. ИЗГОНЯЮЩИЙ ДЬЯВОЛА
Роман

30

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ. ЛЮБОВНЫЕ ПРИТЧИ ДЕРВИША ХОДЖИ ЗУЛЬФИКАРА

68

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ. ИДИ НА ГОЛГОФУ

ПОЭЗИЯ

15

ИРИНА ПУТЯЕВА

138

ДАВИД БУРЛЮК

СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. ПОРТ — ВОРОТА В МИР ИЛИ ДЫРА В ЗАБОРЕ?

48

АНТОН АНТОНОВ-ОВСЕНКО. АТОМНЫЙ КОРОЛЬ

144

АРКАДИЙ СТОЛЫПИН. НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ
К ПОРТРЕТУ АЛЕКСАНДРА II

148

МИХАИЛ ГЕЛЛЕР. ПЕРВОЕ МАРТА

155

НИКОЛАЙ РУТЫЧ. СУДЬБОНОСНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

МОРАЛЬ И ПРАВО

19

«Я ХОТЕЛ БЫТЬ ПОПОМ». МОНОЛОГ ЗЭКА, БЫВШЕГО
«АФГАНЦА»

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

28

НИКОЛАЙ БЕРЕЗИН. ВАДИМ УСЛАНОВ

На нашей
обложке:
Фототюд
ВЛАДИМИРА
ПЧЕЛКИНА.

62

БОРИС ЗОТОВ. ДИОНИСИЙ

160

«УОРЛД ПРЕСС ФОТО-90»

178

МЫСЛИТЬ МНОГОГОЛОСНО. БЕСЕДА С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ И ГЛАВНЫМ ДИРИЖЕРОМ БОЛЬШОГО ТЕАТРА АЛЕКСАНДРОМ ПАЗАРЕВЫМ

191

ЕЛЕНА АГАШИНА. ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ ПО МОТИВАМ ТЕКСТИЛЯ

СПОРТ

286

БОРИС АНДРЕЕВ. ЗАЧЕМ ИМ ЭТО НУЖНО

27, 61, 136

ВАШИ ПИСЬМА

282

КРОССВОРДЫ

4•91

3

■ **ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ.** «Конец королевы».

Детективная повесть чехословацкого писателя, в центре которой загадочное убийство девушки...

■ **ЮРИЙ КАМИНСКИЙ.** «Под фанфары». Известные эпизоды рекордного перелета самолета «Родина».

■ **АНДРЕЙ БАТАШЕВ.** «Магадан—Майами». Очерк о трудной судьбе знаменитого боксера Виктора Рыбакова.

■ **ЛАРИСА МИЛЛЕР.** «А если был июнь и день рождения...» Воспоминания об Арсении Тарковском.

■ **КЛИФФОРД Д. САЙМАК.** «Ван Гог космоса».

Фантастический рассказ

■ **ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ.** Дельвиг

■ **БОРИС ЗАЙЦЕВ.** «Веселые дни». О создании и разгроме в 1921 году Всероссийского комитета помощи голодающим повествует его участник, выдающийся русский писатель.

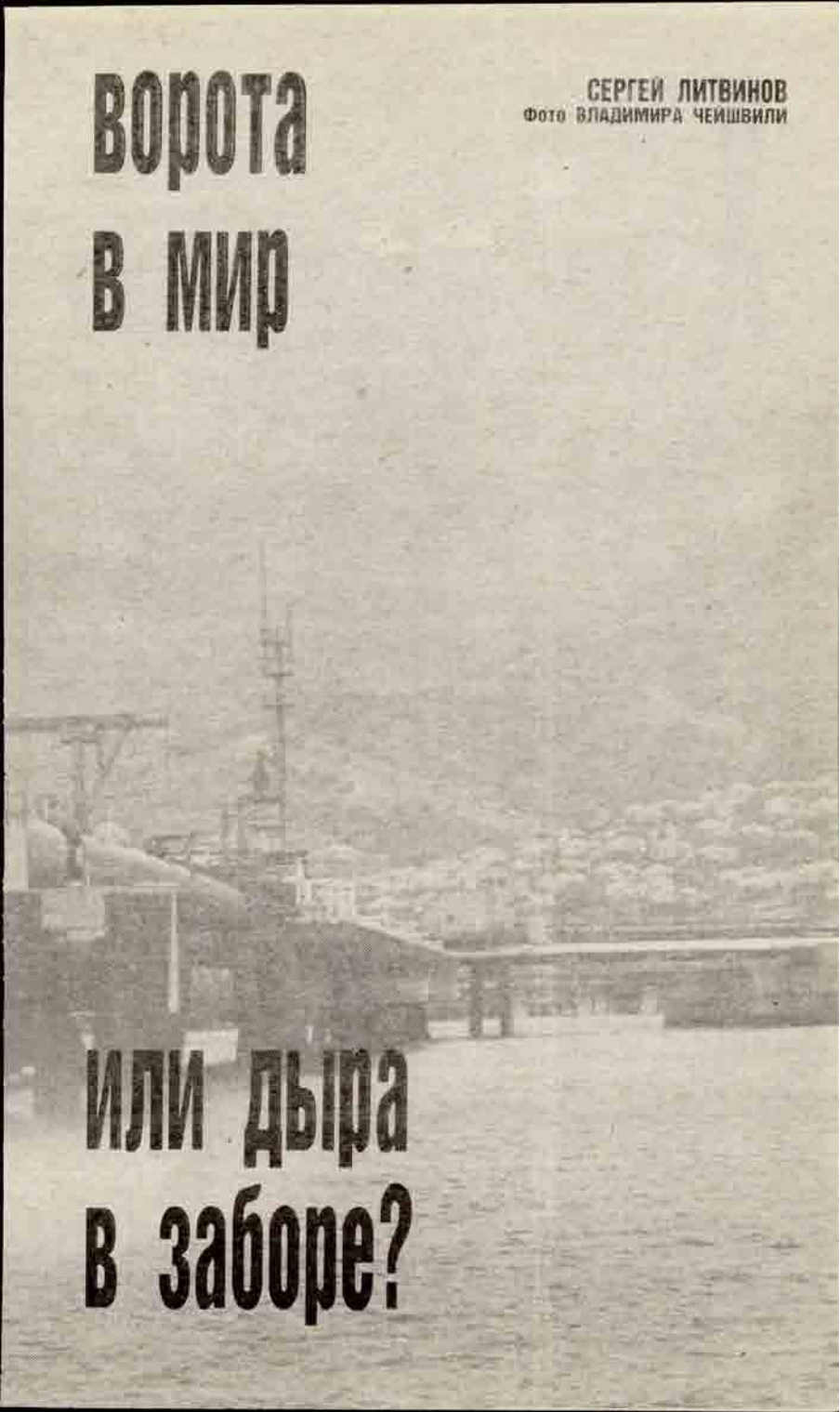
АНОНС:

порт:

Ворота в мир

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕИШВИЛИ

или дыра
в заборе?

Котелось подняться вместе с лоцманом на капитанский мостик, побывать с пограничниками и таможенниками на приемке судна, посмотреть на работу докеров...

Но все дни, что мы провели в Новороссийске, бушевал свирепый норд-ост. Порт был закрыт.

Начальник над всеми лоцманами — Георгий Леонтьевич Попов, лет пятнадцать до этого проработал капитаном крупнотоннажного судна.

— Где тяжелее?

— Здесь. Там за один пароход отвечаешь, а тут...

ПРДС — пост регулирования движения судов — находится в рубке, отрезанной от списанного танкера и стоящей на молу. На экране локатора — всплески: суда на рейде. Большая карта Цемесской бухты, на ней (там, где граница порта) отмечены точка встречи лоцманов и путь между двумя опасными банками, по которому должны идти пароходы. Впрочем, без лоцманов обходятся маленькие суда и «пассажиры», которые часто бывают в порту и знают бухту как свои пять пальцев. (Без лоцмана шел в роковую для себя ночь и «Адмирал Нахимов».)

— А если бы «Нахимов» столкнулся с «Васевым» в пределах порта? — спрашиваю у Попова.

— Я бы тоже сел лет на пятнадцать. Вот и судите, где тяжелее...

Лоцманская служба — самая выгодная для порта. Четырнадцать лоцманов зарабатывают ежегодно два миллиона «деревянных» рублей и миллион инвалютных.

— Но этих денег мы не видим, — вздыхает Попов. — Во всем мире лоцманы пользуются вертолетами, быстроходными катерами. А у нас?.. Нормальных спасатель-

ных жилетов купить для лоцманов не можем...

После того как лоцман закончит свое дело, на пароход поднимается комиссия по приемке. В ее составе: врач (первый вопрос: «Больные на судне есть?»), представитель карантинной службы сельхозрастений, ветеринарной карантинной службы, пограничники, таможенники.

Больше всего хлопот у таможенников.

Рассказывает Анатолий Петрович Каток, начальник отдела борьбы с контрабандой:

— Осмотреть все судно, как вы сами понимаете, мы не можем: там десятки помещений. Для досмотра выбираем одно-два. Какие? Это зависит от интуиции таможенника, его шестого чувства. Наиболее распространенная контрабанда, которую провозят советские — порнография и оружие (баллончики с газом). А вот иностранные суда мы практически не досматриваем: за последние лет десять «иностранцев» досматривали всего пару раз. Зарубежных моряков (а часто и советских) ловим с контрабандой на выходе с территории порта. Пытаются провозить советские деньги, наркотики... Сейчас появился новый вид контрабанды, причем самой серьезной — контрабанда экономическая...

Изучая сертификат качества, предъявленный объединением «Краснодарпищескоопснаб», таможенники обратили внимание, что там есть допечатка, сделанная другой машинкой. Начали раскручивать это дело и выяснили: объединение пыталось вывезти лес на двадцать тысяч рублей более дорогой, чем заявляло. Ответственный работник «Краснодарпищескоопснаба» пошел под суд. А недавно случилось аналогичное

дело — импортеры занизили на двести тысяч рублей фактурную стоимость вывозимых товаров народного потребления.

Разговаривали мы в уютном особнячке, где шел ремонт. Таможне наконец-то дали новое здание. Раньше она ютилась в четырех смежных непригодных помещениях. Таможенники в один голос говорили мне, что Министерство внешней торговли, которому прежде подчинялась таможня, многое сделало, чтобы развалить эту службу. Теперь таможня начинает возрождаться. Вот и новороссийцам Главное управление государственного таможенного контроля выделило триста тысяч рублей для того, чтобы создать нормальные условия.

— Многие, правда, еще не понимают, — сказал начальник Новороссийской таможни Анатолий Дмитриевич Хмелевский, — что наша служба весьма выгодна. Если в 1988 году мы имели 563 тысячи рублей чистого дохода, то к концу 1990 года получим около десяти миллионов и миллион рублей инвалютных. А инспектор наш получает двести «рз» ежемесячно. (Его едва ли не при каждой проверке пытаются подкупить...) Кстати, в Америке оклад таможенника — сорок — пятьдесят тысяч долларов в год... Позарез необходимы рентгеновская аппаратура, ЭВМ, копировальная техника. Да и расширять таможню надо. В СССР всего восемь тысяч таможенников, а, например, в ФРГ (в старых границах) было тринадцать тысяч. Таможня, повторяю, — очень выгодное дело.

Порт немыслим без буксиров, катеров — так называемого портфлота. Здесь, в Новороссийском порту, четырнадцать буксиров, семь рейдовых катеров, семь катеров пассажирских, есть плавучий

кран, мусоронефтеборщики, бункеровщики и масловозы для заправки судов...

Увы, в парокходствах портфлот считается, как правило, флотом третьего сорта. Вот что, например, пишет в ведомственном журнале «Морской флот» капитан-наставник портфлота Ю. Алексеев из Ялты: «Малый пассажирский флот оказался вне внимания других отделов и служб Министерства морского флота и парокходств, хотя... он основной флот по количеству перевозимых пассажиров (примерно 95—96 процентов всех пассажирских перевозок страны). Большинство приказов и других руководящих документов по безопасности мореплавания касаются крупнотоннажных судов, например, в приказе ММФ 1985 года «О мерах по предупреждению аварийности на флоте» о судах портфлота ничего не говорится... Из 69 пунктов организационно-технических мероприятий Черноморского парокходства по предупреждению аварийности на судах на 1988 год только четыре пункта, да и то с натяжкой, можно отнести к судам портфлота. То же самое можно сказать о приказе на 1989 год... Многие судоводители и судомеханики окончили мореходное училище 10—15 и более лет назад и с тех пор ни разу не были ни на курсах усовершенствования состава, ни на радиолокационных тренажерах... Более примитивные электронavigационные приборы трудно себе представить. Только один путевой магнитный компас, с помощью которого даже пеленг невозможно взять. Я не говорю уже о радиолокационной станции, эхолоте, лаге, авторулемом. Даже ручного лота нет».

Конечно, не о таких парокходах мечтал сменный помощник Сергей Мартыничев, когда заканчивал десять лет назад Новороссийское

высшее инженерное морское училище. Но кому-то управлять «Леонидом Собиновым», кому-то — буксиром. В Новороссийском пароходстве слишком много судоводителей, больше, чем вакансий на крупнотоннажных судах. Можно, конечно, переехать в Мурманск или на Дальний Восток, но вот Сергей выбрал другой путь. Окончил добавок к своему первому образованию мореходную школу. Стал не только судоводителем, но и механиком. И — десять лет на буксире.

«Кто спасал пассажиров затонувшего «Нахимова»?» — спрашивал я у друзей. «Спасатели», — отвечали мне. — «Пограничники», «Курсанты»...

И никто не вспомнил портовиков...

А они между тем первыми были на месте катастрофы. Представьте: норд-ост силой семь баллов, штормовое море, краска, нефть и обломки на поверхности, изнемогающие люди на волнах... И всем не приспособленные для спасания суда, на которые матросы втаскивали и втаскивали живых и мертвых...

Лоцманский катер «ЛК-90» спас 84 человека, буксир «Тайфун» — 160 человек, пассажирский катер «Базальт» — 114 человек, буксир «Марс» — 50 человек, буксир «Балтиец» — 35 человек, буксир «Бесстрашный» — 29 человек, пассажирский катер «РК-34» — 96 человек... Спасали, не думая, конечно же, об орденах и медалях.

Правительственная комиссия под руководством Гейдара Алиева, расследовавшая катастрофу, записала в своем решении, что никто из работников Министерства морского флота, принимавших участие в спасательных работах, отмечаться государственными наградами не будет. (Военнослужа-

щие, участвовавшие в спасении, получили их.) Справедливости так и не дождались бы, если б не человек, проработавший на морском флоте больше 60 лет, — Алексей Дмитриевич Кузьмин. Он бомбардировал письмами Министерство морского флота. Коллегия Минморфлота, ссылаясь на решения алиевской комиссии, ходатайствовать о награждении отказывалась. И только когда Кузьмин сам обратился в Верховный Совет СССР, пришло положительное решение: в августе прошлого года Президент СССР подписал указ, по которому портовики получили ордена и медали.

На причале выгружали из вагонов на склад цемент, предназначенный на экспорт. Разговорился со звеньевым бригадиром докеров Владимиром Калабиным:

— Сейчас в порту мертвый сезон (беседовали мы в конце октября. — С. Л.). Основной наш груз — зерно — идет с декабря по июль, когда за рубежом амбары расчищают под новый урожай. А нынче работы мало. Нас то на овощную базу бросают, то мы с метелками по причалам ходим. На все руки мастера! У нас шутят: докер, если понадобится, даже роды примет. Да и потом зарабатывать много и в сезон тоже резона нету. Поднапряжешься — расценки срежут. Такое уже бывало... Еще о наших «болячках»? Начальство как выберет передовую бригаду — у нас тоже есть такая, — так ей все: и технику, и работу повыгодней. А нам — шиш... Начальник порта, когда мы его выбрали, нам обещал: «Грузы будут в основном пакетированные». Их, сам понимаешь, грузить удобнее. Пообещал, выбрали его — и... где они, пакетированные?

К разговору подключились другие докеры.

— Разгрузить вагон цемента вручную стоит тридцать рублей, а с помощью механизмов — семьдесят. Это показатель: о технике наше начальство думает больше, чем о людях...

— Бытовки жуткие. На других предприятиях сауны есть, а у нас в душе горячая вода не каждый день...

— Просили будку сделать на причале, чтобы мы грелись в холода, — никак не возьмется...

— В столовой во вторую смену и в субботу, воскресенье есть нечего. На других предприятиях работающим мясо продают, картошку, а у нас нет...

Много еще жалоб услышал я. Тут и вспомнил разговор с главным инженером Валентином Павловичем Коржом. Он говорил, что порт собирается строить базу отдыха в Кабардинке: два корпуса, бассейн с морской водой. Не лучше ли сначала, Валентин Павлович, бытовки привести в порядок?

В позапрошлом году коллектив порта выбрал нового начальника. Валерия Львовича Быкова — первого руководителя порта, который обедает в рабочей столовой.

Быков рьяно взялся за строительство жилья хозспособом (жилищная проблема для портовиков самая острая: процентов восемьдесят посетителей на приеме по личному вопросу просят жилье).

Хозспособом портовики строили до 1982 года, потом прежний начальник прекратил этим заниматься. Разбежался ремонтно-строительный участок — в нем было 250 человек, а осталось 120. Теперь хозспособ возрождается...

Новороссийск — крупнейший порт. Внезрядный, как Ленинград, Одесса, Ванино... Годовой грузооборот — 10,2 миллиона

тонн. Из них 9,7 миллиона — экспортно-импортные грузы. Можно сказать, сюда все флаги мира заходят...

Работа в порту сезонная. Зерно идет с декабря по июль. В это время порт лихорадит: не хватает вагонов. По восемь—десять парходов с зерном стоят на рейде, ждут своей очереди. А сутки проста — штраф от восьми до тринадцати тысяч долларов...

Начальник порта В. Л. Быков:

— Новороссийск — единственный южный порт России. Если развитие республики пойдет, как задумывалось, то лет через пять Россия станет мощным экспортером. Возникает вопрос: как отправлять эти грузы? Нужно уже сейчас думать о развитии порта, расширять его, увеличивать складские помещения, развивать подвозку и вывозку автомобильным и речным транспортом (железнодорожные пути отдавать только остаток груза). Для этого необходимы либо целевые капиталовложения, либо надо оставлять нам большую часть прибыли... Говорят, порт — это ворота в мир. А мне порой думается, что наш-то не ворота, а так — дыра в трухлявом заборе. Обидно, конечно...

А ведь уже собирались строить второй нефтяной терминал, комплекс по поставке на экспорт серы... Однако Новороссийский горсовет посчитал, что это ухудшит экологическую обстановку, и запретил строительство.

— Как можно говорить об ухудшении экологии, если проекты прошли экологическую экспертизу?! — горячится Быков.

А может, тут дело в другом? Развитие порта не дает ни рубля, ни доллара в городскую казну...

Если пройти по причалам, то увидишь: все они завалены грузами. На многих контейнерах трафа-

реты: «Получатель — Ирак». (Все в мире взаимосвязано — кризис в Персидском заливе аукнулся в российском порту: грузы, предназначенные в Ирак, теперь придется отправлять обратно.)

Есть и еще контейнеры, забирающие склады: теперь, когда многие предприятия получили доступ на внешний рынок, они посылают товар на экспорт, еще не найдя покупателя. Вот и лежат 131 контейнер с изолирующими материалами, 191 контейнер с лампами, 28 контейнеров с холодильниками... Разве у нас холодильники и лампы не дефицит, что мы их продаем?

Еще до командировки в Новороссийск я встретился с начальником отдела организации работы портов Минморфлота СССР Владленом Моисеевичем Бельковцом.

— Представим на минуту, что перестали вдруг работать все двадцать шесть портов страны. Значит, замрет почти вся внешняя торговля — через порты проходит ежегодно 92 миллиона тонн экспортных грузов и 76 миллионов тонн импортных. Это неизмеримо больше, чем перевозка железнодорожным, автомобильным и авиатранспортом... Кроме того, в стране есть такие города — в Арктике, например, — куда, как говорится, «только самолетом можно долететь». А груз доставить — только морем. Поэтому перерабатываются еще 95 миллионов тонн каботажных грузов. Все это не считая нефтеналива.

Но порты наши несравнимы с портами развитых морских держав. По протяженности причалов, по грузообороту один лишь Роттердам больше всех портов страны, вместе взятых.

...Мы становимся все более открытой страной. Растет — и, наоборот, будет увеличиваться

в геометрической прогрессии — внешняя торговля. Значит, надо развивать порты. Это же так естественно! (Они, между прочим, уже перекрыли свои проектные мощности.) А у нас порты практически не растут. Подотрасль капиталоемкая. Чтобы выстроить причал, надобно несколько миллионов рублей. Техника тут, как правило, импортная — наша не выдерживает нагрузок... С введением самофинансирования порты попали в ловушку. Централизованных капиталовложений уже нет, а заработать сами они еще не могут. Дело в том, что тарифы, установленные на перегрузку, таковы, что с 40 процентами грузов порты работают себе в убыток. Будем надеяться на рынок, когда начнут действовать договорные отношения...

Еще одна проблема. На Западе все грузы — в пакетах, контейнерах. А у нас, как правило, россыпью. А что это значит? Взял вручную мешок в семьдесят килограммов, перегрузил на склад, со склада — на пароход... А пакет? Подъехал погрузчик, зацепил поддон... Но наши внешторговцы экономят валюту, закупая товар россыпью. И хоть бы кто посчитал — может, ту экономию напроць съедают потери при перевалках!..

В московском «Детском мире» ломились за импортными курточками.

Людям и невдомек, что появление-непоявление на прилавках этих курточек (а также бананов, сахара, картошки и многого другого) напрямую зависит от того, что делается в доме через улицу — Министерстве морского флота СССР...

Мы уезжали из Новороссийска утром. Ветер стих. По зеленому зеркалу моря шел в порт пароход под советским флагом...

ИРИНА ПУТЯЕВА

Разве так руки сложишь,
 чтобы — вселенной вдоль?
 Нам не хватает кожи
 чувствовать чью-то боль.
 Нам не хватает робости,
 чтобы любить так,
 чтобы — сводило пропасть
 музыке в такт.
 Слушайте нас, любимые,
 ведь на любой волне
 мы лишь
 не-пов-то-римые,
 не-пов-то-римые,
 не...

Был не прибран диван, и не заперты двери,
 и качалась пальма, как страуса перья,
 и дышали июлем и взгляды, и звуки,
 и ловили мгновенья летящие руки.
 А когда на минутку ослабли объятия
 и вспорхнуло на стулья испуганно платье,
 сквозь прозрачную кожу стыдливо, несмело
 обнажилось второе астральное тело.

Тщетно маски душа подбирала к лицу...—
так наряды, что бабка хранила к венцу
подрастающей внучке, за долгие годы
были съедены молью и вышли из моды.

Растаявший пролог
заснеженной зимы,
Ты — нищий без сумы.
Ты — путник без дорог.
Как будто и не я,
губами полоснув,
белее шнел
без памяти усну
на кончиках аорт.
Последний мой аккорд,
ты не звучишь давно.
А мне в ночи дано
горящее одно
бездомное окно.
Там, пламя волоча,
как вырванный язык,
горит моя свеча,
пришедшая на крик!

В зеркалах застыли залы.
Бьют шампанского фонтаны.
А в руках цветут бокалы,
точно знойные тюльпаны.
И героями Де Сада
переполнен мир вольготный:
вверх ползет рука досадно,
точно стрелка на колготках...
В вечных гонках поколений,
боже мой, не дай разбиться...
Окровавлены колени,
как подстреленные птицы.
Смотрит девочка устало:
отгулила, отлетала —
шумно годы размотала
в ритмах рока и металла.
Спят вчерашние поэты.
Наклонилась над луною,
как старушка над монетой,
ночь с дырявою сумою.

РЕИНКОРНАЦИИ (переселения душ)

Как дольки мандарина,
потухшие уста

Марии-Магдалины,
не встретившей Христа...
Тускнела паперть медью.
Рябина в сентябре
средневековой ведьмой
сгорала на костре.
В цепочке инкорнаций
неведомые коды.
Мы вечные скитальцы —
Синбады-мореходы.
Перед отплытием в Лету
душа в ночи скорбела
очнувшейся Джульеттой
над бездыханным телом.

Тихо с ангельских крыл слетает
вековая пыльца.
Закодирует память тайну
воскового лица.
Разбредутся пути окольные...
Но за что же расплата?
Молчаливые колокольни
на ветрах российских распяты.

Свет потухшей звезды
из галактики глаз —
как по сердцу следы
в непредсказанный час.

И сгорают дотла
чьи-то губы и платья...
В нас любимых тела,
точно гвозди в распятых.

Отчего в лабиринте,
сокрытом в груди,
я не вижу
обещанный свет впереди.
Возносились
в Дантову пропасть постели —
в плоть входящая плоть,
точно поезд в туннели...
Мы в минуты затмения,
изменчивой ночью,
как слепцы,
постигаем друг друга
на ощупь.

От голубой искры
в прыжке,
как парашют,
я вспыхну,
если ждут...
«Что ж купол не раскрыт?»
Мне над тобой кружить
и горько сознавать:
не научившись жить,
мы учимся летать.
Все расписав по дням,
«Люблю!» сказать спешим,
постыдно простыням
доверившись чужим.
Лежим:
глаза в глаза,
летим:
лицо в лицо...
О!
не рвануть бы
за
холодное
кольцо...

Начни любить,
начни,—
где сна не обрести,
где —
паузой пока
в твоей —
его рука,
где из сожженных струн
на вечный небосклон
взойдут
сто
тысяч
лун,
звучащих в унисон!

«Я ХОТЕЛ БЫТЬ ПОПОМ»

**ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО
ВОИНА-«АФГАНЦА»,
ОСУЖДЕННОГО
НА ДЕСЯТЬ ЛЕТ
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
В ИТУ
УСИЛЕННОГО РЕЖИМА**

от трянуло и меня, словно триста восемьдесят вольт хапнул. А был бы в резиновых перчатках, то обошлось бы. Только их у нас не выдают... Снятся ребята нельзя сказать что часто, но одно время, этой зимой, зачистили портреты. Приходят в основном живые, и вижу только одно лицо, как на фотографии. Я попросил маму, и она выслала

мне фотки. Сейчас вроде перестали сниться. Эдика из Риги видел не один раз. Это мой товарищ и первый погибший. Был вылет на «вертушках», и никто не знал, что на обычном контрольном выходе завяжется бой. Снилось его лицо: он лежит в цинковом гробу, и я наклоняюсь близко к смотровому окошку, а у него по глазам ползает муха — видно, попала при закрытии гроба. Я разбиваю стекло, чтобы убрать муху, — бледное лицо становится черным... С мухой действительно было на самом деле. Мы ездили за Эдиком в морг и, когда искали среди гробов своего, нашли только по тельняшке — благо там он один десантник был. Свет был тусклым, а когда вынесли на улицу — лежит и спит, не больше. И вот эта муха. Я так запомнил ее, что она и приснилась. А здесь еще все в один голос закричали, что война неправильная, жертвы ненужные!.. И получается: родился человек для того, чтоб упаковали его в железо, как тушенку, и закопали не с крестом на шее, а с афганской мухой на лице...»

Судьбы многих бывших воинов-«афганцев» трагичны. Конечно, есть исключения, но сейчас речь идет о тех, кто, уцелев на этой страшной войне, не только не смог устроить свою жизнь на родине, но и совершил преступления...

Так, например, в исправительно-трудовых учреждениях Ярославской области — двадцать бывших «афганцев», осужденных к различным срокам лишения свободы. Сидят за грабежи, разбои, убийства, изнасилования...

Было бы наивно полагать, что преступниками их сделал Афганистан, хотя почти все осужденные говорят именно так. Как и любая война, афганская распалила животные инстинкты у людей, в том числе и у наших ребят. Вот судьба одного из них.

«Бирюков Александр Алексеевич, 1961 года рождения, русский. Осужден по ст. 146, ч. 2, п. «а», «в» (разбой. — В. Л.), ст. 108, ч. 2 (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего. — В. Л.). — Срок — 10 лет. Начало срока: 28.04.1988 г. Условно-досрочное освобождение и условное освобождение не применяется. С момента прибытия в учреждение из СИЗО г. Загорска, где допустил ряд нарушений, имеет ряд поощрений за хорошее отношение к труду и активную общественную работу. По характеру хитер, разговорчив. Физически развит хорошо. В среде осужденных уживчив. Пользуется авторитетом. Занимается физической культурой, много читает. Состав преступления признает частично и считает, что осужден необъективно».

— У меня своя линия жизни... Что за линия? Она тянется с детства. Вот когда я ходил в школу, мне там ничего не было интересно. Привлекали только сильные и физически крепкие люди. Я обожествлял физическую силу и красоту тела. Хотя по физкультуре у меня не было никаких достижений, нашу физкультуру я считал дебильной: руки вместе, ноги врозь, попрыгали, побегали... Но когда окончил десять классов, то

хотел быть не врачом, не космонавтом, а попом. Почему? Я с бабушкой очень часто ходил в церковь, а потом и меня самого туда тянуло: там было все правильно, как и должно быть по жизни. Я видел, как там все естественно, видел, что туда люди приходят с болью... В Бога, пожалуй, верил, но не понимал многого, да и молитв не читал. Схожу с бабушкой на час-полтора, и этого мне достаточно. А когда выхожу из церкви и опять попадаю в окружающую действительность, то становлюсь таким же, как и все остальные: верил только себе и в себя... Поэтому, наверное, и в духовную семинарию не пошел. Улица и наша атеистическая пропаганда были настолько сильны, что я раздвоился. А тут еще кодла у нас была, человек двадцать — тридцать, свои лидеры, свое движение. В конечном счете она-то и определила мою линию.

Я пошел в спортзал и стал «качаться». Потом призвали в армию. Сначала были лагеря. Полгода в них побыл и... в Афганистан. Для меня это было полной неожиданностью. Накладочка вышла. До того, после удачных учений, я был поощрен отпуском и съездил домой, где распился с одной женщиной, а тут — на тебе — Афган! Я места себе не находил, обегал все, что можно, обивал пороги до последнего. И когда уже пришел туда, где решают окончательно, мне сразу в лоб: «Что, боишься?» Боюсь, говорю. А что вы хотели? Если б знал, не женился. А они: «Мы уже ничего не можем сделать, ты в списках». У меня все и оборвалось. Махнул рукой и решил, что теперь придется, как всем. Поехали мы туда какой-то пьяной чумной толпой. Все продавали, со всеми прощались. Ехали уже все обреченные. 26 декабря 1979

года высадились недалеко от Кабула. Зима прошла без единого выстрела, как-то вспаячку. Только вот месяца два не мыслили и мерзли. Нам говорили, что там пальмы растут... А зима оказалась пострашнее советской. Только и знали, что благоустранивались: ставили брезентухи, рылись.

Поначалу кормежка была такая!.. Хлеб — что клейстер. Здесь — райский хлеб, если б мы такой там ели! Потом, правда, намного лучше стало, да и дела сильно пошли. По нарастающей. Мы въезд в Кабул охраняли, пакеты возили, офицеров при Кабуле сопровождали, потому что уже постреливать начали. По первости мне очень понравилось играть в эту войну. А потом, когда вылеты начались, все закрутилось, уже не до шуток. Летом совсем весело стало: положим, где-то обстрел, завалы, машины горят — мы туда на «вертушках», караваны шмонать.

Шмотки у нас были, это без проблем. На кой нам деньги, если мы на операции вылетали? Шмоны — это была наша зарплата личная. Как должное. Особенно когда у нас ранения были или, не дай Бог, кто-то погибал, то мы забирали все, подчистую...

Мародерство, не мародерство — не было у нас такой морали. Погиб человек — и готовы были на все. Вообще всё крушили. Ну а когда хорошая вещь лежит, тут уже чисто подсознание срабатывает. «Айва» там или «Шарп» стоит, джинсы или тряпка красивая — взял с собой и пошел. Да, поначалу особисты работали, отнимали, а потом рукой махнули: ну что сделаешь, они же на операции были! И, по-моему, они боялись нас. А еще там такие жиганы были, ну чистые жиганы — где стрельба, там и они!.. А были и такие — где стрельба, там их никогда не вид-

но. Вот тогда-то у меня и характер здорово поменялся, тогда и начала определяться эта самая своя жизненная линия. Если, положим, взять линию мародерства, то здесь все четко распределялось. У нас это все само по себе шло: бой прошел, что осталось — прошмонали и забрали. А потом, когда ребята гробы на родину отвозили, мы все это барахло родственникам погибших передавали. А гады, которые специально этим занимались, чистым мародерством — специально убить, чтобы взять, — они в нашем разведбате не воспринимались. Наши просто деревню прошмонали и ушли...

Такие откровенные признания в «гуманном» мародерстве (специально не убивали, чтобы взять) я слышал от каждого осужденного «афганца», с кем удавалось беседовать. Но вот показания другого рода:

— Часто ходили по кишлакам за анашой, героином, вещами...

— То есть в самоволку, чтобы грабануть?

— Это не в самоволке — непосредственно на операции: грабили и мародерствовали.

— За это как-то наказывали?

— Как правило, все сходило с рук. Если мы знали, что непосредственно возле этого кишлака остаемся на ночлег, то, как правило, свидетелей в живых вообще не оставалось. Если где-то в доме грабим — всех расстреливали.

— Вы принимали участие?

— Я был вместе со всеми. Правда, если где-то офицер с нами, то, естественно, он не позволял, чтоб на его глазах...

— И детей расстреливали?

— Детей, как правило, совсем маленьких, никто не трогал... Ну а там если ему пятнадцать-шестнадцать лет и он бежит, то... А так, как правило, у кого оружие видели, всех убивали...

«Как правило...» Что же это была за «интернациональная помощь афганскому народу», если, «как правило», творили такое? Но вернемся к Бирюкову, к тем обстоятельствам, которые формировали его линию судьбы. Ведь он, как и многие десантники, был уверен, что охраняет южные рубежи Отечества, и шел в атаку со словами «За Родину!».

— Когда стали возвращаться ребята, которые на «Черном тюльпане» гробы в Союз отвозили, то настроение у нас резко упало. Парень наш приехал, Колька, он рассказывал, как нашего брата хоронят, что все это делается тихо, ночью, чтобы люди не знали. Нет, чтобы по сигналу, как положено, как мы провожали. Ну, это как долг. Мы просто тогда раздавлены были: что же это происходит? Ведь что самое тяжелое — когда вместе со всеми у гроба стоишь, так вот на всех смотришь и думаешь: каждый из нас может быть там и должен быть там. Вот я с Эдиком, ведь он вместо меня пошел... Вот тогда и думаешь: быстрее бы операция, и я возьму не семь магазинов, а десять, и как можно больше!.. Только мстить, только одно... И какое там воспитание, и кто нам будет преподавать: так это или не так? И зачем нам это нужно? Мы видим реальность: наших убивают — значит и мы должны убивать. Меня иногда спрашивают: где легче — там или здесь, в зоне? Не знаю, где легче, но там было проще. Там сразу все видно: кто трус, кто нет. Здесь можно как угодно все преподнести: плохое выдать за хорошее и наоборот. А там — нет. Некоторые даже сами кричали: «Какой я был сволочью!» А однажды одного человека десантник просто за рукав взял и за себя поставил. А потом у десантника ранение обнаружилось. А у человека после

этого сдвиг по фазе пошел: «Как это ты меня собой закрыл? О чем ты думал?» А он: «Ни о чем не думал, я только видел, что тебя могут убить».

...Мать дома все глаза выплакала, жена с сыном дожидаться не могли. И вот наконец родная Ивантеевка. Афган, будь он проклят, позади...

Ну, сначала помыкался: то слесарем был, то шофером хотел стать, то еще кем-то. Но больше всего убивало сознание какой-то серой рабской перспективы: дом — завод, завод — дом, воскресенье — парк, ливо, понедельник — опять завод... Замкнутый круг! Я вдруг понял, что повторяю отца, его брентную судьбу — от зарплаты до получки, постоянную нужду, рабское смирение перед обстоятельствами. А рядом люди жили красиво: модно одевались, ездили в «тачках». И в итоге встретил одного человека, он работал мясником и жил — во! Глаза у меня на лоб полезли: как это так? И денег у него полные карманы, и ребенок его лучше моего ходит, и свободное время интересно проводит — бассейн, турпоездка, бани... Словом, живет, как хочет, и работа непильная: смену отработал — два дня — двести пятьдесят колов. Думаю, вот это да, дай попробую. А мне говорят: учиться надо три месяца. Я с женой — то да се, а она ни в какую! Она-то сама в торговле работала, всю кухню изнутри знала. «Нельзя тебе с таким характером, не выдержишь, слишком горячая голова». Так я тайно от нее на учебу ездил, стал тайно мясо домой приносить. А потом, когда узнал, как надо работать, так по наклонной и покатился: кабаки, женщины, деньги неизменные. К жене приезжал, чтоб от ребенка откупиться. Считал, что так и должно быть: после Афгана я должен ка-

питально пожить, погулять. Ну, так и до развода дошло. Втянулся в веселую карусельку и жил одним днем: без ресторана, без девочек уже и жизни себе не представлял. Накопительством не занимался, просто жил свободно и красиво: «бабки» как приходили через правый карман, так и уходили через левый. А потом как-то престижно было мясником-то быть!

— *Так ты же попом мечтал...*

— Какой же из меня поп после Афгана? Даже смешно. Я и раньше-то вспыльчивым был, а после такой мясорубки и подавно: если вижу, что не прав человек — сразу ему в лоб. Помню, гуляем мы как-то на свадьбе, а один парняга все домогался. А мне говорят: «Саня, ты его успокой, он тебя послушает». Ну, я ему раз сказал, два сказал, а потом его со стороны предупредили, что я «афганец». А он повернулся в мою сторону и кричит: «Да я тех, кто там служил, на х... видел!» Как я это услышал, сразу решил, что буду бить до тех пор, пока не оттащат. Так я сто девятую и схлопотал — умышленное телесное повреждение. А потом еще по двести шестой возбуждали. Бывшего мужа своей жены помесил. Ехали мы как-то в автобусе, я был с ребенком на руках, ну, и она мне рассказала, как ее первый муж, пьяный, при людях по всякому обзывал, это когда я еще служил. И тут он в автобус заходит. Ну, я как в одной руке ребенка держал, так другой его пару раз и замочил — челюсть сломал...

— *А у тебя психиатрическая экспертиза была?*

— Да, конечно. Там очень четко написали: «Изворотлив, лжив...» Хитро написано.

— *Ну а сюда как попал?*

— Если по моей делюге, как у нас здесь говорят, у меня чи-

стая сто сорок пятая статья (грабеж) должна быть. Но так как у нас очень сильно борются с преступностью, у меня сто сорок шестая, вторая (разбой) и сто восьмая, вторая (тяжкие телесные). Это потому, что у нас следствие беспредельное, ну а суд...

Да что такое суд? Это так думают: поговорили, одно успели написать, другое. Но, оказывается, уже все было написано, а потом поговорили. И срок уже был написан. Правда, мне все же год за Афганистан скостили. Напарнику моему, эзку бывшему, тоже десять дали...

А преступление очень характерное. Встретился с одним товарищем, подчеркиваю, товарищем, выпили. Таксист подвез его к моему дому и спрашивает: «Саша, ты не знаешь наших «афганцев»? Вон у меня в машине товарищ-«афганец» интересуется». Я говорю: «Как «афганец»? А ну vedi его сюда!» А со мной еще был друг, ранее судимый, три года тащил. И у нас уже компания получилась. Товарищ просто ездил на тачке и искал, с кем из «афганцев» выпить можно и — по телкам. И у нас пошло: для меня «афганец» — это все. Сразу водочку, чтоб разговор был, поплакаться. Ну а когда побольше-то водочки выпили, я смотрю: а «афганец»-то фуфлыжный. Он себя выдавал за бойца, дескать, в операции ходил. Да и говорил очень умно вначале, было похоже, потому что есть такие вещи, по которым очень легко определить: ходил на операцию или нет. А «афганец» для меня, что называется, брат родной. А он был, оказалось, просто специалист по «вертушкам», очень крупный, за что в суде и просили одиннадцать лет. Ну, я отнял у страны хорошего специалиста... А в Афгане у нас к ним всегда ненависть была, потому что они как попр-

шайки: прилетаем с операции, а они: «Дай, дай!»

Ну, мы, значит, пили, пили, а потом он и говорит: «Я вижу, Саня, у нас все будет нормально, давай мне девчат». Я говорю: «О чем базар, сейчас сделаем».

Потом опять выпили. А здесь же зэк сидит, и у них началось: тот «афганец», а тот зэк...

Товарищ-то зэка учить стал: «Ты молодой, ты жизни не видел, ты не знаешь, что такое Афган...»

А у нас же не принято так кричать, что я, мол, «афганец» и т. п. И у них завязалось непонятное, я разнимал, потом подумал: надоел он уже, это не «афганец»...

Потом у них с зэком получилась драка. Ну, товарищ упал; подумаешь, был немножко побит.

Короче, Сергей избил его, я забрал деньги...

Денег — тысяча с чем-то.. Я когда еще брал их, Сереге так и сказал: деньги эти не его, мои, это он мне привез долг.

— Ты хочешь сказать, что ограбления не было? А суд тебя осудил за ограбление?

— Именно так. А скончался тот парень вообще при странных обстоятельствах. У них с Серегой-то обычная драка была. Я даже и особой крови не видел. Все было нормально. А когда его нашли, он был в одних трусах. Может, кто его забил и раздел. Я больше ничего не хочу говорить, срок есть, и все. Приписали, что это разбой, что организованно...

Перед этим я хотел начать новую жизнь, бурную деятельность. У меня сарай такой есть, в деревне, кирпичный. Отец его захламил, мы хотели там раньше поросят держать. Я этот сарай побелил, стоячки поставил: где поросятку приткнуться, где бычку... Долго его отделявал, и все своими руками. Решил, что пора со своей ли-

нией завязывать, потому что чувствовал, что уже все: и женщины, и ресторанички мне не интересны, и что-то уже мешает. И вот сижу я там, в этом чистеньком сарайчике, где-то дня за два, за три до случившегося, душа у меня радуется и вдруг... Я все отлично помню... Говорю своим голосом, но сам при этом не говорю, но слышу: «Да, Саня, а бычков тебе здесь не выращивать». Я даже испугался очень сильно, потому что я настолько мнительный в этом плане. Думаю: нет, нет, не может быть... И что самое интересное — подкосил только этот «афганец». Уже оставалось недели две до покупки поросят, уже было все готово. И вот вышел я в эту Ивантеевку и ходил, ходил, ходил... Кого я искал? И тут мне этого товарища подвезли... Значит, уже шла судьба, и от нее мне не суждено было уйти... А перед этим еще недели за две сидим мы за столом с братом, который тоже срок тащил. И я возьми да и ни с чего скажи: ты даже сесть не можешь толком, ну что такое три года? Вот я-то сяду лет на десять... И вот через пару недель в сарайчике, и потом «афганец»...

Да, не смог Бирюков пойти против судьбы, не смог удержать себя в водовороте обстоятельств, слепо следовал так называемой своей линии в жизни и где-то даже принимал ее как должное. Когда мы прощались, он принес странички из своего дневника. Вот что он писал по ночам.

«...Кому мы нужны, и кто сможет нас понять? Ведь никто не ответит на вопрос, за что мы воевали. Тогда, в восьмидесятом, я не задумывался над этим. Я смотрел на все, что меня окружало, сквозь прицел автомата и знал одно: буду медлителен, неточен — значит, холодный цинк. А за этим — мать, жена, сын...

Человек от природы наделен инстинктом самосохранения, который порождает страх смерти и ужас перед ней. Но больше всего я боялся не за себя, а за то, что будет с моими родными и близкими, если вдруг... Ведь они очень ждали и молились за меня. А я убивал, потому что я солдат. И, конечно, я чувствовал страшную вину перед теми женами, матерями и детьми, которые хоронили своих мужей, сыновей и отцов, погибших от пуль моего автомата. И мы, и они одинаково боролись за жизнь. Для нас они все были душманами, мы для них — оккупантами...

Мне часто казалось, что всему виной «Аврора», что однажды пальнула по Зимнему, и эхо ее залпа до сих пор отдается в нас. Как посрыгивали кресты и понатыкали вместо них фанерные звезды, как порубили топорами иконы, а вместо них — дешевые плакаты, как запели «Союз нерушимый...» — так и покатилося все к чертовой матери. Задушили все человеческое, и потому люди рождались уже с цепями на руках. Чуть повыше отцова колена стал — на тебе октябрятский значок, носи и будь достоин. Подросток выше отцова пула — на шею красный галстук, затяни потуже и будь достоин. И пошло, поехало... И если был достойным — держи партийный билет, грамоту на льготную жизнь. В те годы эта организация была на высоте. Тогда она была бессмертна! И разве тем «богам» было до нас? Разве они задумывались об искалеченных судьбах интернационалистов — слепых, обгорелых, без рук, без ног, без половых органов...

Раньше я говорил: будь проклята эта земля, этот народ, я ненавижу тебя, Афганистан! Десять лет спустя я говорю другое: будь

проклят тот, кто послал нас туда! Я часто вижу тех, кто был там со мной. Они сняты мне. И что интересно: сразу после Афгана бурная застойная действительность так настучала по голове, что вроде бы и забывать стал. А здесь снова всплыло и спать не дает по ночам. Вообще неволя отличается от воли тем, что за колючим забором есть много времени подумать, как-то определиться и научиться воспринимать свое собственное отношение к жизни. Здесь все встает на свои места, но это только здесь. Ибо для многих сладкое слово «свобода» — это такой наркотик, словом, если кто и выходит отсюда нормальным человеком, то только не с понятием, чтобы приносить пользу обществу, а скорее всего с намерением просто жить и не мешать другим. Но это единицы. Основная же масса выходящих отсюда — злые, серые, искалеченные и никому не нужные люди. Они продукт и результат наших жутких сроков, беспредела на следствиях, беззакония на судах. На мой взгляд, сейчас «афганец» и зэк — одно и то же лицо. Здесь и неустроенность, и злоба, и жажда мести. Потому что опыт показывает, что правды все равно не добьешься и все опять сойдет на невинном.

Ведь наша система расслоила общество: одни всегда работают (от слова «раб»), другие всегда виноваты, третьи — те, кто при голосовании воздержался, четвертые — уже прямые враги, пятые — кто плохо по-русски говорит и т. д. Четкая система стрелочника — прямо-таки целая наука. И коли попал под колесо, в немильность, нет тебе веры. Остался без ног — мы тебе костыли на день рождения подарим, книжицу льготную — живи не хочу... Вот что дал мне Афганистан. А научил он меня, конечно, многому. И если

выражаться точнее, война в основном не дает, не учит, а испытывает тебя как мужчину, как личность, как человека. Здесь нельзя лгать, здесь на каждом шагу чувствуется дыхание смерти, и поэтому отношения между людьми становятся более упрощенными, чистыми и естественными. А когда возвращаешься домой, под ясное мирное небо, то очень удивляешься, что тебя никак не могут понять те, кто там никогда не был. Конечно, в этом нет их вины. Просто психика и восприятие определенных ценностей у «афганцев» стали другими. А со стороны кажется, что это несдержанность, нахальство...»

Когда я миновал последние электрические двери с надписью «Входить не более 3-х человек» и оказался по ту сторону серебряных змей (названных «егозою»), обвивших несколько рядов колючей проволоки на изоляторах, то вспомнил вдруг слова Саши Бирюкова: «Я хотел быть попом...» Вот и вышел из него «афганский поп» — комендант жилой зоны, а «приход» — учреждение ЮН — 83/8. С эзками он находит общий язык, порядок в зоне коменданта образцовый, да только «церковь» эта на тюремном положении...

ВЛАДИМИР ЛОГИНОВ

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Вот и кончилась золотая осень, нагрянули холода, мрачные тучи повисли над сиротливо зябнущей землей... И все тревожнее сжимается сердце, едва подумаешь об обитателях лесов, парков, садов: так много птиц гибнет от морозов.

Как-то удивительно беззащитно стало у нас все живое: начиная с «царя природы», человека, и кончая самой мелкой мушкой и пташкой. «Жестоким век, жестокие сердца...» Жестоким век рождает страшные нравы, вытравляет из души людей теплоту, мягкость, жалость, сострадание, милосердие — то, без чего человек уже перестает быть человеком и превращается в безжалостного, не знающего любви, пощадки, снисхождения зверя.

Люди безжалостны к ближним своим, что уж говорить о «братьях наших меньших»? Зверские убийства птиц, растерзанные кошки, замученные собаки — не это ли «полигон» для подготовки убийства себе подобных?

Канули в Лету времена, когда отмечался День птиц. А ведь этот праздник — отголосок языческого обычая встречи весны, он древен, как славянский мир, и как печально, что все это умерло, погибло...

Нужно вернуть культ жизни, всего живого и воспитывать

с молодых ногтей священный трепет в душах детей к чуду Жизни, Природы. Бесспорно, все учреждения культуры, учебные заведения, пресса, семья — вся система воздействия на массовое сознание должна быть направлена на воспитание человечности, доброты, любви к природе. И стремлением помочь попавшим в беду.

Как в былые времена, предлагаю проводить Дни птиц, когда дети (и взрослые тоже!) устанавливали бы скворечники на деревьях, делали кормушки, очищали парки и скверы. Сострадание к животным неотделимо от гуманности в отношениях друг с другом.

В газетах и по телевидению сейчас много и часто рассказывают об убийствах, насилии, надругательстве человека над человеком. Некоторые передачи стали просто «учебным пособием» преступникам. А сюжетов о том, как люди помогают друг другу, как заботятся о немощных, как почитают старших, спасают все живое, почти нет. Но общество, пекущееся о возрождении духовности, высших общечеловеческих нравственных ценностей, немислимо без воспитания в людях гуманного отношения к животным, цивилизованного поведения в «окружающей среде».

Т. Ф. РЕПРИНЦЕВА,
Львов

ВАДИМ УСЛАНОВ

Его путь на сцену мог начаться уже в пятилетнем возрасте, когда Вадима Усланова пригласили в школу для музыкально одаренных детей при Ленинградской консерватории. Но родители не отпустили от себя сына. И впервые певческие способности он блистательно продемонстрировал в тринадцать лет, заняв в Чехословакии первое место на конкурсе юных вокалистов, в котором участвовали дети из 33 стран.

Впрочем, до настоящей сольной карьеры было еще далеко. В 1984 году, окончив музыкальное училище в родном Кемерове, Вадим Усланов вышел на профессиональную сцену в составе ансамбля «Новое время». Дела его складывались вполне удачно.

В том же году Вадим приехал в Москву и был принят в «Монитор» к Сергею Рудницкому. Распалась эта группа — получил приглашение выступать с «Рок-ате-

лье» в популярнейшей в 1985 году программе Ованеса Мелик-Пашаева «В едином ритме», а в конце лета 1988-го Вадим был приглашен в театр Аллы Пугачевой уже со своей собственной группой «Рандеву». И вот теперь — при поддержке бизнес-центра «Планета» концерта «Союз-Сатурн» сольные выступления Вадима Усланова.

Шла вторая половина восьмидесятых... Время еще неугасшего интереса к эстраднему року и потому время интенсивнейших гастролей по городам. И время серьезнейших проблем с аппаратурой, что особенно сказывалось на вокалистах. Ведь пели без фонограмм, по два-три концерта в день. Вадим катастрофически начал терять голос. Но до конца гастролей было далеко, на Вадима рассчитывали, и он все-таки пел.

Долго так продолжаться не могло. Казанские, московские, ленинградские врачи утверждали: необходимо воздержаться от пения. Хотя бы на год. Не стоит объяснять, что это значит для профессионального певца.

— Когда мне было плохо, я держался из последних сил. Пытался писать стихи, рисовал, хотя раньше этим не занимался, у меня появились новые песни. Так что особых проблем даже в этот болезненный период не было.

Отлученный от своего голоса, Вадим делал все, чтобы лучше звучали голоса других. Именно тогда его песни запела О. Кормухина. Например, «Время пришло». Вадим с Константином Веретенниковым подготовили выпуск магнитоальбома группы «Аут», где Вадим, став автором мелодий и текстов к некоторым из них, исполнил и все партии клавишных. Без него не состоялся бы магнитоальбом, записанный им с Александром

Рыбкиным, Дмитрием Четверговым и Сергеем Черняковым для «Рандеву».

Не мог он отказать в помощи и прежним своим партнерам по «Рок-ателье», не подозревая, что в очередной раз окажется отлученным от собственного голоса...

Вадим сетует на свою мягкость к тем, с кем приходится вместе работать.

— Она делает меня добрым, а иной раз надо быть жестче. Я отношусь к людям, как к самому себе. Мне кажется, что все видят так же, как я, а ведь это совсем не так. Я многого не понимаю, и меня убивает порой сознание собственной вины. Не могу вовремя принять жесткое решение и сказать человеку, что он не отвечает требованиям. Не могу отрезать его от себя. А надо бы. Ведь дело страдает.

Да, его, как и любого из нас, многое не устраивает в людях, в системе, во всем... И не потому, что он такой неуживчивый. Наоборот, Вадим признается, что, постоянно испытывая необходимость в общении с людьми, всегда старается понять других и даже приспособиться к ним, чтобы это общение приносило позитивный результат. И, пока для него основным таким результатом являются песни, пожелаем ему удачи.

НИКОЛАЙ БЕРЕЗИН

Любовные

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ

Ходжи

30

Имя Тимура Зульф리카рова хорошо известно за рубежом: его книги переводят и издают в Польше, Чехословакии, Румынии, Италии, ФРГ.

У нас в стране первая книга поэта увидела свет, когда ему минуло сорок... Прозаические произведения Зульф리카рова были опубликованы в журнале «СОЛИ» и в книгах «Первая любовь Ходжи Насреддина», «Таттабуба», выпущенных московскими издательствами.

Но стоит ли говорить о мирских хлопотах, когда впереди нас ожидает «кладезь мудрости», источаемый медоточивыми устами поэта...

Дервиш сказал:

— Если ты встал ранним утром от теплого сокровенного ложа твоего и почувствовал, что ложе твое еще хранит тепло от тела твоего, но душа холодна, как роса...

Если ты встал ранним утром и почуял, что нет в тебе любви и сострадания к людям, то не выходи из дому.

Сиди и набирайся любви, как корова наливается млеком в гиссарских лугах, а пчела — медом в ура-тюбинских цветах, а змея — целебным-янтарным ядом в кандаринских нагорных тучных садах.

ПРИТЧИ ДЕРВИША ЗУЛЬФИКАРА

И тогда выходи к людям с любовью своей, а до той поры сиди дома...

Дервиш сказал:

— О Аллах! Ты знаешь, как часто я не выходил из дому своего... О, если бы все люди с холодной душой не выходили из дому, то опустели бы многие дороги тропы, а иные заросли б глухим кураем-травой...

Дервиш сказал:

— Встав ото сна, подумай о том, кому ты можешь помочь. И торопись, спешь к нему, ибо другой может прийти на помощь к нему. Или его возьмет Аллах.

Или тебя возьмет Аллах.

Торопись!

ЛЮБОВЬ, МУДРОСТЬ, СМЕРТЬ ВО ДНИ ТИРАНА

Дервиш Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель пришли в ущелье Ходжа-Оби-Гарм, где текли-клубились целебные радоновые горячие воды, и Ходжа Зульфикар опустил в серные пузырьчатые пенные потоки ступни ног своих пергаментные высохшие потрескавшиеся от многих пыльных дорог.

Он сказал:

— Сын мой, ступни у человека стареют ранее всех членов. Если хочешь определить сколько лет человеку, взгляни на нгие ступни его...

И он улыбнулся и сказал:

— Подлинное лицо человека — это его ступня... да... Потому и сокрыта она.

Они сидели в ущелье Ходжа-Оби-Гарм, опустив ноги кочевые в потоки кружевные целительные.

А в узком гранитном скалистом ущелье росли тесные приземистые низкие чинары.

И многие чинары поднимались вздымались росли в глухих гранитных скалах и были кривыми косыми уродливыми витиеватыми, как письма арабов, ибо пробивались через камень, ибо крушили крошили камень гранит, но и камень угнетал давил их.

И не все поднимались урождались.

И кривые стволы чинар, возрастая, вбирали впускали в себя в мякоть в плоть в древесину свою потаенную рассыпавшиеся камни и полны были камней.

И корни чинар алкали искали корм свой в недрах в ложах камней.

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Сын мой Касымджон, гляди на эти кривые косые низкие искаженные, как лицо человека от внезапной боли, чинары в дремучих глухих скалах.

Гляди, как бьются, насмерть сцепившись, бессонное дерево живое и мертвый сонный камень.

И дерево разрушает точит побеждает разбивает раздвигает разрывает камень, но и само стелется пригнетается искажается

Так и любовь во дни Тирана

Так и мудрость во дни Тирана

Так и смерть во дни Тирана

ЛЮБОВЬ

Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель скитаются странствуя страдая озаряясь пришли в Фан-Ягнобские горы ранней весной и там сели у подножия несметной горы Хан-Хабриза-Буса близ родника и пили воду его и ели лепешки опуская окуная их в родник.

И Ходжа Зульфикар сказал:

— Много есть яств на земле, но нет ничего лучше родника с хлебом, ледниковой новорожденной воды с кунжутной свежеспеченной лепешкой из безымянной придорожной чайханы.

И нет на земле ничего слаще любви между мужем и женой.

И жена — это родник лепетный говорливый шелестящий, а муж — жаркая пышущая лепешка из танура-печи.

Тогда Касымджон-Стебель сквозящий отрок пруд стебель лакомый зеленый ивы иль сизого тополя-туранги сказал, потупясь рдяно:

— Отец, близок срок мой. Близка любовь моя. Уж надела свадебные платья и насурмила алчные змеиные брови извили-

стые как тайное сахарное непечатое нагое тело ее и глядится в самаркандское хрустальное зеркало трепещущая невеста безвестная моя...

Отец, что есть любовь?

И как мне готовиться к ней?

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Я всю жизнь боялся берегся и бежал любви. Ибо любовь и смерть кочуют неразлучно, как стадо и пастух.

И смерть-пастух пасет любовь-стадо свое. Как снежный стелющийся барс-ирбис-козопас пасет высокоторных обреченных коз-нахчиров своих.

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— На Востоке были Лейли и Меджнун, на Западе — Ромео и Джульетта.

Но исход был один — смерть. Барс съедал коз.

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Касымджон-Стебель, сын мой, я расскажу тебе об иных. Я расскажу тебе о неистовом Муртаззо-Шамс-Дойристе и жене его Бунаффше-Бульбуль-Певике, каких сто лет не рождалось в певучей Азии моей.

Я расскажу тебе о блаженной Коко-Мехрдад и возлюбленном ее...

Я расскажу тебе...

...Узбек Муртаззо-Шамс-Дойрист из Кунгура убил свою возлюбленную жену-дунганку Бунаффшу-Бульбуль-Певицу.

...Узбек Муртаззо-Шамс-Дойрист и жена его Бунаффша-Бульбуль-Певика пели и играли на многих кишлачных свадьбах-туях и имели много денег и подарков, но Муртаззо-Шамс ревновал жену свою и убил ее ночным точным шахрисябским неслышным нежным долгим находчивым ножом, когда она тихо и ясно спала с ним в богатых бухарских фазаньих павлиньих кровавных одеялах...

Узбек Муртаззо-Шамс убил в ревности жену свою и поместил положил удивленное невиновное тело ее, так и не проснувшееся в ночи, в дубовую бочку, в которой солили томили на зиму огурцы.

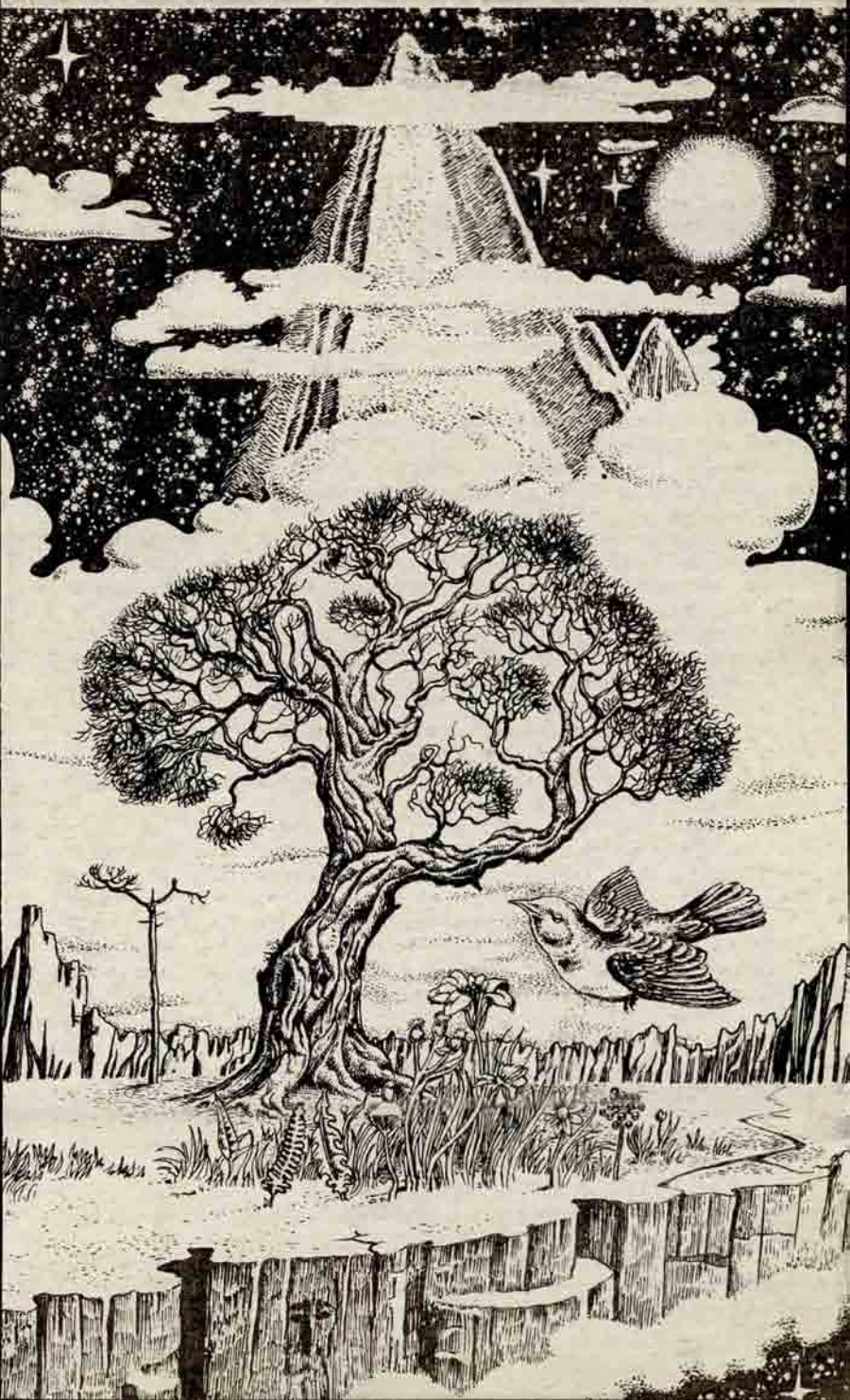
Узбек Муртаззо-Шамс спрятал тело возлюбленной спящей жены своей в дубовую бочку и забил ее и пошел ночными козьими тропами, тайными горными высокими перевалами Гиссарского Хребта к далекой реке Фан-Ягноб-Дарье.

Узбек Муртаззо-Шамс три дня и три ночи бессонно бесслезно шел по горам, неся на спине тяжкую немую дубовую бочку с телом Бунаффши-Бульбуль-Певики горлицы дивной небесной, какой сто лет не было в родной певучей Азии моей...

На четвертый день Муртаззо-Шамс увидел пенную бешенотелую Фан-Дарью и опустил с гор к реке.

И бешеное белопенное тело реки напомнило ему тело его жены неистовое змеиное сладкое скачущее тело Бунаффши в первые ночи их любви.

И тут он впервые заплакал.

И поставил дубовую бочку на берегу, кипящем снежными вешними волнами волнами волнами.

И тут он впервые услышал голос Бунаффши-Бульбуль возлюбленной убитой жены своей.

Голос был не похож на голос Бунаффши-Бульбуль, потому что она молчала три дня, пока он нес ее по горам, потому что он шел из глухой сырой дубовой бочки, но Муртаззо-Шамс узнал его.

Голос пел древнюю таджикскую персидскую томительную песню: «Чашми сиехдори курбонат чавонмард... Стал я отрок жертвой твоих черных глаз...»

Тогда Муртаззо-Шамс сказал:

— Жена моя, раньше ты пела для всех людей, и я ревновал тебя, а теперь ты поешь только для меня...

А река Фан-Ягноб-Дарья в том месте пенно и бешено свергается ниспадая со скалы Уч-Булак уходила под землю и там тяжело душно слепо жила бесилась металась извивалась под землей и лишь чрез два фарсанга водопадами выходила падала билась из скал близ кишлака Уч-Ош.

Страшная бесследная слепая бездонная та пропасть была, и жители Уч-Оша говорили, что даже рыбы, попадая в подземелье, не выходили живыми с волнами, а погибали бесследно в тьмовом глом подземелье.

И еще жители Уч-Оша говорили, что там, в подземелье,— ад, и там видели Ангела Ада Святого Азраила, что входил туда с водами в черном чапане-халате и выходил в рваном побитом порушенном чапане...

И его не щадила не берегла подземная река...

Узбек Муртаззо-Шамс услышал на берегу пустынном глухой уже нездешний голос жены своей, шедший из дубовой бочки: «...Чашми сиехдори курбонат чавонмард...»

Теперь голос рыдал молил:

— Муртаззо-Шамс возлюбленный муж мой! я люблю тебя! И всякая жена втайне сладко мечтает погибнуть от ревнивой губельной ярой сладостной руки мужа, но зачем ты убил меня во сне моем и не дал мне проститься с тобой, родной муж мой! Зачем ты не дал мне увидеть тебя на прощанье, возлюбленный мой? И я ждала во сне зебб-ствол твой, а пришел нож тугой ночной слепой, возлюбленный мой мой мой!..

Тогда Муртаззо-Шамс сказал:

— Жена моя, я не хочу отдавать тебя червям земли. Я отдам тебя ледяной воде, где ты будешь ждать меня.

Тогда Муртаззо-Шамс бросил бочку с убитой женой своей Бунаффшой-Бульбуль со скалы Уч-Булак, и она ушла низверглась, теряясь в пенных волнах, навек под землю.

Навек ушла.

И голос ее навек ушел с земли живых.

Тогда Муртаззо-Шамс побежал к кишлаку Уч-Ош, где подземная река Фан-Ягноб водопылящими гремучими водопадами

выходила вырывалась выметалась освобождалась из подземелья.

И Муртаззо-Шамс убоился, что жена его выплывет в бочке смертной во гробу текущем своем, но она не выплыла.

И она навек застряла затерялась осталась в текущем подземелье.

И она невинная навек осталась под землей в неожиданном тесном гробу своем... вместе с чародейным голосом своим и песней своей.

Тогда Муртаззо-Шамс пошел к судьям и сказал, что убил жену свою, но не сказал, где похоронил тело ее.

И его судили за убийство и сослали на двадцать лет в лалабадские невозвратные свинцовые рудники, где в шахтах от сатанинской руды человеки гибли заживо истлевали распадались как от проказы через пять лет.

Но Муртаззо-Шамс пробыл в рудниках двадцать лет и вышел на волю живым, ибо плоть его была как сушеный бухарский сыр-панир.

И вот он пришел на берег Фан-Ягноб-Дарьи и взял в руки дойру и встал на скале Уч-Булак, где река уходила под землю.

И тогда Муртаззо-Шамс сказал:

— Возлюбленная жена моя Бунаффша-Бульбуль. Ты двадцать лет мертвая лежишь ждешь меня под землей в текущем гробу-бочке твоей. Там в подземном хладе черви земли не тронули мертвого тела твоего.

Я двадцать лет живой заживо тлел чах разрушался слеп под землей в сатанинских чадающих рудниках-шахтах, что хуже лепрозория Кокташа, ибо оттуда мы вынимали выбирали тайную свинцовую мутную руду, из которой пули льют, смерть огонь чуму для всех человеков на земле...

И мы вынимали смерть из могилы.

Но мало мне, возлюбленная моя.

Но слишком мала нища ничтожна кара моя, но слишком велика любовь твоя, возлюбленная моя моя моя...

Но как мала сама смерть рядом с любовью твоей, возлюбленная Бунаффша-Бульбуль моя моя моя... Айя!..

Ай велик Аллах! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллах слава Тебе, что людям любовь дал дал дал... Аллаху Акбар!

Аллах слава Тебе, что любовь превышает и жизнь и смерть... да...

Бунаффша-Бульбуль, возлюбленная моя, и ты там ждешь ты там поешь, возлюбленная моя, вот и встреча близка близка близка!..

И я там буду играть на дойре, а ты будешь петь, долгожданная дивноголосая моя!.. И там я не буду ревновать тебя!..

Айя!.. О Господи! Как счастлив блажен напоен как в молодости я!..

И Муртаззо-Шамс с дойрой в очарованных уповающих руках

сошел со скалы Уч-Булак, и река его тихо бережно взяла и понесла под землю, где Бунаффша-Бульбуль его ждала...

Чашми сиехдори курбонат чавонмард!

Чашми сиехдори курбонат чавонмард!

Стал я отрок жертвой твоих черных глаз

Стал я отрок жертвой твоих черных глаз...

Ай! Господи! Ай нельзя тут жить! тут дышать! тут страдать!

Ай жизнь больше чем душа!..

Ай Господи! Где силы взять? Ай река переполняет берега!..

Ай Господи дай силы жить жалеть страдать да сострадать...

Аллаху Акбар!.. Аллаху Акбар... Аллаху Акбар!..

Аллах как небеса велик

А человек как земля мал

Да!..

КОКО-МЕХРДАД

Аллаху Акбар! Аллах велик! И Он дает душе человеческой пережить вместить простить жизнь сию и не сойти с ума.

Дай Аллах!..

Тогда Ходжа Зульфикар окончил первый свой рассказ о любви Муртаззо-Шамс-Дойриста и певички светлоголосой небесной горлицы Бунаффши-Бульбуль.

Тогда Ходжа Зульфикар сказал:

— Сын мой Касымджон, это было во времена тирана Мазаффар-хана, а тогда было много смертей неправых...

И это было во дни Тирана, а во дни Тирана смерть частая великая гостья и хозяйка.

А где смерть великая частая хозяйка гостья — там и любовь великая гостья, как золото в текучем речном гранитном песке песке песке...

Но!

Когда давят виноград, он рождает святое хмельное вольное вино — волю, утеху тела и души.

Когда давят пригнетают народ, он рождает любовь — великую волю тела и души и вечных хмельных возлюбленных мира сего и мира иного... Ибо любовь — это вино трезвых... да!..

Чреваты бездонны Времена Тирана!

Но я поведал о любви Муртаззо-Шамса и Бунаффши-Бульбуль.

Но это была страсть, а не любовь.

А страсть ближе к смерти стоит.

А любовь — это жизнь.

Сын мой Касымджон, а теперь я расскажу тебе о любви, о жизни...

О Кокко-Мехрдад и возлюбленном ее...

О, помоги Аллах сказать мне сии слова, ибо история сия страшна свята.

О, помоги Аллах...

Коко-Мехрдад! Коко-Мехрдад! Коко-Мехрдад!

Твой голос — талая лепетливая родниковая серебристая вода

Твоя душа — талая приречная начальная трава, а в ней уже тюльпаны талые стоят и их коровы талые едят

Твое тело — талая снежная солнечная февральская поляна на несметной дозвездной донебесной горе блаженной Хан-Хабриза-Буса а на ней уже цветут плывут первые миндальные кусты дерева а их телята талые едят

Коко-Мехрдад тебе тринадцать спелых лет а голова твоя неистово каракулевая кудрявая как нагорные калайдашские арчовые леса

Коко ты бежишь из своего заоблачного нагорного кишлака Хабриза-Буса по талой горе Хан-Хабриза-Буса внешней за мелко-вой коровой Курачча-Почча

Коко ты догоняешь корову тучную и ставишь серебряное памирское ведро гармское под сосцы ее и течет течет течет молоко жемчужное от твоих камышовых задыхающихся беглых гибких перстов перстов перстов и от розовых несметных коровых сосцов сосцов сосцов

Коко а твои соски девьи сокровенные в кулябских атласах шелках тесных тронет кто?

Коко гляди — уж ведро дымное серебристое полно пенится полнится клубится избыточное оно

Коко я напился талого горного мягкого снега снега снега когда поднимался в высокий кишлак Хабриза-Буса твой а теперь дай мне молока из памирского серебряного ведра из серебристых перстов твоих Коко!

...Путник в талых диких нетронутых горных девьих текущих снегах горы несметной Хан-Хабриза-Буса вы кто?

...Коко-Мехрдад кишлачная девочка дева дитя кизинка ты бежишь ты машешь руками-рукавами гранатовыми динаусских атласов в горных снежных облаках облаках облаках

О!..

А!..

Коко ты дева ты птица горных кочевых снежных облаков

Коко ты держишь в руках текучие облака-жемчуга

Коко ты витаешь в облаках как улар как снежный ирбис-барс козопас. А?

Коко у тебя в носу сквозит лазоревая серьга как у древних согдианок а на босых щиколотках тугие браслеты горят. А?

Коко иль не знаешь что серьги и браслеты на теле жен проклял запретил святой пророк Мухаммад-Пайгамбар?

Коко твой отец зороастриец перс огнепоклонник что не знает заветы знаки мусульман?

Коко что глаза твои лазоревые согдийские боле серьги и браслетов горят кипят роятся молят?

...Путник а лазоревые глаза согдийцев древних тоже проклял запретил пророк Мухаммад-Пайгамбар? А?..

И она улыбается и закрывает глаза глаза глаза, а тут густеет вечерних небес тьма-лазурь-глина синева синева синева...

А тут темнеет сизая снежная бездонная бредовая несметная занебесная одинокая гора Хан-Хабриза-Буса

Гора клубилась парилась дымилась от талых дневных снегов дико одиноко в небе высилась...

Гора Хан-Хабриза-Буса мы уйдем а ты будешь стоять
Но в Последние Времена погибнут и сгорят и человеки и горы
И только будет сажа ненасытная непролазная по-над землей
стоять витать и солнце звезды застилать

Не дай Аллах!..

Гора Хан-Хабриза-Буса мы уйдем а ты будешь стоять...

А тут темнеет на вершине горы зыбкий кишлак Хабриза-Буса
Кишлак мы уйдем а ты будешь стоять...

И я гляжу на тебя безвестный безвинный кишлак Хабриза-Буса!..

Кишлак а почему ты должен сгореть в огне Последней Войны?

Аллах, а в чем вина этого вечеряющего замерзающего в текущих беспредельных нагорных снегах кишлака?..

Ай, Аллах!.. А?..

А тут темнеет на снегу корова Курачча-Почча

А только густолунно плещется колеблется свежерожденное дымное молоко в памирском серебряном ведре

Коко дай испить молока из чародейного ворожащего парного дымного ведра ведра ведра

Тогда она тихо срывает золотую согдийскую серьгу с лица и рвет разрывает нежную лакомую девичью ломкую ноздрю и кровь струится по ее губам но она не знает не чувствует

Коко иль не знаешь что серьги и браслеты на теле жен проклял запретил огненный нагой корейшит пророк песков Мухаммад-Пайгамбар?..

Путник знаю. Путник серьгу как вишню незрелую с ноздри спелой срываю снимаю

Коко кровь течет по твоим губам

Коко зачем серьгу срываешь

Коко пророк горящих песков Мухаммад-Пайгамбар тебя в ледовых снегах снегах снегах прощает

Коко кровь течет по твоим губам

Коко гляди — я беру кровавую серьгу и ей ноздрю свою алчно упоенно насквозь пробиваю прокалываю и в ноздре текучую серьгу гранатовую оставляю

Коко я улыбаюсь и моя кровь течет по моим губам, как кровь твоя

Коко я теперь тоже древний согдиец и пророк меня прощает

Коко уж бархатная ледяная черноатласная ночь пришла

Коко уж стали от мороза бегучие текущие талые снега

Коко уж несметная жемчужная гора Хан-Хабриза-Буса застыла вся в ночи как пирамида снега снега бела бела бела

Коко гора была текучая а стала ледяная скользкая как корка дыни на базаре смертельная она

Коко гляди — Аллах высыпал рассыпал на небесные неоглядные бархаты атласы бездонные россыпи алмазов и хрусталей из своего вселенского рукава

Коко гляди — близкие звезды плеяды серьги из хрусталя — и их можно тронуть перстом а дальние плеяды из алмазов — и их не достать...

Коко я пил нагорные текучие талые снега но теперь они покрылись звездной переливчатой игольчатой сыпучей морозной коркой пеленой плевой

Коко а жажда алчба моя велика

Коко дай мне дымного теплого молока из памирского серебряного ведра, а то в горле в гортани моей стынет в лед, как горный талый ручей, моя слюна

Коко гляди как полыхают алмазы хрустали серьги плеяд

Коко а чьи огни там у подножья несметной жемчужной ледяной горы Хан-Хабриза-Буса чьи огни тревожные ходят роются горят? А?..

Путник там санитарные кордоны

Путник там санитарные дозоры

Путник там санитарные заставы

Там солдаты-сарбазы с гонными чуткими псами людоедами овчарками

Путник как ты прошел по горе Хан-Хабриза-Буса к моему родному кишлаку Хабриза-Буса?

Путник как солдаты не остановили не убили тебя?

Как псы сторожевые не учуяли пенными волчьими охотничьими ноздрями не расхитили не порвали тебя волчьими гладными хладными зубами? А?

Путник иль от мороза в их ноздрях застряла льдом пена слюна как хрустальная кандаринская слюда? А?

Коко а почему у подножья горы санитарные заставы стерегут стоят?

Путник ты не называешь свое имя.

Путник в нашем одиноком нагорном родном кишлаке Хабриза-Буса чума.

Потому внизу собачьи чуткие заставы дозоры стоят

Путник теперь тебе нет пути назад

Путник теперь твои следы на горе лежат дымят и выдают тебя...

Коко а я не хочу идти назад! вспять!..

Коко я увидел тебя и не хочу идти назад!..

Коко дай мне молока из памирского ведра!..

Путник а в корове Курачча-Почча чума

Путник а в молоке чума

Путник ты еще живой нетронутый не чумной! не пей молока

Путник пока ночь шурабского угля и заставы спят — скользи

беги струись по горе родной моей чумной обреченной беги беги
беги назад!

Айя! дай тебе Аллах миновать солдат и собак! дай Аллах!..

Коко-Мехрдад но в моей ноздре точит живет кровотоцит твоя
блаженная серьга!

Коко-Мехрдад я пью кровь твоей серьги чумной милой дивной
а теперь я хочу твоего молока! дай!

И я пью молоко из памирского серебряного ведра

Коко сладко пенно молоко!

Коко я пью я люблю молоко!

Коко гляди какая алмазная ночь окрест горы Хан-Хабриза-Буса!

Коко гляди как кочует гуляет необъятная рассыпчатая раз-
дольная падучая звезда!

Коко гляди! она упадет падет забьется как блескучая колоси-
стая дремучая игольчатая рыба в ведре дымного молока!

И будет биться виться остывать в молоке и будет сбивать
молоко в сметану, а потом в масло!.. Айя!.. Ай сладка!..

Коко гляди как ручьи талые текли с горы а теперь от мороза
стоят стоят стоят!

Коко я люблю люблю люблю тебя

Путник гляди при падучих при звездах — у меня узлы сизые
тугие желваки лимфы пенные хмельные на горле на теле

Путник родной это моровая бубонная древняя лихорадка
жар чума

Путник завтра утром придет теплое февральское солнце и ты-
сячи талых ручьев двинутся поползут поскачут с родной моей
горы Хан-Хабриза-Буса

И станет моя родная гора Хан-Хабриза-Чума

И в каждом талом буйном бегучем теле ручья будет скользить
как рыба тайная чума

Путник беги назад! Еще не поздно! Путник безымянный...
ака-брат!.. Беги назад!..

Путник ранним утром придут солдаты и собаки по твоим
агатовым следам

Путник ранним утром пока не двинутся ручьи с горы они
сожгут дотла мой родной кишлак Хабриза-Буса

Путник они обольют керосином наши кибитки дувалы деревья
и наш скот и чумных нас и подожгут изведут мой кишлак очаг
чумы дотла

Путник иначе не уйдет чума

Путник пусть мы заживо сгорим но с нами изойдет задохнется
чума

Путник пусть чистые бесчумные ручьи утром пойдут по горе
Хан-Хабриза-Буса!

Путник гляди — уж движутся огни от подножья горы сюда
сюда сюда!..

Путник гляди — они грядут восходят сюда

Беги вспять!.. Еще не поздно!.. Ака-брат... беги ползи скользи назад!.. Ай!..

Коко-Мехрдад дай мне тронуть губами моими тяжкие святые желваки сапфиры живые на горле твоём!

Путник а такими сапфирами душными ярыми взято уязвлено осыпано все тело мое... О...

Аллах осыпал землю и небеса ночными звездами хрустальными а меня сапфирами бессонными живыми пульсирующими

Коко дай мне кровь губ твоих испить целовать!

Коко не беги не рвись не струись не берегись от меня

Но она она она бежит утопая умирая задыхаясь тратясь в хрустких сыпучих снегах снегах снегах

Но я догоняю ее но я обнимаю ее но я бережно держу ее как птицу залетную дрожкую горлицу в руках в руках в руках

Коко я целую губы твои

Коко я целую сапфиры лимфы реки вены напоенные твои

Коко твоя ль узкая жаркая неуголенная рука гладит лелеет лицо мое на миг?..

Коко твоя ль рука гладит меня меня?

Йи!.. Йиздигирт!..

Коко зачем тебе эти последние гранатовые динаусские волнистые атласы да потаенные сокровенные шаровары-изоры шелка в которых бьется вьется напоследок, как розовая косточка персиковая, тело вольное последнее твое? Как узкогорлая река Фан-Ягноб в душных скалах-берегах?

Коко, а?

Коко дай мне снять сорвать разбить атласы шелка?

Коко гляди — наши жемчужные одеяла одеяла расстилаются последние снега снега снега, а завтра будет талая гремучая бегущая падущая вода.

Коко, а?

Коко у нас родится сын

Путник за одну ночь не рождаются сыновья

Путник пусти пусти пусти меня

Путник я чума

Путник зачем? а?

Коко ты любовь

Коко а любви боится бежит чума

Путник пусти меня

И она рвется из спелых сумасшедших рук моих как каменная узкотелая извилистая стрелотелая змеетелая божественная куница и она вырывается из рук моих и бежит вверх по скользкой необъятной горе к своему кишлаку Хабриза-Буса

И я бегу за ней вослед и чую как звереет темнеет дичает густеет окрест меня несметная снежная ледяная гора Хан-Хабриза-Буса...

Гора прости меня, гора похорони меня в непробудных дебрях
недрах твоих...

Но я люблю навек насмерть Коко-Мехрдад!

Айя! помилуй мя Аллах несметный, рядом с которым —
песчинка летучая падучая и жизнь моя и гора Хан-Хабриза-
Буса! И сама чума!..

И я бегу за Коко и вбегаю в ледовый мертвый застывший
кишлак Хабриза-Буса.

Там застыли усопшие арыки дувалы кибитки дерева

Там нет дымов над кибитками и танурами...

Там открыты все окна и двери все врата...

Гость путник входи! Тебя встретит щедрая хозяйка чума...

Там всех взяла удушила съела чума

Там одна чума

Коко ты одна в кишлаке еще жива

Коко где ты спряталась где ты таишься? А?

Коко где кибитка твоя?

И я бегу по мертвому кишлаку и заглядываю в каждую
кибитку и там на одеялах-курпачах дико разметавшихся раски-
давшихся как влюбленные в ночи любви удушенные укушенные
чумой лежат лежат лежат

Чума, смерть — ты похожа на любовную страсть...

И у смерти и у страсти судорога дрожь последняя одна... А?..

А, Аллах?

Но! но! но!

Коко где ты? где кибитка твоя?

Коко я люблю тебя! я спасу тебя!

Коко огня любви боясь бежит чума!

Коко — любовь единственный мортус-апостол целитель врач!

Коко! любовь — чумы палач!

Коко где кибитка твоя?

И тут я вижу следы на снегу и они ведут к окраинной
кибитке.

И над кибиткой стоит китайский змеиный сухостойкий высох-
ший карагач, как исполинская небесная забытая метла.

И все кибитки распахнуты, ибо там мертвецы, а эта кибитка
закрыта и дверь грушевая резная с письменами из Корана
наглухо изнутри закрыта

И я читаю письмена на двери: Аллаху Акбар Аллаху Акбар
Акбар

Коко отвори! Коко я люблю тебя!

Но она молчит там и дверь недвижна глуха

А окно кибитки из толстого дымчатого самаркандского глухого
непробудного стекла

Коко отвори!

Коко я люблю люблю тебя!

Коко я врач целитель на раны язвы сапфиры лимфы избыточные как реки в наводнение твоя твоя! Айя!

И тут я ноздрями чую дым и чад.

Тогда закрыв глаза руками, чтоб уберечь хрупкие глаза — хотя зачем мне теперь глаза? а Аллах? — я бросаюсь на стекло на окно и оно глухо трескается раздается и тысячами брызг осколков огненных течет и мне руки жалит рвет и сыплется искрами в лицо.

Зачем мне руки теперь и лицо а Аллах?

О!..

И окрест темно а в кибитке светло.

Светильник-чарог керосиновый горит что ль?

Нет.

Светильник-чарог керосиновый лежит на земляном кишлячном крестьянском полу

Он пуст. Пуст он.

Коко ты вылила из чарога керосин на себя

Коко ты подожгла себя как зороастрийская согдийская по-
смертная жена

Коко ты горишь как большая свеча как живой светильник-чарог, который зажигают на больших праздниках-туях, чтобы всем было светло.

Коко какой праздник сейчас?

Коко зачем ты зажгла себя?

И я бросаюсь на нее в огонь ее, но она бежит от меня

Коко пусть будет два чарога

Коко дай мне от твоего огня! Возлюбленная моя!

Коко но зачем ты зажгла себя?

Но она извиваясь как каменная куница бежит от меня из кибитки прочь через разбитое окно и я бегу за ней

Поздно...

Коко возлюбленная моя зачем зачем ты сожгла заживо себя?..

Поздно...

И над ее окраинной кибиткой стоит как исполинская небесная метла китайский высохший змеиный густой карагач карагач карагач

Айя!

Поздно...

Коко! возлюбленная моя! живой блаженный текущий бегучий сноп огня!

Коко и ты бежишь восходишь течешь по чешуйчатому стволу карагача и нижние сохлые ветви сразу с ходу занимаются охватываются от тебя а потом и другие ветви долгожданно радостно горят а потом и ствол несметным пламенем облит облит облит

Поздно...

И несметные в ночи пылают сухостойный ликующий Карагач — пожар пожар пожар... Айя...

Коко возлюбленная моя зачем ты зажгла себя?

Тогда тихий голос из пожара сказал шепнул лизнул как язык огня:

— Возлюбленный мой я сожгла себя, чтобы чума со мной ушла.

Возлюбленный мой так сладко так блаженно мне гореть ведь я чума ведь я смерть навек ухожу от тебя тебя тебя

Возлюбленный мой! Безвестный путник! но ты так и не сказал мне имени своего!

Возлюбленный мой! прощай! я тороплюсь... и ты не успеешь тут сказать имя свое... но ты скажешь мне свое имя там там там там... там... в вечных садах где не бродит смерть чума... Ай! Аллаху Акбар!.. Аллаху Акбар... Аллаху Акбар...

Поздно...

Коко-Мехрда!

Возлюбленная моя...

И...

...И Ходжа Зульфикар и сын его Касымджон-Стебель сидели у подножья несметной горы близ родника Чашма, и пили воду его, и ели горячие лепешки, опуская их в ледяной родник. Ледниковый.

И Ходжа Зульфикар сказал:

— Много есть на земле яств, но нет ничего лучше ледяного родника с горячей лепешкой.

И нет ничего слаще на земле любви между мужем и женой.

И жена — это родник лепетный, а муж — жаркая пышущая лепешка из придорожной чайханы, из горящей печи-танура... да!..

Тогда Касымджон-Стебель сказал:

— Отец, вы рассказали о Коко-Мехрда и возлюбленном ее...

Тогда Ходжа Зульфикар остановил его:

— И это было во дни Тирана Музаффара-хана, а тогда было много смертей неправедных.

И это было во дни Тирана, а во дни такие Смерть — частая гостья и хозяйка великая. Ибо Тиран — это и есть Смерть — хозяйка всевластная...

А где Смерть — великая частая гостья и хозяйка, там и любовь великая гостья и хозяйка.

Как неразлучные близнецы они кочуют по земле Тирана, по временам его слепым.

А чреваты бездонны зыбки, как пустыня Кызыл-Кум, Времена Тирана!.. да!..

Ибо когда давят виноград, он рождает вольное веселое вино

Ибо когда давят пригнетают истребляют изводят народ, он рождает великую вольную бессмертную любовь... да, Касымджон-Стебель, сын мой!..

— Отец, ата, вы рассказали о Коко-Мехрдад и возлюбленном ее.

Но Коко-Мехрдад ушла, не узнав имени его.

Отец, вы сокрыли имя возлюбленного ее.

Отец, кто он?..

Тогда Ходжа Зульфикар поднял голову и долго глядел на несметную гору у подножья которой они сидели на траве вешней у родника Чашма.

Гора была вся в густых арчовых кудрявых клубящихся непролазных лесах лесах лесах.

Гора кудрявая была как голова дальней Коко-Мехрдад

Коко иль голова твоя довременно утихшая кудрявая несметно рощами арчовыми взошла явилась проросла? а?

И там в рощах клубящихся густых пела летала птица редкая — арчовый дубонос витал там.

И Касымджон-Стебель сказал:

— Отец, вы знаете эту гору?

И Ходжа Зульфикар сказал:

— Да. Это Хан-Хабриза-Буса. И мы пьем воду ее ручьев и родников, и она чиста.

И чисты ее леса.

И ее птица — арчовый дубонос — певуча и чиста.

И только черен печален пень обгорелого китайского карагача...

И только черен печален пень обгорелого китайского карагача...

А тогда сухостойный карагач пылал...

Сын, тебе сказать имя возлюбленного Коко-Мехрдад? Того который не сгорел не взошел с ней, а остался тлеть на земле...

— У вас рубиновый святой шрам рубец от той незабвенной согдийской серьги горит на ноздре... Я только сейчас увидел его, отец... У вас другие шрамы ожоги рубцы сокрыты в белопенной бороде...

— Тебе сказать то имя, сын?

— Не надо, отец... Но как чиста и прекрасна и сладка вода в роднике...

Я пью пью пью ее, отец отец отец отец отец отец...

Блажен!

...Коко, зачем?..

Коко, я скоро навек насмерть приду к тебе...

АНТОН АНТОНОВ-ОВСЕНКО

АТОМНЫЙ КОРОЛЬ

Данные разведки о работах западных ученых заставили Сталина уже в 1943 году принять экстренные меры по созданию своего атомного оружия. В ту пору карьера Лаврентия Берия шла еще на подъем. Вместе с ним и ведущими физиками А. Ф. Иоффе и П. Л. Капицей генсек обсуждал кандидатуры на пост научного руководителя Уранового проекта. Референту Берия генералу В. А. Махневу запомнилось высказывание Сталина: «Ближе всех к атомным делам стоят, конечно, Иоффе и Капица. Но они имеют уже мировую славу и к тому же — директора институтов. Если поручить решать такую важную проблему им, то она станет серьезной помехой в их повседневной работе. Поэтому, — продолжал Сталин, — надо подыскать талантливого и относительно молодого физика, чтобы проблему создания атомного оружия возглавил он, и чтобы решение этой задачи стало единственным делом его жизни. А мы дадим ему власть, сделаем его академиком и, конечно, будем зорко его контролировать...»

Игоря Васильевича Курчатова, работавшего в ленинградском институте у Иоффе, пригласили в Москву с единственной целью — познакомиться с ним. И после первой же беседы на нем остановили свой выбор.

Тогда же для ускорения работ между членами Политбюро были распределены обязанности. Разведку рудных запасов и промышленную добычу урана взялся курировать В. М. Молотов. Однако уже к весне 1945 года стало ясно, что он с поручением не справился.

Уран нужен был как воздух, и когда по окончании войны стало известно о наличии запасов руды в Германии, туда выехала геолого-

разведочная группа в составе видных специалистов. Генерал-полковник госбезопасности Иван Серов, которому Берия поручил руководить этой операцией в Саксонии, решил разыскать и привлечь к работе немецких ученых. Однако там стояли американские войска. Покинули они вождельный район только после вмешательства маршала Жукова.

Для конспирации было образовано акционерное общество «Висмут» под командой ближайшего сотрудника Берия генерала Мальцева. Структура фирмы напоминала бериевские лагеря смерти: штаб, которому подчинялись двадцать семь отдельных объектов; при каждом — особый оперуполномоченный службы госбезопасности. Опергруппе МГБ подчинялась специальная горная милиция, надзиравшая за немецкими рабочими и служащими.

В своих планах научно-исследовательской работы особое место Берия отвел немецким ученым, ранее работавшим в Берлине. Агенты разведывательной службы МГБ вывезли в Крым ведущих атомщиков.

Бериевские селекционеры выискивали ученых-атомщиков в обычных истребительных лагерях по всей стране, вербовали нужных людей в лагерях для военнопленных. Один из таких лагерей находился в те послевоенные годы под Тбилиси, другой — в Сухуми.

Около двухсот германских ученых и техников были привезены в Сухуми. К ним добавили сто двадцать советских сотрудников — молодых физиков-атомщиков и обслугу.

Под лаборатории и жилье отвели значительную территорию на холме близ моря (полтора километра в ширину и семь километров в длину) и окружили со стороны

суши тридцатиметровой запретной зоной. Вокруг трехэтажного здания лаборатории поставили еще один проволочный забор.

Так называемый Сухумский проект, созданный под руководством Берия, существовал еще долго. О судьбе немецких специалистов нам ничего не известно.

В 1946 году в глубине территории, под прикрытием деревьев, для немецких ученых построили жилые дома с просторными комфортабельными квартирами. Техникам — немецким и советским — предоставили другое здание. Там же жили офицеры охраны. Для солдат построили казарму. Очень скоро на берегу моря вырос изолированный от внешнего мира автономный городок со своими магазинами, столовыми, гаражами, починочными мастерскими, банями, пляжами, кинотеатрами и парком.

Формально немецкие ученые работали по контрактам, заключенным с 1946 по 1950 год, получали высокую зарплату. Вспомогательный персонал тоже был отлично обеспечен. В свободное время некоторым позволяли посещать Сухуми, разумеется, в сопровождении агента в штатском. Летний отпуск они проводили, по желанию, на курортах страны.

Роль немецких ученых в создании атомного оружия была вспомогательной. Наши ученые вели работу на базе фундаментальных исследований, начатых задолго до Отечественной войны. Еще в начале войны Г. Флёрв обращается с предложением начать разработку атомной бомбы к Сталину, Кафтанову, Курчатову. После того как Курчатов назначили научным руководителем урановой проблемы при АН СССР, была создана Лаборатория № 2. Конкретная разработка бомбы поручена Ю. Харитону. В дело включились Я. Зельдович, И. Кикоин и Г. Флёрв.

Немецкий опыт был использован еще в одной области науки и техники — ракетостроении. В 1947 году под Москвой, в Подлипках, вырос новый поселок с лабораториями, мастерскими и бытовыми службами для ста семидесяти семи немецких специалистов. Здесь, как и в Сухуми, были созданы условия строгой секретности: бывшие подданные гитлеровского рейха налаживали выпуск ракет «ФАУ-2». Затем их перевели в новое место, в филиал № 1, откуда немецкие инженеры и ученые в 1951 году вернулись на родину. Все это дало повод иностранной прессе утверждать, будто без немецких специалистов Советский Союз не смог бы создать современное ракетное оружие. В действительности же советские конструкторы внесли немало оригинального в отечественную программу, и уже в 1951 году армия получила на вооружение новую ракету Р-2, через год — мощную Р-5, несущую ядерный заряд.

Разработку и производство этого сверхоружия тоже контролировал Лаврентий Берия.

Что касается урановой руды, то ее разведка была налажена еще в начале 30-х годов при Менжинском. Созданная при ОГПУ Особая экспедиция вошла в систему ГУЛАГа и широко использовала труд заключенных. Безвинные жертвы массового террора работали потом на урановых рудниках, они гибли при Ягоде и при Ежове. При Берия — в масштабах невиданных — на дальнем Севере, за Уралом, в Казахстане...

На строительстве объектов новой отрасли Берия проявил невиданную энергию и мобильность. Он не устал лично выбирать площадки для заводов, обследовать территорию будущих жилых поселков, контролировать строительство. Транспортные средства,

снабжение, охрану обеспечивали особо уполномоченные полковники и генералы госбезопасности. Они же следили за соблюдением секретности.

Берия мог не думать о взаимоотношениях ученых, военных и государственных деятелей. Ему было просто и легко решать все проблемы — вербовку ученых и инженеров, финансирование, снабжение, транспортировку грузов. Сталинский режим обеспечивал ему все.

В таких условиях удавалось достигать невиданно высоких темпов строительства объектов при отличном качестве работ. Пример тому — создание Объединенного Института ядерных исследований в Дубне. Берия старался лично вникать во все детали строительства международного научного центра, начиная с проекта и кончая озеленением будущего города. Часто приезжал на строительство первого синхротрона. В рабочей силе недостатка не было: как и на многих ударных стройках, здесь использовали труд заключенных. Дубна стала городом в 1956 году, но еще десять лет спустя оставались неподалеку от коттеджей, возведенных для ученых, своих и западных, деревянные бараки бывшей зоны.

Заключенные работали на бериевских объектах в разных регионах, вплоть до Дальнего Востока. Из Дубны туда часто выезжали специалисты и всякий раз поражались образцово-четкой организации дела. Командированных оперативно и безотказно обслуживали на транспорте и в гостиницах, обеспечивая максимум удобств. За каждым правительственным решением по Урановому проекту следовали без промедления практические меры. На объекты завозили необходимые материалы, технику,

сразу же приступали к строительству удобного жилья для так называемых вольных специалистов и зоны для заключенных; благо, колючей проволоки в стране производили в избытке. Не надо думать, однако, будто Сталин, возложив ответственность за Урановый проект на Берия, устранился от непосредственного руководства этим делом. Вернувшись после Потсдамской конференции в Москву, он вызвал Курчатова и упрекнул его в излишней скромности. По мнению Сталина, для ускорения работ надо требовать гораздо больше специалистов и материалов. «Сколько людей погибло, столько разрушено. Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает», — ответил ученый. «Дитя не плачет — мать не разумеет, что ему нужно, — раздраженно произнес Сталин. — Просите все, что угодно, отказа не будет».

Сталин подсказал Берия принципы, на которых должна была строиться структура руководства двумя проектами — созданием атомного оружия и радиолокационных систем. При Совмине СССР создали Первое Главное управление (ПГУ), которому подчинили все задействованные в Урановом проекте министерства, институты, конструкторские бюро. Назначенный начальником управления министр боеприпасов Б. Л. Ванников мог действовать совершенно самостоятельно, не обращаясь к правительству. Его заместителями были утверждены такие крупные организаторы промышленности, как А. П. Завенягин и М. Г. Первухин, а по научной части — И. В. Курчатова.

Фактически ПГУ оказалось не при, а над Советом Министров, но и оно не было в действительности главным. Сталин поставил его в подчинение Специальному комитету при Государственном Комитете Обороны СССР под председа-

тельством Берия. Этот особо секретный орган обладал всей полнотой власти в самом важном для сталинской диктатуры деле — разработке и производстве сверхоружия. Тогда же был учрежден еще один засекреченный спецкомитет по радиолокации во главе с тем же Берия.

Такая сложная структура, да еще с двумя тайными надстройками, выглядела слишком громоздкой, однако на практике она оказалась весьма эффективной. Но был и еще один фактор, ускоряющий дело, — страх. Под бдительным оком Лубянки, под личным руководством Берия ни одно ведомство, ни один человек не смели работать в полсилы. Фактически люди были лишены права на ошибку, на производственный брак.

Однако Берия лично, за редким исключением, не пользовался рычагами устрашения. Ученых-атомщиков он привлекал сказочными по тем временам материальными благами и, что для многих специалистов было главным, перспективой исследовательской работы в новых лабораториях на переднем крае науки. Свои предложения Берия подкреплял обещанием тройных, десятикратных окладов, предоставлением прекрасных квартир, особняков, курортного лечения. Если какой-либо специалист ссылаясь на состояние здоровья или семейные обстоятельства, Берия с готовностью брался все устроить — немедленно и с превышением. Кто осмелится отклонить его настойчивые предложения?

Поскольку Берия возглавлял оба спецкомитета, он проводил заседания, не разделяя состава участников. Официальный список членов неизвестен. На заседания, проводившиеся на Лубянке, иногда в Кремле, приглашали ответ-

ственных лиц, например, заместителя Курчатова И. Н. Головина и доктора наук И. И. Гуревича. В кабинете было два больших, отдельно стоящих стола. Рядом с Берия сидел генерал П. Я. Мешик; он отвечал за надежность, секретность и безусловную преданность всех занятых в системе. За вторым столом располагались Б. Л. Ванников, М. Г. Первухин, А. П. Завенягин, И. В. Курчатова, Н. И. Павлов и группа генералов. На заседаниях, которые Берия собирал довольно часто, обсуждались проекты постановлений правительства, готовились документы на подпись Сталину. В Институт их доставляли специальные курьеры в особых конвертах с пометкой «Сталин», но без его факсимиле.

Берия, держа по правую руку главного надзирателя Мешика, строго взыскивал с присутствующих за малейшие срывы, но до наказания дело не доходило: все работали как надо.

В 1946 году при Лаборатории № 2 было создано специальное Конструкторское бюро № 11. Его начальником назначили П. М. Зернова, научным руководителем — Ю. Б. Харитона. Здесь, на базе одного из оборонных заводов, и началось конструирование первой атомной бомбы, при строжайшем соблюдении государственной тайны.

Секретность органично вошла в работу и жизнь ученых и всех специалистов, но Берия при каждом случае жестко напоминал о ее соблюдении. Когда 25 декабря 1946 года Курчатов запустил в своем Институте первый в Европе ядерный реактор Ф-1 (под кодовым названием «монтажные мастерские» или «монтажка»), он тотчас позвонил директору завода Е. П. Славскому:

— Ефим, пошла! Приезжай срочно...

— Игорь Васильевич, а ты руководству докладывал? — спросил Славский.

— Нет еще.

— Срочно звони!

В присутствии Славского Курчатов позвонил Берия.

— Сколько специалистов участвовало в пуске реактора? — спросил главный куратор.

— Пять человек.

— Так вот, кроме вас и этих пяти, ни одна живая душа ничего не должна знать об этом событии. Я сам приеду и посмотрю...

— Ефим, ты ничего не знаешь, — сказал Курчатов.

Лишь три месяца спустя Славскому официально «стало известно» о пуске реактора.

Через несколько лет, когда один из уральских заводов полностью выполнил план выпуска предназначенных для Уранового проекта агрегатов и встал вопрос о ликвидации сверхсекретного предприятия, Берия приказал эвакуировать всех работников, вместе с семьями, на дальний Север. И в среднем течении знаменитой Колымы появился новый поселок с двумя зонами — для заключенных и вольных инженеров, техников и охранников во главе с генералом, переселенных с Урала. Отпустили их только после испытания отечественной атомной бомбы, в начале 1950 года.

В те годы Берия казался неутомимым. Он не пропускал закладку заводов, приезжал к началу пусконаладочных работ, присутствовал на всех испытаниях, иногда лично возглавлял правительственную комиссию. Так было и на приемке цеха по электромагнитному разделению изотопов и цеха по переработке уранового топлива...

Разъезжал Папа Малый в своем специальном поезде. Если позволяло расстояние, от объекта к станции, где останавливался Бе-

рия, экстренно прокладывали железнодорожный путь или же проводили через тайгу и болота лежневую дорогу из коротких жердей для проезда автомобиля. По этой же лежневке прибывали к Берия ответственные руководители. Экстренные дорожные работы выполняли заключенные; солдаты внутренних войск МВД несли охрану. Один старый железнодорожник рассказал заместителю Курчатова о том, как им хорошо жилось в те годы: «Часто ездил на своем спецпоезде Берия, и мы ежемесячно получали по две зарплаты...»

В своем поезде Берия и жил, а людей принимал в двух вагонах, оборудованных под конференц-зал и канцелярию.

Энергия, незаурядный талант организатора и напор, проявленные Берия в неустанных атомных хлопотах, вызывали искреннее удивление современников. Сам Курчатов, его заместители и помощники не раз говорили, что без руководящего участия Берия добиться успеха в столь сжатые сроки не удалось бы.

И все же, конечно, надо четко представлять себе, что какими бы ни были заслуги Берия-«атомщика», они лишь помогают полнее прописать портрет Берия-палача, ибо в историю страны Лаврентий Павлович вошел именно как палач.

...В марте 1938 года на судебном процессе в Колонном зале Дома союзов Генрих Ягода в последнем слове просил сохранить ему жизнь. Он готов был пойти на стройку простым рабочим. Было время — народный комиссар внутренних дел Ягода руководил строительством Великих каналов, которые прославили Родину на весь мир.

В декабре пятьдесят третьего, на заседании Особого судебного

присутствия, Лаврентий Берия тоже просил снисхождения: «Я могу еще пригодиться...» Он сослался на свой богатый опыт государственной деятельности, напомнил о руководящем участии в создании отечественного сверхоружия...

А ведь по натуре своей Берия был человеком ленивым. В Закавказье, в тридцатые годы, да и ранее заслуженный чекист Берия старался переложить всю тяжесть работы на плечи заместителей и помощников. На протяжении ряда лет деятельностью органов ГПУ — НКВД фактически руководил Тите Лордкипанидзе, а Берия отдавал явное предпочтение собственным удовольствиям. Любил председательствовать, выступать с докладами, не им, разумеется, написанными. Заложенную в нем природой энергию он тратил лишь на интриги и провокации да на любовные утехы.

54 Академик А. П. Александров четко разделяет всех лиц, причастных к атомному проекту, на несколько групп. Курчатова он характеризует как вполне компетентного ученого и ответственного организатора, богато одаренную личность. Что касается практических руководителей — министров и генералов, то далеко не все заслужили добрую память. Б. Л. Ванников, Е. П. Славский, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин поначалу почти ничего не понимали в атомном проекте. Однако упорный труд помог им приобщиться к новому делу и с большой пользой применить свой организаторский опыт. Совсем иную, тормозящую роль сыграли генералы, привыкшие лишь властвовать. Для них проблема сводилась к простой формуле: «Взорвется — не взорвется?». Именно такой подход и продемонстрировал маршал (с июля 1945 года) Берия, хотя в органи-

зацию самого дела он и вложил колоссальную энергию.

В одном из писем Петра Леонидовича Капицы Сталину, датированном 25 ноября 1945 года, есть нелестная оценка всесильного фаворита. «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете, как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках... У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо». Капица не отказывает Берия в энергии и умении быстро ориентироваться в сложных ситуациях, но тут же отмечает ленивый характер этого начальника и чрезмерную самоуверенность, которая помешала Берия принять предложение академика помочь ему овладеть физикой, а заодно познать по первоисточникам историю техники. «Но для этого нужно работать, — пишет Капица, — а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле — это еще не значит руководить проблемой».

...Девять раз за последние две недели назначал Берия аудиенцию Капице и всякий раз отменял. К этому приему Папа Малый прибегал обычно тогда, когда хотел «поставить на место» маститого ученого. Капица предлагал Сталину вывести ученых из положения подчиненных и, оказав им полное доверие, поставить во главе государственных проектов, ибо Берия и прочие начальники к мнению ученых мало прислушиваются.

Капицу, всемирно известного ученого, не устраивало положение слепого исполнителя административной воли, и он просил Сталина освободить его от участия в Особом Комитете и Техническом Совете. Он полагал, что Берия будет

доволен его уходом. Подчеркнув, что это письмо не является «доносом», он просил Вождя ознакомиться с ним товарища Берия.

Через несколько дней тот позвонил Петру Леонидовичу.

— Товарищ Сталин показал мне ваше письмо. Надо поговорить. Приезжайте.

— Мне с вами говорить не о чем, — ответил Капица. — Если вы хотите поговорить со мной, то приезжайте в институт.

Пришлось Лаврентию Павловичу ехать самому. Он преподнес строптивому ученому богато инкрустированную тульскую двустолку, однако это, конечно же, не могло изменить мнения Капицы о шефе тайной полиции в роли куратора атомного проекта.

Мог ли мстительный, злобный соратник Сталина оставить письмо Капицы без последствий? Травить ученого он начал еще в августе сорок пятого. Верный своей привычке действовать через подставных лиц, он уже в качестве председателя Бюро Совета Министров СССР предложил назначить заместителем Капицы по Главкислороду М. К. Сукова, который послал на имя Сталина явно инспирированное письмо, содержащее клеветнические измышления о деятельности честного ученого. В письме-доносе нашлось место и политическим обвинениям.

После того письма интриги против Капицы возобновились с новой силой. Исполнителем злой воли на сей раз выступил профессор И. П. Усюкин. В феврале 1945 года он выдвигал работу Капицы «Установки высокой производительности для получения жидкого кислорода» на соискание Сталинской премии, а четыре месяца спустя оценил результаты деятельности ученого как порочные и предложил использовать немецкие установки и западную технологию.

Пораженный его беспринципностью, Петр Леонидович жалуется Сталину на действия экспертных комиссий, которые, не посмотрев даже установку, дали неблагоприятные отзывы. При этом председатели этих комиссий — Первухин, Сабуров, Малышев — даже ни разу не выслушали объяснений академика Капицы.

Нетрудно догадаться, кто стоял за кулисами этого вредоносного для государства действия.

У Берия были все основания ненавидеть ученого. К этому столь естественному для него чувству примешивался еще и страх за свою шкуру. 4 апреля 1946 года Сталин отправил Капице письмо, в котором тепло отзывался о письме академика и высказал пожелание побеседовать с ним. Если такая встреча состоится, ученый не преминет сообщить генсеку о художествах главного куратора атомного проекта. Как упредить зарвавшегося академика? Уничтожить, и дело с концом!

Летом начальник тыла Вооруженных Сил СССР генерал А. В. Хрулев оказался свидетелем знаменательной беседы в кабинете вождя. Берия настаивал на аресте Капицы, Сталин ему решительно отказал. «Я его тебе сниму, — сказал он, — но ты его не трогай».

Семь лет продолжалась опала замечательного ученого. Он стал затворником на своей подмосковной даче. Вместо созданного им Института физических проблем — изба на Николиной Горе, в которой и разместилась его лаборатория. Опала была снята с Капицы лишь в августе 1953 года, после ареста Берия.

В сентябре 1955 года Капица писал Н. С. Хрущеву о «невыносимом отношении Берия к науке и ученым». Ученый отошел от атомного проекта из-за Берия, а тот распустил слух, будто акаде-

мик отказался участвовать в создании бомбы в силу своих пацифистских убеждений. В письме Хрущеву Капица упоминает также о мерах, принятых Берия, чтобы погубить кислородную проблему. Благодаря злонамеренным действиям лубянского воротилы решение ее задержалось на много лет.

Как все это согласовать с положительными отзывами ученых-атомщиков о Лаврентии Берия как умелом, энергичном организаторе? Он был не так уж прост, и с помощью одной черной краски его достоверный портрет не воссоздать.

Рассказ об атомном короле был бы неполным без свидетельства Андрея Дмитриевича Сахарова. Бериевские агенты пытались привлечь его к работе в сухумском научном центре, обещая замечательные возможности для исследовательской работы и не менее замечательные материальные блага. Беседа с неким «генералом Зверевым» состоялась в гостинице в конце 1946 года, и если бы не отказ молодого ученого, его положение изменилось бы круто. Однако, как пишет в своих «Воспоминаниях» Сахаров, ему все же пришлось заниматься разработкой термоядерного оружия — с конца июня 1948-го до июля 1968 года. С Берия ученый встречался много раз в его кремлевском кабинете № 13.

«...Берия обратился ко мне с вопросом, как идет работа... у Курчатова. Я ответил. Он встал, давая понять, что разговор окончен, но вдруг сказал:

— Может, у вас есть какие-нибудь вопросы ко мне?

Я совершенно не был готов к такому общему вопросу. Спонтанно, без размышлений, я спросил:

— Почему наши новые разработки идут так медленно? Почему

мы все время отстаем от США и других стран, проигрывая техническое соревнование?

Берия ответил мне прагматически:

— Потому что у нас нет производственно-опытной базы. Все висит на одной «Электросиле». А у американцев сотни фирм с мощной базой.

Такой ответ был мне, конечно, не интересен. Он подал мне руку. Она была пухлая, чуть влажная и мертвенно-холодная. Только в этот момент я, кажется, осознал, что говорю с глазу на глаз со страшным человеком.

Летом 1952 года (если мне не изменяет память) произошел такой эпизод.

Возникли задержки в производстве одного из основных входящих в изделие материалов. Ответственным по Первому Главному Управлению за производство этого материала был Н. И. Павлов, один из руководящих работников ПГУ, кажется, в то время полковник КГБ (а может, уже генерал). Существовало в принципе два различных метода производства — назовем их «старый» и «новый». Старый метод использовал завод, ранее построенный для другой цели, впоследствии отпавшей. Новый метод использовал установку, специально построенную на основе оригинальных научно-технических разработок, и был гораздо более перспективным. Павлов, то ли из перестраховки, то ли желая как-то использовать уже существующий завод, решил скомбинировать оба метода; ничего хорошего из этого не получилось, план производства материала был сорван.

На совещании у Берия, на котором я присутствовал, кто-то поднял этот вопрос. Берия уже имел, видимо, свою информацию. Он встал и произнес примерно следующее: «Мы, большевики, когда

хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало еще более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы вас не будем наказывать, мы надеемся, что вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!»

Берия говорил твердо «турма» вместо «тюрьма». Это звучало жутковато. Грозным признаком было и обращение на «вы». Павлов сидел молча, опустив голову, как, впрочем, и все остальные присутствующие.

На том же заседании решался вопрос о направлении на объект «для усиления» академика М. А. Лаврентьева и члена-корреспондента А. А. Ильюшина. Когда была названа фамилия Ильюшина, Берия удовлетворенно кивнул, очевидно, она уже была ему известна.

...Лаврентьев и Ильюшин были направлены на объект в качестве «резервного руководства»: в случае неудачи испытания они должны были сменить нас немедленно, а в случае удачи — немного погодя и не всех... Лаврентьев старался держаться в тени и вскоре уехал. Что же касается Ильюшина, то он вел себя иначе. Он вызвал нескольких своих сотрудников и организовал нечто вроде «бюро опасностей». На каждом заседании Ильюшин выступал с сообщением, из которого следовало, что обнаружена еще одна неувязка, допущенная руководством объекта, которая неизбежно приведет к провалу. Ильюшину нельзя было отказать в остроумии и квалификации, и все же, как правило, он делал из мухи слона (но в случае неудачи испытания укус каждой из этих мух был бы смертелен: он мог бы сослаться на то, что «предупреждал»).

Американцы, взорвавшие пер-

вое атомное устройство 16 июля 1945 года, явно недооценивали научно-технический потенциал СССР. «Для того чтобы догнать нас, Советам в самом лучшем случае потребуется до пятнадцати лет», — заявил генерал Гровс специальной комиссии Конгресса. Роберт Опенгеймер, отец первой атомной бомбы, был настроен не столь благодушно, но и он не мог предположить, что советские ученые преодолеют отставание всего за четыре года.

29 августа 1949 года в 7 часов утра под Семипалатинском прогремел взрыв первой атомной бомбы. Председатель Государственной комиссии Лаврентий Берия провел последние сутки перед испытанием без сна, обошел все объекты, присутствовал при окончательной сборке и проводил первенца к лифту перед подъемом на стальную вышку.

«...Берия появился на командном пункте, расположенном в десяти километрах от башни, когда уже начался отсчет времени, — писал впоследствии Н. Головин. — Курчатов, меривший большими шагами пол укрытия, останавливается рядом с Флёровым. Остается пятнадцать минут, десять... И вдруг:

— А ничего у вас, Игорь Васильевич, не получится!

— Что вы, Лаврентий Павлович! Обязательно получится!

Курчатов углубляется в наблюдение фона нейтронов, и только помрачневшее лицо выдает его состояние.

Когда раздался взрыв — точно в расчетную секунду, — Курчатов бросился наружу, взбежал на земляной вал с криком: «Она! Она!..» Его вернули в укрытие. К Игорю Васильевичу подошел Берия, обнял и расцеловал:

— Было бы большим несчастьем, если б не вышло!

За два года до этих событий американцы испытали свою бомбу в Атлантике, пригласив на атолл Бикини советских ученых — наблюдателей М. Г. Мещерякова и Д. В. Скобельцина... Теперь Лаврентию Павловичу важно было узнать мнение свидетелей того испытания. Он позвонил на наблюдательный пункт, где находился Мещеряков.

— Михаил Григорьевич! Похоже на американский? Очень? Мы не сплеховали? Курчатов нам не втирает очки? Все так же? Хорошо! Значит, можно докладывать Сталину, что испытание прошло успешно? Хорошо, хорошо!

Берия дал команду генералу, дежурившему у телефона, тотчас же соединить его со Сталиным по ВЧ. В Москве взял трубку А. Поскребышев.

— Иосиф Виссарионович ушел спать.

— Очень важно, все равно позвоните ему.

Через несколько минут ответил сонный голос:

— Чего тебе?

— Товарищ Сталин, все успешно. Взрыв такой же, как у американцев...

— Я уже знаю, — ответил Сталин. И положил трубку.

Берия взорвался, набросился с кулаками на побледневшего генерала.

— Вы и здесь суете мне палки в колеса, предатели! Сотру в порошок!

Неужто генерал осмелился сам сообщить Сталину о результатах испытания? Конечно же, нет. Хозяин остался верен себе, приставив к главному куратору своих людей. И Берия знал об этом.

Испытание бомбы было, по указанию Берия, заснято на киноплёнку. Однако кинофильм, отражавший от начала до конца процесс испытания, не видел никто,

кроме узкого круга специалистов. Не был он показан ни одному члену Политбюро, кроме генсека. Молотов жаловался в 1953 году, уже после ареста Берия: «Он даже нам не показал этот фильм...»

Был в обслуге Сталина киномеханик, которому и Берия оказывал личное доверие. Лаврентий Павлович вызвал его в просмотровый зал, где никого не было, и помаанил пальцем:

— Ты знаешь, что с тобой случится, если хоть одна живая душа услышит от тебя об этом фильме?

— Знаю, товарищ Берия.

— Ну, тогда начинай.

В том, что взрыв под Семипалатинском очень скоро перестал быть тайной для западных держав, винить некого. Утечка такой информации, несомненно, входила в планы Папы Большого и Папы Малого. Не обошлось без ложного сообщения ТАСС от 25 сентября, о том, что якобы в СССР на строительстве одного объекта были применены взрывные работы. Что же касается атомного оружия, то им страна располагает с 1947 года...

Вождь внимательно следил за ходом подготовки испытаний, ему не терпелось своими глазами взглянуть на бомбу. Летом 1949 года он приказал привезти к нему в Кремль плутониевый заряд. Один из генералов, сопровождавших Курчатова, вспоминал позднее:

«— А это не муляж? — спросил Сталин Курчатова, указав на небольшое никелированное полшарие.

— Нет, Иосиф Виссарионович. Положите руку на заряд, и вы убедитесь в том, что он выделяет тепло.

Сталин так и сделал и удивленно покачал головой.

— Игорь Васильевич, а почему бы этот заряд не разделить на две

части и не сделать нам две бомбы?

— Нельзя, Иосиф Виссарионович. Есть такое физическое понятие, как критическая масса. Она ставит предел: если плутония по весу будет меньше критической массы, бомба просто не взорвется.

Сталин долго ходил по кабинету, наконец остановился.

— А вы здесь не ошибаетесь, Игорь Васильевич? Я так думаю: критическая масса все же понятие не физическое, а диалектическое...

Курчатов обладал гибким умом.

— К сожалению, Иосиф Виссарионович, уровень знаний сегодняшней науки еще недостаточен, и уменьшать критическую массу мы еще не можем, но, естественно, будем работать в этом направлении».

Странное дело, полуобразованный Хозяин, надев маску Великого Ученого, случайно попал в самую точку. Много лет спустя, когда научились огромным давлением частично сминать кристаллическую решетку делящихся металлов да еще прокладывать листы плутония листами замедлителей нейтронов, удалось освоить метод уменьшения критической массы.

И еще одна памятная беседа Сталина с Курчатовым. Она состоялась в начале сентября, перед испытанием первой бомбы. Сталин был заметно озабочен.

— Вот испытываем бомбу, Игорь Васильевич, а американцы проносятся о том, что у нас еще не наработано сырье для второго заряда и полпрут на нас. А нам нечем будет ответить...

— Постараемся подготовить сырье, Иосиф Виссарионович, — ответил Курчатов.

Времени оставалось в обрез, но ко дню взрыва первой бомбы второй плутониевый заряд был изготовлен.

Встал вопрос, как определить

долю участия в атомных проектах каждого ученого-инженера. Эта проблема была решена в кабинете Берия. Об этом рассказывал Курчатов: «Я несколько дней ходил озадаченный. На очередной встрече с Берия в его ведомстве он спросил: почему это я хмурюсь, когда дело сделано? Когда я рассказал, Берия подумал и вытащил из своего хранилища какое-то номерное дело, в котором оказались списки всех участвующих в оружейном проекте — по всем ведомствам. Против каждой фамилии проставлена мера наказания (от расстрела до стольких-то лет лагерей). На тот случай, если бы бомба не взорвалась. При этом мера «ответственности» была уготована каждому в строгом соответствии со степенью важности выполняемых работ.

— Так вот, — смеясь сказал Берия, — по этим спискам мы никого не пропустим и одновременно легко и оперативно определим меру вознаграждения каждому.

Так и было сделано».

Ордена, медали, дачи, автомобили, денежные премии, подарки, льготы, почетные звания щедрым дождем пролились на тружеников атомной программы, создателей советского сверхоружия.

Сталин был щедр. Однако что стало бы с лауреатами в случае неудачи, пусть временной? Но это уже были заботы Лаврентия Берия.

Триумфальное завершение атомной программы укрепило позиции второго после Сталина вождя. Но он лелеял тайную цель, для осуществления которой надо было взять под свой контроль армию, ее Генеральный штаб. Здесь он тоже преуспел, а Хозяин, как это ни удивительно, проглядел хитрые маневры своего верно-го слуги.

...Войну Семен Штеменко начал

в звании полковника. За плечами — две академии и небольшой опыт командования танковым батальоном. В Генеральном штабе, где он служил с 1940 года в должности старшего помощника начальника отдела, Штеменко вскоре занял место заместителя начальника направления, затем — пост начальника Ближневосточного направления. В 1942 году, когда Берия вошел в состав Военного совета Кавказского фронта, Генштаб направил к нему генерал-майора Штеменко.

Вероятно, Берия остался доволен таким помощником, иначе он не взял бы его с собой в Тегеран весной 1943 года для подготовки конференции глав союзных государств. Берия полагал, что сопровождать его должен непременно генерал-лейтенант, и это звание было присвоено Штеменко немедленно, всего через четыре месяца после первого генеральского чина. В том же 1943 году, в ноябре, тот стал генерал-полковником и занимал посты начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба. Минувло пять лет, и Штеменко возглавил Генштаб в звании генерала армии.

Это назначение было совершенно неожиданным для маршала Василевского, первого заместителя министра обороны. Василевский занимал пост начальника Генштаба и просил Булганина освободить его от этой работы, рекомендовав на свое место опытного генерала армии Антонова. Однако на заседании Политбюро Сталин «рекомендовал» на пост начальника Генштаба Штеменко. Антонова же послали, со значительным понижением, в Кавказский военный округ.

Еще более неожиданное произошло в июне 1952 года, когда Штеменко без объяснения причин сняли с поста начальника Генштаба и отправили в ГДР в качестве

начальника штаба группы советских войск.

Кто же способствовал внезапному и такому скорому возвышению генерала? Кто обеспечил награждение Штеменко орденами, предназначенными лишь полководцам? И почему Сталин резко оборвал его карьеру в 1952 году? Ответ столь очевиден, что исключает поиск иных версий. Берия, став руководителем атомного проекта и фактическим распорядителем сверхоружия, задумал взять под свой контроль и армию.

Сталин, конечно же, заметил, пусть с опозданием, куда клонит атомный король, и снял Штеменко с ключевого поста в тот момент, когда противоборство достигло высшей точки. Что касается объяснения, которое Сталин посчитал нужным дать Василевскому один на один по поводу смещения Штеменко («он все время пишет, и пишет, и пишет на вас. Надоело.»), то делалось все это не без ведома Берия. Таким способом он надеялся освободить для своего человека кресло министра обороны.

После ареста Берия в июне 1953-го Штеменко постигло катастрофическое понижение в звании и должности. Он стал генерал-лейтенантом и был послан в Западно-Сибирский военный округ начальником штаба. Новый взлет последовал в 1956 году, после XX съезда партии, когда его назначили начальником Главного разведывательного управления и вскоре вернули звание генерал-полковника. Генералом армии он стал вновь в 1968 году.

Вся послевоенная деятельность Берия, особенно участие в атомной программе, убеждает в том, что в его лице Сталин получил равного себе противника. Второго, подобного Берия, история не знает...

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Жизнь хороша! Конечно, когда живешь, а не просто существуешь. Вот уже скоро двадцать лет, как я внештатный корреспондент многих редакций, хотя стал им случайно: была тогда у меня вторая группа инвалидности, и на работу никто не брал (я по профессии строитель). Добрые люди посоветовали «писать». Казалось бы, ничего в этом особенного — мало ли у нас внештатных корреспондентов. Но дело в том, что по всем медицинским показаниям мне не то чтобы писать, давно пора быть в доме инвалидов или в крайнем случае сидеть на лавочке возле подъезда. Диагноз моей болезни серьезный — склероз. А я не только «пишу» (поставил кавычки специально, потому что реально оцениваю свои способности), я многое еще и делаю. К примеру, из Сибири весной и осенью на море езжу. Почему все это стало возможным? Да потому, что повезло мне еще в 1964 году, когда впервые попал в больницу и мне поставили этот диагноз. Врач попался умный. «Мы, — сказал он, — болезнь эту не лечим, все будет зависеть от тебя. Движение — твое единственное эффективное лечение».

И стал я «двигаться», то есть заниматься лечебной физкультурой. В больницах (а отлежал я в них около сорока раз)

основным лечением были специальные упражнения. В шесть утра, когда все больные еще спали, я был уже в кабинете ЛФК. С тех пор занимаюсь ежедневно. Утром — зарядка, потом обязательно душ. Три раза в неделю «работаю» с гантелями, после занятий — тоже душ. Закаляюсь. По квартире круглый год хожу босиком и в одних плавках (благо живу один). Хожу босиком по росе, зимой по снегу. Возвращаюсь после такого хождения в квартиру, а с фотографии (с дарственной надписью) Порфирий Корнеевич Иванов, широко известный сейчас создатель оздоровительной системы, одобрительно смотрит. Все время он мне помогает. Ведь последние слова его были: «Я ухожу, чтоб оттуда вам помогать». Да и море для меня не отдых, не развлечение, а тоже лечение. Плаваю там по способу йогов, отжимаюсь от берега. Знаете, что такое море? Если дома с трудом отжимаюсь 25 раз, на море — более сорока. Море не только лечит, молодость возвращает: мне почти 54 лет никто не дает. Вот и советую я всем: занимайтесь физкультурой. Не важно, чем именно — бегом или плаванием, лишь бы регулярно и до самой старости.

А. СЕВЕРЦЕВ,
Новокузнецк

ДИОНИСИЙ

БОРИС ЗОТОВ

У

дивительный народ россияне: вроде бы и чтут великих своих художников, а потомкам оставляют до обиды мало точных сведений об их жизни и делах. Потом, спустя века, спохватываются и пишут том за томом, пытаются воссоздать биографии выдающихся своих предков по нескольким коротким строчкам в летописи. Так случилось и с одним из лучших наших стенописцев — с Дионисием, создателем изумительных иконостасов и очаровательных фресок. В этом году отмечается 550 лет со дня рождения Дионисия, но эта дата весьма условна: она в солидном допуске плюс-минус десять лет. А ведь именно Дионисий и замкнул вершину того мощного опорного треугольника русской живописи, который заложили Феофан Грек и Андрей Рублев.

Дионисий, Рублев и Грек заложили основу, они же и свили в единое древо и крепкие народные корневые жилы, и поздние обогащающие, плодотворные прививки других культур. Язычество и христианство, Древняя Русь и Византия, возвышенное и земное, темные поверья и политические злобы дня... У этой троицы было все.

Бегло о предтечах Дионисия — о Феофане Греке и Андрее Рублеве. Сразу оговорюсь: в одном ряду с этими художниками стоял и ныне безвестный Прохор «с Городца». А он, может быть, еще выше обоих. Мы просто ничего не знаем о Прохоре, с привычной щедростью разбрасывая таланты по обочинам истории нашей культуры. Пока напомним о признанных, обласканных вниманием мастерах.

Феофан Грек — это густо-сумрачная цветовая гамма, бурное движение, подчеркнутое то энергичными белыми «движками», то золотыми асистами. Но Феофан Грек не только артистичен, он и глубокий философ, удивлявший современников разнообразием таланта: фрескист, иконописец, декоратор, «книг-изограф нарочитый»... Феофан внес в русскую почву лучшие плоды византийской художественной системы.

Рублев и его артельщики работали в Благовещенском соборе Кремля рядом с Феофаном, присматривались, перенимали, но не очень. «Рустии родом, а гречестии ученицы», — отметил летописец. И Андрей Рублев преобразовал греческие образцы, переосмыслил их в полном соответствии с нравственными идеалами своего народа. От страстной патетики он перешел к стойкой в убеждениях смиренности и созерцательности, он отправлялся не столько от Бога, сколько от Человека, которого и поставил тихо в центр мироздания. Рублев опередил Рафаэля! Поэтому спустя столетие и смог высоко подняться Дионисий: он опирался на плечи гигантов.

Итак, разговор о Дионисии. К нему, художнику таинственного пятнадцатого века, вели не только обстоятельные исследования, начавшие появляться после затмений двадцатых — тридцатых годов. Когда-то, в начале шестидесятых, в среде туристов — любителей старины прокатилась молва, что где-то за Вологдой, в кольце непроходимых болот и лесов, каким-то чудом сохранился в первозданной целостности и полной сохранности монастырь, расписанный Дионисием «со товарищи». Говорили и о трудностях водного, а равно и сухого пути туда. Но желание увидеть не фотографии и не отдельные иконы со спорной атрибуцией, не куски освобожденных от поздних наслоений и практически заново переписанных реставраторами фресок, а подлинные стенные росписи пятисотлетней давности неодолимо звало в путь.

...Автодорога от Москвы до Ярославля тогда была однорядной, но вполне приличной. Как ехать дальше, я представлял не очень четко. На примитивной туристской карте местные трассы растекались красными и желтыми ручейками «улучшенных» шоссе, но у меня уже был опыт поездок к памятникам древнерусской архитектуры. Цену карте я знал. В принципе мне нужна была не сама Вологда, а крохотный населенный пункт Феропонтово. В гудящей и занавешенной синим дымом шоферской забегаловке на окраине Ярославля не нашлось ни одного водителя, толком знающего путь хотя бы до Вологды. Указующие персты сошлись, наконец, на одном парне. С оттенком почтения прозвучало: «Он в Данилов ездил».

Парень подивился: не мог подсечь, зачем из-за фресок ехать так далеко. Спросил, какая машина, давно ли я за рулем и когда собираюсь выезжать. Покачал головой в большом сомнении и вынес вердикт: «Вчера дождь был. Подождать бы денек-другой».

Но я все же поехал. Дорога оказалась заслуживающей отдельной саги. Шоссе республиканского красного цвета оказалось цепочкой колдобин и залитых водой воронок, будто после хорошей

бомбежки. Вдоль кюветов ржавели вырванные с корнем передние и задние мосты. Мой надежный «четырееста седьмой» трещал и стонал, ныряя в западни и волчьи ямы, но все продвигался вперед. Дорога, стиснутая суровыми корабельными лесами, была пустынна. Единственная встреча состоялась с водителем такого же «Москвича», пробиравшегося навстречу. Не сговариваясь, мы бросили машины прямо на проезжей части и по-братски разделили обед на обочине, жадно обсуждая особенности преодоления грязевых ловушек коварной трассы.

Шестьдесят километров от Ярославля до центра Данилова, где красовался забытый людьми и богом огромный собор, отняли пять с половиной утомительнейших часов. Упоминаю об этих деталях не с ностальгическим вздохом о временах бездорожья, окрашенных всеобщим автомобильным содружеством, когда около любой машины с поднятым капотом тормозили в готовности помочь. Моя цель в другом: показать, что путь к Дионисию по тяготам и затрате нервов в какой-то момент стал подобен путевым ощущениям паломников полутысячелетней давности. Значит, и впечатления от встречи с его творением оказались сопоставимыми.

Усталый путник поднимался на высокий холм, оставляя позади скромную, неяркую зелень северных лесов и спокойное озеро с плавающими серыми облаками. Он входил в главный монастырский храм Рождества Богородицы, и сердце его поражало — не могла не поразить — яркая лазурь будто в самую высь распахнутых сводов. Свободный полет легких фигур по парусам и подкупольным барабанам, роскошная гамма пастельных, розовых, охристых, белых, вишневых и прозрачно-лиловых тонов... И сразу человек поднимался над обыденностью, он начинал ликовать, и наступал в его душе праздник красоты.

Дионисий был великим мастером изысканной композиции и элегантного декора. Но не только. Работа Дионисия и всей его дружины художников в Ферапонтовом монастыре поражает тонкостью, поэтичностью и благородством образов. На первом плане здесь, естественно, сама Мария, в честь которой и был построен храм, вошедший в драгоценное ожерелье памятников архитектуры раннемосковской эпохи.

Кстати, о Москве и государственных делах того времени. Решительно нет никакой возможности понять творчество Дионисия в отрыве от жгучих проблем его эпохи. Художники и вели общество к нравственному совершенству, и обслуживали его, насыщая эстетические потребности дня. Храмы строились в честь побед; без иконы нельзя было ни родиться, ни умереть; без креста никто не мог ступить и шагу. Короче, церковь составляла философию, политику и мораль общества одновременно. Для скрепления всего этого в единое целое служил тончайший духовный цемент — религиозное искусство.

Рублев выразил внутреннюю суть всех великих собирателей Руси, потому и вознесся. «Вся русская культура конца XIV — начала XV века пронизана духом историзма, духом любви к славному прошлому своей родины», — писал Д. С. Лихачев. И рублевская «Троица» написана не просто так, а в «похвалу»

Спас в силах. (Государственная Третьяковская галерея)

Алексий митрополит, с житием. (ГТГ)

Алексий митрополит, с житием.
Деталь: Сон Елеферия. (ГТГ)

Алексий митрополит, с житием.
Деталь: Чудо об умершем младенце. (ГТГ)

О тебе радуется. (ГТГ)

Сергию Радонежскому, собравшему Русь на Куликово поле. Поэтому Рублева современники прославили не только за умелую кисть, но и за «седины честны», за то, что он «всех превосходящ в мудрости зелье».

От Куликовской битвы до битвы на Угре, как от Рублева до Дионисия, — столетие. Целое столетие, когда после торжества великой победы снова запылали города, снова начали зарастать лесом тучные пашни. Но уже рождались новые бойцы, воеводы, священники — защитники, просветители, за народ стоятели. И во время затяжного решающего противоборства с татарами на Угре пламенное послание ростовского владыки Вассиана дало воинству силу и решимость отстоять свою землю. Вассиан играл по отношению к Ивану III и Дионисию точно такую же роль, какую столетием раньше играл Сергей Радонежский по отношению к Дмитрию Донскому и Андрею Рублеву. И роспись Успенского собора Дионисиевой артелью пронизана радостью угрской победы. Да и заказчик-вдохновитель тот же — Вассиан, духовный наставник. С непомерной щедростью он оплатил труды: «дал сто рублев иконникам». Так повторялась история на новом, более высоком обороте.

Дионисий, как и его могучий предшественник Андрей Рублев, считается убежденным сторонником объединения русских земель. Отблески политической борьбы высокого накала явственно просверкивают во многих дионисиевых работах. И не только в их общем строе и духе. Традиционные евангельские сюжеты «Рождества», «Крещения», «Успения» Богородицы и другие дополняются сценами, напрямую связанными с важнейшими, жгучими злобами дня.

Так, «Распятие» Павло-Обнорского монастыря дополнено образами Церкви Истинной, противопоставленной синагоге. Это прямое отражение распространенной тогда и весьма опасной для власти Москвы Новгородской «ереси жидовствующих». В той же ферапонтовской церкви Рождества Дионисий изобразил известных защитников православия во главе с Иоанном Златоустом, ведущих спор с «ересиархами». Ересь состояла в проповеди «нестяжания», то есть в отрицании церковной собственности и хозяйственной деятельности, в борьбе против пышных и торжественных обрядов — с иконами и дорогими украшениями.

Теперь становится предельно понятным, почему роспись главного храма Руси — Успенского собора в Московском Кремле — поручили именно Дионисию с его «иконниками». В работе принимали участие поп Тимофей, Ярец, Коня и, возможно, подрастающие талантливые сыновья Дионисия Владимир и Феодосий. Кстати, и о Феодосии мы знаем как о яростном обличителе «нестяжателей», политическом наследнике отца. Словом, собрались лучшие мастера, «...пресловущие паче всех в таковом деле».

По замыслу царя и духовенства собор предназначался для важнейших государственных актов и церемоний, там мыслилось вершить венчания, панихиды, торжественные богослужения в честь побед русского оружия. Появилась тогда и легендарная

«шапка Мономаха», и знаменитая «Степенная книга», в коей род Ивана III прослеживался непосредственно до римского императора Августа. Рязанские, Тверские и иные земли становились под общие знамена, подводились под единые судебные законы. Сам господин Великий Новгород склонил голову под тяжелую руку Москвы.

Москва одолевала своих политических противников в жестокой и кровавой борьбе за власть. Объединительная идея прошла через этап, когда великий князь признавался лишь первым среди равных. Следующим этапом было установление царского самодержавия. Идея «третьего Рима» — сильной центральной власти — побеждала не из-за особых личных качеств Ивана III. Просто народ устал от усобиц и нашествий извне. Только сильное государство могло дать своим гражданам мир и покой, защитить от внешних врагов, сломать внутренние пограничные рогатки, препятствующие развитию торговли и ремесел, наконец, защитить от алчности и притеснений местных князьков.

Вот почему такое внимание уделялось Успенскому собору. Для обеспечения высшего качества строительства пригласили итальянского зодчего, мастера «камнерезной хитрости» Ариостоля Фиоравенти. Дело было в следующем. Почти отстроенный Мышкиным и Кривцовым собор в 1474 году рухнул. Есть версия: землетрясение. По иному мнению, кладка стен оказалась ослабленной то ли корысти ради, то ли по неведению: «известь жидко растворяху с песком, ино неклеевито... потому же некрепко дело».

66 Итальянцу за архитектурный образец предписано было взять владимирский собор двенадцатого века, золотого века Древней Руси. Ну а Дионисий постарался выполнить почетный заказ как можно лучше. Созданный в Успенском соборе эффектный многоярусный иконостас и ряд последующих работ принесли дионисевой артели великую славу «изящных и хитрых в Русской земле иконописцев, паче же рещи живописцев». Так был перекинут мост от Владимирско-Суздальской Руси к Московской, от Рублева и Феофана Грека к Дионисию, а от него — к широкой общерусской школе живописи. Важнейшее тому свидетельство — воссоздание в Москве именно рублевского собора из Владимира. И еще — особый интерес Дионисия к событиям предшествующего века, к одному из главных действующих лиц его, к своему прототипу, носителю патриотической идеи Сергию Радонежскому.

Хочется вернуться к начальной мысли очерка — о том, что жизнь Дионисия изучена плохо и хорошо одновременно. Работали-то артельно. Исстари с великим бережением хранили «живописсы» шаблоны — «прориси» икон и фресок, передавали их из поколения в поколение. Одобренные святыми отцами, образцы возводились в ранг канона. Икона начиналась с доски, с шлифовки левкаса — мелового, на рыбьем клею да на ткани-паволоке. Так же подмастерья выглаживали стены под гудящими, как колокол, сводами храма. Всюду царствовало разделение труда. Одни остро отточенными «графьями» процарапывали рисунок, другие «раскрывали» лики, одежды, элементы пейзажа, орна-

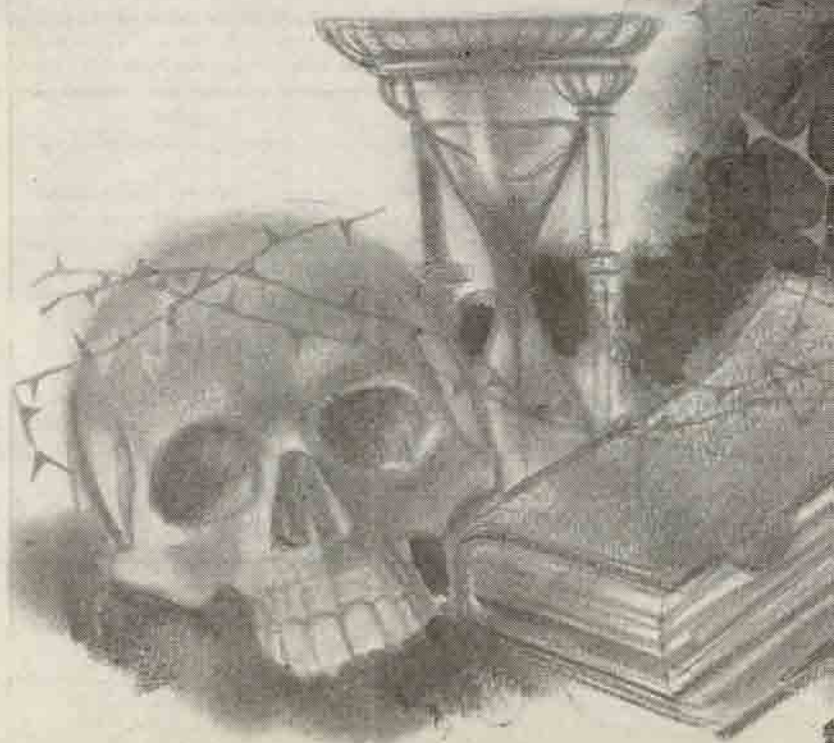
менты. В последнюю очередь наносились штрихи, блики, «отбигались» золотые тончайшие асисты, делались надписи. Были специалисты «травщики», «личники» и «доличники». Выделить работу того или иного мастера в чистом, так сказать, виде — что определить голос певца в хоре. Но были и солисты, и дирижеры. Они рвали пути привычного и уходили вперед, ведя других, создавая новые каноны. Таким был Дионисий, его руку можно узнать по особому изяществу контуров фигур с их стильно уменьшенными головами и конечностями. Вероятно, еще более блистал сын Дионисия Феодосий. Его «Тайная вечеря» из Благовещенского собора Кремля может поспорить кое в чем и с леонардовской миланской. Так творчество Дионисия сопряглось с достижениями его почти безвестных коллег и сыновей. Увы, точных сведений и бесспорных дат время сохранило мало, но есть простор для художественного анализа. Все строится на сопоставлениях. Если для образов рублевского письма характерны созерцательность и внутренняя напряженность при внешней телесно-грубой осязаемости, то у Дионисия не так. У него все легко, все в полете, в свободном парении. Фигуры и предметы полупрозрачны, почти бесплотны. Зато индивидуальность персонажей, в противовес рублевским, как бы приглушена и подчинена общему декоративному замыслу композиции, ее цветовому строю. У Рублева — поэзия личности, у Дионисия — поэзия целого.

Еще дальше, чем от Рублева, ушел Дионисий от Феофана Грека. Феофан изображал Христа и его апостолов неприступными, суровыми, даже грозными, как некую устрашающую силу. Мастер достигал нужного воздействия на верующих, как уже отмечалось, экспрессией, плотными темно-коричневыми красками с энергичными белыми контрастными движениями. Дионисий же не грозил, он пел и славил свободно и широко, и на его пронзительном голубце садами яблонь цвели светлые лики и бело-розовые одеяния святых.

Дионисий из тех, кто остается в истории искусства навеки. В своем вдохновенном творчестве он выразил дух россиян в эпоху подъема национального самосознания. От Дионисия тянутся нити к строгановской школе, к Палеху, к Симону Ушакову. А дальше тысячи и тысячи безвестных, и меж ними блестящие имен таких приложивших руку к церковной живописи корифеев, как Боровиковский, Брюллов, Суриков, Васнецов, Врубель, Нестеров... Нестеров был последним. Но точка еще не поставлена. Идут артели расписывать вновь открываемые православные храмы. И, уж наверное, дух Дионисия будет с ними, мастерами конца нашего века.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

Цуи на Юлгату

Рисунки ГЕННАДІЯ НОВОЖИЛОВА

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

— Следующим по степени важности для будущего дипломата, — учил я своего на редкость понятливого ученика Балбеса, — является внешность и внешнее поведение. Ты можешь быть чем угодно и кем угодно, но лицо твое должно выражать волю, выдержку, решимость, тайну, снисходительность и прочие качества гордого короля, временно исполняющего обязанности мелкого чиновника министерства иностранных дел. Начни носить очки, они скрывают пустоту души, обнаруживающуюся в глазах. Научись сдвигать брови так, чтобы между ними образовались заметные морщины. А еще лучше, если одна, но глубокая и длинная. Это реже встречается. Уголки губ опускай немного вниз, чтобы образовались резкие морщины от ноздрей вниз ко рту. Губы слегка, вроде бы как недоверчиво, поджимай. Ноздри чуть-чуть раздувай. Никогда не раскрывай рот для смеха. Лучше не смейся вообще, лишь иногда слегка усмехайся. Развить мускулы челюстей — пустяк. По сто раз напрягай их утром, днем и вечером. Смотришь ежедневно час в зеркало. Старайся придавать лицу желаемый вид. Лучше изобрази в качестве образца для подражания известную историческую личность и старайся походить на нее. Только Боже упаси выбрать Наполеона, Ленина, Сталина, Гитлера и им подобных, — засмеют. Лучше рангом поменьше, но внешне попроще. Теперь об осанке и движениях. — И в этом деле Балбес превзошел мои ожидания. Уже через пару недель все ученики и учителя школы почтительно умолкали и вытягивались в струнку, когда он появлялся. Директор кидался ему навстречу и открывал ему дверь. Признаться, и мне становилось не по себе, когда он входил в роль. Куда-то исчезла глупая, гнусная, прыщавая, пористая морда, и возникал лик некоей значительной личности, владеющей величайшими государственными тайнами и творящей мировую историю. Узрев своего дебильного отпрыска в таком виде, товарищ Гробыко невольно встал, суетливо подтянул спадающие штаны. И, ни слова не говоря, отвалил мне сумму, значительно превосходящую прежнюю.

ЖИВИ

Но вот кончились дожди. Выглянуло солнце. Иду на бульвар, разваливаюсь на скамейке, наслаждаюсь светом и теплом. Боже, как это хорошо — солнце, птицы, цветы. Рядом присаживаются две молодые, приятные на вид женщины.

— Опять проклятая жара начинается, — говорит одна со вздохом. — Я в жару вся противными пятнами и прыщами покрываюсь. Нет, надо подаваться на юг, в Крым или в Грузию.

— Но там же еще жарче! — восклицает другая.

— Балда! — отвечает первая. — Это же юг, а не наша дыра!

Я блаженно улыбаюсь. Как хорошо, что на свете есть такие ветреные женщины!

— Ты, Лаптев, опять тут ошиваешься? — слышу я знакомый голос. — Я тебя в два счета кое-куда отправлю!

— Поосторожнее на поворотах, старшина, — говорю я ему спокойно. — Я сейчас майорской жене яичники лечу. Я расскажу ей, в каком ты виде вчера...

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

— С тобой и пошутить нельзя,— лебезит с подленьким смешком старшина и оставляет меня в покое.

Ах как хорошо, черт возьми! Хорошо, что на свете есть такие сволочи, как этот старшина. Ничего в мире менять не надо. Его надо принять таким, какой он есть, и устроиться в нем поудобнее. Вот так, как я сейчас на скамейке. Руки перекинуть назад, чтобы не свалиться. Голову слегка набок склонить. Прикрыть глаза и...

Уснуть мне, однако, не удалось. Снова появился старшина и велел все же убираться вон. Я бреду в ближайшую забегаловку. Скрипучая, заплеванная, исписанная похабными словами и зарисованная непристойными рисунками дверь захлопывается за мною, отделяя от меня ослепительное и щедрое солнце. Боже, как прекрасна жизнь! Зачем загробная жизнь, зачем рай, если лучше, чем эта жизнь, ничего быть не может?

Меняю должность Бога и Вечность на одну минуту заурядного человеческого счастья.

*Пусть прекратится суета,
Пусть не тревожит подлость души.
Пусть грязной пошлостью уста
Не оскорбляют больше уши.
Пускай цветами расцветут
Все наши мусорные свалки
И вновь невинность обретут
Все подзаборные давалки.
И соловьиной трелью пусть
Заголосят вороны эти.
И поэтическую грусть
Пропойца вновь в себе отметит.
И в поднебесной высоте
Пусть грянет Глас: «О человеки!
В незамутненной чистоте
Вам жить отныне и навеки!»
Что скажем мы на то в ответ?
— Будь добр,— мы скажем,— Иисусе,
Верни обратно грязный свет
И больше в нашу жизнь не суйся.
Пусть нас поглотит суета,
Пусть подлость точит наши души.
И грязной пошлостью уста
Пускай ласкают наши уши.*

СУЕТА

На сей раз мой собутыльник — рядовой солдат. Он доволен жизнью. — У нас можно отлично прожить,— говорит он с видом мудреца, постигшего глубочайшую истину бытия.— Только надо для этого голову на плечах иметь, а не пустой шарик. Надо находчивость проявлять. Вот, например, идешь ты в самовольную отлучку. Идешь, покуриваешь, встречаешь женщин осматриваешь на предмет возможности знакомства. Вдруг из-за угла неожиданно патруль выскакивает. Ты, конечно, подтягиваешься, берешь руку под козырек и печатаешь шаг, повернув голову в сторону начальника патруля. Ты уже миновал патруль, но у этого хлюпика-лейтенанта мелькает подозрение. «Товарищ боец,— слышишь

ты позади. — подойдите сюда!» Ты четко поворачиваешься и подходишь к лейтенантишке. Не дожидаясь, когда он потребует увольнительную записку, рапортуешь: «Рядовой Иванов такого-то подразделения следует по вызову командира полка в штаб гарнизона». Фамилию, конечно, называешь не свою, а какого-нибудь отличника боевой и политической подготовки, который в это время сидит в «Ленинской комнате» и долбит последнюю речь нашего фюрера. Лейтенантишка при словах «полк» и «гарнизон» вздрагивает и приказывает тебе следовать по высокому вызову. И ты спокойно следуешь до первого поворота. А там — сгинь немедленно. Прыгай через забор, заползай в подворотню, прячься в подъезд первого попавшегося дома. Почему? Да потому что через несколько секунд патруль сообразит, что дал маху, и бросится за тобой вдогонку. Так оно и происходит. Ты стоишь за дверью чужого дома и слышишь, как ругаются матом и сопят преследователи. На другой день старшина вызывает отличника боевой и политической подготовки Иванова, фамилию которого ты назвал патрулям. «Что же ты, Иванов, роту подводишь, — говорит старшина. — Мы тебя в ефрейторы произвести собирались, а ты такое отмочил!» Иванов хлопает глазами и лепечет, что он не знает, в чем провинился. «Где ты был вчера в такое-то время?» — строго вопрошает старшина. «В «Ленинской комнате», — отвечает Иванов. — Сидоров может подтвердить». Сидоров — это я то есть. Старшина вызывает меня. «Боец Сидоров, — спрашивает он, — где ты был вчера в такое-то время?» «В «Ленинской комнате», — отвечаю я. «А видал ты там Иванова?» — спрашивает старшина. «Никак нет», — отвечаю я. И судьба Иванова решена: теперь ему по крайней мере еще два месяца придется лизать задницу у всех сержантов и старшин, чтобы выбиться в ефрейторы.

Не успел солдат закончить свой рассказ, как в забегаловку вошли патрули и уволокли его с собою. Очевидно, на гауптвахту. Уходя, он скорчил гримасу: мол, и на старуху бывает проруха!

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

— Все люди разделяются на две группы, — поучал я Балбеса. — К первой группе относятся те, с которыми тебе приходится иметь дело по своей службе. Ко второй — все прочие. Все прочие не заслуживают твоего внимания. Они как бы не существуют для тебя. Первые же разделяются на такие категории: 1) вышестоящие; 2) нижестоящие; 3) являющиеся объектом твоей деятельности. Запомни как аксиому: равных тебе нет. Посчитав кого-то равным себе, ты даешь ему возможность считать тебя нижестоящим. Если человек, занимающий равное тебе положение, имеет шансы обойти тебя, он есть вышестоящий. Если он таких шансов не имеет, он нижестоящий.

Как вести себя с нижестоящими, проблемы не представляет, — продолжаю я. — Этому человек научается сам в кратчайшие сроки. И знаешь, почему? Потому что нижестоящие сами вынуждают вышестоящего вести себя с ними определенным образом. Что касается вышестоящих, то тут господствует система предрассудков. Например, считается, что надо подхалимничать перед начальством. Чушь! Это годится лишь для мелких карьеристов и неудачников. Человек, делающий большую карьеру, должен первым делом приучить начальство бояться себя. Есть много приемов для этого. Самый эффективный из

них — делать вид, будто ты приставлен к начальству. Распусти слух, будто ты связан с «самыми верхами».

Балбес ловил мои наставления на лету. Вскоре перед ним трепетали все учителя школы. И даже сам товарищ Грыбыко торопливо вскакивал и вел себя, как провинившийся школьник, когда сын без стука заходил к нему в кабинет.

Я положил в карман очередную пачку денежных знаков.

МОЙ ПУТЬ

Смотрю я на тех, кто воюет против язв нашего общества и выдумывает способы осчастливить человечество, и мне становится жаль как борцов и реформаторов, так и человечество с его язвами. Во-первых, потому, что все равно они никого не осчастливят, а только хуже сделают. Во-вторых, потому, что его все равно никогда не осчастливишь. Мне жаль и язвы, ибо без язв человеческой жизни не было, нет и не будет. И я не вижу в этом ничего плохого: без них было бы еще хуже. Вот вам первое житейское противоречие: нет ничего плохого в плохом, ибо без него было бы плохо. Подумайте над ним, и свет мудрости, может быть, осветит вас.

Итак, смотрю я на борцов и реформаторов и говорю себе: как много усилий и как мало результатов! Придите ко мне, и я укажу вам другой путь, более светлый и результативный! Но они меня не слышат. Не потому, что не слышат. Они-то меня как раз слышали, и не раз, но не слышали ни разу. Это — старое изречение, не я открыл его. Взгляните в Новый Завет, и вы найдете там слова: слыша, не слышат, а видя, не видят. Ко мне приходит всякий сброд — жулики, калеки, шизофреники, неудачники, чиновники, отчаявшиеся, страдающие и, конечно, осведомители. Я знаю, кто они. Но я принимаю их как лучших представителей рода человеческого. Я лечу их и указываю им путь. Они редко излечиваются и еще реже следуют указанным мною путем. Но все же они проявляют хоть какой-то интерес ко мне и моему учению и дают возможность мне существовать и проповедовать. Возможность ничтожную. Но даже самая малая возможность есть возможность. Другие для них суть лишь материал их деятельности.

Эволюция, развитие, прогресс общества вообще не есть цель человечества. Человек рождается, чтобы прожить свою индивидуальную жизнь, ощутить все элементы жизни как целого — пережить детство и юность, любовь, ненависть, успех, поражение, дружбу и предательство, разочарования и надежды... Пережить все общеизвестные и обычные явления нашей жизни. Лишь отдельные представители рода человеческого эксплуатируют совокупный результат отдельных жизней в свою пользу, вовлекая в сферу своего эгоизма и тщеславия других.

Я хочу научить людей не переменам жизни, а самой жизни. Мое учение о жизни отвечает на вопрос «Как жить?». И ответ его прост и абсолютен: «Живи!» И в этом ответе содержится все остальное. Но никто еще не умеет извлечь из него это остальное. Нужны особые правила извлечения. Учение о жизни учит этим правилам. Следовательно, для него нет проблемы «Быть или не быть?». Для него есть проблема: как поступать на основе принятия принципа «Быть!»?

Забота о самосохранении и об улучшении условий существования есть естественное свойство всего живого. И человека в том числе. Есть разные пути для этого: за счет других людей или за счет своих сил.

с помощью других или в одиночку, в ущерб другим или без такового, изменять обстоятельства или нет... Я учу вас, как делать это в одиночку, без расчета на других, за счет лишь своих сил, не стремясь изменить общественные условия... Другими словами, я хочу ответить на вопрос: «Что в вашей жизни зависит исключительно от вас самих?»

Я И АНТИПОД

— Все то, что мы считаем положительными явлениями и качествами, — говорит он, — суть лишь отклонения от соответствующих им качеств, которые мы считаем отрицательными и которые на самом деле являются нормой. Красота, ум, доброта, честность, смелость, правдивость и прочие добродетели суть лишь отклонения от нормального безобразия, глупости, злобности, бесчестности, трусости, лживости и прочих пороков. Возьми, например, такое наше качество, которое проявляется в легкости, с какой наш человек капитулирует перед давлением на него окружающих, которое проявляется в двуличности, в склонности к сотрудничеству с властями и доносам, в невыполнении обещаний, в предательстве друзей. Я утверждаю, что оно есть оборотная сторона добродетелей советского человека, его коллективизма, душевной открытости, способности к сопереживанию и к соучастию в чужих судьбах. Это — неизбежное следствие психологии коллективизма, ее реальность.

В нашем обществе, — продолжает Антипод, — в подавляющем большинстве случаев судьба человека зависит не от его личных расчетов и расчетов на некое частное лицо, а от коллектива и от отдельных людей как от членов коллектива. Большинство поступков людей здесь таково, что нет надобности самому быть твердым и определенным и требовать того же от других. Наоборот, тут требуется прилаживаться к окружающим. А принципиальная ненадежность друг друга принимается во внимание заранее и существенным образом не влияет на последствия поступков людей. Потому здесь в массе ненадежность окружающих людей не ведет к катастрофическим последствиям и душевным драмам. Ненадежность важнее надежности. Надежность сама по себе есть риск, причем риск неоправданный. Надежность нужна лишь в случае образования неофициальных, главным образом нелегальных групп, в которых надежность людей по отношению к членам групп оказывается чисто негативным явлением и порицается нормальным обществом. Надежный человек в обществе ненадежных людей подобен фигуре с острыми углами в массе шариков, катящихся по наклонной плоскости. Рано или поздно он выбрасывается из общего потока. Ненадежность человека в наше время есть явление мозговое, а не сердечное. Мозговая ненадежность есть великое открытие человечества, подобно тому как сердечная надежность была великим открытием прошлого. Не случайно поэтому ушло не одно столетие на то, чтобы интеллектуальная ненадежность стала одним из фактических принципов идеологии.

От этого никуда не деться. Чтобы взлететь, надо падать. Наши предки, начав терять хвост и шерсть, наверное, тоже страдали. Кто знает, может быть, из нашей тотальной продажности растет некая высшая форма нравственности.

Я молчу. Наши предки, думаю я, теряли звериные качества, а мы теряем человеческие. И чтобы упасть, надо взлететь. Стремление к полету было противно законам природы.

БОГИНЯ

Повторяю и настаиваю: если бы мне пришлось выбирать одно из двух — мировое признание меня в качестве творца новой религии или несколько минут обладания моей Богиней, — я бы выбрал второе.

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

— Теперь, — сказал я Балбесу, — займемся самой неприятной частью твоего обучения — образованием. Но не падай духом. Я за полгода обещаю сделать тебя самым образованным чиновником министерства иностранных дел, если будешь так же, как и раньше, неукоснительно выполнять мои указания. Первым делом забрось все учебники. Они того стоят. А отметки нужные тебе поставят и без них. Я тебе продиктую квинтэссенцию культуры, накопленной человечеством за сотни миллионов лет. Не думай, что это очень много. Увы, как раз наоборот. Того, что я тебе продиктую за пару месяцев, тебе в избытке хватит на всю последующую жизнь. Ты думаешь, я не Бог, чтобы знать все? Ошибаешься. Я-то как раз и есть Бог. И я не первый. В «Коране» и в «Библии» тоже содержалась квинтэссенция культуры своего времени. Но я тебя не буду мучить такого рода толстыми и нудными книжками. Я так изложу тебе сокровищницу мировой культуры, что тебе будет занятно и весело. Образование современного талантливого дипломата, — развивал я далее свою мысль, — складывается из следующих элементов: 1) анекдоты; 2) высказывания выдающихся личностей, крылатые выражения, пословицы и поговорки; 3) краткие справочные сведения о выдающихся исторических событиях и личностях, главным образом анекдотические и занимательные; 4) перечень имен современных известных личностей; 5) перечень произведений культуры, которые должен знать современный интеллигент, и краткая характеристика их. Объем образования колеблется в довольно широких пределах. Для начала достаточно знать сотню анекдотов, сотню выражений, указанных в пункте два, сотню справок, указанных в пункте три, сотню справок об известных личностях и произведениях культуры. Тем самым будут охвачены все основные логические типы явлений культуры и духовной жизни общества. Под эти шаблоны легко подвести все остальное. Например, заговорили о некоей новой книге неизвестного тебе автора. Есть приемы, с помощью которых ее легко отнести к известному тебе шаблону. Я тебя научу им. И ты по малейшему намеку, даже по интонациям голоса, с каким говорят люди о какой-то книге, сможешь безошибочно определять ее содержание и достоинства. И будешь поражать людей, проводших в библиотеках десятки лет и перечитавших десятки тысяч томов, своей эрудицией и глубиной суждений. Итак, начнем с анекдотов...

АНТИПОД

Чему я учу своего самого любимого и способного ученика Балбеса? А разве не то же самое проповедует мой Антипод?

— Надо считаться с фактическим положением людей в обществе, — говорит он, — и учить их, как лучше жить в этих условиях. Безнравственно учить людей нравственности в условиях, когда нравственность ухудшает их жизнь. Сама жизнь вынуждает нас на оскорбление отвечать оскорблением, на подлость — подлостью, на измену — изменой. Более того, чтобы уменьшить зло, причиняемое нам другими, мы вынуждаем

опережать их в причинении им зла. Твое учение обречено на провал, ибо оно ослабляет позиции людей в борьбе за выживание и лучшие условия жизни.

Я вспоминаю твою притчу, — продолжает Антипод, — о чистоте тайников души. Ты сравнивал это с чистотой тела и нижней одежды. Одна из твоих учениц буквально поняла твоё сравнение и стала буквально следовать твоему совету. Единственный случай, выпавший на её долю, когда она применила на практике твоё учение, — её раздели жулики. После этого она стала менять нижнее бельё так же редко, как и ранее, и перестала посещать твои проповеди. А многие ли твои ученики выдерживают более пяти твоих лекций? Чтобы содержать себя в чистоте, надо иметь условия, в которых это могло бы стать необременительным и устойчивым делом. Но тогда призыв к чистоте теряет нравственный характер. Он переходит в область медицины и психологии.

Я слушаю Антипода и поражаюсь сходству его идей с моими. И всё же есть глубокое различие между нами даже тогда, когда мы произносим одну и ту же фразу. Мои советы моим пациентам во многом совпадают с тем, что говорил Антипод. Но они при этом все же имеют противоположное значение. В чём тут дело? Дело не в различии предлагаемых нами средств, а в том, для каких целей мы предлагаем эти средства, кому и как мы их предлагаем, как советуем использовать. Идеология, например, тоже прививает людям идею чистой совести, но как и для чего, — тут наши пути расходятся.

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

— Наконец, последний элемент твоей подготовки, — сказал я Балбесу, — есть ум. Он самый простой и короткий. Он есть следствие всего предшествующего обучения. Человек, одолевший успешно все предыдущие этапы обучения, не только приобретает видимость умного человека, но становится на самом деле умным. Нужно к сделанному добавить лишь сущую малость: решить для самого себя, что ты умнее всех прочих смертных на свете. Итак, знай: ты умен!

Балбес внимательно посмотрел на меня сквозь очки с мощной роговой оправой, слегка усмехнулся уголками губ и сказал, что он, к сожалению, не может ответить мне таким же комплиментом, ибо нужно быть законченным идиотом, чтобы с такими познаниями и способностями прозябать в этой провинциальной дыре.

После этого я счёл свою задачу выполненной и расстался со своим самым способным учеником.

ВСЕ СУЕТА

Ему за шестьдесят. Живёт одиноко. Сам обслуживает себя, вплоть до стирки белья. Не курит. Занимается спортом. Соблюдает режим и диету. Хочет прожить как можно дольше.

— Лично для меня, — говорит он, — война была лучшее время в моей жизни. Я почти всю войну провёл на фронте. Бывал и в тылу. Мог застрять в тылу и отсидеться в теплом местечке. Но я предпочитал все-таки фронт. Был несколько раз ранен, но легко. И я за ранения-то это не считаю. Почему я стремился на фронт? Не из-за каких-то идейных соображений. И чувства ненависти к врагам у меня никакого не было. Меня тянула сама война как место, где люди убивают друг друга. Я любил воевать. Люди по-разному отно-

сятся к участию в боях. Одни дрожат от ужаса, другие каменеют, третьи готовы умереть еще до боя и ждут, чтобы поскорее получить пулю в лоб или в сердце и успокоиться навеки. Четвертые стремятся любой ценой уклониться от участия в бою. Я же готовился к бою, как к светлому празднику. Раздавал все барахло, какое было у меня. Брился, мылся, подшивал чистый подворотничок, до блеска чистил сапоги. Набивал карманы патронами, а вещмешок — гранатами. Кинжал точил так, что бриться им можно было. Даже зимой я ходил в бой без шинели. А во время боя я буквально ликовал и буйствовал. Ты представить себе не можешь, какая безумная радость поднималась во мне, когда я убивал! Я убил не один десяток солдат и даже офицеров. Что это такое? Должно быть, я прирожденный убийца, и война давала возможность развернуться моей потребности. Вообще-то говоря, все люди прирожденные убийцы в той или иной степени. Только скрывают это. Или другие страсти заменяют эту. Представь себе, когда кончилась война, я плакал. Но не от счастья, что остался жив, а от сожаления, что война кончилась.

Что этому человеку нужно от меня? Жизнь уходит. Еще немного — и все исчезнет. А он не хочет исчезать. Он хочет вечно оставаться. Ходит слух, что после смерти от людей отделяются какие-то бессмертные «оболочки». Его знакомый даже книжку об этом читал. Он хочет знать, верно ли это? И как занять такую бессмертную оболочку? Сможет ли его оболочка общаться с оболочками других его знакомых? Интересно было бы встретиться и потолковать с теми, кто уже «отдал концы», особенно с теми, кого он сам отправил на тот свет. Вот было бы любопытно! Интересно, могут ли они отомстить?

И ТОМЛЕНИЕ ДУХА

Одну женщину я научил разговаривать с умершей матерью. Она сказала, что мать ее всем довольна, и она этому очень рада. А я пустился в глубокомысленные рассуждения по сему поводу. Что это значит: умершая мать этой женщины всем довольна? Это значит, что все ее потребности удовлетворены, то есть нет неудовлетворенных потребностей. Но тут возникает двусмысленность. Либо у умершей нет никаких потребностей, либо есть по крайней мере одна, и она удовлетворена. Из того, что у нее нет неудовлетворенных потребностей, не следует, что у нее есть удовлетворенные. В первом случае (если нет потребностей) бессмысленно спрашивать, доволен человек или нет. Во втором случае появляется дополнительная двусмысленность: есть потребность, которая была раз и навсегда удовлетворена, и теперь такой потребности нет, или потребность существует (появляется) постоянно и постоянно удовлетворяется? Жизнь есть не только удовлетворение потребностей, но и их постоянное появление. Смерть есть уничтожение потребностей. Я пытался разъяснить женщине эти проблемы. Она сказала, что мертвым логика безразлична. И вообще, сказала она, общение с мертвыми нужно живым, а не мертвым. Я был сражен мудростью ее слов. Проблема смерти вообще есть проблема живых, а не мертвых. Мертвые проблем не имеют.

БОГ НЕ ВСЕСИЛЕН

Мои способности ограничены — даже Бог не может делать абсолютно все. Оставим без внимания старинный парадокс: если Бог всемогущ, то

то может ли он сделать то, что он не может сделать? Бог не способен, например, печатать деньги. И даже зарабатывать их в больших количествах.

Считается, что чем крупнее потери или приобретения, тем сильнее человеческие страсти. Пусть так. Не буду спорить. Одно дело — потерять трон, другое — потерять перчатки. Но вот передо мною еще нестарая женщина. У нее трое детей. Выпивающий (как и все, то есть в меру) муж. Она проявляет чудеса изворотливости, чтобы содержать дом на приличном уровне. Два года назад она потеряла (или у нее украли, она точно не знает) сто рублей профсоюзных денег. Пришлось отдать свои. И с тех пор у нее ни минуты покоя. Ночами не спит. Все думает о пропаже. Страдает. Не может забыть. Как быть? Она готова заплатить мне десять рублей, лишь бы я излечил ее от этого наваждения. Вот тут Бог бессилен.

Я И АНТИПОД

— Что есть добро? — говорит Антипод. — В жизни добро есть лишь ограничение зла, есть лишь средство зла и опосредствующее звено в делании зла. Зло надежнее, фундаментальнее, устойчивее. Добро хрупко и мимолетно. Зло есть действие по законам падения, добро есть попытка полета, причем полет есть форма падения.

— И все же, — отвечаю я, — именно капля добра в океане зла придает людям черты, позволяющие говорить о некоей светлой природе Человека.

— Возможно. Но я не об этом. Я о том, что нет критериев добра — зла вообще. Если ты совершил какой-то значимый поступок, по крайней мере один человек сочтет его злом и по крайней мере один — добром.

— А что же ты предлагаешь? — спрашиваю я.

— Реальную жизнь, а не суррогат и видимость жизни, — говорит он. — Добиваться всех тех жизненных благ, какие изобрело человечество, по законам нормальной жизни людей в обществе и обычными средствами, то есть по законам и средствами борьбы за существование в условиях современных человеческих джунглей. Побеждает наиболее ловкий и приспособленный! Пусть неудачник плачет. Я предлагаю драку, деятельность, динамику. Есть нервотрепка застойности, мелочности, скуки, рутины. И есть нервотрепка потерь и приобретений, риска, дерзаний, авантур, предприимчивости. Я за то, чтобы у нас были стремительные взлеты в карьере, выдающиеся мошенники, ворочающие миллионами, гангстерские банды, террористы, шикарные проститутки... Понимаешь, я ненавижу святость, простоту, чистоту, умеренность. Ненавижу и официальную рутину. Хочу, чтобы жить было не так скучно, как мы живем. Обрати внимание, от чего люди больше всего приходят в возбуждение, когда приходят на работу? Именно от фактов нарушения болотности нашего существования. Такой-то украл десять тысяч из профсоюзных взносов. Сколько по сему поводу переживаний! Поймали преступника, убившего десять человек. Ну, от этого разговоров на год хватит. Пойми! Нормальная жизнь не есть богоугодное заведение. Это борьба. Монастырь есть уклонение от жизни. Жизнь есть то, от чего некоторые люди бегут в монастырь. Вся твоя система есть уклонение от жизни и оправдание этого уклонения. Бог есть страх жизни и капитуляция перед ее ужасами. Долой Бога! Да здравствует безбожная оргия жизни!

— Пусть так,— говорю я.— Но известно ли тебе, что безбожная оргия жизни является таковой лишь при том условии, что в какой-то форме и в какой-то мере допускается Бог? Если нет Бога, нет и безбожников,— вот в чем загвоздка.

Безбожие не есть отсутствие Бога. Оно есть отрицание Бога, неприятие Бога, борьба против Бога.

СУЕТА

Большинство моих пациентов (или клиентов?) жалуются мне на неурядицы в личной жизни, главным образом в семье, в отношениях с друзьями и сослуживцами. Это не случайно. Кризис цивилизации углубился до самых ее основ — до интимных отношений между людьми. Интимность вообще развешается, разрушается, исчезает.

Вот этот, например, человек образованный, наделенный всяческими добродетелями и лишенный всяческих пороков, отличный семьянин, еще более отличный работник, успешно продвигающийся по служебной лестнице. Карьера его как инженера была настолько успешной, что он уже к сорока годам стал заместителем заведующего группой и был избран в партийное бюро отдела, где ему доверили собирать членские взносы. Его благополучию в быту завидовали многие соседи и сослуживцы. Он имел отдельную комнату на троих человек и стоял одним из первых в очереди на получение отдельной почти двухкомнатной квартиры. В числе немногих счастливых учреждения он получил садово-огородный участок в сорока километрах от города и начал своими руками созидать сарай для садово-огородного инвентаря, в коем фактически можно было иногда жить, как на даче. Короче говоря, не житье, а рай! Живи да радуйся! Но тут внезапно случилась беда: ему изменила жена. Факт в наше время сам по себе малозначительный, можно сказать, общепризнанный и скорее комический, чем трагический.

Порою русские мужики даже испытывают некоторую своеобразную гордость оттого, что судьба милостива и к ним, что и они удостоились высокой чести: и их супругой не брезгают прочие строители коммунистического общества, значит, и в этой стерве и замухрышке (или расплывшейся туше, смотря по обстоятельствам) есть Нечто.

Но этот человек, повторяю, был человеком добродетельным и старомодным. Он был поражен фактом измены жены до глубины души. Сначала он хотел застрелиться. Но Россия не Запад, застрелиться у нас просто нечем. Потом несчастный хотел утопиться. Опять возникла проблема: для этого надо ехать за сорок километров на свой садово-огородный участок, откуда десять километров топать до ближайшего водоема, таща на себе при этом камень, украденный на соседнем участке. Без камня утонуть нельзя: мелко. Приняв все это во внимание, человек решил отомстить неверной супруге по-нашенски, по-русски: решил сам пуститься в распутство, наплевать на семейные хлопоты и поставить крест на служебной карьере.

— Я ей, стерве, покажу, на что я способен! — в гневе кричал он, устремляясь в ближайшую забегаловку.

Таким образом этот человек и оказался за столом, за которым мы с Антиподом как раз беседовали на высокую тему об основах нравственности.

— А мне, знаете ли, жена изменила,— не то проплакал, не то прохихикал человек, проглотив стакан «вина» и засовывая в рот бутер-

брод со шпротиной. Шпротина выскочила из рук, словно живая, упала сначала на рубашку, потом на брюки, наконец, на пол.

— Вот гадина, — сказал человек, имея в виду шпротину. Поднял шпротину с пола трясущими пальцами и сунул в рот. — Никогда еще не было случая, — отметил он общеизвестную закономерность, — чтобы не упала и не оставила пятен на самых видных местах. Вы можете объяснить этот феномен природы? Нет? Я тоже. Почему все-таки так происходит? Чего ей не хватает? Я имею в виду не шпротину, а жену...

— Есть разные способы решения вашей проблемы, — сказал я не столько с целью врачевания души этого человека, сколько просто для поддержания разговора. — Изменяйте ей сами. Но не заводите постоянную любовницу: хлопот не оберетесь. И не влюбляйтесь больше — это кончится новой драмой. Не можете разойтись, рассматривайте свою жену как чужую женщину, которая с вами вроде бы изменяет кому-то другому.

Я хотел закончить свое назидание божественной формулой: предай предателя! Но обманутый муж опередил меня.

— Я все это и без тебя знаю, — раздраженно сказал он. — Легко изменить тому, кто тебе не изменяет. А ты попробуй изменить тому, кто тебе изменил! Ах, эта проклятая шпротина! Жена теперь меня сожрет за эти пятна. На весь квартал будет орать, что я пропойца, неряха, негодяй.

Он ушел, унеся с собой свое банальное, общеизвестное, но не ставшее от этого легким неизлечимое горе. Бог не лечит человеческое горе, подумал я, глядя ему вслед. Бог лишь разделяет страдания.

ВСЕ СУЕТА

Этот случай побудил нас к теоретической дискуссии.

— Старые моральные принципы, — сказал Антипод, — нелепы в применении к нашей реальности. К тому же были изобретены как принудительные средства держать людей в узде и поддерживались силой страха и наказания.

— Нет никакой морали по принуждению, — возразил я. — Если тебя обязывают быть моральным, и ты поступаешь в соответствии с тем, что тебе предписывают, ты не морален. Ты поступаешь хорошо не в силу морали, а в силу принуждения. Мораль свободна. Мораль — это ограничения, которые берет на себя человек, имеющий свободу выбора в своих действиях. Причем берет добровольно, без принуждения. Возможно, делает он это, подражая каким-то образцам или будучи научен другими. Но подражание образцам и следование наставлениям учителя не есть принуждение.

— Попробуй уговори людей быть нравственными только в одном этом отношении — в отношении между мужем и женой, — сказал Антипод. — А ведь они поженились по любви, обещали друг другу хранить верность. Что может удержать их от измены? Только одно: страх разоблачения, осуждения, наказания! Только это, и ничто другое. Причем заметь, как все происходит: Жена изменяет мужу. Он в отместку изменяет ей с чужой женой. И ты, проповедник морали, сам советуешь это как способ преодоления горя. Таким путем образуется океан измен. Попробуй останови этот ураган нравственными заклинаниями! Ты просто не знаешь того, как фактически утверждалась в обществе мораль: путем жесточайших расправ с теми, кто нарушал правила морали. В основе

морали лежит не свободное решение человека быть хорошим, а насилие, наказание, кровь, кровь, кровь! Мораль без страха наказания за отступление от нее — ничего не значащая пустышка. Только страх наказания, причем в конечном итоге физического, делает из отвратной твари, именуемой человеком, существо нравственное. Основу самого утонченного изобретения людей, то есть морали, образует самое грубое насилие. Введи закон, по которому неверных супругов следует подвергать позорному наказанию, сразу как миленькие станут. Со временем идеология научится держать их в узде. Разумеется, идеология, подкрепленная средствами наказания. Только вот проблема: стоит ли овчинка выделки? Оправданы ли жестокие меры поддержания морали самими выгодами морального поведения? А может быть, всеобщая безнравственность лучше, чем нравственность ценой страха наказания? Возьми этого обманутого мужа! Он теперь познает прелести распутной жизни. Повторяю и настаиваю: идеологии предстоит утверждать в обществе нравственность, а не религии. Религия же обречена иметь дело лишь с самими фактами безнравственности.

СУЕТА СУЕТ

Этот человек исповедует принцип непротивления злу насилием. Ребятишки залезли в его сад за яблоками. Он выстрелил в них из ружья дробью. Одному выбил глаза, троих слегка ранил. Его судят, а он не может понять, за что. За него вступился коллектив, поскольку он образцовый работник, ударник коммунистического труда, и ему дали всего два года тюрьмы, причем условно.

А этот вот — «сопротивленец», то есть настаивает на том, что надо сопротивляться насилию, давать сдачи. На него напал пьяный хулиган. Хулиган был вдвое слабее его, но избил его.

— Что же вы не сопротивлялись? — спросил я.

— Я хотел, — сказал он, — да не получилось. Хочу нанести удар, а он выходит какой-то ватный.

Из ран врагов должна б потечь

Кровавая река.

Но занести не в силах меч

Бессильная рука.

И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА

Меня пригласили на дачу к знаменитому писателю посмотреть его жену и постараться что-то сделать для нее. У нее обнаружили опухоль. Природа опухоли пока не ясна. Она боится, что рак. Я с первого же взгляда вижу, что ее опасения более чем обоснованы — она обречена. И я уже ничем не могу помочь: слишком поздно ко мне обратились. Я мог бы облегчить ее физические и духовные страдания своим присутствием и беседами. Но ее хотят отправить в Москву в Кремлевскую больницу. Формально это выглядит как проявление заботы. А фактически это есть стремление избавиться от неизбежных хлопот и от зрелища медленного умирания. Люди откупаются от заботы о ближнем. А между тем именно в этот период жена писателя должна была бы быть окружена заботой, вниманием и любовью в кругу самых близких людей. В наше время черствость по отношению к ближнему и эгоизм принимают порою самые изощренные формы, внешне безупречные, а по существу — омерзительные.

Сам писатель — алкоголик и бабник. Но он талантливый писатель, так что упомянутые пороки считаются извинительными. Он щедр. Любит хорошую компанию. Любит быть «душой общества». Кое-что в этой роли идет от него самого, но в большей мере это плата гостей за гостеприимство. На даче (как и в городской квартире) писателя всегда полно народу. Это наша интеллектуальная творческая элита. Жрут. Пьют. Спят кто и с кем попало. Идет своего рода соревнование на пошлость, цинизм, грязь.

У писателя есть сын и дочь. Сын — журналист. Готовит статью, разоблачающую «целителей». Сам хорошо осведомлен о традициях целительства в дореволюционной России, о том, что природа этого явления пока неизвестна, что фактов более чем достаточно, чтобы отнестись к этому явлению серьезно. Короче говоря, он «на этом деле собаку съел», но у него задание, сейчас кампания такая начинается, и он обязан разоблачать. Он был уже женат. Развелся. Платит алименты. Разумеется, пьет. Мы с ним проговорили до поздней ночи, осушив несколько бутылок вина и выкурив пару пачек сигарет.

— А в общем, — сказал он, — живем мы, старик, так, что лучше об этом и не думать. Живем, и все тут! Раз родились, значит, должны жить по общим нормам человеческого свинства. Ах, какие статьи я мог бы писать об этом! Я же знаю всю закулисную жизнь, всю кухню, всю подноготную этого города. Все те разоблачительные книги, какие появились в последние годы, наивные детские сказочки про Бабу Ягу и Кошечу Бессмертного в сравнении с тем, что я мог бы рассказать.

Дочь писателя работает в краеведческом музее. Была замужем. Пьет. Курит. Детей иметь не хочет. Иногда «балует» наркотиками — сама призналась.

— Ты думаешь, я безнравственная? — сказала она мне. — Ты не знаешь нашей реальной жизни. Познакомился бы с чадами Сусликова, Горбаня, Корытова и прочих наших вождей, ты бы счел меня воплощенной невинностью. Вот возьми мать! Она всю жизнь посвятила отцу. А он?... Ты сам видишь, что он такое. А каков итог ее праведности?

И ТОПЛЕНИЕ ДУХА

Писатель пишет книгу, в которой хочет обосновать духовное превосходство России над Западом. Обо мне он слышал. Интересуется моей «системой». Если я напишу для его личного пользования кое-что, он заплатит. Поскольку в городе началась новая разоблачительная кампания под видом борьбы с тунеядцами, писатель на это время может предоставить мне лежанку в сарае и питание. Я, конечно, сразу же согласился.

Мы с писателем отметили начало моей дачной жизни тем, что осушили бутылочку коньяку, потом бутылку не помню чего, штук десять бутылок пива. До сарая я дополз сам, но вползти в него уже не смог. А сам писатель после этого пошел к соседу по даче и там добавил еще столько, потом полстолько и еще четверть столько. На другой день он мне сказал, что я еще слабак по части выпивки, но что способности у меня есть.

Отоспался я на славу. Позавтракал по-царски, разумеется, с водочкой. Потом писатель отвел меня в свой кабинет, усадил за письменный стол, дал бумагу и ручку.

— Пиши,— сказал он,— но на совесть, искренне. Скажи честно, ты сам-то веришь в то, что Бог существует?

— Для меня,— сказал я,— нет проблемы, существует Бог или нет. Верить в Бога и верить в существование Бога — не одно и то же. Я принимаю принцип: живи так, будто некое высшее существо наблюдает каждый твой шаг и помысел.

Он сказал, что не любит, когда за ним подглядывают. Его жена подглядывает, когда он «спит» с другими бабами, и ему это неприятно. Но он добрый человек. Ей другого ничего не остается. Пусть хоть посмотрит. Они все-таки тридцать с лишком лет вместе прожили.

ЛАПТИЗМ

Учение Христа записало несколько человек, причем они были его ученики или последователи. Я же записываю свое учение сам, причем для человека, который будет использовать мои записки для своих личных целей, а не для прославления меня. Я называю свое учение по имени создателя иванизмом, или лучше — лаптизмом.

Особенность лаптизма состоит в том, что он дает людям определенное мировоззрение, из которого они сами в зависимости от их индивидуальных обстоятельств и характеров выводят правила практического поведения. Потому, например, в лаптизме нет указаний на то, как дышать, как сгибать и разгибать конечности, как питаться, но, если человек усвоит принципы лаптизма, он сам быстро выработает свой режим питания, дыхания и движений,— это получится как бы само собой. Так, если человек руководствуется принципом, согласно которому следует избегать скоплений людей, порождающих неприятные ощущения и злобу, то он будет стремиться передвигаться в основном пешком, лишь в крайнем случае прибегая к общественному транспорту. Стремление избегать зависимости от технических сооружений и приспособлений само собой будет выражаться в том, что человек будет избегать пользоваться лифтом. Короче говоря, задача лаптизма не обучение множеству мелких приемов поведения, а разъяснение немногих общих принципов жизни, определяющих и оправдывающих практические правила поведения. В конечном счете лаптизм мог бы быть сведен к немногим универсальным принципам, из которых получалось бы все остальное. Но люди редко бывают способны выводить даже очевидные следствия из данных предпосылок.

Другая особенность лаптизма состоит в том, что он рассчитан не на людей, уходящих в себя, думающих только о себе и уклоняющихся от нормальной общественной жизни, а на людей, живущих обычной жизнью в нашем обществе, вынужденных или стремящихся ходить на работу, выполнять служебные обязанности, пользоваться общественным транспортом, стоять в очередях, сидеть на собраниях, заводить семью и друзей, короче говоря, погруженных целиком и полностью в трясины жизни. Один из моих учеников определил эту особенность лаптизма в шутиливой форме так: как быть святым без отрыва от греховного производства. Но при этом цель лаптизма — научиться жить в трясине нашего общества так, чтобы она в нашем сознании и в наших переживаниях отошла на задний план, а на первый план выступило бы нечто иное — наш особый мир со своими критериями оценок и ценностей.

Создание такого мира во власти человека. Если хочешь жить в раю,

создай его для себя сам. Многие так и поступают, изобретая свой рай в меру своих возможностей. Лаптизм есть один из способов для этого. От других способов он отличается тем, что при желании им может овладеть всякий, причем для создания своего рая при этом не требуется ничего другого, кроме внутренних сил самого человека.

Лаптизм охватывает все аспекты жизни человека. Полный эффект он дает лишь при том условии, что человек выполняет весь комплекс ее рекомендаций. Эффект получается и при выполнении отдельных элементов системы, но меньший и не такой устойчивый. Например, есть особые упражнения для улучшения внешнего вида человека. Но в улучшении внешности участвуют не только эти упражнения, но и другие элементы поведения, на первый взгляд не имеющие никакого отношения к внешности, в частности отказ от карьеристических и корыстных устремлений.

Наконец, лаптизм можно излагать и изучать в любом порядке, фрагментарно, с перерывами, в любое время и в любой ситуации — он принципиально бессистемен. И следовать ему можно так же. Это, подчеркиваю, не от недоработанности учения, а из принципа, ибо мое учение имеет целью не вырвать человека из его привычного образа жизни, а улучшить его жизнь в рамках выпавшего на его долю жизненного пути.

Цель лаптизма — дать человеку средства защиты от отрицательных свойств своего общества — от злобы, жестокости, равнодушия, цинизма, пошлости... Родился лаптизм на самом дне человеческого общества, в житейской помойке. Он фактически лишь облекает в поэтически-литературную форму то, что люди сами знают и делают и без него.

ДУША

Я исхожу из факта существования души и не ищу ему научного объяснения. Это некоторая данность, осознаваемая некоторыми людьми и очевидная им самим. Если человек замечает в себе наличие души, ему не надо объяснять, что это такое. Если же не замечает, ему не понять, что это такое, при любых объяснениях, подобно тому, как слепому невозможно объяснить световые ощущения, а глухому — звуковые. Душа есть нечто подобное шестому чувству.

Если ты ощутил в себе душу, то есть испытал озарение, знай, что тебе судьбою дан высший дар из всех мыслимых даров бытия. Обладание им и есть высшее счастье. Береги этот дар, храни его в чистоте, упрочивай и обогащай своей последующей подвижнической жизнью. Не меняй этот дар ни на что иное, ибо мена будет неравной для тебя. Все остальное в сравнении с ним есть прах, есть суета сует. Сделай шаг по пути, к которому зовет тебя необыкновенный дар, и ты сам убедишься в этом.

Некоторые считают это психическим заболеванием. Пусть так. Но это — такое заболевание, которое превышает всякого здоровья.

Я отвергаю душу как некую идеальную и недоступную наблюдению субстанцию, считая ее не менее данной реальностью, чем изучаемые наукой объекты. Душа доступна наблюдению. Ее ощущает сам обладающий ею человек, а для других она проявляется в его поведении. Я также отвергаю душу как нечто отделяемое от тела и способное существовать вне его и независимо от него. Душа есть способность тела, есть состояние тела. Я тем самым хочу изменить сам подход к явлениям духовности, навязанный нам традиционной философией с ее бес-

смысленным противостоянием материального и идеального. Я утверждаю, что имеется некая интуитивная, данная в опыте душа. Откуда она взялась — не наше дело. Попытки объяснить ее с некоей исторической точки зрения обречены на провал, ибо при этом не обнаруживается ничего по самим правилам историзма. Эта основа сама есть начало пути, не будучи завершением чего-то иного. Она есть абсолютное начало. Она либо есть, либо ее нет.

Смертна ли душа? Тело смертно, но понятия смерти и бессмертия лишены смысла в отношении души. Душа не есть нечто переживаемое во времени. Это есть некое бескрайнее и нетекущее состояние. Условно это можно считать установкой на вечность. Душа не ориентирована на время и его окончание.

Мое учение есть учение о душе, о душевном здоровье, о душевном поведении. Оно дает определенный взгляд на душу и все, связанное с нею, а также совокупность определенных правил поведения человека во всех мыслимых жизненно важных ситуациях.

Душевность выражается в поступках людей. Существует душевная оценка поступков людей, отличная от других форм оценки. Она осуществляется в терминах добра и зла. С этой точки зрения душевность можно также рассматривать как способность различать добро и зло, стремление делать добро и препятствовать злу, радоваться добру и печалиться злу.

Состояние души (или душевное состояние человека) не есть дело медицины. Душевные болезни не излечиваются лекарствами. Они излечиваются лишь словом и делом, — словом, воплощенным в деле, или делом, выраженным в слове. С этой точки зрения душа есть единство слова и дела.

БОГ

Вопрос о существовании Бога не есть проблема для лаптизма. Бог здесь допускается, но необязательно существование Бога допускается, хотя и не исключено. Понятие Бога многогранно и многозначно. Обозначаемое им существо допускается для различных целей. Что это за существо? Это — существо, варьируемое в широких пределах. Верхняя граница допущения — это абсолютное, существующее вечно и независимо от чего бы то ни было, всемогущее и всеведущее существо. Нижняя граница — допускается лишь мысль о нем. Внутри этих границ — разные степени Бога. Тут, например, в число атрибутов Бога могут быть включены существование, способность все видеть, способность помогать и наказывать. Даже самое слабое допущение Бога полезно для человека. Например, человек уже не ощущает себя абсолютно одиноким. Обращаясь к Богу, человек мобилизует свои внутренние силы для преодоления трудностей. Вера есть определенное душевное состояние человека. Возможна такая ситуация, что человек верит в то, что Кто-то поможет ему в трудную минуту, но не верит в то, что этот Кто-то существует на самом деле. Вера в Бога есть способность человека приводить свою душу, а через нее и свое тело в состояние, наиболее подходящее для данной обстановки. Вера не нуждается ни в объяснении, ни в подтверждении, ни в обещании, ни в наказании, ни в страхе — ни в чем. Вера не имеет никаких оснований вообще. Кто-то выдвинул формулу: верую, ибо это абсурдно! Он был близок к истине, но еще не был в самой истине. Я иду до конца. Я говорю: верую без всяких «ибо».

ФОРМА ОБРАЩЕНИЯ К БОГУ

Вы обращаетесь к Кому-то и просите дать силы нести свой крест. Ни в коем случае не просите Его избавить вас от этого креста, избавить вас от трудностей и сделать ваш путь легким и приятным: все равно вам в этом никто не поможет. Никто. И вам Кто-то не поможет тоже. Но сейчас меня интересует другой вопрос: почему надо обращаться к кому-то вне вас, а не сосредоточиваться на самих себе? Вопрос принципиальный. Суть дела тут в том, что мы все-таки европейцы, а не азиаты. Мы продукт западной, христианской цивилизации — цивилизации, исходящей из молчаливого допущения в каждом человеке некоей субстанции «Я», которую иногда называют душой (что ошибочно). Мы с вами суть «Я» от рождения и в ряде поколений. Нам нет необходимости сосредоточиваться на себе, производя на время некое подобие «Я» (как это делают на Востоке), — оно в нас и без этого есть. Оно само прет из нас вовне. Нам нужны внешние опоры, дабы образумить свое внутреннее «Я». В обращении к внешнему существу для нас имеются многие преимущества в сравнении с самососредоточением. Например, фактор времени и условия. Для самососредоточения нужны спокойная, сравнительно комфортабельная обстановка и долгие часы времени. Для внешнего обращения бывает достаточно считанных минут. И делать это вы можете в любом месте, в любых условиях. Стоите вы, например, в длинной очереди. Ноги от усталости подкашиваются. Черное отупение и безысходное отчаяние овладевают всем вашим существом. Кажется, больше нет мочи вынести это. Вспомните про ту самую борьбу и произнесите ее про себя раз пять: «Боже, дай мне силы выстоять в этой проклятой очереди до конца!» Уверяю вас, поможет. У вас даже появится чувство юмора к своему в общем-то (с точки зрения мировой истории) комичному состоянию. Или сидите вы на занудном, нескончаемом партийном собрании... Один из моих пациентов — лектор общества «Знание», специалист по антирелигиозной пропаганде, — читая свои одуряюще скучные лекции, каждые пять минут твердит (по моему совету): «Боже, дай мне силы дочитать эту галиматью до конца и не свалиться с трибуны!» Молитва действует безотказно вот уже три года подряд.

АТРИБУТЫ БОГА

Бог обладает такими свойствами, которые мы сами ему приписываем, принимая неявное определение слова «Бог», и которые можно логически вывести из этих дефинитивных свойств. Если мы, например, допускаем Бога как существо, которому становятся известны все наши поступки и помыслы, то Бог согласно этому неявному определению слова «Бог» является всеведущим в отношении нас. Если мы допускаем Бога как существо, карающее за зло и награждающее за добродетель, то Бог обладает именно такими способностями. Люди, как правило, не понимают логическую природу таких операций и принимают Бога как существо, обладающее некоторыми свойствами независимо от самих людей.

Поясню логическую природу языковых выражений, употребляемых в отношении к Богу. Например, говорят: все в воле Божией, все во власти Бога. И понимают эти выражения обычно буквально: будто Бог обладает волей наподобие человека и имеет власть наподобие начальников, генералов, вождей, диктаторов, царей. Бог никого не принуждает

к тем или иным поступкам и вообще не имеет власти над людьми и силами природы. Употребляя упомянутые выражения, люди фактически описывают тем самым свое понимание сложившейся ситуации и свое отношение к ней. Это, например, может быть такое положение, когда ход событий не зависит от самих людей, люди бессильны изменить его, отчаялись изменить его в желаемом направлении. При этом они выражают некоторую веру в то и надежду на то, что кто-то все-таки поможет им, что-то изменится в их пользу. И так обстоит дело с прочими случаями.

Из сказанного никак не следует, что сами феномены, обозначаемые такими языковыми выражениями, лишены смысла. С употреблением их связаны вера и надежда, которые облегчают людям страдания и мобилизуют их силы на преодоление и переживание трудностей, неприятностей, бедствий. Очевидно, что вера в силы Бога (религиозность) помогает человеку в решении таких и только таких его проблем, решение которых зависит целиком и полностью от самого данного человека. Например, если вас осудили на казнь, лаптизм не поможет вам избежать ее, если вас ведут на казнь. Он может вам помочь лишь мужественно, достойно звание человека встретить ее. А это не так уж мало.

Рассматриваемая вера (лаптизм как религиозность) предполагает, что человек не эксплуатирует при решении своей проблемы других людей, все делает сам. Например, если вам представился случай подсунуть вместо себя для казни другого человека, это будет не лаптистски-религиозное решение вашей проблемы. Лаптизм (религиозность) помогает человеку лишь при условии абсолютной нравственности его поведения при решении его проблемы, — вот что тут главное! Можно обмануть друзей, врагов, коллег, власть, общество. Но нельзя преднамеренно обмануть самого себя — имейте это в виду. Можно впасть в самообман. Но это — другое. Самообман — нечто независимое от человека. Преднамеренный обман самого себя означает, что человек отдает себе отчет в своих поступках и знает им цену. Механизм религиозности устроен сам по себе так, что всякое отступление от нравственности убивает его. Ему нужно верить себя с абсолютной искренностью, беззаветно, целиком и полностью. Когда хранители христианской религии говорят, что Бога обмануть нельзя, они в такой форме выражают то, что наш естественный механизм религиозности работает лишь при условии абсолютной искренности и нравственности.

ЧТО ТАКОЕ «Я»

Мы на ничтожно краткое мгновение возникаем в жизни из Небытия и навечно исчезаем в нем. И самое поразительное в этом чуде нашего кратковременного Бытия есть наше «Я».

Философы и ученые исходят из допущения, что в людях существует некое природное или социальное «Я», существует объективно, то есть в том же смысле, в каком существуют горы, моря, планеты, деревья, животные... Не в смысле материального бытия, а именно объективно. Философы и ученые стремятся познать это «Я» по тем же правилам, по каким они стремятся открыть строение атомов, молекул, хромосом. Независимо от них якобы существует «Я», и задача их — изучать его как данность. Они видят задачу свою лишь в том, чтобы познать некоего данного «Человека», «человеческую натуру», «человеческую психологию (или психику)». На самом деле в природе и обществе не существует никакого объективного «Я», ибо «Я» есть то, что каждый из нас

изобретает по своей воле и в силу своих способностей. А некое более или менее общее (типичное) «Я» есть лишь результат того, что условия изобретения «Я» у различных людей сходны.

То, что считается психологией (психикой) человека, не открывается как нечто изначально данное, а изобретается. Открывается лишь биология, лишь физиология. Психология есть явление культуры, а не природы. Проблема человеческого «Я» в таком понимании совпадает с проблемой «Как жить?». Как ты живешь, таково и твое «Я». Ты можешь хорошо жить и иметь хорошее «Я». Ты можешь плохо жить и иметь плохое «Я». Но не бывает так, что человек плохо живет, но имеет хорошее «Я», или хорошо живет, но имеет плохое «Я». Ты можешь стремиться иметь хорошее «Я», но, не умея достичь его, совершишь ошибки и плохие деяния. И тогда твое «Я» будет уродом с отдельными хорошими чертами. Короче говоря, учение о «Я» есть учение о житии.

«Я» есть учение о житии.

А раз законы человеческой психологии (законы «Я») не открываются в природе, а изобретаются самими людьми, то открывается возможность изобрести такую психологию, чтобы мир выглядел для тебя иначе, распространить ее среди людей (научить людей изобретать в себе такое «Я») и сделать иную жизнь бессмысленной. Если мы не можем изменить обстоятельства, то мы можем изменить самих себя так, что обстоятельства потеряют смысл и окажутся за пределами нашего человеческого бытия, — вот коренная моя идея.

Но чтобы различные общие элементы человеческого «Я» образовали нечто целое в тебе самом и стали твоим индивидуальным (неповторимым) «Я», чтобы ты обрел власть над этим «Я» и смог творить его по своему идеалу, для этого-то и требуется то неуловимое и не определимое по правилам образования понятий начало, которое я именую Душой. Одно дело — осознавать себя в качестве определенного «Я», на что способны все нормальные люди, и другое дело — владеть своим «Я» и творить его, на что способны не многие.

Итак, то, что называют психологией человека, есть явление историческое, а не извечно и на века присущее человеку. Я не хочу этим сказать, что в человеке раньше не происходило ничего похожего на эту «психологию» и не будет происходить потом (уже не происходит для многих сейчас). Я хочу лишь сказать, что в человеке есть нечто такое, что лишь в определенных исторических условиях приняло форму психологии. Это «нечто» присуще разным людям и в разные времена в различной степени. И в то время, когда оно приняло форму психологии, это происходило не для всех и неодинаково для тех, с кем это происходило. Что из себя представляет это «нечто», в каких именно условиях оно приняло форму психологии и в чем заключается эта психологическая его форма — вот задача для размышлений. Ответьте на эти вопросы, и вы поймете многие явления в современной жизни и культуре, в том числе увлечение масс людей спортивными зрелищами, джазовой музыкой, приключенческой и детективной литературой, порнографией. В том числе вы поймете и феномен массовых репрессий и убийств недавнего прошлого, бесчисленные случаи терроризма и насилия наших дней.

То, что наука свалила в одну кучу и рассматривает как некую психологию, следует расчленить по крайней мере на такие элементы: 1) социальный расчет и связанные с ним переживания (желание успеха,

ожидание результата, страх потери, зависть и прочее); 2) условия, в рамках которых указанное в первом пункте переживается в системе социальных запретов и ограничений (то есть в условиях действия религии, морали, общественного мнения, правового самосознания). Субъективное переживание всего того, что связано с социальным расчетом, в условиях табу, изобретенных цивилизацией, и породило то, что стало восприниматься как некая от природы присущая людям психология. В нашем обществе рухнули все табу цивилизации. В результате вообще исчезла человеческая психология в строгом смысле слова, осталось лишь физиологическое переживание ситуаций социального расчета. Так что задача состоит не столько в том, чтобы изменить психологию людей, сколько в том, чтобы изобрести ограничения, в которых она может возникнуть.

— Во всем, — говорит Антипод, — есть свои объективные закономерности. Даже в исключениях есть законы исключений и законы, по которым они случаются. Даже в хаосе есть объективные законы. Возьми большое число явлений и определи, что ты будешь называть хаотическим состоянием для них. И я тебе докажу, что нужно следовать определенным законам, чтобы такое хаотическое состояние получить. Есть всеобщие законы, которые распространяются и на явления человеческой жизни, в том числе на психологические и духовные. Вот тебе несколько примеров. Если один человек причиняет зло другому человеку (например, обманывает его), то по закону психологической самозащиты он вырабатывает в себе негативные эмоции по отношению к своей жертве, ищет дефекты в ее поведении, чтобы обвинить жертву и оправдать себя. Если человеку причинил зло другой человек, то, чтобы облегчить свои страдания, он стремится отплатить этому другому человеку той же монетой. Хватит?

— Хватит, — говорю я. — Но ты уверен в том, что эти твои «объективные законы» не являются изобретениями человека?

— Есть факты, — отвечает он, — которые...

— Верно, — соглашаюсь я, — но ведь и современные культурные растения выведены человеком из диких видов, что не отвергает того, что они изобретены людьми. То же с законами психологии. К тому же все изобретенное человеком тоже объективно. Ты просто переводишь разговор в другой план, а не опровергаешь мои утверждения.

— Пойми, — говорит он, — в реальном человеке одновременно сочетается все. Он любит, ненавидя. Ненавидит, любя. Предает, давая клятву верности. Отзывчив и непроницаем в том же самом чувстве. Способен на самопожертвование, но способен и на жертвование другими. Подл и благороден.

— Но что делает людей хорошими или плохими, подлыми или благородными, добрыми или злыми? — спрашиваю я. — Не идеология же. Идеология как раз оправдывает и развивает в людях эту гибкость, как ты сам выражаешься.

— Верно, — говорит он, — в мире все усложняется. Усложняется и духовный мир человека. Лишь идеология способна упорядочить внутренний сложный и хаотичный мир человека.

— Усложняется внешний мир человека, — говорю я, — его взаимоотношения с людьми. Но внутренне человек опустошается. Он избавляется от сложных внутренних механизмов духовности, дабы лучше эксплуатировать свою социальную среду.

И в таком духе мы спорим часами, не приходя ни к какому соглашению и ни к какой ясности. Совершенно неожиданно меня поддержал Писатель.

МЫСЛЬ ПИСАТЕЛЯ

— Я перечитываю Толстого, — говорит Писатель. — Удивительное дело: старый мужчина очень тонко и точно описывает психологию молоденькой девочки, зрелой светской женщины, проститутки. А секрет — то прост: никакой принципиальной разницы между молоденькой девочкой, светской дамой, проституткой и старым мужчиной нет. Люди все в общем и целом одинаковы. По крайней мере потенциально. Различия есть, конечно. Но не они определяют их психологию, вернее, они влияют на психологию. Но не непосредственно. Эти различия влияют на те социальные роли, которые навязываются людям или которые избираются людьми. И вот эти роли определяют психологию. Каждому типу роли соответствует свой тип психологии. Так называемые гениальные писатели чаще бессознательно и редко сознательно описывают именно логически возможные социальные роли, описывая психологию, соответствующую им. Описание психологии становится литературным приемом описания социальной роли, которую в принципе может сыграть любой человек, если отвлечься от его физических особенностей. Вот почему «гениальный» писатель способен «перевоплотиться» во что угодно: в грудного младенца, в лошадь, в собаку, в проститутку, в солдата, в клопа.

МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

Разговариваю с дочерью Писателя, а мечтаю о Богине. Вторая — светлая мечта, первая — мрачная реальность. Намерения Дочери в отношении меня не оставляют сомнений. И я сам, кажется, готов упасть в эту яму, — воплощением добродетели по законам реальной жизни становится порок. Антипод, выходит, прав.

Дочь — существо образованное и утонченно-интеллигентное. Начинает она свою атаку на меня издали. Она задала мне тот же вопрос, что и отец. Я ответил так же. И ее реакция была такой же: «Не люблю, когда подглядывают за мной, — сказала она. — Выходит, твой Бог будет подглядывать, что я делаю в постели? И на работе тоже? Избави Боже! Тогда житья не будет».

ХАОС МЫСЛЕЙ

Но ведь можно рассуждать и так. Психологи объясняют конфликты в группах некоей психологической несовместимостью. Но такого явления просто не существует. Подберите самых, казалось бы, психологически совместимых людей и наблюдайте за ними: конфликты все равно возникнут. Ибо дело не в психологии, а в социологии, вернее, в социальной психологии. Уже в группе из двух человек действуют социальные законы. Причем в силу недостаточности людей для нормального коллектива эти законы могут сработать особенно остро. Тут порою самые различные социальные отношения спрессовываются в одно, и люди сами не отдают отчета в том, что творят. Между прочим, требуется достаточно большое число людей в коллективе, чтобы можно было осуществить «психологическую» совместимость хотя бы двух индивидов. Увеличение размеров группы необходимо для решения социально-

психологических проблем. Но это увеличение группы порождает чисто социальные явления (сложная структура группы, разделение функций, неравенство) — неопровержимый показатель того, что социальная психология есть лишь «спрессованная» социальность.

А что такое «социальность»? Почему люди не властны над своими же социальными законами? Да потому, что это такие правила поведения и переживания людей, которые обеспечивают им наилучшее приспособление к социальным условиям существования, без соблюдения которых людям хуже, плохо или они погибают совсем. Люди стремятся сами соблюдать эти правила. Эти законы неподвластны людям лишь постольку, поскольку люди не хотят над ними властвовать, хотят, наоборот, подчиняться им. Таким образом, круг замыкается, и сама социальность находит основу в своих, казалось бы, следствиях.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

В психологии масс людей есть нечто, неподвластное их воле, и есть нечто, исходящее из самих людей, из их воли и сознания. Тут человек свободен выбирать и принимать решения. Человеческие проблемы суть проблемы в рамках свободы выбора и свободы решений. Надо установить, в чем мы свободны и в чем нет. За рамками нашей свободы лежат проблемы биологические, социальные, политические и прочие. Таким образом, установив рамки нашей свободы, мы установим, в чем именно мы суть люди, а не просто социобиологические существа. И в этих рамках мы должны искать решение волнующих нас проблем.

Есть общезначимые предпосылки для рассуждений на эту тему. Вот, к примеру, некоторые из них. Число человеческих проблем ограничено и не очень-то велико. Их можно все пересчитать. Причем это число, а также степень важности проблем не зависят от того, состоит общество из двух, десяти, ста или нескольких сотен миллионов человек. Причем эта независимость сохраняется в определенных пределах. Если число людей в обществе превысит некоторый максимум или снизится ниже некоторого минимума, человеческие проблемы немедленно исчезают, и их место занимают проблемы иного рода — биологические или механико-социологические.

Число и тип личностей в обществе ограничены числом и типом упомянутых проблем. Оно одинаково для общества в десять миллионов и в миллиард. Увеличение числа людей снижает ценность отдельного человека, но не увеличивает число различных типов личностей и их значительность. По крайней мере не увеличивает. А возможно, и сокращает. Мир знает множество примеров, когда главы великих держав являются ничтожествами, а культура этих держав представлена пигмеями. Прогресс науки, техники, медицины и прочих явлений цивилизации не влияет существенным образом на прогресс отношений человека к себе, к другим людям, к обществу. Человек в массе имеет дело с продуктами современного общества (автомашинами, самолетами, холодильниками, телевизорами и т. п.) как с естественной средой бытия.

Масштабы человеческих проблем не зависят от внешних качеств людей. Низкорослые страдают и радуются так же, как высокие. Трагедия любви одинакова как для Отелло и Дездемоны, так и для Ваньки и Катьки с соседнего двора, — Ванька убил Катьку из ревности обыкновенной отверткой.

Что это за человеческие проблемы, конкретнее говоря? Это проблемы

средств самозащиты людей от самих себя, от других людей, от групп и организаций, причем в рамках свободы человеческих поступков. А средства самозащиты зависят от того, от кого и от чего надо защищаться. Взгляните на себя! Поразитесь тому, какие опасные и отвратительные чудовища вы суть на самом деле, причем без принуждения, а по доброй воле и по желанию. Признайтесь себе в этом и подумайте о самообороне. И знайте: ничто и никто не способен защитить человека от человека, кроме самого человека. Пока ты сам не примешь решения обуздать сидящую в тебе самом гнусную тварь. Не ищи вокруг себя ангелов.

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Сколько было сказано слов о смысле жизни! И все они лишены какого бы то ни было смысла. Почему? По очень простой причине: многие говорили о смысле жизни, но никто не определял само понятие «смысл жизни». А как можно исследовать обозначаемое данным выражением явление, если неизвестно, что именно обозначает это выражение?! Как можно рассуждать о смысле жизни, если рассуждающие не знают, каков смысл самого выражения «смысл жизни», что именно обозначает это выражение?!

Подчеркиваю: чтобы разрешить некую проблему смысла жизни, надо сначала установить смысл (значение) самого выражения «смысл жизни». И тогда, может быть, отпадет сама проблема как банальная или пустая. А может быть, окажется неразрешимой. Кто знает? Вот и займемся сначала выяснением смысла выражения «смысл жизни».

Вот предпосылки для этого. Имеется в виду жизнь человека. А жизнь человека есть совокупность действий или поступков, которые он совершает в то или иное время и в той или иной области пространства. А всякое действие (поступок) характеризуется определенными результатами, последствиями, целями, желаниями, мотивами, причинами. Вот по этим свойствам действий людей люди сами приписывают человеческой жизни определенную ценность, дают ей определенную оценку. Исторически в каждой человеческой общности вырабатываются более или менее определенные критерии такой оценки человеческой жизни, критерии приписывания ей той или иной ценности. Эти критерии в той или иной мере и форме сообщаются новым поколениям в процессе их воспитания и образования. Происходит это как сложный исторический процесс, с конфликтами, с крушениями, переворотами. Но общество все же тяготеет к выработке более или менее устойчивых критериев оценки человеческой жизни. И такие критерии принимаются людьми во внимание заранее, еще в начале жизненного пути, во всяком случае, еще до того, как жизнь закончена и еще есть какой-то резерв сил и времени. Выражение «смысл жизни» и обозначает это отношение людей к их собственной жизни и к жизни других людей, оценку человеческой жизни по некоторым общественно значимым критериям.

Проблема смысла жизни не есть нечто однозначное. Есть индивидуальная проблема оценки человеком своей собственной жизни и намерений. И есть общая проблема — проблема критериев оценки и отношения к ним, отрицания или принятия их, замены одних критериев другими. Несмотря на огромное число различных случаев возникновения и решения таких проблем, все они имеют некоторые общие основания. Вот в отыскании и описании этих оснований и скрыта суть дела, которая так

или иначе волнует людей, но о которой они не хотят или не могут по тем или иным причинам говорить откровенно.

Что же это за основания? Есть общеизвестные и общечеловеческие жизненные блага — средства и условия существования, средства развлечения, здоровья, защиты, есть гарантии всего этого. Стремление людей к лучшим условиям и способам существования, стремление занять в обществе наилучшее положение для этого — в массе людей это нормальное явление, это есть условие человеческой жизни вообще. Но есть также общественно значимые способы, какими люди добывают жизненные блага в общественной среде, какими они приобретают для себя доступный по их силам, способностям и положению кусок этих благ. Эта опосредованность отношения людей к жизненным благам способом их добывания и порождает проблемы, над которыми ломают голову и страдают столько людей. Для них этот посредник приобретает самодовлеющее значение, становится доминирующим, затемняет собою то, что он опосредует. Потому и получается так, что, например, музыка и сочинение стихов субъективно становятся самоцелью для отдельных людей, хотя объективно они суть лишь средства добывания жизненных благ и занятия наивыгоднейшей жизненной позиции. Если бы ковыряние в носу приобрело такую же престижную ценность, как игра в шахматы, игра на скрипке или занятие теоретической физикой, то и тут появились бы индивиды, считающие делом своей жизни развитие техники ковыряния в носу и предающиеся этой творческой деятельности с самозабвением.

Перед человеком открываются два пути, практически решающие его проблему смысла жизни: либо окунуться в борьбу за жизненные блага по законам данного общества, либо уклониться от этой борьбы. Есть разные способы уклонения. Не все они равноценны. Наибольшее значение имеют такие, которые приносят удовлетворение и дают оправдание вашему уклонению от борьбы. К их числу относится учение, которое я проповедую вам.

МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

Я не мог уснуть. Тосковал о моей Богине. Говорил ей вслух прекрасные слова. Я умолял ее явиться мне хотя бы во сне.

— Я здесь наяву, — услышал я голос Дочери. — Подвинься!

И я забыл про Богиню.

*Тела, как смертные враги,
Сцепились в иступленье.
И кажется ночной угар,
Как клятвопреступленье.*

ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ

Главное в жизни — не воспоминание о прошлом и не ожидание будущего, а данная минута — актуальное ощущение жизни в данный момент. Прошлое есть лишь постольку, поскольку есть данный момент. Будущее есть лишь воображаемое настоящее и применение к себе чужого жизненного опыта. Живи сейчас, каждую данную минуту. Учись ценить настоящее. Почаще вспоминай о том, что ты живешь именно в эту минуту. Вспомнив о том, что ты сейчас жив, удивись самому факту жизни, оглянись вокруг и удивись чуду бытия. Это очень просто: помнись вдруг, скажи себе, что ты — жив и что это — чудо, что ты —

человек, а не червяк, что ты осознаешь свое «я». Чем чаще ты это будешь делать, тем длиннее будет твоя жизнь. Чем дольше ты будешь удерживать в себе это состояние осознания факта жизни и удивления бытием, тем глубже и богаче будет твоя жизнь. Длина ощущения жизни зависит не от количества прожитых лет, а от доли продолжительности моментов ощущения настоящего в физической протяженности времени. Богатство ощущения жизни зависит не от обилия и разнообразия событий, а от силы моментов переживания любого настоящего момента жизни, и в том числе бессобытийного. Но такому отношению к жизни надо учиться. Его надо постоянно поддерживать в себе, нужно постоянно тренироваться в нем. Такое отношение к жизни есть признак высокого развития духовности (или душевности) человека, а все высокоорганизованное нуждается в усилиях и заботе. Наполнение жизни внешними событиями, воспоминания прошлого и планы на будущее суть показатели низкого уровня организации духовности человека. Это все входит в людей само собой, без усилий. Не нужно проявлять никакой заботы, чтобы сберечь это. Это есть естественное падение вниз, тогда как отношение к жизни, о котором я говорил вначале, есть карабканье вверх, есть стремление к полету. Оно труднее. Но и награда за него выше.

О МАТЕРИАЛЬНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ

Я отвергаю стремление к материальному благополучию, но я не настаиваю на отказе от него. Современное общество в изобилии рождает соблазны. Но оно одновременно создает возможности довольствоваться малым. Оно создает возможность иметь все, не имея ничего.

94
Лучше не иметь, чем терять. Надо суметь жизнь построить так, чтобы иметь, не имея. Значит, надо установить, обладание чем означает одновременно отсутствие его. Надо установить, в чем можно свести потребности к минимуму и в чем развить до максимума. Причем с минимальными затратами, и максимальным успехом. Учись терять. Учись оправдывать свою потерю и находить ей компенсацию. Не приобретай того, без чего можно обойтись.

Этот раздел моего учения пользуется особым успехом, ибо я излагаю его не в общей форме, а на конкретных фактах жизни людей, с которыми я имею дело. Этот раздел очень практичен. Я хожу со своими учениками по магазинам и учу их самым обычным вещам. Человек, например, хочет купить шкаф за двести рублей. Я его убеждаю купить за сто. Причем человек сам убеждается, что более дешевый шкаф красивее выглядит в его квартире и удобнее в эксплуатации. Я советую покупать одни книги и не покупать другие, смотреть одни фильмы и не смотреть другие. Я учу, как очищать от ненужного хлама жилища — от старой ненужной мебели, неносимой одежды, нечитаемых книг. Я учу, как минимизировать свой гардероб, как дешевле всего и здоровее всего питаться в наших условиях. Однажды у меня даже образовалась целая группа из двадцати домашних хозяек, и я им преподавал двухнедельный курс наиболее разумного домоводства в наших условиях. Об этой группе узнали власти. Группу запретили, а курсы домоводства создали официально при нескольких клубах. Но они не имели успеха и вскоре перестали существовать. Со мной встретился чело-

век, руководивший этим делом. Пытался узнать мои «секреты». Я сказал ему, что секрет очень прост: моя система домоводства есть лишь кусочек моей общей системы жития.

— Ясно,— сказал сей чиновник.— Вы опасный человек!

О СЛАВЕ

*Тот памятник при жизни требует по чину,
А я, наоборот, вступаю с этим в спор.
Дорогу новому почину
Я предлагаю с неких пор.
Я так живу, чтобы, когда закрою веки,
Осталось все, как будто я не жил.
Пусть в память людям врежется навеки
Тот факт, что я забвенью заслужил.*

ОБ УСПЕХЕ

— Всякий успех в делах,— сказал Екклезиаст,— производит взаимную между людьми зависть.

ЕЩЕ О БЛАГОПОЛУЧИИ

Я не против сытости и благополучия. Я — «за». Но я знаю, что для массы людей это достижимо лишь на короткое время. А когда это становится привычным образом жизни, то наступает деградация человека в качестве Человека. Сытость — величайшая опасность для человечества. Постоянная сытость есть пресыщение. Человек должен иногда насыщаться, но не быть постоянно в состоянии сытости. Сытость (благополучие вообще) должна быть праздником для человека.

То же самое имеет силу для страны в целом. Не постоянное благополучие, а периоды трудностей, сменяемые короткими периодами благополучия,— вот нормальное состояние общества. Сытый человек — страшное существо, а пресытившийся — кошмарное.

МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

Теперь мои ночи делятся на две части: первые пять минут я думаю о Богине, вторые семь часов окунаюсь в любовный кошмар с Дочерью. В перерывах мы ведем умные разговоры.

— Ладно,— говорит она,— пусть я стану добродетельной. А какая награда за это?

— Добродетель,— говорю я,— сама по себе есть награда за себя.

— Чушь,— говорит она,— награда за что-то всегда должна отличаться от того, за что ее дают. Подай лучше бутылку!..

— Ладно,— говорит она в следующем перерыве,— пусть я порочна. Но мои пороки всеобщие. Формально я хороший работник, примерная комсомолка. В партию вступать буду. Кто и как меня накажет за мои пороки?

— Порок,— говорю я,— сам по себе есть наказание за самого себя.

— Чушь,— говорит она,— наказание за что-то всегда есть нечто, отличное от того, за что следует наказывать. Подай лучше бутылку!..

— Главное,— говорит она,— получать от всего удовольствие.

— Чушь,— говорю я.— Период удовольствия краток. Разочарование

после него продолжительно. И знай: кто может наслаждаться без Него?! Это не мои слова, а Екклесиаста.

— Кто Он? — спросила она.

— Ты имеешь в виду Екклесиаста? — переспросил я.

— Нет, — сказала она, — я имею в виду именно Его.

Я не ответил на ее коренной вопрос: я забыл, кто Он.

УДОВОЛЬСТВИЯ

Стремление к удовольствиям (к наслаждению) есть характерная болезнь нашего времени. Она подобна алкоголизму и наркомании. Если человек встал на этот путь и прошел по нему хотя бы небольшой отрезок, излечить его практически уже невозможно. Причем в наше время это стремление принимает уродливые, извращенные формы — людям навязывается в качестве наслаждения то, что противоречит их натуре, то есть ложное наслаждение. Это — мощное средство манипулирования людьми. Сумей устоять против этой эпидемии, и ты поймешь, в чем состоит истинное наслаждение жизнью, — в самом факте жизни. А для этого нужны простота, ясность, умеренность, душевное здоровье, короче говоря, самые простые, но теперь самые труднодоступные феномены жизни.

Для подавляющего большинства нашего населения убогий быт и дефицит всего того, что приносит удовольствия, даны на века. Надо думать о том, как к этому приспособиться, чем это компенсировать. Единственное средство для этого, если исключить борьбу за жизненные блага как цель жизни, — развить религиозное отношение к реальности, развить духовный мир и культуру духовного общения. Верно, что человек стремится к счастью. Нет счастья без способности к самоограничению и без самоконтроля. Ограничивая и сдерживая себя в обычном житейском разрезе бытия, ты поворачиваешь свое «я» в иной разрез, в котором лишь можешь испытать счастье. Без этого возможна лишь мимолетная и кратковременная иллюзия счастья. Удовлетворение есть результат победы над обстоятельствами. Счастье же есть результат победы над самим собой.

ТЫ И ДРУГИЕ

Сохраняй личное достоинство. Держи людей на дистанции. Сохраняй независимость поведения. Относись ко всем с уважением. Будь терпим к чужим убеждениям и слабостям. Не унижайся, не холуйствуй, не подхалимничай, чего бы это ни стоило. Не смотри ни на кого свысока, если даже человек ничтожен и заслужил презрения. Воздай каждому должное. Гения назови гением. Героя назови героем. Не возвеличивай ничтожество. С карьеристами, интриганами, доносчиками, клеветниками, трусами и прочими плохими людьми не будь близок. Из общества плохих людей уйди. Обсуждай, но не спорь. Беседуй, но не разглаговльствуй. Разъясняй, но не агитируй. Если не спрашивают, не отвечай. Не отвечай больше того, что спрашивают. Не привлекай к себе внимания. Если можешь обойтись без чужой помощи, обойдись. Свою помощь не навязывай. Не заводи слишком интимных отношений с людьми. Не лезь к другим в душу, но и не пускай никого в свою. Обещай, если уверен, что сдержишь обещание. Пообещав, сдержи обещание любой ценой. Не обманывай. Не хитри. Не интригуй. Не поучай. Не злорадствуй. В борьбе предоставь противнику все преимущества.

Не насилуй других. Насилие над другими не есть признак воли. Лишь насилие над собой есть воля. Но не позволяй другим насиловать тебя. Сопротивляйся превосходящей силе любыми доступными средствами.

Вини во всем себя. Если у тебя выросли жестокосердные дети — ты воспитал их такими. Если тебя предал друг — ты виноват, что доверился ему. Если тебе изменила жена — ты виноват, что дал ей возможность измены. Если тебя угнетает власть — ты виноват, что внес свою долю в ее мощь.

Не действуй от имени и во имя других. Думай о последствиях своих действий для других — ты за них (за последствия) в ответе. Благие намерения не оправдывают плохих последствий твоих действий, хорошие последствия не оправдывают дурных намерений.

Тело съедают незримые бактерии. Душу съедают мелкие заботы и переживания. Не допускай, чтобы мелочи жизни овладели твоей душой.

Никогда не рассчитывай на то, что люди оценят твои поступки объективно — такой «объективной» оценки вообще нет. То, что мы считаем объективной оценкой, есть то, как нам самим хотелось бы, чтобы люди оценили наши поступки. Мотивы твоих поступков не совпадают с тем, какие мотивы припишут им другие. Твои мотивы сами меняются со временем, а часто многосторонни и противоречивы. Ты сам невольно ищешь подходящие обоснования своим поступкам и даже оправдания их. Люди смотрят на твое поведение с точки зрения своих интересов и в системе своего миропонимания. Люди различны. Один и тот же поступок есть зло для одних и добро для других. Более того, при оценке поступков людей даже истина фактов достижима лишь иногда и лишь частично. Ты живешь, не понятый другими, и умрешь непонятым. Это общий закон. Только тот, кто не претендует на некое объективное понимание своего поведения другими, живет достойно человека. Смерть и забвение исправляют все «несправедливости» в этом отношении. Добавь ко всему прочему умышленную ложь и клевету, а также стремление людей идеализировать избранные личности. Помни: ты есть единственный и высший «объективный» судья своего поведения, ибо оно есть твое поведение, и ты волен судить его по своему усмотрению.

97

ОБ ОБМАНЕ

«Ври, да знай меру», гласит народная мудрость. «Не пойман — не вор». Все это верно. Но человеческую душу разрушают не столько явные, сколько тайные и скрытые проступки. «Все тайное становится явным» — это не следует понимать буквально. Это надо понимать: тайное зло так или иначе, рано или поздно отплатит за себя. Поступки, в которых не раскаиваются, убивают душу. Не случайно люди в свое время выдумали исповедь и покаяние. Конечно, можно прожить и без этого. Но качество жизни будет иное. Где лучше купаться — в чистом и ясном источнике или в грязной и вонючей луже? Верно, кое-кто предпочитает второе. Свиньи, например.

МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

На сей раз мы обсуждали достоинства и недостатки моногамии и промискуитета (полигамии). Она сказала, что пару раз принимала участие в групповом сексе, и предложила мне принять участие в таком деле вместе с ней.

— А почему ты сейчас туда не ходишь? — спросил я.

— Очень уж противно, — сказала она. — Хочется любить одного. Хочется быть любимой кем-то и быть для него единственной, неповторимой, незаменимой, — Богиней для него хочется быть. Хочешь, я буду твоей Богиней?

— Это место уже занято, — ответил я.

— У тебя в городе любовница? — спросила она.

— Нет, — сказал я, — Богиня не может быть любовницей, а любовница не может быть Богиней. Я с ней ни разу не разговаривал даже.

— Как это ску-у-учно! — сказала она. — Поддай лучше бутылку! А то от тоски повеситься можно.

ОТНОШЕНИЕ К ВРАГУ

Тебя в лицо ударил враг?

Не трать в сомнение время даром.

Ответь ему двойным ударом,

Иначе будешь сам дурак.

Так было сказано в «Евангелии для Ивана» об отношении к врагу. Но этот постулат не выражает всего богатства лапизма в этом отношении. Вот некоторые его другие аспекты.

— Возлюби врага своего, — учил Христос.

— Цени врага своего, — говорю я, — ибо с исчезновением врага твоего наступает душевная пустота. Твоя победа над врагом есть и твое поражение. Цени минуту, когда у тебя есть враг и когда он еще не способен победить тебя или ты его. Если у тебя есть враг, ты есть хотя бы немного человек, Личность. Чем больше врагов у тебя, тем крупнее ты как личность. Если у тебя нет врагов, ты — ничто. Но... презирай врагов своих. Делай вид, что они для тебя не существуют. Игнорируй их — они не достойны твоей борьбы с ними. Ни в коем случае не люби их — этого они тем более не достойны. Избегай быть жертвой твоих врагов и избегай того, чтобы они были твоими жертвами. Не персонифицируй своих врагов. Считаешь ли ты комаров и мух, кусающих тебя, врагами? А гнилостные бактерии и черви?.. А они ведь уничтожают тебя! Отнесись к врагам, как к комарам и мухам, как к гнилостным бактериям и могильным червям.

ТЫ И ОБЩЕСТВО

Будь добросовестным работником. Будь во всем профессионалом. Будь на высоте культуры своего времени. Это дает какую-то защиту и внутреннее ощущение правоты. Что касается прочих объединений и коллективных действий — уклоняйся. Не вступай в партии, секты, союзы. Не присоединяйся ни к каким коллективным акциям. Если участие в них неизбежно, участвуй в них как автономная единица, не поддаваясь настроениям и идеологии толпы, действуй в силу личных убеждений. Делай это как свое личное дело, а не как дело других.

И одновременно я проповедую идеи, которые для примера уже приводил в «Евангелии». Как это совместить? Оказывается, можно. Я лично был хорошим учеником, хорошим студентом, хорошим специалистом. Меня выгнали с работы за другое. Я и в качестве шарлатана (то есть учителя Праведности и Бога) стараюсь быть добросовестным. Важно не то, как ты трудишься, а то, как ты относишься к своему труду.

ТЫ И ВЛАСТЬ

Не совершай ничего противозаконного. Не участвуй во власти. Не участвуй в спектаклях власти. Игнорируй все официальное. Не вступай в конфликт с властью по своей инициативе, но и не уступай ей. И ни в коем случае не обожествляй власть.

ТЫ И ИДЕОЛОГИЯ

Игнорируй официальную идеологию. Любое внимание к ней укрепляет ее.

БРАТСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ

Не к единению тел, а к единению душ призываю я. Душа человека не может долго существовать вне единства многих душ. Душа с этой точки зрения есть форма коллективного восприятия мира и коллективное сопереживание. Но единение единению рознь. Есть организация людей. И есть братство.

В нашем обществе всякая организация людей в группы дает социальные учреждения со всеми их атрибутами. Церковная организация в том числе. Моя религия есть средство защиты от сил социальности. Она отвергает организацию. Она признает лишь единство или братство людей, думающих, чувствующих и поступающих одинаково. Это — религия одиночек, рассеянных в нормальном обществе, но не образующих своего общества.

ЗНАТЬ ИЛИ ПОНИМАТЬ

«Во многой мудрости много печали,— говорил царь и сын царя Екклезиаст.— Кто умножает познания, умножает скорбь».

«Много будешь знать — скоро состаришься», гласит старая поговорка. А наше советское время добавляет: «...а неученых — тьма».

Прав был Екклезиаст. Правы были наши темные и невежественные деды. Чрезмерное знание порождает заблуждение, умственный хаос и в конечном счете опустошение. Часто лучше не знать, чем знать. Лучше учиться понимать, чем копить знания. Знать надо необходимый минимум, понимать же надо максимально много. Знание пассивно. Понимание активно. Знание — то, что добыто другими. Понимание — то, что ты добываешь сам. Знание есть обладание, понимание — созидание. Понимание есть способность приобретать знания в случае надобности и освобождать голову от них после использования их.

О СТАРОСТИ

Я еще молод и еще не испытал, что такое старость. Но я отвергаю старость как состояние души. Лаптизм учит, как сохранить молодость души до самой последней секунды жизни. Что касается биологической старости, то можно жизнь построить так, что старение придет как нечто естественное, не вызывая ужаса старости и смерти. Для этого лаптизм имеет целую систему технических приемов тренировки.

О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Долгая жизнь имеет смысл лишь при том условии, что она переживается как долгая. Для этого нужно иметь память и воображение, а значит, большой мозг. Наш мозг рассчитан на то, чтобы 70—80 лет переживались как максимально долгая жизнь. А дольше уже безразлич-

но. Даже наоборот, происходит сокращение субъективного ощущения долготы жизни. Чтобы ощущать 200 лет жизни именно как 200 лет, нужен мозг раз в 10 больше нашего. Чтобы жить 1000 лет и переживать их именно как 1000 лет, нужен мозг размером с нашу планету.

Кроме того, чтобы продлить жизнь людей в среднем за 100 лет в условиях нашей цивилизации, нужно значительно увеличить мозг (контролировать процессы) в организме. Так что упомянутые величины надо еще умножить.

Проблема решается просто: надо продлить ощущение жизни, а не биологическое ее существование.

БЫТЬ И СЛЫТЬ

Нет проблемы «Как быть красивым?». Есть проблема «Как не чувствовать себя некрасивым и как не выглядеть некрасивым для других?». Нет абсолютного совершенства, то есть совершенства без недостатков. Чем совершеннее, тем мертвее. Живое совершенство невозможно без недостатков. Я не могу смотреть на лица без морщин и прыщей. Лишь морщины и прыщи, распухшие суставы и выпавшие зубы суть признаки живого совершенства. Только Душа есть совершенство без морщин и прыщей, без распухших суставов и гнилых зубов.

О БОЛЕЗНЯХ

Не болей. Лечись сам. Помни: геморрой есть болезнь богов и заведующих. Старость есть капитуляция. Хочешь вечно жить, сопротивляйся старости. Если хочешь сохранить молодым свое тело, позаботься о молодости духа. Вечная молодость есть не возраст, а состояние духа.

Эта часть моей системы пользуется, пожалуй, наибольшим успехом. Все хотят быть молодыми, здоровыми и красивыми. Но мало кто понимает, что абстрактная часть моего учения есть абсолютно необходимое условие для этого, ибо лишь она настраивает твое «я» на определенное отношение ко всему. Прочее же есть лишь тренировка в реализации абстрактного. И все же положительные последствия тех тренировок, которым я обучал моих пациентов, сказываются очень быстро. Это вызывает бешеную злобу у моих конкурентов.

ОДИНОЧЕСТВО

«Человек одинокий, — сказал Екклезиаст, — и другого нет». Екклезиаст прав, но... Но... Хотя я еще молод, я в этом деле одиночества опытный специалист. Быть одиноким — моя судьба и мое призвание. Но бороться против одиночества есть тоже мое призвание. Но не судьба, к сожалению.

В одиночестве есть свои плюсы и свои минусы. Но не в них дело. Суть одиночества в другом. Твой жизненный путь протекает так, что ты лишь внешне и случайно соприкасаешься с другими людьми, причем — без взаимного проникновения душ. Это самое мучительное состояние человека. Можно вынести любые страдания, кроме одиночества. Одиночество — главная причина смерти. И выход из одиночества есть лишь смерть. Для обычных людей самоубийство есть хорошее средство. Для богов же — лишь путь на Голгофу.

Христос мог избежать Голгофы. Но не стал уклоняться от нее, — он был одинок, и он понимал, что иного выхода из одиночества у него не было.

Против одиночества нет лекарств, и нет упражнений, как преодолеть его.

От одиночества нет спасения.

Бог одинок. Ужас его положения — он бессмертен.

СНОВА ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Хотя наше общество коллективистское, проблема одиночества и для нас актуальна. Есть много людей, страдающих от одиночества всю жизнь, и еще больше — с годами, особенно в старости. Есть много причин для этого, среди них — причины природные (человек рождается с такими задатками), но и социальные имеют силу (например, выпадение человека из коллектива, противопоставление человека окружению).

Считается, что проблема одиночества — чисто западная. Это на Западе, мол, трудно проникнуть в души других людей. А у нас, мол, наоборот, трудно защититься от вторжения других людей в твою душу. Конечно, доля истины в этом есть. Но различие тут не абсолютно. Различие лишь в пропорциях. У нас доминирует коллективизм и вмешательство сограждан в души друг друга («душевная открытость»). Но — лишь доминирует как норма, как обыденность. Если даже рассматривать состояние одиночества как болезнь, то надо констатировать, что болезнь эта встречается очень часто. Я знаю это по опыту. Чуть ли не половина моих пациентов жалуется на одиночество, особенно женщины. Причем обычно это женщины средних лет, образованные. Иногда довольно привлекательные. Странно, не правда ли? Но есть такое явление, как ощущение неадекватности внешнего положения человека его самосознанию и внутренним возможностям.

102
Есть разные формы одиночества. Прежде всего я выделяю вынужденное одиночество. В этом случае изменение обстоятельств жизни избавляет от одиночества. Пример такого одиночества — человек попадает в неадекватную среду. Я был направлен на работу в глушь вместе с другим выпускником института. Он страдал там от одиночества так сильно, что хотел повеситься. Но потом ему удалось перевестись в областной город, и состояние одиночества исчезло. От вынужденного одиночества я не лечу, — оно банально. Оно во власти людей, а не Бога. Гораздо более серьезным является другая форма одиночества. Это — состояние, когда человек окружен людьми, ни от кого не отделен, свободен в выборе знакомств, но при этом не имеет близких себе людей. Это — одиночество человека в любом коллективе, среди людей. Такое одиночество ужасно. Человек постоянно живет в состоянии обреченности, в ожидании конца. Никакой надежды, никакого просвета. Часто такие люди кончают жизнь самоубийством. Один из моих пациентов говорил мне, что за один день жизни без ощущения одиночества он готов отдать всю оставшуюся часть жизни.

Антипод утверждает, что единственный способ преодолеть такое одиночество — это разделить судьбу людей, участвовать в их хлопотах и заботах, причем не формально, а от души. Иначе говоря, стать нормальным членом какого-то коллектива и постепенно выработать коллективистское самосознание. Он прав. Но это — абстрактное теоретическое утверждение, а не практический совет конкретным, живым людям, страдающим от одиночества даже в таких ситуациях, когда они являются нормальными членами коллектива. Моя система жизни содержит правила, как избежать состояния одиночества со временем, как

жить, чтобы не оказаться со временем одиноким. Это — профилактика от одиночества, точнее, подготовка к одиночеству как к неизбежному итогу жизни. Лаптизм учит, как встретить одиночество во всеоружии, — как норму, как неизбежное состояние, имеющее свои неоспоримые достоинства: независимость, беззаботность, созерцательность, презрение к потерям, готовность к смерти.

Проблема преодоления одиночества не есть особая проблема лаптизма. Это — составная часть всех прочих проблем его.

РАСПЛАТА

Что ждет нас: Рай или Ад? Послушайте ответ:

Свет есть огонь, огонь есть свет.

Не играет роли, что ждет нас в конце, — наказание или награда. Наказание и награда, полученные в конце, суть одно и то же, ибо они получены в конце. Конец их уравнивает. Конец, как сострил мой Антипод, сводит концы. Награда есть прожитое тобой, а не будущее. Старайся жизнь закончить так, чтобы после тебя ничего не осталось. Малое наследство вызывает насмешки и презрение. Большое наследство порождает злобу и вражду наследников. Любое наследство оставляет людям хлопоты. Старайся уйти так, чтобы никто не обратил внимания на твой уход и чтобы люди не злились на то, что после тебя остался мусор и нужно очистить мир от твоего пребывания. Ты явился в мир незванным и уйдешь неоплаканным. Не завидуй остающимся: их ждет та же участь. В конце концов мы уйдем все, и никто и никогда не узнает о том, что мы были.

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

Смерть есть прекращение жизни, есть отсутствие жизни. Так что жизнь после смерти есть логический нонсенс согласно самому определению понятия «смерть». Аналогично рождение есть начало жизни, и, по определению понятия «рождение», жизнь до рождения есть тоже логический нонсенс. Я берусь чисто логически доказать, что данному конкретному человеку невозможно снова родиться после смерти, а значит, и в прошлом у живущего человека не могло быть других рождений и смертей. Живет человек лишь один раз. И процесс его жизни непрерывен, то есть от рождения до смерти идет непрерывная жизнь. Жизнь вообще есть то, что заключено между рождением и смертью.

Если вы сумеете в умершем теле снова воспроизвести живое существо, это будет уже другое, а не прежнее «я». Если вы перенесете мозг данного человека в другое тело, вы опять-таки получите другое «я». Есть пределы заменимости частей человеческого тела, за которыми исчезает данное «я» и возникает другое.

Смерть естественна. Почему же человек протестует против нее? Почему страх смерти есть самый сильный страх для подавляющего большинства людей? Только ли в инстинкте самосохранения тут дело и в нем ли вообще? Дело в том, что человек исторически сформировался с установкой на вечную жизнь. В его организме не заложено никакого механизма, вызывающего ощущение и предчувствие неизбежности смерти. Умирая, человек не воспринимает это как исчезновение навечно. Он воспринимает это как нечто временное. Вернее, он относится к моменту времени, когда он умрет, не как к независимому от него и лежащему вне

его жизненной линии, а как к пределу, который лежит на его жизненной линии и к которому он будет приближаться бесконечно долго (сравните это с парадоксом «Ахиллес и черепаха»). Инстинктивный страх смерти не содержит в себе идеи бессмертия. Так что идея смерти в ее беспощадном смысле есть продукт цивилизации. Это — открытие, сделанное человеком уже с помощью мышления.

Вечная жизнь — страстная мечта смертных. Будь мы бессмертны, мы мечтали бы о смерти. Но что такое вечность? Вечность есть время как таковое, чистое время. Вечно существующее не ощущает хода времени. А жизнь без такого ощущения невысказана. Жить — значит ощущать ход времени, то есть умирать. Не умирать — значит не жить. Только Ничто вечно.

Кроме того, смерть милосердна. Вечная жизнь есть абстракция, имеющая смысл при том допущении, что вечно живущее существо никто посторонний не убивает, что оно ничем не болеет, не стареет. Ну а если бессмертному существу отрезали голову?! Потеря жизни при условии, что другие будут жить вечно, — потеря кошмарная. Если бы люди принимали во внимание это обстоятельство, никакого исторического прогресса не было бы. Прогресс человечества есть отбор в ряде поколений. Смерть есть условие эволюции. Я уж не говорю о том, что для миллионов людей смерть есть единственный и наилучший способ решения их проблем. Как сказано:

В конце пути постигнешь высшее ученье:

Жизнь есть тоска проблем, а смерть есть их решение.

Главное в проблеме смерти — проблема жизни. Вопрос «Как достойно человека умереть?» есть вопрос «Как достойно человека жить?». Загробная жизнь есть лишь абстрактная экстраполяция жизни до гроба. «Вечная жизнь» после смерти есть лишь абстрактная возможность вечной длительности прожитой жизни.

Помните! Именно эта переживаемая сейчас минута вашей жизни есть миг вечности. Именно этот ваш совершаемый сейчас поступок есть ваш вклад в бессмертие. Что посеешь, то пожнешь. Проблема смерти для человека есть проблема его прошлого, а не будущего. Смерть есть награда всему и наказание всему. От тебя зависит, в каком обличье принять ее.

Лучше умереть в драке или в какой-то катастрофе. Постарайся дойти до могилы на своих двоих, не причиняя другим хлопот. Лучше умереть здоровым, чем больным. Слабые цепляются за жизнь. Сильные готовы с большей легкостью расстаться с нею. Лучше умереть, не ведая того и внезапно, чем глядя в лицо смерти и медленно. Счастливы убитые в спину и из-за угла.

МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

Постепенно я стал привязываться к Дочери. У меня появилась радужная надежда. В сущности, Дочь по натуре хороший человек. Мы поженимся. Появятся дети. Будет хорошая семья. И она переменится. А я заброшу свои дурацкие занятия, вернусь к научной работе, сбрую бороду... И тут она мне нанесла удар.

— Хватит, — сказала она, — поиграли, и хватит. Ты хороший парень, но очень уж скучный. Ты мне надоел.

Удар был для меня столь неожиданным и сильным, что я всерьез задумался о самоубийстве.

О САМОУБИЙСТВЕ

Человек вправе распоряжаться своей жизнью, но при условии, что у него нет никаких личных обязанностей перед другими людьми оставаться в живых. Если у человека есть, например, маленькие дети или больная жена, он не имеет морального права кончать жизнь самоубийством. Если от человека зависит судьба товарищей, он точно так же не имеет права по своей воле уходить из жизни. Аморально самоубийство как месть другим людям, как проявление трусости, как стремление уйти от трудностей или от расплаты за преступления. Человек имеет моральное право покончить жизнь самоубийством, если выполнено упомянутое вначале условие и если самоубийство приносит людям облегчение, а самого человека избавляет от ненужных страданий. Например, человек, больной неизлечимой болезнью, причиняющей страдания, может покончить с собой. Человек, не желающий быть обузой другим, с опустошенной душой и потерявший интерес к жизни, — тоже. В таких случаях аморально удерживать человека от самоубийства и возвращать к жизни в случае неудачной попытки покончить с собой. Наоборот, надо таким людям предоставить возможность покончить с собой наилучшим образом. Спокойно, без шума, без театральности.

КАК СЛЕДОВАТЬ ЛАПТИЗМУ

Лаптизм прежде всего есть генеральная жизненная установка и стратегия жизни. Это означает, что ему не нужно следовать педантично, с однообразием автомата. Лаптизм рассчитан на людей, у которых естественным образом бывают периоды взлета и упадка, энтузиазма и равнодушия, эйфории и депрессии, обольщения и разочарования. Временами о лаптизме можно забывать совсем и жить даже вопреки его принципам. И даже наоборот. Главное в следовании лаптизму — он должен все равно где-то в глубинах человеческих механизмов поведения определять жизненную линию. Прямо или косвенно. Сознательно или бессознательно. Вынужденно или по доброй воле. Лаптизм, строго определяя стратегию жизни, предоставляет человеку полную свободу тактики жизни. Разумеется, в пределах, очерчиваемых общими принципами лаптизма.

Возьмите, к примеру, меня самого — творца лаптизма. Я вроде бы веду образ жизни, не соответствующий ему. Я призываю, например, избегать сильных привязанностей к другим людям, а сам схожу с ума по моей Богине. Я призываю избегать крайностей в житейских удовольствиях, а сам порою становлюсь участником отвратных оргий. Я призываю одолеть в себе тщеславие, а сам несу в себе самую честолобивую претензию — претензию быть Богом. Конечно, я могу найти самооправдание: я — Бог, и я сам волен следовать или не следовать своим заветам. Но это самообман. Не словесные заклинания, а лишь конкретный пример определенным образом прожитой жизни может лечь в основание новой системы жития. Так что весь мой лаптизм есть вроде бы лишь мое смятение и растерянность в условиях жизни и отчаянная попытка выстоять в них.

И все-таки я неукоснительно следую стратегии лаптизма. Просто моя амплитуда колебания в его пределах является предельной. Я могу пожертвовать ради Богини своим лаптизмом. Но я в такой же мере могу пожертвовать Богиней ради лаптизма. Я претендую на роль Бога. Но я тут же могу отказаться от нее, опустившись в своем

самосознании до уровня самой ничтожной твари во Вселенной.

Лаптизму надо следовать прежде всего в целом, в тенденции и в общем итоге жизни. Лаптизм позволяет видеть сумму и итог жизни с самого начала и принимать это во внимание в каждом шаге жизни, вроде бы уклоняющемся от воображаемой, но потому во сто крат более реальной главной дороги.

РЕЗЮМЕ ЛАПТИЗМА

*Я долго их учил, как жить
Согласно правилам морали.
И вот решил: а не пора ли
Эффектной фразой завершить?
Я в лица их уставил взор.
И я увидел в них такое!..
— Оставьте,— молвил я,— в покое
Весь вышесказанный мной вздор.*

БОГИНЯ

И ко всему прочему: если бы мне предложили выбирать одно из двух — мировое признание в качестве творца новой религии или хотя бы несколько секунд обладания моей Богиней, — я бы выбрал второе. Хотя бы лишь взять ее за руку, посмотреть в ее глаза и чтобы она ответила мне взглядом и пожатием руки. И все! Я бы сказал: я достиг вершины жизненного блаженства.

ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВУ

В моей целительной деятельности наступил резкий спад — следствие прошедших кампаний.

— Число твоих почитателей сокращается, — говорит Антипод, — а отношение их к тебе становится все более насмешливым. Еще немного, и...

— ...я достигну совершенства, — говорю я. — Послушай притчу по сему поводу.

Появился однажды человек с чудным голосом. Он сам об этом сначала не знал. Случайно он спел что-то в компании друзей, и те были потрясены красотой и силой его дарования.

— Ты великий певец! — вскричали они. — Пой!

И он стал петь. Он сам почувствовал свой дар. Но он почувствовал и другое: чтобы сохранить и усилить его, надо его усовершенствовать. Надо трудиться и идти вперед. Дар обязывает к стремлению к совершенству. Но произошло нечто, поразившее его: чем лучше он пел, тем меньше становилось поклонников, а оставшиеся все хуже относились к нему.

— Что с тобой?! — возмущались они. — Пой, как раньше. К чему ты мудришь? Ты деградируешь!

А он знал, что он с каждым днем поет лучше. И уже не мог остановить свой путь к совершенству. Наконец он остался совсем один. Свои лучшие песни он пел в полном одиночестве.

— А ведь он когда-то подавал надежды, — говорили о нем люди, вспоминая изредка его яркое появление. — Теперь совсем потерял голос. Его совсем не слышно...

Вот так и я. Остановись я на уровне лечения от головной боли, заикания и импотенции, я, может быть, прогремел бы на всю страну

и сделал бы карьеру не хуже той грузинской целительницы, которая в сравнении со мной — жалкий примитив. Но для меня это было только пробуждение. Я хочу большего: совершенства. Я иду к основам той чудодейственной силы, которая вначале проявила себя в моих пальцах, но которая лежит глубже — в душе. И потому стала редеть толпа моих почитателей. Все нетерпимее становятся власти. Все агрессивнее становятся конкуренты. Люди перестают верить в меня, и к ним возвращаются их болезни. И они злобятся на меня, убеждая себя в том, что я шарлатан... Они забывают о том, что только при условии веры в мою исцеляющую силу я приношу исцеление.

— Ты достигнешь своего совершенства, — сказал Антипод, — оказавшись в полном одиночестве. Причем ты при этом не сможешь понять, что достиг совершенства: у тебя нет для этого внутренних критериев. Критерии вообще всегда суть нечто внешнее измеряемому. Они вне тебя. Они у твоих судей. И как один из них я утверждаю: твоя система есть лишь идеологическое сектантство. Ты кустарь-одиночка. Ты изобретаешь велосипед в век космических полетов.

— На космической ракете не пойдешь за продуктами в магазин, — сказал я, — не будешь стоять в очереди, не полетишь на работу, не будешь сидеть на партсобрании, не будешь писать заявления в жилищные комиссии... И не велосипед я изобретаю, а способ обходиться даже без велосипеда. Я кустарь-одиночка, верно. Но все великое начинается с ничтожных одиночек и с кустарных, примитивных форм. А какими были первые проекты реактивных двигателей?.. А есть ли это благо — космические полеты?

КРИК ДУШИ

Меняю должность Бога и Вечность на одну минуту заурядного человеческого счастья. Кто согласен на эту мену?..

Молчание.

КОНКУРЕНТ

— Идея расплаты за земные грехи была великим открытием человечества, — говорит мой случайный собутыльник. — Только расплачивается человек не на небе, а на земле, причем еще при жизни. Человек за все платит, причем платит сам. Можно, конечно, ускользнуть, не успев расплатиться, — уйти от расплаты. Но смерть в этом случае тоже есть расплата. Если человек делает зло другому, ему так или иначе кто-то причинит зло. Люди не знают этого закона жизни и живут как попало. Посмотрите, что происходит. Людей — миллионы. Их жизнь — океан или болота порока и греха. Люди страдают от этого. Ищут какой-то наилучший для себя вариант жизни. На какое-то время находят что-то такое, что вроде бы устраивает их. Но лишь отчасти и лишь на короткое время. И иногда. Но в общем и целом люди такого наилучшего варианта жизни не находят, хотя ищут миллионы, хотя опыт поисков необъятен. Почему не находят? Объяснение очень простое. Каждый человек по отдельности имеет ограниченную жизнь и ограниченный опыт поисков. Результат этих поисков — опустошение, разочарование, отчаяние. Люди находят искомую систему жизни лишь в массе, а не для каждого представителя массы по отдельности. Образ жизни массы людей не есть образ жизни отдельного человека. Отдельному человеку достается лишь определенная доля, за которую он платит в силу общего закона

эквивалентности обмена. И в массе же людей складывается общепринятое оправдание этой ситуации. Мол, все так живут, никуда не денешься. Люди берут пример друг с друга, стремятся наверстать упущенное. Живут по принципу: как бы не упустить, я не хуже других, надо и мне попробовать. И пробуют. И наверстывают. И спешат урвать кусок жизни. И получают в качестве расплаты страдание. И все это суета сует, и всяческая суета, и томление духа.

Наилучший вариант (система, образ, способ) жизни должен быть открыт или изобретен выдающимися одиночками, — говорит он. — Такой первооткрыватель должен успеть проверить его на самом себе, как-то зафиксировать, передать его ученикам. Такой способ жизни должен стать образцом для подражания, должен очевидным образом доказать свои преимущества. Нужно время, чтобы число последователей Первооткрывателя возросло и чтобы они стали оказывать заметное влияние на окружающих. Нужно, чтобы этот образец выжил в борьбе с окружением, чтобы его не задавила в зародыше среда. А среда — миллионы людей, жестоких и беспощадных ко всему, что нарушает их привычный образ жизни, особенно к тому, что обнаруживает убожество его и предлагает нечто лучшее. Массы ненавидят всякие улучшения образа жизни, если они воплощаются в отдельных исключениях.

Я признаюсь тебе: я изобрел такую наилучшую систему жизни, — продолжал он дальше. — Я следовал ей всю жизнь. И был счастлив. Надеялся прожить по ней до конца. Но... Но однажды в мою жизнь вторгся другой человек — женщина. Я не устоял, женился. Полюбил свою жену беззаветно, всеми силами своей души, которые сберег в себе благодаря своей системе. Я доверился ей как дитя. И поверил в нее. И это была моя роковая ошибка. Через эту женщину внешний мир вломился в мою идеально организованную жизнь и разрушил мою систему до основания. В мою жизнь вторглись обманы и измены, лицемерие и ханжество, злоба и ненависть... Я ее боготворил, а она оказалась ничтожеством. И меня она низвела до уровня ничтожества. Сам видишь, что со мной стало. Один заурядный человечешка способен разрушить творение Бога! Так что уж говорить о способности миллионов на это. Берегись другого человека, если хочешь следовать своей системе!

Я потерпел крах, — говорил он. — А ведь такие первооткрыватели, как я, появляются раз в сто лет, а то и еще реже. Я, может быть, был таким одиночкой в наш век. И, может быть, другого не будет долго-долго. А может быть, вообще другого не будет. А жаль...

Я не стал говорить этому человеку, что другой первооткрыватель уже есть, так как во мне самом появился страх катастрофы. Меня может спасти лишь то, что я никогда не женюсь на моей Богине. Но ведь мир велик и людей в нем много.

БОГИНЯ

В газете появилась большая статья о советской балетной школе и о нашем городском балете. В центре статьи — большая фотография моей Богини. Я вырезал ее из газеты и с тех пор постоянно ношу с собой. Говорят, ее уже включили в труппу театра и она уже выступает. Пойти в театр я не могу — слишком дорого. Да и не так-то просто: билет можно купить только у спекулянтов. Я караулю ее у дома, но за ней теперь приезжают на машине. Иногда под утро. Я целыми ночами хожу

под ее окнами в надежде увидеть хотя бы ее тень в окне. Я твержу давно забытые слова из старинных русских романсов. Пытаюсь сам сочинить что-нибудь. Но у меня ничего не получается. У меня лишь щемит сердце. И от безысходной тоски я не знаю, что делать. И снова меня стала настойчиво посещать мысль о самоубийстве.

Наступила осень. Ей дали новую квартиру. Она уехала в район для привилегированных персон нашего города.

НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ

Для меня главной стала проблема: как суметь не любить женщину, а если любовь возникла, как ее заглушить и задушить совсем? Я давал советы другим людям на эту тему, попавшим в беду и желающим избавиться от мучительных переживаний, связанных с любовью к женщине. Не знаю, насколько мои советы были эффективны. Но я знаю зато вполне определенно, что я сам не могу справиться с этой страшной болезнью — любовью. Мне понятно, почему это чувство превращается в болезнь. Но я не знаю, как лечить эту болезнь. Я перепробовал все средства — безнадежно. Чем упорнее я борюсь с нею, тем мучительнее она становится. Тогда я решаю отдаться ей, капитулировать. Но она начинает мучить с удвоенной силой. Где выход? Выхода нет. Никакой компенсации и замены для оскорбленной, обиженной, обманутой, преданной, неразделенной любви в природе нет. Человек, не радуясь, ощутив в себе любовь! Вместе с нею приходит неизлечимое страдание. Неужели Антипод прав?! Неужели лишь идеологически обработанный человек может выработать иммунитет против этой болезни?! Тогда мир не стоит того, чтобы жить и чтобы ради него изобретать бессильную и никому не нужную религию. Бог слишком слаб для современного мира безумия, подлости, жестокости, разврата.

Боже, дай мне силы дойти до предназначенного мне конца. Я капитулирую.

ОТЪЕЗД АНТИПОДА

Антипод закончил свой труд по идеологии и хочет везти его в Москву, в ЦК Партии.

— Идеи, родившиеся в провинции, — сказал он на прощание, — должны двигаться в столицу, чтобы стать социально значимым фактом. Мой труд породит такой рывок в идеологии, по сравнению с которым померкнет сталинская идеологическая революция.

— Но тебя там уничтожат, — сказал я. — Усовершенствование идеологии есть прерогатива высшей власти.

— Я верю в прекрасное будущее коммунизма, — сказал он, — и потому готов пойти на любую жертву.

— К счастью, — сказал я, — твоя прекрасная коммунистическая утопия неосуществима.

— Почему же к счастью? — удивился он.

— Если она осуществится, жизнь людей превратится в нестерпимый рай, — резюмировал я нашу последнюю дискуссию.

СОМНЕНИЯ

Как бы выглядела библейская легенда изгнания из рая, если бы первые люди были русские? Примерно так. Эти первые люди были бы Иван и Марья. Рай был бы не в саду, а в винно-водочном складе. Бог

разрешил бы Ивану и Марье пить все алкогольные напитки, кроме одного — кроме водки. Змей явился бы соблазнять не Марью, а Ивана, причем со стаканом водки.

*Изобрети любой обман,
Хоть тресни, вылезь хоть из кожи,
Но бог по имени Иван
Душонки наши не встревожит.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Прошло несколько месяцев. Жизнь вошла в прежнюю колею. Об Антипode не было ни слуху ни духу. Я опять начал понемногу лечить язвы, запоры, импотенцию, заикание и прочие недуги.

СИЛЫ ПРОГРЕССА

Он был начинающий пьяница. Скоро он станет неисправимым алкоголиком — я это предвидел с полной очевидностью. Я таких десятки встречал. Но он себя тогда так не воспринимал. Для себя он был студент университета, бывший вундеркинд и отличник, критически относящийся к реальности и жаждущий ее улучшить. К нам он спустился с высот культуры, дабы познать народ и найти в нем силы, на которые он мог бы опереться в своей будущей реформаторской (если не революционной) деятельности.

— Дальше так жить нельзя! — орал он сразу же после первой стопки водки, нарушая наши неписанные законы: после первой стопки полагается некоторое время помолчать, как перед дальней дорогой, затем скромно выразить восторг по поводу прелести бытия и сразу же переходить ко второй стопке.

— Надо же что-то делать! — не унимался сей новичок. Мы с недоумением смотрели на него. Почему дальше так жить нельзя? Можно! Как раз наоборот: именно так и надо жить. И по-другому нельзя. А что делать, это ясно без слов: повторить!

Прошло всего несколько месяцев. Он куда-то исчез, и я уж было решил, что ошибся в своих прогнозах, что наше общество получило нового отважного борца за справедливость, за прогресс, за лучшие условия жизни и прочее. Но вот как-то под вечер я одиноко брел в самом грязном и алкогольном районе города. Путь мне преградило типичное для этих мест существо и предложило «скинуться»... Это был он.

— Я, — сказал он, — с головой окунувшись в изучение всех мыслимых вариантов программ преобразований. Вывод, к которому я пришел, ошеломил меня. Оказывается, наши власти стремятся осуществить самые наилучшие проекты улучшения жизни людей, но даже у них ничего не получается. Так что же могут сделать одиночки-идеалисты вроде меня? На все нужно время. Даже на ничтожный шаг вперед в эволюции нашего общества требуется целая эпоха. И жертвы, жертвы, жертвы. Так стоит ли игра свеч? Все суета, все суета сует и томление духа — вот мой окончательный вывод.

Мы, — продолжал он, — суть всего лишь форма материи на самом деле, и вся наша тоска по некоему смыслу жизни и целям есть лишь праздное томление духа и ничего более. Что такое цель жизни и смысл жизни? Всего лишь одно из средств распределения людей по уровням, ролям, ячейкам, органам общественного организма и одно из средств распределения жизненных благ. В людей вселяют эти штучки в процес-

се воспитания и образования, и они благодаря этим штучкам сами делают все то, что необходимо для целостности общества и его существования как целого. А ничего другого для вашего «что-то» нет. Ничего святого нет и не будет. Ты говоришь — Бог, религия (это — ко мне). Богу в нашей жизни места нету. Где ты его поместишь? В этой заплыванной забегаловке? В советских конторах? На заводах?

— В душе, — робко заикнулся я.

Он промолчал, допил свою долю, плюнул и ушел.

Душа — что это? Это то, куда все стараются плюнуть, что все стараются растоптать. Это открытая рана, каждое прикосновение к которой причиняет боль.

— Кончай свою божественную миссию, — сказал я себе, оставшись один. — Бог есть тоже суeta суeta, и всяческая суeta, и томление духа. Плюнь на все, как это делают все, и жди конца. И все!

БОГИНЯ

— Хватит терзать себя, — говорю я себе решительно. — Что она на самом деле такое? Примитивная девчонка. Начинаящая потаскушка. В перспективе жадная, злобная и завистливая ведьма с жилистой шеей и мощными, как у кенгуру, ногами. И ко всему прочему ты ей не пара, хоть ты и Бог. Ей нужно нечто более полезное, на худой конец заведующий комиссионным меховым магазином. Кстати сказать, он один из богатейших людей в городе. Уже пять раз женился. Разводясь, оставляет бывшим женам квартиры, дачи и машины.

Итак, с этой минуты я вычеркиваю Ее из своего сознания и сердца, начинаю спокойно спать по ночам и проявлять здоровый интерес к другим женщинам.

И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА

Он известный в городе артист. Красавец мужчина... был когда-то. Но сейчас он преждевременно постаревший развратник. Но жалуется он не на потерю сил и не на внешние признаки старости, а на потерю памяти. Сколько тысяч ему аплодировали! А он не может вспомнить ни одного случая конкретно. Баб у него перебивало — пойдй сосчитай! А воспроизвести в воображении хотя бы одну встречу в деталях никак не может. А ведь он артист! Сколько съедено, выпито, видано! И как будто ничего не было. Пусто. В чем дело?! Он готов заплатить большие деньги, лишь бы я вернул ему способность воспроизводить в памяти прожитые удовольствия. Иначе зачем все это было? Пил, жрал, гулял, бедокурил для того, чтобы вспомнить было что. А вспомнить-то, оказывается, нечего. Что это — его личная болезнь или общее правило? Если болезнь — лечи! Он платит. Если общее правило, почему он не знал раньше, почему ему никто не говорил об этом?

Этот человек не единственный в моей практике, дающий повод и материал для размышлений на тему об отношении памяти и реальности. Оказывается, и тут есть свои законы, неподвластные людям. И тут есть своя мера. Если мера нарушена, за это приходится расплачиваться. Есть, например, нижняя граница удовольствий и верхняя. Если нарушена верхняя граница, то начинает действовать такой закон: чем больше имеешь, тем меньше запомнится, тем бледнее и абстрактнее воспоминания, тем меньше удовольствия от припоминания. Упомянутый выше артист — характерный пример этому. Вылечить его невозможно. Он

обречен на состояние внутренней опустошенности и озлобленности, на стремление иметь еще больше. Но возможности его сокращаются. Хронический алкоголизм и наркотики — вот что его ждет. Впрочем, уже не ждет, он уже катится по этой дорожке. Через год, максимум через два он «загнется». Я это прочел в его взгляде.

ПРИТЧА О МУДРОСТИ

Он вошел в храм, и ученики обступили Его.

— О, Учитель! — воскликнули они. — Скажи, как нам быть? Мы сожрали и выпили по тридцать рублей, а собрали наличными всего трешку. Нас ведь в милицию заберут, это чревато последствиями.

— О, дети мои, — сказал Он. — Из любого положения есть выход. Идите в туалет. Там, в коридоре, слева, есть окно. Через него вы можете избежать опасности.

И ученики вняли Его словам. И покинули храм, сохранив трешку. И явилась разъяренная официантка.

— А кто будет расплачиваться? — возопила она. Потом явился директор храма.

— А кто будет расплачиваться? — возопил он. Наконец явился милиционер.

— Кто-то должен расплачиваться, — спокойно, но строго сказал он. — Придется тебе, Лаптев, платить. Больше никому. Сейчас вот составим протокольчик, и...

— Я его знаю, — сказал разочарованный директор. — У него нет ни гроша. Дай ему пару раз по морде, чтобы неповадно было, и вышвырни вон.

— Хватит и одной оплеухи, — сказала подобревшая официантка. — Он же ни при чем, он же только что пришел.

ПОСЛАНИЕ БОГИНЕ

*Любь тебя,
Пусть не любимым быть тобою,—
Вот мой теперь
Единственный завет.
Все остальное —
Суета сует.
Все остальное я сдаю без боя.*

БОГ И ЦЕРКОВЬ

В нашем городе всего одна действующая церковь, а число людей, обслуживающих ее и живущих за ее счет, не меньше, чем до революции, когда в городе было больше двадцати церквей. Действующих, разумеется, тогда недействующих церквей не было. Есть даже епископ, чего не было до революции. Этот факт говорит о том, что в советских условиях даже церковь существует как типичное советское учреждение, по тем же общим социальным правилам. Среди моих пациентов попадают верующие люди и даже церковные деятели (включая попов и самого епископа). Любопытно, советские церковные начальники страдают теми же болезнями, что и советские партийные и государственные чиновники, а также прочие лица, занимающие более или менее высокие или выгодные посты (заведующие магазинами, например). Одного из высших лиц местной церковной иерархии я ле-

чил от импотенции (зачем ему сексуальные способности?!), а другого — от хронического алкоголизма.

Но не это самое интересное в моих наблюдениях. Большинство моих пациентов — атеисты в традиционном смысле. Они не признают существование Бога, не посещают церковь, не соблюдают религиозные обряды. Но в моем смысле они часто веруют сильнее, чем традиционно верующие. Они переживают состояние веры. Они при этом верят в меня, как в Бога. Верующие в традиционном смысле поддаются этому моему воздействию с трудом, с гораздо меньшей силой или совсем не поддаются. У них состояние веры привычное, но слабое. Именно потому, что привычное и постоянное. Мое открытие в этой связи состоит в следующем. Современный человек, атеист по убеждениям, может развить в себе способность приходить под влиянием таких людей, как я, или сам приводить себя в состояние веры, причем более сильное, чем традиционно верующие люди. Лишь немногие религиозные фанатики прошлого могли достигать очень высокого уровня состояния веры (одержимости). Я уверен в том, что очень многие люди нашего времени, особенно высокообразованные и с тонким интеллектом, могут при желании достигать этого уровня. В моей практике встречались случаи, когда даже партийные работники высокого ранга приходили в состояние иступленной веры. Если бы можно было заснять на киноплёнку и записать на магнитофон то, что творилось с самим Сусликовым, когда я лечил его от официально неизлечимой болезни, вы бы не поверили в реальность этого. Мне приходилось даже сдерживать его. Он, например, хотел тайно окреститься. И мне стоило труда отговорить его от этого.

С одним высокопоставленным попом у меня состоялся такой разговор после сеанса. Он спросил меня, почему я, человек глубоко религиозный (он в этом уверен), не посещаю их церковь. Если я хочу, сказал он далее, он мог бы мне устроить встречу с самим епископом.

— Вы, конечно, читаете газеты и слушаете заграничные радиостанции, — сказал я. — И знаете, что наш Генсек, посетив одну европейскую страну, отказался встретиться с руководителем компартии этой страны. «Левые» на Западе возмущались. А напрасно. Негоже главе великого государства посещать главу малюсенькой западной компартии, которая сходна с нашей компартией лишь по названию. Я творец новой великой религии, и негоже мне делать визиты к деятелям религии, лишь словесно сходной с моей.

Поп сказал, что я шизофреник и параноик. Я пожал плечами.

— Ты, сын мой, — сказал я, уходя, — здоров. А кто есть я, не твоего ума дело.

ИСКУШЕНИЕ

Бесконечная осень наводит тоску.

Дождь и снег. И не видно просвета.

Убежать бы, как деды, бывало, в Москву,

Чтоб погреться лучами прошедшего лета.

Однажды пригласили меня в одну компанию рассказать о моей системе жизни. Среди собравшихся был серый (таким было мое восприятие его) человек. Слушал он меня очень внимательно. После моей лекции он спросил разрешения проводить меня.

— Ты, парень, — сказал он, — цены себе не знаешь. Да с такими способностями, как у тебя, деньги лопатой загребать можно. Только не

в этой провинциальной дыре. Тут дураков не так много осталось. Надо в столицу подаваться. А там!..

Я сказал, что мне о столице и думать нечего, что я каждую минуту могу быть изгнан и из этой «провинциальной дыры» куда-нибудь в еще большую глушь, что у меня нет прописки, да и паспорта нет.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Паспорт твой мы выкупим, прописку организуем, это пустяки. И командировку в столицу устроим. С научными целями. Не придерешься. В столице устроим временную прописку. Если не в самой столице, так около нее. Это, конечно, недешево и непросто. Но нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять. Ты пока погуляй тут. А я наведу справки, прошупаю почву. И потом дам тебе знать. Будь готов в любую минуту.

Предложение Серого привело меня в смятение. Христос ведь тоже появился в провинции. Лишь в конце своего пути он подался в столицу — в Иерусалим. Он знал, чем это для него кончится. Но не уклонился от своей судьбы. Неужели и мне суждено то же?! А если то же, уклонюсь ли я от этого пути? Не насилуй судьбу — таково мое правило. Но у меня есть и другое: не уклоняйся от своей судьбы! Ясно, если Серый появится и его предложение окажется реальным, я поеду в Москву. Только там мое учение может пробиться к свету. А здесь, в нашем провинциальном болоте, оно обречено на прозябание, насмешки и забвение. Здесь я начинаю тупеть.

Хотел бы я знать, что думал и переживал Христос, принимая решение двигаться в Иерусалим. Впрочем, ему было проще. Он уже имел за собою долгую историческую традицию. Он следовал пророчествам Старого завета, сознательно направляя свою жизнь по этому руслу: ему нужно было, чтобы эти пророчества сбылись. А я? Ничего аналогичного Старому завету у меня за спиной нет. Никаких пророчеств, на которые я мог бы опереться психологически. Никаких precedентов, никаких образцов для подражания. Я сам должен все изобретать заново.

Хотя о чем ты говоришь?! А разве Христос не есть для тебя образец для подражания?! Разве твоя судьба не есть повторение его судьбы?! И разве ты не знаешь заранее, чем кончится для тебя Москва?!

При встрече я рассказал Серому о моих сомнениях. Он рассмеялся.

— Не берусь судить насчет пророчеств, ибо я книжек вообще не читаю, — сказал он. — Но что касается образцов для подражания и предшественников, то тут ты глубоко заблуждаешься. Если бы ты узнал, сколько всякого рода жуликов ежедневно вливается в Москву (в том числе учителей праведности вроде тебя), ты бы немедленно отрекся от всех своих притязаний. К счастью, ты наивен и невинен, как младенец. Приедем в Москву, я тебя повожу по судам. Ты увидишь, что каждую неделю там судят по крайней мере одного исцелителя, чудотворца, наставника.

— Если так, — сказал я, — зачем же нам лезть на рожон?

— Я же говорю, что ты наивен, — сказал Серый. — Все зависит от организации дела. Если дело хорошо организовать, вероятность провала сводится почти к нулю. Эти провалившиеся чудотворцы — дилетанты, не знающие законов бизнеса в советских условиях. Всякое дело надо делать на профессиональном уровне, и тогда все будет о'кей. Понял?

Я ничего не понял. Но спорить не стал. Хотя Бог — явление провинциальное, но лишь в столице он может быть отвергнут и наказан, то есть признан. Я согласился.

Мысль о переезде лишила меня сна и покоя. Я метался по городу в ужасе от того, что мне... не с чем и не с кем прощаться! Все знакомое. И все чужое!! Пока я тут, я нужен многим. Но если меня не будет, я не буду нужен никому. Бог должен быть тут, чтобы быть нужным. И если в нем не нуждаются, значит, его здесь нет.

Устав от проблем небесных, я переключился на проблемы земные. Я только теперь заметил, как здорово изменился наш город за последнее время. Сколько автобусов! Сколько машин! Какие дома выросли! И люди одеваются!.. Раньше так только по праздникам одевались. Все-таки цивилизация есть благо!

ПРОЩАНИЕ С НАЗАРЕТОМ

Лишь только открываю рот,
Как уж продвину вперед
Я ваше возражение.
А мне на это наплевать,
Ведь все равно околевать,
Будь или нет решение.
Я тут ничем не дорожу.
От вас совсем я ухожу.
Прощай же, Галилея!
Я вам серьезно говорю:
Пусть в одночасье там сгорю,
Чем здесь истлею.
Эй, барабаны! Громче дробы!
Пусть всех тут хватит оторопы!
Гремите, трубы!
Я чуть прищурю лишь глаза,
Чтоб не видна была слеза,
Да стисну зубы.
Мне ваши улицы узки.
Мои горячие мозги
Кипят идеей.
Я ваши рамки перерос.
И разрешу я свой вопрос
Лишь только в Иудее.
Пускай на верную беду
Я ни за что про что иду.
Пусть против тело.
Мне ваши болезни лечить,
Мне вас банальностям учить
Осточертело.
Я про себя «Благодарю!»
Шепчу небесному Царю,
Егове, Савзофу.
Благодарю, что он мой путь
Направил не куда-нибудь,
А прямо на Голгофу.
Прости-прощай, моя мечта,
Тебе, я знаю, не чета
Случайная помеха.
Скажи последнее «Прости!»

Тому, кто избран крест нести,
Хоть ради смеха.
Тебе я предан до конца,
Пусть без златого ты венца,
Пусть даже не княгиня,
Пусть я не дон, а просто шут,
Пока иду, пока дышу,
Будь мне Богиня!
Хоть я отпетый шарлатан,
Но не такой уж я чурбан,
Сам знаю — Бога нету.
Приемлют только питухи
Мои шутливые стихи
За чистую монету.
Не верят даже старики,
Что я природе вопреки,
Как некогда Иисусе,
Земному подведя итог,
В небесный свой златой чертог
Из праха вознесуся.
Нет за душою ни шиша.
Глядите, вот моя душа,
В ней нет просвета.
В ней нет замка. В ней нет ключа.
В нее заходят, не стуча,
Уходят без привета.
Итак, я затыкаю рот.
Теперь у вас, наоборот,
Не будет возраженья.
К чему излишние слова?
От них лишь пухнет голова.
Даешь сраженья!

ВЪЕЗД В ИЕРУСАЛИМ

Въехал в столицу я не на осле, как Христос, а на скором поезде. Впрочем, историческая аналогия до некоторой степени была выдержана. Осел в этом событии все же присутствовал: это был я сам. Покинуть привычные места и расстаться с привычным образом жизни! А ради чего? Ради одной лишь исторической аналогии? Мне было очень тоскливо, когда мы с Серым брели по переполненным людьми улицам Москвы, толкались в метро, ждали очереди в кафе. В моем родном городе я был примелькавшейся фигурой. Меня многие знали лично. Мой библейский вид был там все-таки большой редкостью. Мои конкуренты были либо лысы, либо низкорослы, либо имели жиденькие бороденки и гнилые зубы. То, что они жулики и шарлатаны, было видно за версту. И все они были малограмотны, косноязычны, алчны, злы и завистливы. Когда я совершал свое очередное турне по своим владениям, я привлекал к себе всеобщее внимание. Хотя меня одни принимали за собравшегося эмигрировать еврея, другие — за цыгана, третьи — за загримированного известного актера, но никто за того, кто я был на самом деле, то есть за Бога, — все равно это было внимание. А в Москве таких красавцев оказалось пруд пруди. Даже уборщицы в забегах к ним привыкли

и не бросают вслед презрительное и шипящее: «Шляются тут всякие!» Правда, я был вполне на столичном уровне, а может быть, и превосходил столичных конкурентов, но не настолько, чтобы выглядеть выдающейся исключительностью. Я сник, скис, завял и поблек...

Серый поселил меня не в самой Москве, а в ста километрах от нее, в маленьком поселке.

— Это даже лучше, — сказал он. — Дешевле и проще. На работу будешь ездить в Москву. Так многие тут делают. Причем каждый день ездят. А ты будешь ездить лишь пару раз в неделю, как профессор.

Поселил он меня в малюсенькой комнатухе в домике одинокой вдовы средних лет.

— Придется иногда на эту старую калошу потратиться, — предупредил он. — Тут уж ничего не поделаешь. Хочешь быть святым — терпи. Впрочем, она не такая уж и старая. А наши бабы сексом не избалованы. Так что она может оказаться куда лучше многих молодых девочек, познавших разврат с малолетства. К тому же это тебе нужно для тренировки. Я ведь тоже когда-то учился. Помнишь: если какой-то орган тела не упражняется, он отмирает? Ну, обживай новое место. Через пару дней я приеду.

Серый, по всей вероятности, был троечником в школе или второгодником. Неупражняемый орган действительно отмирает. Но это происходит в ряде поколений. На это нужны десятки и сотни тысяч лет. А много ли лет у меня в запасе? И произведу ли я на свет другое поколение?

После ухода Серого ко мне вошла хозяйка, вихляя мощными формами и сияя железно-золотыми зубами. «Все-таки прогресс, — подумал я, — имея в виду железные и золотые зубы. У наших предков зубы просто выгнивали. Или их выбивали им собратья и начальники. Любопытно! На всех старых портретах люди изображены с закрытыми ртами. Почему? Скорее всего потому, что зубы были испорчены. Думаю, что многие красотки прошлого ходили с гнилыми зубами и целоваться с ними было не очень-то приятно.

— Снял хотя бы ботинки, — сказала Хозяйка беззлобно (я одетый валялся на койке). — Да и штаны тоже. Зачем зря мять костюм?

Я промолчал. А про себя подумал, что первый шаг в нашей любви с первого взгляда сделан. Потом Хозяйка осудила «нынешнюю молодежь»: ребят — за длинные волосы и бороды, а девчат — за короткие волосы и брюки. Потом она все-таки согласилась, что некоторым бороды идут. И брюки тоже идут стройненьким девочкам.

— На мою задницу, — призналась она, втайне гордясь ею, — брюки ни в какой Европе и Америке не сыщешь. Там таких задниц нет. Там все бабы костлявые.

Хозяйка еще что-то бормотала, а я уже уснул. «Столица, — подумал я, — а такой дремучий провинциализм».

Под утро мне приснился Антипод.

— Меня, — сказал он, — изолировали, как только моя рукопись попала в ЦК. Но я не ощущаю себя побежденным. Сам тот факт, что сначала изолировали меня, а не тебя, говорит о том, что я опаснее. Значит, будущее за мною.

— Согласен, — ответил я. — А что такое будущее? Никакого будущего реально нет. Будущее есть безнадежная мечта неудачников, знай это!

РОЗОВЫЙ

Серый появился через пару дней, как и обещал. Надо отдать ему должное: он точен и правдив. У меня зародилось доверие к нему. Мы поехали в Москву поговорить с «одним дельным человеком». Дельный человек оказался мне в отличие от Серого розовым. Между Серым и Розовым состоялся такой разговор.

— Сейчас вся интеллигенция свихнулась на йоге. Кое-кто на этом неплохо зарабатывает. А этот вот тип (кивок в мою сторону) свою собственную йогу изобрел. Нашу, советскую. И, между прочим, получил заграничной. А разбазаривает свою систему всем, кому не лень. И задаром.

— И ему верят?

— Нет, конечно. Потому что бесплатно. И организации никакой. А если организовать дело как следует и денежки брать, поверят. За свои деньги во что угодно поверишь. Нужен основной капитал. Снять помещение. Взятки — надо же официальное разрешение получить. Лекции отпечатывать. Литературу закупить для впечатления. А она у спекулянтов сумасшедших денег стоит. Кое-какой спортивный инвентарь. Наглядные пособия. Этого кретина... не обижайся, друг, это я любя... надо быть кретином, чтобы такие мысли всякой шантрапе задаром отдавать!.. Его надо в божеский вид привести. Тылы обеспечить. Да и штат кое-какой потребуется.

— Что же, замысел стоящий. Есть встречное предложение. Сейчас модно голодать для здоровья и красоты. В нынешних условиях продовольственных затруднений идея голода как могучего средства прогресса во всех отношениях пришлась весьма по душе властям. Во всех газетах — статьи на эту тему. Институты и больницы специальные создали. Теории выдумывали. Голод есть путь к изобилию! Голод есть путь к долголетию! Голод есть залог здоровья! Каково? Под этим соусом и нам надо повернуть нашу школу доморощенной рязанской йоги. Это будет в духе времени и партийной установки. Разрешение получить легче. А тебе, Учитель, партийное поручение: в две недели выдумать марксистскую теорию голода. Стукачей вам не избежать, так что в каждой лекции должен быть кусок из этой теории! Понял? Ну что ж, считайте, что договорились. Выпьем за первую отечественную школу сойюги!

БУДДИЗМ И МЫ

Советуешь ты нашей русской рвани

В буддизм податься и застыть в нирване.

Но мы не йоги, а, увы, Иваны.

Нам дорасти бы до обычной ванны.

Я признаю, что в буддизме есть кое-что верное и полезное. Но в общем и целом я его отвергаю, и главным образом потому, что буддизм отвергает существование «я» или призывает уничтожить его на том основании, что его нет.

Моя система исходит из «я», предназначена для «я», защищает «я» и развивает его до предела. Она, увы, совсем не йога, а скорее антийога.

УЧИСЬ У УЧЕНИКОВ СВОИХ

Я сказал Серому, что такой поворот дела мне не очень-то нравится.

— А ты думаешь, нам нравится возиться с твоими идеями? —

спросил он. — Чего ты хочешь? Проповедовать свое учение. Мы тебе предоставляем эту возможность. Но не ради твоих дурацких идей (у нас своих идей в избытке), а ради денег. Мы и не скрываем этого. Так что все вроде бы по-честному. Имеешь ты другую возможность публично проповедовать? Нет, конечно. Так что у тебя другого выхода нет: только участвуя в мошеннической проделке, ты можешь нести миру Свет и Чистоту. Только через Грех лежит путь к Святости. Уверяю тебя, если бы ты узнал всю правду об условиях деятельности Христа, ты нас счел бы непорочными ангелами. Одним словом, хватит ныть. За дело! Вот тебе деньги. Купи приличную одежду. Отмойся как следует. Белье поменяй. Волосы и бороду подправь. И мой их иногда — эффектнее будешь выглядеть. Чем красивее Учитель, тем успешнее проповедь. Христос наверняка был красивый мужик. Не зря же его бабы любили. Ты должен на высоте держать марку нашей фирмы. Понял? Большинство твоих учеников будут, как и у Христа, бабы. Многие из них (если не все) захотят переспать с тобой. Не рылайся, это естественно. Не подкачай! Для этого ты должен хорошо питаться. Я знаю подоплеку сборищ такого рода: секс, секс и еще раз секс. Ничего страшного в этом нет. Уверен, что Христос этим путем гораздо больше влиял на людей, чем во время благопристойных лекций. Как у тебя по части секса? Я тебе дам кое-что почитать. Фотографии посмотреть дам. Это дело, брат, серьезное. Бабы в таких случаях рассчитывают на высокий уровень квалификации. Хотя не мне тебя учить этому делу. Ты же лечишь от импотенции. Слух был, что ты все партийное руководство области обучил современным западным методам секса. Верно? В лекциях этот аспект учения постарайся тоже осветить. Свяжи это с голоданием. Секс голодающих — чем плохая тема для лекции? После такой лекции число учеников удвоится, пари держу!..

СГОВОР

Серый встретил меня на вокзале с молодым парнем, который представился как сотрудник нового научно-исследовательского института Академии медицинских наук, созданного специально для изучения явлений, которые еще не так давно отвергались совсем или критиковались как проявления буржуазной идеологии. В институте есть специальная лаборатория лечения голодом. Заведует лабораторией кандидат наук, который готовит докторскую диссертацию. Парень — его ассистент. Мы отправились в ближайший ресторан. Заказывал Серый. И расплачивался он же. Ассистент предложил нам сотрудничество. Лаборатория дает нам документы, необходимые для официального разрешения на открытие «школы» или «курсов», аренду помещения, приобретения оборудования и найма сотрудников. Мы же, со своей стороны, работаем под контролем лаборатории. Не пугайтесь, контроль — чистая фикция. Делайте что хотите. Это необходимая формальность. И, конечно, плата за услугу. Просто несколько сотрудников лаборатории (заведующий, он, Ассистент, кое-кто еще) будут числиться у нас на полставки, получая формально чисто условную мизерную плату. Для отчетов. Ну, сами понимаете, плата фактическая... Допустим, пятьсот рублей заведующему в месяц, двести пятьдесят — Ассистенту, двести пятьдесят — «кое-кому» еще. Кроме того, Ассистент будет посещать иногда мои занятия... Это нужно для диссертации заведующего. Само собой разумеется, если мои лекции будут отпечатаны, они получают их в пер-

вую очередь. Перед печатанием они будут просматривать. Не исключено, что заведующий будет фигурировать в них как научный консультант. Или... Но это потом, в рабочем порядке решим.

Упившись, Ассистент рассказал нам, что из себя представляет их «шарашкина контора». Сплошное жульничество. На этом фоне то, что создавали мы, выглядело чистейшей, честнейшей и высочайшей наукой.

— Но,— сказал Ассистент,— и у нас есть кое-что, заслуживающее внимания. Только это между нами. Есть секретная лаборатория. Специально для высших лиц. Там такие штучки вытворяют, что лучше об этом не говорить. Этот «кое-кто» — оттуда. Будьте с ним осторожны. Нет, доносить не будет, это не его дело. Стукачей у вас будет и без него достаточно. Его задача — установить, чем можно попользоваться в их лаборатории. Предупреждаю! Если заметит что-то стоящее, пишите пропало. Так что, ребята, занимайтесь шарлатанством, задурайте голову, мистифицируйте, хохмите. Но чтобы ничего серьезного. Поняли?

После этого разговора настроение у меня совсем упало. Ничего серьезного!.. А как это сделать? Жульничать и притворяться я не умею. Я могу действовать только искренне, честно и серьезно. Я же Бог, а Бог не умеет обманывать и мошенничать.

— Не унывай,— сказал мне Серый.— Эту сторону дела я беру на себя. Тут я профессионал. Твое дело — лечи, учи, спасай, помогай. Без всякой подделки! Мошенничество лишь тогда приносит успех, когда оно основывается на прочном базисе серьезности, честности, правды. Понял? Это, брат, аксиома всякой крупной общественной деятельности.

Я слушал все это и спрашивал себя: кто тут Бог? Кто Учитель? Кто сопливый недоучка, наивный щенок, жалкий провинциал? Попадай Христос в лапы таких «учеников», не было бы западной цивилизации.

УЧЕНИКИ

— А где мы найдем учеников? — спросил я Серого после того, как были выполнены все формальности с арендой помещения (актовый зал в школе) и приобретены самые необходимые пособия. — Не давать же объявление в газете и по телевидению!

— В этом нет надобности,— сказал он.— Через неделю у нас отбоя от учеников не будет. Главное — найти первых энтузиастов. А они развоняют о нашей школе на всю Москву лучше всякой рекламы,— неоспоримое преимущество нашего образа жизни перед западным. Нескольких учеников нам поставит Ассистент. У меня есть знакомые, работающие в различных учреждениях Москвы. Я уже дал им нужную информацию. В ближайшую субботу должны сказаться результаты. Через пару недель человек тридцать наберется. А через месяц будет по крайней мере триста желающих. Проверено на опыте предшественников! Серый оказался прав. Через десять дней набралось пятьдесят человек для первой группы.

— Превосходно,— констатировал Серый первый успех.— Через месяц мы покроем все расходы по организации фирмы и начнем качать чистую прибыль.

ПРОГРАММА ШКОЛЫ И ШТАТЫ

Полный курс Школы должен состоять из теоретических занятий (лекций), практических занятий (показ упражнений), индивидуальных консультаций и сеансов. Для теоретических занятий я получил двух

ассистентов (младших научных сотрудников одного научно-исследовательского института Академии наук). Задача их — запись и перепечатка моих лекций, составление списка рекомендуемой литературы, консультации по моим лекциям и также по литературе, а также ассистирование мне во время частных консультаций и сеансов. Для практических занятий мы наняли двух студентов циркового училища (парня и девушку). Занятия строились так. Раз в неделю я должен читать теоретическую лекцию. Затем проводить практические занятия, упомянутые студенты по моим указаниям будут показывать ученикам нужные упражнения и учить делать их самим. Раз в неделю я буду приезжать для личных консультаций и сеансов. В зависимости от особенностей пациентов (а это будут не только ученики, но и просто случайные люди, услышавшие что-то о Школе) мне будет помогать все упомянутые ассистенты, которых я должен инструктировать специально.

Школа еще не начала функционировать, а штат сотрудников достиг двенадцати человек.

— Хватит, — сказал я Серому. — Цифра символическая. Помните, что уже среди двенадцати верных апостолов Христа один оказался предателем.

— Чудак, — засмеялся он, — теперь не те времена. Не успеет отзвонить будильник, как все твои ученики без исключения предадут тебя. Но не бойся! Предательство в нашем обществе тоже имеет свои законы. Мы еще имеем достаточно времени, чтобы взять то, что предназначено не Богу, а Кесарю.

Как меняются времена! В те времена мои ученики предали бы меня до петушиного крика. А тут — звон будильника! Чувствуете разницу? Петух — от Бога, а будильник — от Дьявола. Как видите, и тут мое положение много хуже, чем у Христа.

НАЧАЛО ШКОЛЫ

К первой лекции меня тщательно подготовили. Серый привел меня в какую-то московскую квартиру, где я принял ванну, сменил белье, надел новый костюм. Потом он повел меня к самому модному парикмахеру, и тот из моей всклокоченной бороды и гривы перепутанных волос сделал чудо красоты.

— Если бы я был кинорежиссером, — сказал парикмахер, любуясь своей работой, — я бы специально для тебя написал сценарий и поставил бы фильм о Христе. Уверяю тебя, ты сразу стал бы одним из самых знаменитых актеров в мире. Миллионером!!

Серый сказал, что это неожиданное мое превращение в голливудского красавца Христа может нам здорово повредить. Надо уровень красоты несколько снизить. Впрочем, это произойдет само собой. Такую красоту надо беречь и холить. Не будешь же ты каждый день мыть и расчесывать свои локоны?!

После парикмахера мы пообедали в ресторане. Потом часок погуляли (пищу переварить и нервы успокоить). К Школе мы подъехали на машине. Хотя пешком можно было дойти за десять минут, Серый сказал, что Великий Учитель должен въезжать в свой Иерусалим на своем автомобиле. Автомобиль был чужой, Серый нанял частного привозить меня в Школу и отвозить из нее. Я знал это, но утешал себя тем, что ведь и Христос въехал в Иерусалим не на собственном, а фактически на украденном осле. Мы по крайней мере не украли

автомобиль, а наняли. Интересно, вернул потом Христос осла обратно хозяину или нет? Боюсь, что нет. Но я его не осуждаю.

— Ну, с Богом, — сказал Серый, открывая дверь актового зала, где уже собрались ученики, и толкнул меня туда.

Зал был набит битком. Мой вид, очевидно, ошеломил собравшихся. Наступила мертвая тишина. Все встали. Десятки немигающих глаз уставились на меня. И я ощутил в себе силу, светлость и радость необыкновенную.

ПЕРВАЯ ПРОПОВЕДЬ В СТОЛИЦЕ

— Посмотрите на меня, — сказал я. — Видите, я строен, красив, у меня стальные мускулы. Посмотрите на мои волосы. Часто ли вам приходится видеть такие? Я круглый год в любую погоду хожу без головного убора. У меня вообще нет никакой зимней одежды. Могу много дней обходиться без пищи, не испытывая голода. И могу в день съесть пять обедов, не испытывая пресыщения. Я могу мгновенно уснуть в любом положении, даже стоя, и спать ровно столько, сколько прикажу себе. Но могу несколько суток обходиться без сна, не испытывая сонливости. Я ничем не болею. А если замечаю возможность болезни, предупреждаю ее усилием воли. У меня всегда прекрасное расположение духа. Я подавляю отрицательные эмоции. Я умею наслаждаться всем видимым, слышимым и осязаемым мною. Если я одинок, я испытываю радость одиночества. Если я среди людей, я испытываю радость общения. Я... Я... Мне... Меня... Я... Я... Я не был рожден таким. Я не был воспитан таким семьей, школой, университетом, учреждением, пропагандой... Я сделал себя таким сам по доброй воле, изобретая для этого свою собственную систему жизни, неукоснительно следуя ей, тренируясь на это постоянно и превратив принципы своей системы в свою привычную натуру. Я научился счастливо жить в обществе нищеты, пошлости, подлости, грязи, насилия, зависти, стяжательства, скуки, злобы, серости, зависти и убожества. Я создал свой взгляд на мир и тем самым создал свой мир. Этот мир прекрасен. Я научу вас стать такими, как я сам, научу вас строить свой прекрасный мир и жить в нем счастливо, каким бы ни был тот мир, из которого вы пришли сюда. Я научу вас этому по-своему. Я говорю вам: если вы хотите стать такими и войти в этот мир, входите в него и идите рядом со мною...

ОДИНОЧЕСТВО

Я в эту проповедь вложил столько сил, что по окончании ее почти потерял сознание. Восторженные, неистовавшие ученики бросились было ко мне, но Серый остановил их: Учителю нужен отдых. Он увел меня в соседний пустой класс, усадил за парту, обнял, как любимое дитя.

— Ты, старик, молоток, — сказал он. — Ты цены себе не знаешь. Ты же золотая жила. Ты один — целый Клондайк. Нет, ты алмазная россыпь размером с угольный бассейн. Ты... Ты... Ну, сейчас мы отметим успешное начало в самом шикарном ресторане. Заказывай, что душа пожелает! А потом — к девочкам. У нас, старик, штук десять приглашений! Успех! Феноменальный успех!

Я сказал, что надо ничего не надо, что мне надо побыть одному, сосредоточиться и восстановить духовные силы. С черного хода я незаметно выскользнул на улицу и пошел куда глаза глядят. Я превратился

в дряхлого старика. Плечи мои обвисли, мускулы одрябли и исчезли совсем. Волосы слиплись в жирные пряди. Угроза и страх бессонницы овладели моим сознанием. Вокруг суетились люди — десятки, сотни, тысячи людей. Одиночки, пары, толпы. Но они не видели меня. Я для них не существовал. На меня накатился ужас безнадежного и бесконечного одиночества. Мне некуда было идти. Мне негде и не с кем было остановиться.

— Боже, — шептал я в отчаянии, — что происходит со мной? Научи меня тому, от чего хотят избавиться и что хотят одолеть эти люди! Дай мне хотя бы самую малость человеческого счастья, дай мне хотя бы крупицу пошлости, подлости, злобы, зависти, корысти, лжи, предательства, скуки... Дай мне все то, чем живы люди! Верни меня в этот ужасный, но прекрасный человеческий мир.

МОИ АПОСТОЛЫ

Мои апостолы оказались способными помощниками, с удовольствием включились в игру, много выдумывали от себя, так что их приходилось сдерживать. Через пару месяцев они так насобачились подражать мне, что любой из них мог открывать свою собственную школу. Я им постоянно твердил, чтобы они не торопились воображать себя способными на то, что делаю я. Легко усвоить внешние формы поведения. Но глубинные секреты мастерства постигаются годами. Главные мои методы будут доступны им по крайней мере через год, да и то в минимальной степени. Но, увы, ученики редко слушаются учителей в таких случаях и сами стремятся как можно скорее стать учителями.

Вскоре, однако, обнаружился другой аспект деятельности моих помощников, объяснивший их энтузиазм и успехи в первом, упомянутом выше аспекте: корысть. Они развернули «левую» деятельность за мой счет (консультации якобы от моего имени) и стали брать с учеников и пациентов взятки по каждому поводу, главным образом за прием «без очереди», за «секретную литературу», за «новейшие методы лечения», короче говоря, за все. Одна женщина, приходившая ко мне лечиться от рака матки, заплатила моему «секретарю» (Серому) двести рублей за один прием и сто рублей одному из моих ассистентов якобы за блат. Это превратилось в систему. Я сказал Серому, что нам нужны специальные люди для надзора за жуликами, иначе они совсем дискредитируют нашу Школу и привлекут внимание милиции. Серый сказал, что от этого будет еще хуже, ибо надсмотрщики будут мошенничать вместе с апостолами. Мы теперь работаем по общим законам советского общества и избежать таких явлений в принципе не сможем. Но сократить или по крайней мере ввести их в терпимые рамки можно, пользуясь обычными советскими методами коммунистического воспитания и контроля общественности. Необходимо провести общее собрание!

На собрании с докладом об итогах работы Школы в прошедшем полугодии выступил Серый. В разделе о недостатках нашей работы он рассказал и о случаях нарушения социалистической законности. Он предупредил, что, если такие случаи будут продолжаться, придется ставить в известность милицию, а это, сами понимаете, пахнет плохими последствиями.

После собрания апостолы некоторое время вели себя прилично. Но потом снова распустились и с удвоенной силой стали обирать учеников и пациентов. Кое-кто стал принимать пациентов у себя дома. Студентка

театрального института устроила что-то вроде своей школы красоты. Узнав об этом, Серый уволил ее. Через месяц, однако, ее Школа красоты прогорела, и она пришла снова к нам «доучиваться». Но место ее уже было занято — Серый устроил на это место свою любовницу, которая деньги брала, но не работала.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

В связи с тем, что возросло число желающих пройти полный курс в Школе и число людей, жаждущих получить у нас консультацию по самым различным вопросам, пришлось удвоить число моих приездов в Москву, и моя жизнь за городом стала обременительной. Тем более моя Хозяйка буквально измучила меня своей похотливостью. Я все чаще оставался ночевать в городе, главным образом у моих учениц и пациенток, что точно так же подтачивало мои силы. Я взбунтовался и потребовал от Серого снять мне комнату в Москве. Он согласился, но почему-то неохотно. Я не стал выяснять причину этой неохоты, — это его дело. Мне было важно одно — возможность отдохнуть после тяжелых занятий в Школе и уединиться для размышления. К занятиям, между прочим, надо было готовиться. Я делал это в поезде. Но это было терпимо пару раз в неделю, а не четыре. К тому же занятия пришлось сместить так, что мои поездки выпадали на часы, когда поезда были набиты сверх меры.

Наконец Серый нашел мне хорошую комнату на окраине города, в чистой и тихой квартире. Хозяева — одинокие старики, чему я обрадовался особенно. И добрые. Они сразу проявили ко мне что-то вроде родительских чувств и стали за мной ухаживать — подкармливать, стирать и чинить белье. Я сомневался, что Серый оплачивал это, и отдавал им часть своих «карманных» денег. Они настолько вошли в роль родителей, что не ложились ночью спать до тех пор, пока я не приходил домой, и очень сердились, если я не приходил совсем. Мне такая жизнь пришлась по душе. И я начал подумывать о том, чтобы покончить со Школой, найти какую-нибудь работенку и пожить нормальной семейной жизнью хотя бы несколько лет. Я же впервые попал в семейную обстановку!

СОБЛАЗНЫ И НАМЕРЕНИЯ

С первых же дней работы в школе на меня обрушились соблазны. Первым делом меня попытались вовлечь в некую религиозную секту. Потом было несколько поползновений со стороны гомосексуалистов, несколько попыток старых баб с квартирами и хорошей зарплатой женить на себе, несколько предложений позировать художникам и даже сниматься в кино. Я действительно являл собою зрелище живописное. Работал я до изнеможения — лекции, уроки, консультации, визиты... Отощал. Глаза стали огромными и горящими. Начали сесть волосы и борода. Когда я шел по улицам, меня принимали за индийского йога, приехавшего работать в Советский Союз — помогать создавать советскую школу йоги. Парень из института, о котором говорил Ассистент и который аккуратно посещал все мои занятия, предложил устроить меня на постоянную работу в их секретную лабораторию. Он соблазнял меня отдельной квартирой, высокой зарплатой и кандидатской степенью через три года.

— Ты себе цены не знаешь, — говорил он. — Ты же такие чудеса мог

бы творить в нашей лаборатории! Ты бы сразу поднялся до самых высших лиц! До Самого! Наверняка тебя бы сразу включили в Его Личную группу. Соглашайся добровольно. А то ведь все равно рано или поздно вашу лавочку прикроют, а тебя передадут нам. Только уже без тех благ, какие ты можешь иметь сейчас.

Я отсекал все эти соблазны. Я хотел одного — выложиться до конца, как можно больше отдать людям из того, чем я обладал. Не может быть, думал я, чтобы все пропало впустую. Что-то останется в людях от меня, что-то сохранится и даст ростки. Задача Бога — посеять свои семена в душах людей. Посеять как можно больше, ибо лишь небольшое может сохраниться и дать жизнь.

Прошло три месяца без особых изменений. Я работал, как одержимый. Я чувствовал необычайный подъем. Чувствовал, что люди слушают меня и хотят слушать. Во время моих лекций нами всеми владело состояние, которое я бы назвал священным трепетом за неимением более сильных выражений. Может быть, слово «экстаз» здесь подойдет. Антипод называл это коллективным психозом.

Тот парень, о котором я упоминал, снова имел со мной разговор.

— Решайся, — сказал он, — остались считанные дни. Этой лавочке скоро конец.

Я сообщил о разговоре Серому. Тот не на шутку встревожился.

— Кажется, дело идет к развязке, — сказал он. — Пора сворачивать. Объявим новый расширенный набор учеников!

Желающих на сей раз оказалось более тысячи. И все внесли месячную плату в качестве аванса.

КОНЕЦ ШКОЛЫ

Серый сам приехал ко мне.

— Обстоятельства сложились так, — сказал он, — что нашу лавочку придется закрыть раньше, чем мы предполагали. Вот тебе паспорт на имя..., билет на самолет в Н., адрес и деньги. Этих денег тебе хватит месяца на три. Отдыхай, загоравай, отсыпайся. В Школе больше не появляйся — она уже не существует. Вернее, она уже в ведении КГБ.

Мне было жаль мою Школу — я к ней привык. Я не изложил еще и половины своих идей. Но делать было нечего. В Н. я решил не лететь: что мне там делать? Билет и новый паспорт выбросил. Решил, что мой старый лучше, хотя временная прописка кончилась, а возобновить без Серого я не смогу. Мои старики ни за что не хотели меня отпускать, решив усыновить меня и добиться постоянной прописки.

ЧТО БЫЛО

Ночью ко мне пришел сам Христос, и мы с ним поговорили с полной откровенностью.

— Скажи честно, — спросил я его в конце беседы, — был ты на самом деле или нет?

— Был, — ответил он.

— Ты на самом деле сын Божий?

— Не говори глупостей! Никакого Бога нет. Мои родители — обычные люди.

— Кто был ты?

— Целитель, проповедник или учитель. Таких, как я, было много.

— Но ты был крупнее всех?

— Вряд ли. Сравнивать невозможно.

— Но почему же?..

— Потому что меня казнили.

— За что?

— Слишком много развелось учителей вроде меня. Это беспокоило римские власти. Они решили покончить с нами. Для назидания прочим выбрали меня и казнили.

— Почему тебя?

— Мою кандидатуру им предложили еврейские священники. Они не любили меня за то, что я становился популярен как целитель.

— Ты не воскресал?

— Нет, конечно. Тот, «воскресший», был самозванец.

— А учение?

— Кое-что из того, что сохранилось, проповедовал я сам. Кое-что мне приписали от других. Но главное содержание моего учения не сохранилось.

— Что именно не сохранилось?

— Все то, чему учил ты.

— Как?! Неужели и тогда?!

— Эти истины вечны. Пройдет время, и их снова откроет кто-нибудь. В нашем деле авторство сохранить невозможно. Да оно и не играет роли.

— Что будет со мной?

— Ничего.

— Как так?! Я же!..

— Именно поэтому.

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Блаженствовал я всего три месяца. Смешно, мои старики добивались для меня постоянной прописки и затеяли дело об усыновлении, я ходил с ними по всяким учреждениям, в том числе в милицию, где затребовали справки из моего города и получили их, а в это время был объявлен всесоюзный розыск меня как важного государственного преступника. Я узнал об этом потом. Если бы я сбрил бороду и укоротил кудри, меня бы так и не нашли. И зажил бы я счастливой жизнью единственного и любимого сына в тихой семье. Но от судьбы не уйдешь. Меня случайно встретил на улице один из бывших учеников и вызвал милицию. И тут аналогия с Христом. Очевидно, тут тоже есть некое общее правило.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Первым делом мне остригли голову и сбрили усы и бороду. Из-под моей волосатости показался тощий мальчишка с растерянными глазами — жалкое зрелище для Бога. Увидев меня в таком виде, следователь схватился за голову.

— Боже мой, — вырвалось у него, — с кем мы воюем?! А что делать? Я бы тебя, парень, отпустил домой. Но я не Бог. Слишком много развелось всяческих «святых», «целителей», «учителей», «пророков». Есть директива свыше покончить с ними и провести показательный процесс. Твое дело сочли наиболее подходящим. Дело миллионное. Пахнет высшей мерой. В назидание прочим. Понял, в какую грязную историю ты вляпался?

ВЫБОР

Мне предложили на выбор: либо я признаюсь, что я мошенник, раскаюсь и призову прочих жуликов такого рода последовать моему примеру, и тогда мне дадут небольшой срок, либо я упорствую, и тогда... Как быть? Я сравнил свое положение с таковым Христа.

Я тоже невиновен, как и Христос. Но он не был ничьим сообщником и орудием, а я был орудием и сообщником преступников. Он был беспредельно одержим ролью Бога, а у меня дважды возникало желание отказаться от своей претензии быть Богом. Если бы меня не схватили, то не исключено, что я сделал бы это. Мне надоело быть Богом. Исход суда не зависел от поведения Христа, он не вынуждался к сотрудничеству с судьями, у него не было выбора. Потому он был пассивен. Он не раскаялся в содеянном. Меня же принуждают к сотрудничеству с судьями. И если я помогу им разоблачить меня самого и мне подобных, мне сохранят жизнь. Мне искренне захотелось помочь судьям.

— Где же твоя религия сопротивления и бунтарства? — слышался мне ехидный голос Антипода. — Ты скатился ниже самого Христа в его рабско-холуйской установке на непротивление злу. На Христа насильно взвалили крест, на котором его распяли. А ты?.. Я презираю тебя. Тебя выручает только одно: из того материала, какой собралось следствие, при всех комбинациях и ухищрениях следует то, что ты единственный, кого не за что судить. К тому же и у тебя фактически нет выбора. Судьба твоя все равно предreshена, признаешь ты себя преступником или будешь настаивать на своей невинности. Тебя все равно осудят на казнь в назидание другим. Это уже решено на самом «верху».

И я избрал путь Христа: безразличия к суду. Я решил молчать. В начале лаптизма, как христианства, должна быть невинная и безвучная жертва.

127

АДЕКВАТНОСТЬ ЭПОХЕ

Я в доказательство показывал вам раны.

И все же вами я остался не опознан.

Я понял это слишком поздно,

Что я вернулся слишком рано.

Или скорее понял рано,

Что возвращаться уже поздно.

СУД

Суд устроили показательный, в зале какого-то клуба, с представителями трудящихся, с прессой. Но задуманный спектакль не получился. Первый элемент неожиданности в ход процесса внес я сам — я отказался от защитника, заявив, что буду защищать себя сам согласно своему принципу: никакой защиты! Невинный не нуждается в защите. Самая мощная защита невинного — полная беззащитность. Мой отказ от государственного защитника и его мотивировка вызвали оживление в зале и замешательство суда.

Второе оживление в зале наступило в связи с выступлениями экспертов. А их было довольно много — врачи, ученые, философы и даже поп! Последний выступал как эксперт по проблемам религии. Он был преподавателем в Духовной семинарии в Загорске. Другой эксперт по тем же проблемам был профессором в Институте атеизма при Академии обще-

ственных наук. В зале начался смех, когда объявили, что экспертами по проблемам религии выступают представители столь противоположных организаций. Выступления обоих экспертов сопровождалось смехом и аплодисментами, причем нельзя было понять, являются аплодисменты одобряющими или порицающими. Философ уличал меня в том, что я претендую на роль Бога, тогда как, согласно марксизму-ленинизму, никакого Бога нет, Бог — опиум для народа, поповская выдумка. Представитель же православной церкви уличал меня в том, что мое учение ложно, но уже согласно христианской религии.

Настоящая комедия началась, когда стали давать показания свидетели. Вот несколько примеров.

Свидетельница — огромная полная женщина килограммов на сто пятьдесят, ярко накрашенная, увешанная драгоценностями.

Судья: С какой целью вы обращались за «консультацией» к обвиняемому?

Свидетельница: С целью похудения. (В зале смех.)

Судья: Ну и похудели?

Свидетельница: Пока посещала Школу, похудела на пятьдесят килограммов. (Смех в зале.)

Судья: А потом?

Свидетельница: Поправились на шестьдесят. (Гомерический хохот в зале.)

Судья: И сколько вы за это заплатили?

Свидетельница: Тысячу рублей. (Крики негодования в зале.)

Судья: Выходит, по двадцать рублей за килограмм. Дороговатое мясо. (В зале аплодисменты, смех.) На рынке и то дешевле. (Аплодисменты, смех.)

Свидетель — крупный мужчина кавказского типа. Говорит с акцентом. Жестикулирует.

Судья: С какой целью вы обращались к обвиняемому?

Свидетель: С целью для импотенции. (Смех в зале.)

Судья: От импотенции или для импотенции? (Хохот в зале.)

Свидетель: Я не понимаю, чего ты хочешь. Говорю тебе русским языком: чтобы член стоял, понял? (В зале гомерический хохот.)

Судья: Где не понять?! Ну и как, помогло?

Свидетель: Да еще как!! (Смех.) Пока посещал Школу. Потом опять.

Судья: Что опять?

Свидетель: Не работает! (Смех.)

Судья: И сколько же вы отвалили за то, чтобы... работал? (Смех.)

Свидетель: Десять.

Судья: Рублей?

Свидетель: Десять тысяч. (Гневные выкрики.)

Судья: И сколько раз он у вас работал за эти десять тысяч?

Свидетель: Десять раз! (Смех. Крики: «Всего-то!»)

Судья: А не дороговато?

Свидетель: Если бы имел миллион, я бы и его не пожалел для такого дела! (Смех, аплодисменты.)

Судья: Деньги вручили лично обвиняемому?

Свидетель: Нет, его секретарю.

Судья: А почему не лично?

Свидетель: Секретарь сказал, что Учитель никогда не осквернит своих рук прикосновением к деньгам. (Смех.)

Свидетельница — женщина лет пятидесяти, изможденная, рано постаревшая. На вопрос судьи, с какой целью обращалась к обвиняемому, ответила: с целью омоложения.

Судья: Помолодели?

Свидетельница: Нет.

Судья: Почему?

Свидетельница: Не успела. (Гомерический хохот в зале.)

Судья: Сколько заплатили?

Свидетельница: Пять тысяч. (Крики.)

Судья: Как же вы попались на это?

Свидетельница: Секретарь Учителя познакомил меня с двумя женщинами, которым по документам было за сорок, а выглядели они моложе тридцати. Они и сказали, что прошли курс омоложения у Учителя.

Судья: Вы не узнаете этих омолодившихся среди обвиняемых?

Свидетельница: Узнаю. Вон те...

Судья: На самом деле одной из них двадцать три, другой — двадцать пять. В чем же состоял курс омоложения?

Свидетельница: Секретарь сказал, что Учитель обладает необычайно мощной сексуальностью. Каждый сеанс омолаживает на год.

Судья: Ну и как?

Свидетельница: Ничего особенного. (Смех.)

Судья: Значит, вы разочарованы?

Свидетельница: Нет. (Смех.) Просто у него таких омолаживающихся небось сотни. (Гомерический хохот.)

Свидетель — тощий мужчина с очень некрасивым лицом, распухший нос, под глазом синяк. Цель занятий с Учителем — улучшение внешнего вида (лица и фигуры). После этих слов свидетеля в зале творилось нечто невероятное. Минут двадцать успокаивали. Свидетель, показывая на нос и синяк, сказал, что это его в милиции разрисовали. Судья сказал, что правильно сделали. (Аплодисменты.) В следующий раз за сопротивление властям получит срок. Кому платил деньги и сколько, не помнит, поскольку был всегда пьян. Улучшилась ли его внешность? А ему наплевать на внешность. (Смех.) Бывает и хуже. (Смех, аплодисменты.) Ему было приятно провести время в хорошей компании, поговорить с умными людьми. Баб было полно. (Смех.) Правда, в основном толстые, старые и страшные. (Гомерический хохот.) Зато не жмоты. (Смех.)

Свидетель — молодой мужчина, сильно заикается. Лечился от заикания. Перестал заикаться. Полгода говорил нормально. А когда узнал, что Учитель — жулик и шарлатан, почему-то снова стал заикаться. Смех в зале остановить не удалось. Пришлось сделать перерыв.

На другой день суд продолжался уже не в большом зале клуба, а в небольшом помещении народного суда.

Убедительной картины моей преступной деятельности из судебного спектакля не получилось. Но прокурор все равно потребовал высшей

меры. Мне предоставили последнее слово. Я не выдержал роли молчаливника. Я сказал, что слагаю с себя полномочия Бога. Если кто из людей захочет стать Богом, пусть будет им. Место освободилось. И это очень просто стать Богом: иди на Голгофу! Но это очень трудно — быть Богом: надо идти все-таки на Голгофу!

В зале раздалась крики возмущения. Потребовали разъяснить, что это такое — «Голгофа». Прокурор сказал, что это гора в Израиле, на которой, согласно религиозной легенде, был распят Христос, которого на самом деле не было, которого идеологи господствующих классов выдумали с целью... Снова раздалась крики с требованием выгнать меня в Израиль, «поставить к стенке», сослать на урановые рудники!.. Суд удалился на совещание. Я опустился на скамью и оцепенел в ожидании.

ОЖИДАНИЕ

Я встречал людей, приговоренных к казни, но уцелевших волею случая. И никто из них не мог ничего рассказать о промежутке жизни между приговором и казнью.

— В это время просто ничего не было, — сказал человек, один раз неудачно расстрелянный немцами, а другой раз — столь же неудачно своими. — Оказался бы ты сам в таком положении, то ты понял бы, что тут нечего понимать.

Теперь я понимаю этих людей. Тут действительно нечего понимать, ибо тут пусто. Мне не дают еды, а я не ощущаю голода. Мне не дают воды, а я не ощущаю жажды. Я не ощущаю хода времени. Сколько я здесь? Неделя? Месяц? И я не сплю. Я оцепенел в ожидании, и все. Болван! Ты забыл о главном деле твоей жизни — о Боге! Вспомни о Нем, и ты вновь ощутишь полет времени, тесноту пространства, жажду, голод, боль в теле. Ощувив страдания, моли у Него силы достойно человека перенести их. Иначе пустота и оцепенение.

В памяти возникла Богиня.

— Как ты живешь? — спросил я.

— Как все, — сказала она. — Сейчас сплю по очереди с хореографом и директором. Прима-балерина принуждает сожительствовать с ней, иначе она не допустит меня на хорошую роль. Придется соглашаться.

— Ты права, — покорно говорю я. — От той роли, какую уготовили тебе люди, уклониться нельзя. Пошлость есть неизбежный спутник гения.

Богиня исчезла. Исчезла, как ложная идея, насовсем и бесследно. И возник Антипод. Возник как абсолютная истина, как приговор, не подлежащий обжалованию.

ПРИГОВОР АНТИПОДА

— Ты много раз призывал людей идти на Голгофу, — сказал он. — Дурак! В России нет Голгофы. В России есть Лубянка. Сибирь. Колыма. Магадан. А Голгофы нет. И со словом «иди» у нас ассоциируют совсем иное слово — русское слово из трех букв, обозначающее все, что угодно, за исключением Голгофы. И в ответ на твой призыв «Иди на Голгофу!» наш русский человек ответит тебе: «А иди-ка ты на ...!» И правильно сделает, ибо Голгофы у нас нет и быть не может.

Вторая слабость твоей позиции, — продолжал Антипод, — тебя зовут Иваном. Иваном Лаптевым. Бог по имени Иван, да еще Лаптев, —

согласись, это звучит смешно. Зевс, Юпитер, Будда, Христос — это звучит красиво и возвышенно. А Иван Лаптев — хоть тресни, хоть превзойди их всех, вместе взятых, — все равно смешно. Все равно не поверят. Люди могут принять любого бога по имени Ганс, Жорж, Джон, Абрам, Иосиф, Карл... Но ни в коем случае — по имени Иван. Иванианство, иванство, иванизм, лаптизм, лаптианство — этого нам только не хватало, воскликнут люди. Не допустим! Только через наш труп! Вопль насчет трупа я вставил для красного словца. Через труп мы перешагнем. Но не ради иванизма. Мы сами его ни в коем случае не допустим. Чтобы наш брат Иван породил целое иванианство? Не бывает этому! Лучше худой марксизм, чем хороший иванизм! Хотя от марксизма нас с души воротит, он все-таки заграничная штучка, а не наше домотканое барахло.

Третья слабость твоей позиции, — продолжает Антипод, — уже не наша национальная обреченность, а некая общечеловеческая закономерность. Многие смертные претендовали на статус Бога. Одни — обуреваемые маниакальным тщеславием и властолюбием, другие — маниакальным стремлением спасти человечество. К числу последних принадлежал, по всей вероятности, человек, который вошел в историю под именем Христа. Он не был исключением. Такие люди появлялись до него и после него. Они появляются и в наше время. И будут появляться в будущем, ибо претензия быть Богом есть естественная социальная функция Человека — вот в чем дело! Конечно, в самих людях есть что-то такое, что находит воплощение в появлении особого рода личностей, вынуждаемых людьми исполнять эту функцию. Конечно, тут есть и элемент добровольности, вернее, предрасположенности этих личностей к такой роли. Но я подчеркиваю социальную природу и принудительность ее, поскольку этого не видят или не хотят видеть. Видят то, что Христос сам взял на себя роль Бога. Но не видят того, что он смог сделать это лишь постольку, поскольку общество нуждалось в этой роли и заставило его сыграть ее, что люди воплотили в Христе частицу своего существа. Бог есть отчужденная общечеловеческая функция, и ничего больше! Ты воспринимаешь свою роль, как Волю Небес, а фактически тебя вовлекли в нечто неподконтрольное тебе, в нечто такое, что есть переплетение махинаций авантюристов, чаяний шизофреников, политических расчетов, людских несчастий и многого другого.

Мало того, особенности нашего времени наложили свою печать на твою жалкую судьбу. Теперь людей, претендующих на роль Бога и выталкиваемых на нее, появляется слишком много. Теперь уж никого не удивишь явлением Бога как феноменом социальным, подобно тому, как никого не удивишь радиоприемником, самолетом, автомобилем. Подобно тому, как античные и шекспировские трагедии приобрели статус банальных склок любого достаточно большого и целостного человеческого коллектива, Бог утратил былую индивидуальность и исключительность. И потому в отличие от Будды, Христа и Магомета ты не войдешь в историю. Твоя известность и твое влияние ограничатся рамками местной устной молвы, отделений милиции и КГБ. Причем она скоро будет забыта. И никаких следов твоего пребывания в мире не останется вообще.

Многие смертные, повторяю, претендовали и претендуют до сих пор на статус Бога. Когда эту претензию заявляют цари, короли, императоры, диктаторы и вожди, это ни у кого не вызывает раздражения. Это — норма. Даже Сусликов может претендовать на это — он есть власть,

указующая пути человечеству. Но не ты, жалкое существо, находящееся на самом дне человеческой помойки. По условиям нашего времени ты не можешь практически вознестись на уровень своей претензии даже в случае успеха твоей миссии, ибо не сможешь сделать даже одного шага вверх в современной социальной иерархии. В наше время даже Бог должен делать карьеру по законам делания карьеры.

Хотя богов появилось много, само техническое овладение ролью Бога и исполнение ее не стало от этого легче и проще. Ведь не упрощаются же автомобиль и радиоприемник, становясь банальными предметами домашнего обихода?! Чтобы выделиться из множества богов в качестве самого великого или в качестве объединяющего Бога, теперь нужна вся мощь современной науки, техники, культуры, вообще вся материальная мощь государства. Это не под силу одному человеку, каким бы сверхгением он ни был. Вспомни, ведь и Будда, Христос и Магомет вознеслись не в одиночку и не только за счет своих личных способностей.

А наш век несет идеологию вместо религии. Он отдает предпочтение Дьяволу, а не Богу.

Вспомни, как шло следствие по твоему делу и как совершался суд над тобой. Сравни это с кипением страстей при решении судьбы Христа. В твоём случае много грязи, подлости, пошлости и прочих низких явлений человеческого бытия. Но никаких страстей. Немного нездорового любопытства. Сугубо формальная кампания. Апатия. Вялость. Расправа беспощадная. Наказание жестокое. Но никакой трагической и даже драматической окраски. Красок вообще нет. Серость с некоторой долей насмешки и раздражения. Чтобы человек стал Богом, общество должно внести в его осуждение и наказание за такую дерзость огромную страсть, соразмерную дерзанию. Наше общество бесстрастно. Оно не способно испытать страха за свою судьбу от чьей-то маниакальной претензии быть Богом.

Осудившие тебя не питают к тебе лично злобы. Они даже симпатизируют тебе. Они все понимают, что ты — жалкое и несчастное существо, игрушка в чужих руках, гений, которому не дали проявить свой чудный дар. Они лишь выполнили свои рутинные обязанности, не вызывающие высоких мыслей и эмоций. Ты безразличен им как личность.

Почему же все-таки тебя судили? В чем состоит твоя опасность для общества? Обман доверчивых граждан и вымогательство денег? Это — заурядное дело, которым занимаются многие тысячи мошенников всякого рода и обычных граждан. В сравнении с ними мы капля в море. Государству тут никакого ущерба не наносится. Ущерб медицине и науке? Наоборот, такие люди стимулируют развитие новых отраслей науки и медицины. Ущерб государственной идеологии? Ничуть. Ваши пути даже не пересекаются. Более того, вы даете идеологам материал для насмешек и сомнений, оправдание их существованию. Единственно, кому вы наносите ущерб, — это старая религия и церковь. Но ведь это в интересах государства и государственной идеологии. Так в чем же дело?

Дело в возможности появления на арене истории совершенно нового, не предвиденного никем явления, отличного от науки, идеологии и старой религии, причем не в одиночном, как в случае Христа, а в массовом воплощении. Все, включая партийных работников, чиновников, ученых, врачей, философов и попов, почувствовали

угрозу появления этого подлинного претендента на человеческие души и объединились против него. Люди, включая попов, не хотят пришествия Бога в мир, боятся этого пришествия. Бог несет с собой слишком обременительные обязанности и ограничения. Бог тут не нужен никому, кроме самого Бога и ничтожной кучки несчастных людей. А наше общество исключает несчастных людей как массовое явление. Оно не делает людей счастливыми, но оно не позволяет им стать несчастными.

Не буду утруждать тебя другими аргументами. Достаточно этих. Тем более у нас нет времени, сейчас за тобой придут. Ты пойдешь на казнь сам, и пойдешь один. Ты больше не увидишь человеческих лиц и не увидишь того, кто совершит правосудие.

На основе вышеизложенного я приговариваю тебя к самой страшной для Бога казни — к бесследности и забвению.

Антипод исчез. Раздалось грозное: «Встать! Суд идет!»...

НАПУТСТВИЕ УХОДЯЩЕМУ В НИЧТО

Храбришься ты: мол, смерть — пустяк,

Пока она сторонкой ходит.

Но вот она тебя находит,

И гонор твой тотчас иссяк.

Я слышу шаги в коридоре. Это за мной. Этот миг ожидания смерти есть последняя проверка твоего учения. Вспомни, как ты сам учил других. Оставьте страх перед Ничто и отнеситесь к нему, как к равноправному партнеру Бытия. Ничто не имеет пространственных размеров. Но оно везде — оно бесконечно. Оно не имеет начала и конца, оно не имеет протяженности во времени. Но оно вечно. Оно не расчленено и неподвижно. Но оно абсолютно совершенно и гармонично. Оно не знает радости. Но оно не знает и страдания. Бытие есть лишь временно отдаленная от Всего часть Всего. Переход в Ничто есть лишь возврат части в целое...

Я шепчу эти, казалось бы, магические слова, но они теперь кажутся нелепыми и не дают успокоения. Неужели они действовали на тех, кого я учил им? Не верю!

И леденящий смерти страх,

Как червь, в твою вползает душу.

И беспощадно сразу рушит

Систему слов в никчемный прах.

О Боже, отодвинь это мгновение! Фактически я же еще совсем не жил. Пусть страдания! Пусть тоска! Пусть страх! Пусть разочарование! Только не Ничто! Все, что я говорил, есть ложь!

И слов поток теперь иной.

Бесценной жизни продолженье,

Хотя бы на одно мгновенье,

Ты просишь дать любой ценой.

Но довольно! Хотя ты не Бог, ты все-таки человек! А это тоже кое-что значит. Встреть это, как подобает мужчине. Выпрямись! Подними голову! Скажи себе: я готов, я не испытываю раскаяния за содеянное, я не прошу пощады, я хочу жить, и потому я готов умереть. Смерть есть часть жизни, завершающая жизнь. Умри достойно человека. Достойная смерть очищает от всех грехов и исправляет все земные недостатки. И не надо слов. Смерть надо встречать молча.

*Сейчас настанет твой конец.
И распадутся жизни звенья.
И не способен сам Творец
Остановить времен течение.
В лицо небесному Царю
Скажи такое многократно:
Что жизнь мне дал — благодарю,
Вдвойне — что взял ее обратно.*

ЭПИЛОГ

...Прошло несколько лет.

Дверь в самую захудалую и потому самую популярную «забегаловку» в Новых Липках открылась и впустила известного в свое время в городе тунеядца, пьяницу, трепача и «целителя» Ивана Лаптева.

— Глядите! — раздались возгласы. — Никак опять Исусик объявился! Откуда ты? Слух был, что тебя в Москве «шлепнули». Значит, вранье?

— Нет, — сказал Лаптев, отыскивая место для своего полного стакана и тощего тела, — не вранье. Только «шлепнули» не меня, а нечто во мне: во мне убили Бога.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Два года назад разошлась я с мужем. Жили в доме, купленном им накануне свадьбы. Через год родился сын. Стало тесно, и мы решили дом перестроить. Наняли рабочих, а что могли, делали сами. Дом увеличился вдвое, в два с половиной раза возросла его стоимость. А через некоторое время мы разошлись. Заявление на развод подавала я, имущество не делила, наивно полагая, что муж сам отдаст нам с сыном необходимые вещи. Договорились с ним, что сумму, положенную нам с сыном от стоимости дома, он отдаст в течение двух лет. Но шло время. Вещей своих мы так и не получили. Забрала я только одежду. Даже детскую кроватку он не отдал. И начались наши мытарства по квартирам. Жила с сыном и у сестры, и у друзей, и квартиру снимала за 60—70 рублей в месяц. Поначалу хоть алименты хорошие получала, потом все меньше и меньше. Пришлось от квартиры отказаться, идти жить к родителям в небольшую квартиру. Страшно подумать, что было бы с нами, если бы у меня не было родителей! Мама у меня пенсионерка, отец — инвалид, с тяжелым сердечным заболеванием.

Решила напомнить мужу о его

обещаниях — о наших вещах, о деньгах, на которые смогла бы купить балок (так у нас называют крошечные дома-временки). Но где там — одни оскорбления услышала. Алименты в последнее время получала 30—40 рублей — это на Севере-то! — вам, говорит, и этого много.

Так и жили — он один в огромном четырехкомнатном доме, я в одной комнате с сыном и мамой...

Решила я наконец обратиться в народный суд. Проконсультировалась с юристом, потом написала заявление с просьбой разделить имущество и дом. В своем заявлении указала, что на первоначальную стоимость дома не претендую. Просила лишь разделить между нами сумму, на которую увеличилась стоимость дома после перестройки. Заявление в суд приняли только после того, как заплатила госпошлину 570 рублей, по уши увязнув в долгах. А муж во встречном заявлении написал, что кормили, одевали, обували нас его родители, да и все вещи, и мебель в дом (он включил в перечень и мое свадебное приданое) купили они. Да шут с ней, с мебелью, пусть спит на детской кроватке. Но что самое интересное — он потребовал создания «строитель-

ной комиссии для проведения экспертизы на предмет определения стоимости работ, произведенных истцей» — цитирую дословно. То есть согласилась заплатить мне что-то вроде заработной платы за побелку, покраску и другие «мелкие работы». Вот так я из жены превратилась в наемного рабочего, которому своевременно не заплатили. И суд принял это требование. А в чем моя вина? В том, что я женщина и по своим физическим данным не могла наравне с мужчинами тащить бревна и месить бетон? Как можно сравнить труд женщины и мужчины? Какими измерениями? И зачем вообще эта экспертиза, если речь идет не о производстве, а о распавшейся семье? А ребенок? Видимо, ему ничего не положено, ведь он, такой-сякой, тоже не строил дом.

Мы, значит, «по закону» будем скитаться по квартирам, перебиваться с копейки на копейку? Как же в таких случаях быть женщинам, которые не работают, воспитывают детей дома: их тоже можно будет в случае развода выкидывать на улицу? Разве имущество не делится пополам между мужем и женой?

Помогите мне. Я устала доказывать очевидное. Теперь еще с долгами рассчитываться, потому что не верю, что нам что-то присудят. Как сказал мне муж при последней встрече, «с дубинкой против танка не попрешь, милочка».

Может быть, кто-нибудь объяснит мне, бесподковой, как теперь быть, где искать защиты наших с сыном прав? Напишите мне на адрес редакции. А если никто не сможет мне помочь, откажусь от алимен-

тов и уеду куда-нибудь. Зачем мальчику такой отец, который нанимает против него адвоката и приводит с собой четырех свидетелей, чтобы оставить нас в нищете...

**Ольга П.
Якутия**

Сегодня пошла я на почту, чтобы подписаться на «Смену» на следующий год... и ушла оттуда ни с чем: не по карману мне теперь подписка. Дома заплакала по-детски, «в три ручья» от огорчения, от бессилия, потому что муж зарабатывает чуть больше двухсот рублей, потому что маленький ребенок — не ясельный и я не работаю, потому что старшему, Алешке, нужно выписать «Пионерку», а еще очень-очень хочется «Трамвай», потому что... Моя «Смена» не виновата в том, что подорожала, я знаю. Виноваты наша действительность, те, кто довел нас до нищеты. Даже журнал «для души» нет денег выписать. Неужели так и будем нищими, черствыми, готовыми глаза друг другу выцарапать за кусок колбасы, за пачку сигарет, за несчастный стул в мебельном. Будь проклята эта наша жизнь — с нескончаемыми очередями, с тамскими рожами спекулянтов, с порнографией, называемой современной эротикой, с ни с чем не сравнимым материнским страхом за службу сыновей в армии, за то, что у наших детей отнимают или уже отняли детство, а у детишек Элисты, Волгограда, Ростова — жизнь. Единственная моя мечта — сбудется ли? — найти в себе силы, здоровье, чтобы вырастить детей (Боже, в первую очередь пошли здоровья им!) и чтобы не было в их жизни Афганистана, Карабаха, Чернобыля.

**Светлана Н.,
Калуга**

«В МОИХ СЛОВАХ ЕЩЕ СТУПЕНЬ»

138

СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

В справочных изданиях ему посвящено лишь несколько скудных строк. Ранние стихи его можно отыскать только в ставших раритетами сборниках 1909—1920 годов, а некоторые подробности его жизни и деятельности почерпнуть из воспоминаний современников да журнальных публикаций полувековой давности.

Давид Давидович Бурлюк, потомок запорожских казаков, поэт и художник по призванию, узаконивший за собой громкий титул «отца русского футуризма», оказался прочно забытым. Причинами этому были отъезд за рубеж в 1920 году и его непреклонная позиция авангардиста.

Его творческий путь неотделим от возглавлявшейся им группы «будетлян» — гилейцев, назвавших себя позднее кубофутуристами. Участники ее выступали с эстетической платформой, в которой, кроме чисто формальных, связанных с грамматикой и синтаксисом, положений: отказе от союзов, междометий, предлогов, знаков препинания, декларировалось право на словотворчество и «заумь», выдвигалось требование об обновлении содержания поэзии, снятии вето с тем, которых избегали классики.

Важнейшим событием в жизни Бурлюка была многолетняя дружба с Владимиром Маяковским. Поэтическая интуиция помогла Бурлюку в 1911 году предвосхитить в голодном, оборванном, нищем восемнадцатилетнем юноше будущего великого поэта. И Бурлюк становится не только эстетическим наставником Маяковского, но и поддерживает его материально. В скором времени Бурлюк возглавил группу футуристов, объединившую с гастрольями семнадцать российских городов. В состав ее вошли Маяковский и Каменский.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ и ДАВИД БУРЛЮК (1914 г.).

Поведение участников группы было демонстративно вызывающим, рассчитанным на эпатаж публики. Окруженные толпой зевак, они прогуливались по улицам и выступали с нарисованными на лицах собачками (у Бурлюка), аэропланами (у Каменского). Маяковский дефилировал в желтой кофте-распашонке, его друзья — с петрушкой и морковкой в лацканах пиджаков. В Киеве они подвесили рояль над сценой. Вечера начинались чаепитием и завершались лекцией Маяковского о футуризме. В ней он, как правило, вступал в резкую полемику с публикой, которая зачастую завершалась вмешательством полиции и выдворением гастролеров из города за «нарушение нравственности». Эти зрелищные, шумные, импонировавшие молодежи вечера, на которых выкрики Василия Каменского «Сарынь на кичку!» перекликались с дерзкими репликами Маяковского, никак не походили на благопристойные выступления литературных мэтров перед гурманами, смакующими каждое слово изящной поэзии.

Бурлюк часто публиковался в сборниках футуристов: «Садок судей», «Дохлая луна», «Пощечина общественному вкусу», «Требник троих» и других, председательствовал на вечерах футуристов в Политехническом музее, выступал вместе с Маяковским в «Кафе поэтов».

В 1922 году Бурлюк с семьей переезжает в Америку, где и живет до конца своих дней (1967 г.).

В Нью-Йорке он выступает как художник, журналист, поэт и общественный деятель, сотрудничает в прогрессивной американской газете «Русский голос». Но при всем этом жесткая борьба за существование в период «великой депрессии» оставила глубокий след в творчестве поэта. Лирика тех лет носит драматический, а порой и трагический характер,

заставляет задумываться над скрытой в стихах символикой («Нетерпеливая и злая...» и др.), проникаться их мелодикой, богатством и разнообразием ритмов...

В 1956 году по приглашению Союза советских писателей Бурлюк с супругой побывали в Москве. На вопрос журналиста о нынешнем отношении «отца российского футуризма» к великим нашим классикам Бурлюк показал номер издаваемого женой альманаха «Colour and rhyme» («Цвет и рифма») со своим переводом на английский язык поэмы «Кавказский пленник» Александра Сергеевича Пушкина...

ДАВИД БУРЛЮК

==

*Это серое небо
Кому оно нужно
Осеннее небо
Старо и недужно
Эти мокрые комья
И голые пашни
Этот кнут понуканий
Всегдашний.*

ОСЕНЬ

*Рыдай осенний дождь рыдай
Над вазой раздробленной лета
Что поглощала яркий край
Как счастье затопляет Лета
Седая вечности река
Где дно песчинками века.*

ВОДКА

*Развалившийся шинок
Полон громкой свары!
За столом гуляк венки,
Одиночки, пары...*

*Сам раскосый Сатана,
Подающий водку,
Помогает им сполна
Лить стаканы в глотку.*

*А в домах — немый строй,
Жалкие ребята,
Неутешной бабы вой:
— Жизнь моя треклята!*

РИКША

(Отрывок)

На каждом здесь шагу
Стараюсь и бегу.

Пылен взмылен желтый рикша
Он везет почти задаром
Его икрам не велик шар
Шар земной овитый паром.
Что трамвай, полет биплана
Ход экспресса! — Рикиши жилы
Пассажира тянут плавно
Пробегая далее мили.
Взмылен пылен высох рикша...

На свете правды не ищи, здесь бездна зла.
Одни кривые палачи и подвигов зола!
На свете правда, как цветок.
Лежит под колесом —
В пыли его душистый сок,
и нет дыханья в нем!

Мои стихи слагались ночью,
Пред ними разум был правдив,
Я выбрал для себя пророчью
Тропу чудес и гордых див;
В моих словах росли ступени
Ближайших лет, грядущих дней,
В закономерном строчек пеньи
Цветы не вянущих огней.
Мои стихи слагались в гуще
Домов и улиц, и трущоб,
Под грохот скопища гнетущий,
На завтра взрывно вспрыгнуть чтоб!
Во тьме подземок и подвалов,
На чердаках и за углом,
Где нищеты стiletно жало
Ракетно расцветает злом...

ВОСПОМИНАНИЕ

Русь расписалась полночи осенней
Бездонность клякс, сугубость темноты,
Обглоданный кустарник вдохновенней
Топорщит ветром вздыбленно кусты.
Слетаются и каркают вороны
О черных днях, о прошлом... Про расстрел
Когда у изб белелися погоны
И в зареве родимый край горел

ВЛАДИМИР МАЛКОВСКИЙ и ДАВИД БУРЛЮК
с сыновьями ДАВИДОМ и НИКИФОРОМ (1925 г.).

*Ночь ненасытно лапала поляны
А дождик мелкий из последних сил
На труп борца, измаранный углями,
Сосредоточенно и мудро моросил.*

*Война прошла, но осень неизбывна.
Свободой ветер снова восхищен
Он в бархат темноты склоняется забавно,
Как пьяный дьяк с веселых похорон.*

МЫСЛИ В ВАГОНЕ АМЕРИКАНСКОГО ЭКСПРЕССА

*Запах кокса мне напомнил
Древних роц сгоревших, травы,
Сумрак синий, очерк томный,
Где катилось эхо славы.*

*Ветер рыка древних чудищ
Многоногих и крылатых,
Рыбонтищ, безмерных утищ,
Что в воде вились горбато,
Что вдыхали ароматы
Лепестков, цветов громадных,
Запах яда, холод мяты
И грибов пыльные смрадных,
То, что было в те эпохи,*

Где природа в юни пьяной
 Расплавалась жарко в похоть,
 Рассыпалась в щедре рьяной...
 Без конца и без предела
 Раздавала жизнь гигантам,
 Что свое кормили тело
 В листьях леса — фоллианта;
 Что не знали праздных мыслей,
 А, живя одним инстинктом,
 Для анализа не кисли
 И себя не звали винтиком...
 Что живя цветным размахом,
 Густо множились в болоте,
 В жирной, теплой, сонной влаге
 Оставляя нечистоты...
 Я теперь сижу в вагоне
 Янки дымного экспресса.
 Запах угля мне напомнил
 Эти были древнелеса,
 Где не знали человека
 И его идей крылатых
 И о том, что есть омега
 После альфы дней, зажатых
 В уголь, нефть, — летящих в дымы
 Пассажирского экспресса
 Над деревьями, седыми
 От цветов весениетеста.

Нетерпеливая и злая она нисходит вешний сад
 Где всепрощением сгорая цветы волшебные кадят
 Где зыбкой золотой улыбкой протинкой лег зовущий мост
 Где облако неясной рыбкой, где свищет и лукавит дрозд
 Где столько счастья, столько неги, где каждый друг
 и встречающий брат

Где первых трав звенят побеги,
 чтоб взвесить роз алмаз-карат...

Нетерпеливая и злая идет на розовый песок

Чтоб муравьев калечить стаи,

чтоб затемнить плодовый сок;

Она тиранит мучит птичек и беломраморной руки
 Страшась цветы румяноличики свои теряют лепестки...
 Она расплескивает чаши цветочных благовоний в грязь
 Холодной лестью она плещет, как ласку, совершая казнь
 Средь ликования и счастья, среди восторгов и щедрот
 Она творит свои заклатья, щипки насмешливых остроум...
 Нетерпеливая и злая и блеск стальной в ее очах
 Она забвения иглою возносит вечности очаг.

«Нам необходимо знать все, что было в прошлом...»

Опровергнуть такое утверждение столь же трудно, как и то, что «дважды два — четыре». Однако именно здесь мы вынуждены прервать цитату, ибо далее следует «но», после которого оказывается невозможным увязать начало фразы с ее завершением, — оно таково:

«...но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина».

А это уже, согласитесь, не «четыре», а «пять».

Тем не менее призыв автора был услышан, сказать точнее — внедрен. Удивительно, впрочем, не только это. Удивительно, что под процитированной фразой стоит не привычное в подобных случаях имя известных наших академиков, таких, например, как Минц, Константинов, Митин или Трапезников, даровавших нам в недавние поры и не такие историко-философские откровения, а человека, почитавшегося долгие годы великим гуманистом и, следовательно, авторитетом по части морали. Под цитатой значится: М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., том 27, стр. 333.

Кто спорит, туго, конечно, пришлось Алексею Максимовичу, особенно в последние его годы, и хотя нет у нас намерения лишний раз «уколоть» знаменитого писателя, но написанного пером не вырубишь топором: утверждать, что главное в истории не факты, а их освещение — по меньшей мере рискованно, ибо факты, как изрек однажды сам «четвертый классик», упрямая вещь. От последнего же и при самом критическом отношении к автору, как говорится, пикуда не денешься. Так что причина, побудившая нас к этой публикации, кажется, ясна, а если добавить, что она оказывается еще и приуроченной к двойному юбилею: с одной стороны, 130-летию начала великих реформ, а с другой — к 110-летию убийства реформатора, — то вряд ли стоит особо убеждать читателя в правомерности предлагаемой здесь подборки. Впрочем, есть причина куда более значительная; можно даже сказать, по нашим временам главная.

Событиям, о которых речь, посвящена обширная литература. Поток ее, надо думать, не иссяк бы и до сего дня, не будь он пресечен в 20-х годах, когда не само прошлое, а, как сказано, его освещение стало интересовать власти предрешающие и когда историческая наша наука схвачена была за глотку железной рукой этих же самых «осветителей». Именно тогда из поля зрения ушли в небытие, и казалось, навсегда интереснейшие детали интереснейшей эпохи, столь же достойной изучения, как и внимания читателей. Последнего мы были лишены по очень простой причине: следуя фактам, пришлось бы признать, что трагический парадокс отечественной истории заключается в том, что революционеры не хотели и не могли хотеть либеральных реформ, ведущих страну к государственной зрелости, потому как, доведенные до конца, они сами собой исключали бы революционный переворот. А такой «опасный» вывод не имел у нас, как понимает читатель, права на существование. Однако за семь десятилетий умолчаний в России именно к такому выводу не могли не прийти историки на Западе, в том числе и ученые русского зарубежья. Три небольших материала, принадлежащих перу наших соотечественников, мы и предлагаем вниманию читателей.

АРКАДИЙ СТОЛЫПИН

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ АЛЕКСАНДРА II

Обращаясь к своему воспитаннику, поэт Жуковский закончил одно из своих произведений словами: «И будь на троне человек». В этой краткой фразе четко сформулированы два начала: с одной стороны, трон и все, что по отношению к трону обязывает венценосца; с другой стороны, человеческое начало в сердце и деяниях монарха: прямота, благородство, великодушие, близость к подданным.

Александр II придерживался в своих отношениях с окружающей его средой порядка, унаследованного со времен Великого Петра, а то и ранее от московских царей. Между ним и окружающими была грань, которую не следовало переступать.

Это был последний государь, который почти никому не подавал руки (разве только членам семьи и,

в виде особой милости, некоторым пожилым вельможам). Будучи совсем молодой девушкой, моя мать была ему представлена в Москве на каком-то приеме. Она сделала ему глубокий реверанс, а он на расстоянии трех шагов отвесил ей в ответ поклон. Жать руки окружающим начал лишь Александр III.

Это был последний государь, который обращался на «ты» ко всем лицам мужского пола, будь то фельдмаршал или дровосек. В этом выражалось социальное равенство всех подданных Империи перед царем. Обращаться на «вы» к окружающим начал опять-таки Александр III. Мне представляется, что таким образом между культурным слоем и народом была поставлена еще одна, ранее не существовавшая психологическая преграда.

О «тыканье» царя мне хочется сказать еще несколько слов. В этом отношении крестьяне были еще

при Александре II даже в несколько привилегированном положении: они тоже обращались к царю на «ты», что было немыслимо для лиц других сословий. В этом взаимном «тыканье» был порою грубоватый юмор. Припоминается один случай, имевший место несколько ранее описываемого времени. Однажды император Николай I прибыл с визитом в одно великорусское село. После преподношения хлеба и соли сельский староста начал подготовленную приветственную речь. Он воскликнул: «Царь, ты столп!», смешался, воскликнул вторично: «Царь, ты столп!... и снова смешался. Наступило долгое, неловкое молчание. Тогда Николай I воскликнул ему в ответ: «А ты дубина!» Среди крестьян поднялся веселый хохот, атмосфера разрядилась.

Такой грубоватый юмор, думается, ничем не затрагивал царского величия. Перебрасывался такими словцами с крестьянами и Александр II. Почти столетний крестьянин, старовер Исаа, вспоминая о нем, рассказывал мне в детстве: «Это был настоящий царь. Рост высокий, голос яркий. Как он гаркнет, мы все замирали от умиления». О двух последних императорах Исаа почти не упоминал.

Александр II был последний государь, который любил церемониал и придворную пышность. При нем Зимний дворец был жилым домом, согласно его назначению: царь в нем жил, оттуда управлял Империей. Лишь после убийства царя Зимний дворец превратился в знакомый нам мрачный призрак: в опустевшие покои, разве что в пристанище для некоторых привилегированных сановников и проезжих коронованных гостей.

Во дворце устраивались приемы и балы, на которых царь появлялся во всем своем величии. Французский писатель Теофиль Готье, по-

святивший одну из своих книг путешествию в Россию, описывает такой бал. Особое впечатление произвело на него наличие среди присутствовавших таких гостей, как «кавказские гордые воины» и «посланцы из эмиратов Центральной Азии в их национальных одеяниях». Перед французом, как он об этом пишет, промелькнула в этот миг вся многонациональная мощь Империи.

Отмечу мимоходом, что правдивая книга Теофиля Готье «Путешествие в Россию» (1867 г.) теперь почти покрыта мраком забвения, тогда как написанный несколько ранее пасквиль маркиза де Кюстина часто цитируется специалистами по русскому вопросу и почитается почти как евангельская истина.

Был ли Александр II прав, придерживаясь церемониала, как во дни «матушки Екатерины»? В простонародье его не порицали, блеском двора гордились. Жалели, наоборот, что его преемник Александр III замкнулся в Аничковом Дворце и в Гатчине и упростил царский образ жизни. Жалели еще более, что последний царь окончательно замкнулся в Царском Селе, отказался от пышности, «отрезал себя от народа», как говорили тогда. За строгую экономию в обиходе его не хвалили, народу она была непонятна.

Любя четкий распорядок в своем окружении, Александр II не был, однако, рабом этикета. Он его нарушал каждый раз, когда ему это подсказывало его человеколюбие. Это можно видеть, между прочим, в отношении царя к моему прадеду князю Михаилу Дмитриевичу Горчакову. У меня имеется снимок со старинной гравюры, относящейся ко времени Крымской войны. В открытой коляске царь 29 октября 1855 года выезжает из Бахчисарайского дворца для осмотра укрепления северной стороны Севасто-

ля. Рядом с ним сидит главнокомандующий Горчаков. Я вначале недоумевал, почему вопреки всем правилам, да еще на виду у нашей армии прадед сидит не слева, как полагается, а справа от царя. Оказывается, Горчаков был глух на правое ухо, и царь посадил его справа от себя, дабы не ставить в неловкое положение и иметь возможность продолжать с ним беседу...

Хорошее отношение государя к прадеду не изменилось и после инцидента во время коронации в кремлевском соборе. Стоя возле монарха, Горчаков держал на бархатной подушке державу (рядом с ним, как полагалось, два других сановника держали на подушках корону и скипетр). Но от слишком густого ладанного дыма Горчаков неожиданно упал в обморок, выпустил из рук подушку, и держава покатилась. Многие среди присутствовавших сочли это за плохой признак: не умереть царю естественной смертью... Но Александр II, мало заботившийся о своей личной судьбе, успокоил после церемонии взволнованного Горчакова, сказав ему со своей неотразимой улыбкой: «Не беда, что свалился. Главное, что стоял твердо на полях сражений».

Такое же чисто человеческое отношение государь проявлял и по отношению к моему деду генералу Аркадию Дмитриевичу Столыпину. В самом разгаре русско-турецкой войны А. Д. Столыпин был неожиданно приглашен в ставку к царскому завтраку. Он находился далеко и прибыл к царю со значительным опозданием. Это его сильно взволновало. Александр II встретил его словами: «Я тебя ждал, чтобы сесть за стол». Ждала и вся свита.

Чуткая предупредительность и общительность царя-освободителя не ограничивались его близким

окружением. В мирное время, в хорошую зимнюю погоду, он любил по утрам прогуливаться в Летнем саду; всегда один, без охраны. Во время этих прогулок он заводил разговоры с прохожими, шутил с детьми. Детвора, жившая недалеко от Летнего сада, загорелась в те времена своего рода азартом. Направляясь в Летний сад, порою бегом, дети вельмож и дети дворников перекликались: встретим сегодня царя или нет?!

Предупреждениями полиции царь не внимал: он не знал, что такое страх. Вот именно в одну из таких прогулок государя подстерег террорист Соловьев, совершивший 2 апреля 1879 года покушение, к счастью, неудавшееся. В ограде Летнего сада на месте покушения была потом сооружена часовня. Она была после революции разрушена, как и много других памятников, напоминавших о нашем историческом прошлом. Это покушение произвело в свое время страшное впечатление во всех слоях русского общества. О нем долго потом вспоминали как во дворцах, так и в деревенских избах. К дикому кровавому террору люди привыкли лишь впоследствии... В мои детские годы, проведенные в Зимнем дворце, пожилой и важный придворный камердинер Илья часто повествовал о покушении у Летнего сада. Он говорил с торжественным трепетом в голосе: «Вот как было дело: злодей целится, целится, а Его Императорское Величество всемилостивейше уклоняется!»

О последнем покушении, приведшем к трагической гибели, Илья говорить отказывался. Он отрицательно тряс головой, украшенной седыми бакенбардами, и молча крестился. Такого рода верные слуги были наследием прошлых времен...

МИХАИЛ ГЕЛЛЕР

ПЕРВОЕ МАРТА

«**Р**усский рабочий люд! Сего 1 марта Александр II, мучитель своего народа, убит нами, социалистами. Объявляем об этом всенародно». Так начиналась «Прокламация от рабочих членов партии Народной воли по поводу убийства Александра II», датированная 2 марта 1881 года. Ровно 15 лет назад, 4 апреля 1866 года, было совершено первое покушение на царя. Выстрел Дмитрия Каракозова сигнализировал поворот русской истории на дорогу, которая вела к революции. Бомба народоугодников была первым успехом на этом пути.

Марк Алданов в своем огромном цикле исторических романов посвятил 70-м годам XIX века два тома под заглавием «Истоки». Достоевский относил «истоки» к более раннему времени. Он писал: «Наши Белинские и Грановские не поверили

бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаевцам». Можно бы отнести «истоки» еще дальше: сочиняя родословную русской революции, Ленин начинал с декабристов, которые «разбудили Герцена».

Преемственность революционной традиции не вызывает сомнений. Но в начале 60-х годов XIX века рождается русское революционное движение, ставящее перед собой новые цели, использующее для их достижения новые средства. Связано это было с одним из важнейших событий в истории России: 19 февраля 1861 года Александр II подписал Манифест об освобождении крестьян.

Начинается эпоха реформ и невиданно быстрого развития страны. Наступает — по выражению Герцена — оттепель. И немедленно подтверждается наблюдение замечательного французского ученого Алексиса де Токвиля. В книге «Старый режим и революция»

Токвилль пишет о положении во Франции в царствование Людовика XVI: «Французы считали свое положение тем невыносимее, чем больше оно улучшалось... Отнюдь не всегда к революции приводит переход от плохого положения к худшему. Гораздо чаще народ, который без жалоб, как бы бесчувственно переносил наиболее угнетающие законы, неожиданно сбрасывает с себя иго именно тогда, когда оно становится легче... Опыт учит, что для плохого правления наиболее опасным является время, когда оно начинает улучшаться. Именно тогда, сколько бы ни устранять злоупотреблений, остающиеся представляются тяжелыми: зло уменьшилось, но чувствительность к нему возросла. Феодализм в период своего расцвета никогда не вызывал у французов такой ненависти, как накануне своего исчезновения».

Токвилль делает вывод: только гениальный ум может спасти монарха, решившего облегчить положение своих подданных после многих лет гнета. Александр II не был «гениальным умом», и политика реформ, которую он начал, вступив на престол, была не всегда последовательной, реформы — нередко половинчатыми. Но реформы всегда кажутся недостаточными современникам. В отличие от революции они изменяют структуру государства и общества постепенно. Для историков нет ныне сомнения, что реформы Александра II меняли характер общества и государства. Понимали это и современники. В первую очередь радикальная интеллигенция.

Первое покушение на императора — выстрел Каракозова — было исполнением приговора, вынесенного Александру II не за недостаточность реформ, а за политику реформ. Царь был приговорен к смерти в наказание за освобожде-

ние крестьян, ибо это могло помешать революции.

Дмитрий Каракозов был членом революционного общества, которое станет моделью для будущих поколений. Основанное Николаем Ишутиным общество называется «Организация». «Организация» требует от своих членов неограниченного самопожертвования, преданности социалистическим идеалам, неразборчивости в методах; они должны быть убеждены в необходимости практической деятельности и насилия. Для слежки за членами «Организации» Ишутин создает тайный кружок под выразительным названием «Ад» — это как бы внутренняя партия. «Член «Ада», — требовал Ишутин, — должен жить под чужим именем и порвать все семейные связи; он не должен жениться, он должен расстаться со всеми друзьями — короче, он должен посвятить свою жизнь одной цели: благу своей страны. Для этого он должен отказаться от личных удовольствий, заменив их ненавистью и отвращением ко злу...» В ишутинском идеале революционера легко узнать идеи Н. Г. Чернышевского, изложенные в «Что делать?». «Новый человек» Рахметов сходит со страниц романа и, вступив в «Ад», берет в руки револьвер.

Программа «Организации» Ишутина, не вызывающая изумления сегодня, была для своего времени открытием. После революции (как она произойдет, Ишутин точно не знал) «Организация» должна была взять власть в свои руки, установить — на долгое время — диктатуру и путем декретов национализировать экономику. «Ад» осуществлял бы верховный политический контроль над правительством, убивая недобросовестных чиновников.

Выстрел Каракозова вызывает ужас в России. Народ отвечает на

покушение взрывом патриотических и монархических чувств. Но это лишний раз убеждает радикальную интеллигенцию, что только революционное меньшинство способно пробудить в народе понимание подлинных народных интересов. Варфоломей Зайцев, крупнейший идеолог нигилизма, послуживший в «Бесах» прототипом Шигалева, утверждал необходимость насильственно облагодетельствовать народ — свободой. Эту мысль Шигалев выражает в знаменитой формуле: выходя из неограниченной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом.

Сергей Нечаев, которого Достоевский обессмертил в «Бесах», пытается продолжить дело Ишутина. Мистификатор и лжец, человек удивительной силы воли и аморальности, Нечаев с поразительной откровенностью излагает цели революционеров и перечисляет средства, которые следует употребить для достижения цели. В журнале «Народная Расправа» (1869) он провозглашает: «Дело Каракозова» надо рассматривать, как пролог!» Он прокламирует: «Мы имеем только один отрицательный неизменный план — беспощадного разрушения». Каждая строчка статей Нечаева истекает кровью: «Мы уберем его (то есть царя) для казни мучительной... Члены III отделения и полиции... должны быть казнены самым мучительным образом... Для начала всеобщего народного восстания нам необходимо придется истребить целую орду грабителей казны, подлых царских льстецов, народных тиранов».

М. Н. Покровский, историк-марксист, высокоцененный Лениным, признавал, что группа Нечаева содержала в зародыше черты будущей революционной организации, которая нашла свое высшее воплощение в большевистской партии: необходимость конспирации, эле-

менты планирования и вооруженная сила, идея восстания как формы действия. Нечаев, подчеркивает М. Н. Покровский, первым развил «идею запланированной революции... высмеиваемой потом меньшевиками, но почти буквально осуществленной 25 октября 1917 г.». Историк-марксист целиком одобряет и методы предшественника — о попытке Нечаева выдать полиции своего политического противника Покровский добродушно замечает: «любопытный эпизод фракционной борьбы того времени». Живейший интерес проявлял к Нечаеву Сталин: судебное дело Нечаева, послужившее Достоевскому источником для «Бесов», было найдено — после смерти — в бумагах вождя.

Продолжает и развивает идеи Нечаева Петр Ткачев. Он, по словам советского историка, «не только намечает идею диктатуры пролетариата; он облакает ее в определенные формы, и, что всего любопытнее, эти формы дают поразительное совпадение с практикой русской революции». Ткачев объединяет в стройную систему мысли своих предшественников. «Люди будущего», как называет он революционеров, вдохновлены одной лишь идеей: дать счастье большинству людей, пригласить на пир жизни как можно больше участников. Достигнуть цели — дать счастье — можно только в результате революции. Однако, настаивает Ткачев, «народ никогда не сможет сам себя спасти». Отсюда он делает заключение о необходимости партии «революционного меньшинства», которая, захватив власть, устанавливает диктатуру. В статье «Революция и государство» (Ленин заимствует это название, перевернув порядок слов, для своей знаменитой брошюры) Ткачев отвергает возражения критиков, полагавших, что меньшинство, захватив власть,

превратится в тирана: «Честные и порядочные люди никогда еще властью не разлагались». Придя к власти, революционное меньшинство должно — по плану Ткачева — не только «простым правительственным декретом» изменить политический и экономический строй государства, но прежде всего истребить всех тех, кто «мешает счастью». В молодости Петр Ткачев полагал, что придется истребить всех жителей страны старше 26 лет. Достигнув этого ужасного возраста, идеолог «людей будущего» объявил главной задачей революции всего лишь «истребление гнезда существующей власти».

Важным вкладом Ткачева в революционную теорию была разработка им принципов революционной морали. И здесь он не был первым: Чернышевский предупреждал, что история — не Невский бульвар, и, допуская, что «средства, требуемые делом», могут быть плохими, требовал не обращать на это внимания. Ишутин, а затем Нечаев использовали обман, ложь, убийства, оправдывая все Делом. Ткачев формулирует принцип относительности нравственных правил: «Есть, например, правило, запрещающее обманывать. Но случаи обмана весьма разнообразны: в одном случае от обмана не страдает ничей интерес, в другом — страдает интерес одного лица, в третьем — интерес целой партии или сословия, в четвертом — целого народа. Мы должны признать за каждым человеком право относиться к предписаниям нравственного закона, при каждом случае прямого применения, не догматически, а критически». Как и во многих других случаях, Ленин почти дословно повторит мысль Ткачева: всякую нравственность внеклассового понятия мы отрицаем. Мы говорим, что это обман. Мы говорим: нравственно то, что

служит разрушению старого эксплуататорского общества.

Начало 1870-х годов знаменует изменение тактики революционного движения; процесс Нечаева, разоблачения «нечаевщины» поколебали веру в конспиративную деятельность. Петр Лавров дает в «Исторических письмах» новую цель русской интеллигенции: нести в народ социалистические идеи. Русский язык обогащается новым словом «пропаганда». Начинается «хождение в народ». Как писал министр юстиции, граф Пален: «Многие молодые люди, из которых некоторые бросили учение, оделись в крестьянские костюмы, запаслись фальшивыми письменными видами и в качестве простых чернорабочих двинулись, по их выражению, «в народ», имеют задачей проводить в него путем печатных сочинений и устной пропаганды, революционные идеи». В конце 1874 года провал «хождения в народ» становится очевидным и для революционеров, и для правительства. Причем неудача революционной деятельности объяснялась не правительственными репрессиями, а отказом народа слушать пропагандистов. Революционеры приходят к выводу, что народ «на данном этапе своего развития» к восприятию пропаганды социализма не готов, поэтому необходимо создать организацию, которая совершила бы революцию сама, а уж затем пригласила граждан страны, достойных этого, на «пир жизни». Осенью 1876 года создается первая всероссийская революционная партия — «Земля и Воля». Ее программа: революция. Ее средства: дезорганизация государства путем разложения армии и государственного аппарата, «систематическое истребление наиболее вредных или наиболее выдающихся» правительственных чиновников, а «в день сведения счета» — массо-

вое истребление правительства и вообще всех, кто поддерживает или может поддержать отвратительный для нас режим. Партия честно предупреждала: массовый политический террор станет после революции главным инструментом власти.

24 января 1878 года Вера Засулич стреляет в петербургского градоначальника, генерала Трепова. Начинается период открытой гражданской войны горстки революционеров — «Земля и Воля» насчитывала от 200 до 300 человек — с правительством могучей империи. Как сводки с фронта, приходят сообщения: покушения, убийства государственных чиновников в разных концах империи. 4 августа 1878 года Сергей Кравчинский среди бела дня закалывает на улице в Петербурге шефа жандармов генерала Мезенцева; 25 мая в Киеве Григорий Попко ударом кинжала убивает жандармского офицера барона Гейкина; в Одессе группа народовольцев встречает выстрелами полицию. Волна терроризма достигает пика весной 1879 года: убит губернатор Харькова, совершено покушение на нового шефа жандармов; Александр Соловьев пять раз стреляет в Александра II, который остается невредим.

Современникам казалось, что еще несколько выстрелов, ударов кинжалом — и рухнет империя. Ситуация представлялась тем более непонятной, что положение в России было спокойным, как никогда. Советские историки, опираясь на одну цитату из Ленина, пытались говорить о «революционной ситуации» в России в 1879—1880 годах. Цифры опровергают марксистский тезис. В 1859—1863 годах, то есть непосредственно накануне освобождения крестьян и сразу же после Манифеста, в стране произошло 3 579 крестьянских волнений. В 1878—1882 — 136. Совершенно

спокоен был и нарождавшийся рабочий класс: в 1877—1882 годах было отмечено 187 конфликтов в промышленности.

Взрыв терроризма может быть объяснен несколькими причинами. Первой из них было появление интеллигенции — социальной группы, оторванной от общества и объединенной идеологией, враждебной государству и обществу. Вторая причина — слабость государственного аппарата. Опыт XX века показал, что только тоталитарное государство способно эффективно бороться с терроризмом. И если бы нужно было доказывать, что Россия не была во второй половине XIX века ни тоталитарным государством, ни тиранической полицейской деспотией, лучшим свидетельством может служить неудача в борьбе с террористами. Россия Александра II не была парламентской демократией либерального типа. Но достаточно привести несколько цифр, касающихся репрессивной деятельности русского правительства, чтобы отвергнуть представление о «государственном терроре».

В архиве ЦГАОР в Москве хранится письмо историка и библиографа П. А. Ефремова, сообщавшего в декабре 1861 года другу, что «в четверг в Знаменской гостинице собралось на обед все третье отделение. Не знаю, что праздновали, но кричали «ура» и выпили, кроме других напитков, 35 бутылок шампанского на 32 человека». 32 человека составляли «армию жандармов» в напряженный период освобождения крестьян. По подсчетам советского историка, в царствование Александра II (1855—1881) было казнено 47 человек и расстреляно 69 человек. Нелишним будет добавить, что казни начались после первых террористических актов и были ответом на объявленную войну. У французов есть поговорка: этот зверь опасен, он защища-

ется, когда на него нападают. Революционеры, открыто провозгласившие своей программой массовый террор, не переставали возмущаться лютостью царского режима.

Важнейшей причиной, позволившей террористам в течение долгого времени вести войну с правительством, было сочувствие «образованного общества», как говорили славянофилы, — «публики».

Оправдание Веры Засулич присяжными заседателями вызвало ликование. П. А. Валусев, крупный государственный деятель и автор интереснейших дневников, записал 4 июня 1879 года: «Особенно заслуживает внимания почти полная неудача образованных классов поддерживать правительство в его борьбе со сравнительно маленькой бандой злоумышленников». Другой министр, Д. А. Милютин, записал себе в дневник в это время: «Общественное мнение в России исключительно враждебно правительству».

Разговор Ф. М. Достоевского и А. С. Суворина в день покушения Ипполита Млодецкого на Лорис-Меликова (20 февраля 1880 года) — необычайно яркое свидетельство состояния русских умов, психологии русского «образованного» класса. Достоевский спросил пришедшего к нему Суворина, как бы он поступил, если бы, стоя на улице, он услышал, как кто-то сказал: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину»? Вы пошли бы в Зимний дворец предупредить о взрыве, обратились бы к полиции, чтобы городской арестовал заговорщиков? «Нет, не пошел бы...» — ответил Суворин, убежденный монархист, владелец самой распространенной и самой реакционной русской газеты «Новое время». «И я бы не пошел», — сказал автор «Бесов». Достоевский добавил, что он много думал об этом: «Я перебрал все причины, которые заставили бы меня это сделать.

Причины основательные, солидные; и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины — прямо ничтожные. Просто — боязнь прослыть доносчиком... Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели до отчаяния».

Осенью 1879 года «Земля и Воля», разочарованная результатами террора, раскалывается. Одна группа создает партию «Черный передел», которая под руководством Г. В. Плеханова пойдет в сторону марксизма, другая — под руководством Александра Михайлова, Андрея Желябова, Софьи Перовской — создает партию «Народная воля». Исполнительный комитет «Народной воли» принимает решение: сконцентрировать все силы на одной цели — убийстве Александра II. 26 августа царя приговаривается к смерти. Начинается подлинная охота на человека. «Народовольцы» совершают 8 покушений на царя. Оставлены примитивные средства — револьвер и кинжал. Оружием становится динамит: взрывается железнодорожный путь, по которому проходит царский поезд, ведется подкоп под улицу, по которой едет царская карета, взрывается Зимний дворец...

Программа «Народной воли» не содержит ничего нового. Это все та же программа Нечаева и Ткачева: насильственный переворот и захват власти организованной и дисциплинированной революционной партией. В программе есть не очень убедительное требование созыва Учредительного собрания или, как часто говорили «народовольцы», Земского собора.

Но программа не оставляет сомнений, что «народную волю» значительно лучше самого народа выражает партия. Это она после революции сформирует правительство и проведет социальные и экономические реформы — до созыва Зем-

ского собора. «Народная воля» — это прежде всего воля партии. Впервые в русский язык входит слово «партионцы». Вскоре его заменит определение, менее выразительное, но не менее тяжкое — член партии.

Следующие одно за другим покушения на царя наводят ужас на правительство, но один за другим попадают в руки полиции заговорщики. Арестованы замечательный организатор Александр Михайлов, его агент в рядах полиции — Клеточников, руководитель партии Андрей Желябов. Идет лихорадочная гонка со временем: кто успеет раньше — полиция арестовать горстку террористов или террористы, живущие только мыслью об убийстве Александра II, осуществить свой замысел.

Можно спорить о роли личности в истории. Но нет сомнения, что только поразительная сила воли, железная настойчивость 28-летней губернаторской дочки Софьи Перовской позволили «народовольцам» достичь своей цели — убить Александра II.

Участники убийства царя были арестованы и казнены. «Народная воля» — разгромлена. Но партия победила, достигнув своей цели. Был не только убит царь, освободивший крестьян и осуществлявший политику реформ, преобразовавших Россию. 1 марта 1881 года — в день своей гибели — Александр II должен был подписать уже одобренную им «конституцию Лорис-Меликова» — программу реформ, ведущих к созданию представительных учреждений. Принимая во внимание исключительно быстрое экономическое и социальное развитие России во второй половине XIX века, можно утверждать, что 1 марта Александр II намеревался подписать программу реформ, ведущих Россию тогда на путь конституционной монархии.

20 лет спустя Ленин признавал, что «осуществление схемы Лорис-Меликова могло, при известных условиях, стать шансом к конституции».

Шаг этот не был сделан. Убийство Александра II задержало путь России к реформам на четверть века. Это опоздание оказалось роковым, когда стране пришлось пройти проверку страшным испытанием мировой войны. «Народная воля» победила. Через 36 лет после убийства Александра II Россия была приглашена на «пир жизни». Народ заставили быть счастливым.

НИКОЛАЙ РУТЫЧ

СУДЬБОНОСНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Нет сомнения, что бомба Гриневицкого, разорвавшаяся 100 лет назад на Екатерининском канале, нарушила ход нашей истории. Ибо она не только убила императора Александра II, самого доброго, самого благожелательного русского царя, смело вставшего на путь реформ, но и разорвала в клочья его последний проект, основная идея которого была осуществлена лишь четверть века спустя, когда была созвана первая Государственная дума.

Одобренная царем в 12 часов дня 1 марта 1881 года — перед отъездом на развод в Михайловский манеж, на обратном пути откуда он был убит, — докладная записка с проектом реформ, составленная министром внутренних дел генералом Михаилом Гаризловичем Лорис-Меликовым, состояла из двух частей: сначала должны

были быть созваны две подготовительные комиссии для разработки реформы Государственного совета. Сама реформа должна была быть принята Общей комиссией. Новой и важной сущностью этой процедуры было привлечение, помимо «должностных лиц правительственных ведомств», также и представителей земства и гласных городских дум. Таким образом, и на первом, и на втором этапе в разработке реформ должны были участвовать избранные «представители земства — по два от каждой губернии (а к концу 70-х годов избранные земские собрания и учреждения существовали в 34 губерниях и в Области войска Донского. — Н. Р.), по одному от каждого губернского города и по двум от столиц». Далее предполагалось в этом же порядке преобразовать и Государственный совет в зависимости, конечно, от рекомендаций Общей комиссии. И хотя министр внутрен-

них дел ни разу не упомянул в своем проекте самого слова «конституция», для всех было совершенно очевидно, что государь впервые одобрил привлечение к законодательству и управлению государством избираемых представителей земств и городских самоуправлений.

Одобрение императором Александром II проекта Лорис-Меликова нельзя недооценивать. Ибо этот проект как бы завершал и в то же время придавал новое, государственное значение Положению о губернских и уездных земских учреждениях, утвержденных в 1864 году, и Городовому положению 1870 года, согласно которому в городах избирались «гласные» в городские думы. Это был, конечно, решительный шаг в сторону конституции. И недаром намного позже, уже в эмиграции, правый кадет и посол Временного правительства во Франции в 1917 году, подводя итог деятельности городских и земских учреждений за полстолетия, писал:

«Земские учреждения, созданные самодержавием, были зародышем и школой конституционного строя. Они были построены на идее народоправства, и естественное развитие их вело к конституции. Самые формы их деятельности — коллегиальность, публичность, ответственность исполнительных органов — сближали земства с парламентом. Они казались прототипом Государственной думы, как земские деятели — предтечами будущих депутатов» (В. Маклаков. Из прошлого. «Современные записки», т. LIII. Париж, 1933 г., с. 231).

Казалось, что осталось лишь, как и предполагал император Александр II, обнародовать в «Правительственном Вестнике» проект Лорис-Меликова — и в России будет положено начало сотрудничеству

между государем, с одной стороны, и избираемыми представителями земства и городов — с другой. Казалось, что будет осуществлено то, что в несколько иной форме послужило основанием для думской монархии четверть века спустя — в 1906 году.

Но случилось иначе. Прах убитого императора еще не был похоронен в Петропавловском соборе, когда новый царь созвал — 8 марта 1881 года, в Зимнем дворце — расширенное совещание Совета Министров для нового обсуждения проекта Лорис-Меликова.

Чтобы судить об этом, можно сказать, судьбоносном заседании, историки располагают исключительным документом — записью государственного секретаря Егора Абрамовича Перца, точность которой подтверждают дневники и председателя Комитета министров, графа Александра Петровича Валуева и военного министра генерала Дмитрия Алексеевича Милютина. Сын еврея-откупщика, Е. А. Перец уже в 1872 году был выдвинут Александром II на ответственную должность — статс-секретаря Государственного совета, а с 1878 года стал государственным секретарем при Совете Министров.

«Возвратясь домой после заседания 8 марта 1881 года, — пишет он, — я немедленно начертил себе план стола, означил имена и порядок, в котором говорились речи... после обеда (по-петербургски — в 7 часов вечера), несмотря на усталость, я тотчас принялся за подробное изложение всего, бывшего на заседании, и не отрывался от этого дела до поздней ночи... я следил за всем с таким напряженным вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Лицу себя надеждою, что изложение мое — почти фотографически верно» («Красный ар-

хив», с. 133. См. также отдельное издание: «Дневник Е. А. Перцева». Москва — Ленинград, Центрархив, 1927 г.).

Новый император лично встречал министров и приглашенных на заседание Великих князей, крепко пожимая каждому руку при входе в зал, где за столом, покрытым малиновым сукном, стояло 25 кресел. Заняв место в середине стола, спиной к окну, выходящему на Неву, Александр III открыл заседание, сказав, что он собрал министров «для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного. Граф Лорис-Меликов, — продолжал он, — докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом...». Но при этом новый царь многозначительно добавил: «Предваряю вас, что этот вопрос не следует считать предерженным».

Против государя сидел генерал Лорис-Меликов, прибывший на это заседание в мундире с Георгием 2-й степени на шее (за штурм Карса). Он знал, что решается и судьба завершающей царствование Александра II реформы, и его личная. Он прочел свою записку и отдельно проект той части, которая должна была быть опубликована в «Правительственном Вестнике».

После этого государь предоставил первому слово своему бывшему воспитателю, графу Сергею Георгиевичу Строганову. Приглашенный на это заседание граф был участником Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-го, а потом возглавлял некоторое время знаменитое «Московское общество истории и древностей российских» и Императорскую археологическую комиссию. Хотя он и привлек в свое время в Московский университет таких профессоров, как Грановский и Соло-

вьев, и даже, как говорят, помог молодому Герцену, — теперь, в свои 84 года, он был против каких бы то ни было нововведений. Выступив против реформ Лорис-Меликова, он заявил: «Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России».

Однако вслед за ним выступил ряд министров, горячо поддерживавших предлагаемую реформу. Граф Валуев подчеркнул, что он уже предлагал подобный проект в 1863 году, во время польского восстания. «Я не изменил моих убеждений и теперь, — закончил он. — Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая нам мера оказывается в особенности настоятельно и необходимою».

Вслед за ним выступил военный министр, генерал Милютин, сказавший, что реформа «необходима именно теперь». «Покойный государь, — продолжал он, — по вступлении на престол предпринял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества... Ввиду этого, — закончил Милютин, — я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лорис-Меликова».

Реформу поддержал Великий князь Константин Николаевич, дядя нового императора и создатель русского парового флота после Крымской войны. Государственный контролер Д. М. Сольский, министр юстиции Д. Н. Набоков и председатель департамента законов князь С. Н. Урусов, сказавший, что необходимо привлечь к управлению «лучших людей страны», — все поддержали проект Лорис-Меликова. Наконец, министр финансов Александр Агеевич Абаза, «с некоторой горячностью», как сообщает Перец, заявил: «Без совещания с представителями общества обойтись невоз-

можно, когда речь идет об издании важных законов». — Необходимо, продолжал он, «привлекать людей, которым население доверит его голос, для рассмотрения законодательных проектов... Предлагаемая графом Лорис-Меликовым мера представляется мне, — сказал он, — как министру финансов совершенно необходимой».

Видя это единогласие и единомыслие сотрудников и друзей покойного императора, каким был, например, генерал Милютин, Александр III предоставил слово обер-прокурору св. Синода К. П. Победоносцеву. «Бледный как полотно от волнения», — сообщает Е. А. Перец, — Победоносцев начал свою печально знаменитую речь заявлением, что дело не сводится только к приглашению людей, хорошо знающих народную жизнь. «Нет! — воскликнул он, — в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то по крайней мере сделать к ней первый шаг...» И Победоносцев начал беспощадно критиковать все реформы Александра II, начиная с освобождения крестьян в 1861 году. «Затем, — продолжал он, — открыты были земские и городские общественные учреждения — говорильни... Потом открылись новые судебные учреждения — новые говорильни, говорильни адвокатов... И теперь, государь, — заключил он, — предлагают вам по иноземному образцу новую верховную (выделено Е. А. Перцом. — Н. Р.) говорильню..., предлагают устроить нам говорильню вроде французских *Etats Généraux*». (К. П. Победоносцев имел, вероятно, в виду Генеральные штаты, созданные Людовиком XVI как совещательный и сословный орган, провозгласивший себя, однако, 17 июня 1789 года Национальным собранием, а 9 июля — Учредительным

собранием, то есть высшим законодательным органом Франции.)

Видя, что речь Победоносцева произвела сильное впечатление на Александра III, снова выступил министр финансов А. А. Абаза:

«Ваше Величество, речь обер-прокурора св. Синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильные, то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого — скажу смело — великого царствования.

Смотреть на наше положение так мрачно, как смотрит Константин Петрович, может только тот, кто сомневается в будущем России, кто не уверен в ее жизненных силах».

Вскоре император Александр III встал, было около 5 часов дня. Заседание, продолжавшееся почти 3 часа, закончилось предложением составить новую комиссию для пересмотра проекта Лорис-Меликова. Но она никогда не была создана. Заключительные слова министра финансов Абазы оказались пророческими: он сам и другие ближайшие сотрудники императора Александра II — генералы Лорис-Меликов, Милютин, граф Валуев и другие — были уволены; «Дядя Костя» — Великий князь Константин Николаевич — впал в немилость. Бомба Гриневичского сделала свое дело.

Ибо реформ боялись не только люди, подобные Победоносцеву, но также — и не меньше — революционеры-народовольцы, прекрасно понимавшие, что если реформа Лорис-Меликова пройдет, то они окажутся за бортом истории. Достаточно напомнить, что реформа Столыпина 1906 года разрушила

в прах идеализированный народниками образ крестьянского «мира» — общины, как некоего моста к социализму.

Да и накануне марта 1881 года «Народная воля» доживала свои последние дни. Ее наиболее фанатичные вожди — Александр Михайлов и Андрей Желябов — были уже в тюрьме. Софья Перовская, махнувшая на Екатерининском канале своим белым платком Рысакову и Гриневецкому, когда появилась карета Александра II, была последней еще не арестованной руководительницей Исполнительного комитета «Народной воли» в Петербурге, способной на террористические акты.

Хорошо чувствующий эту ситуацию и много знавший Лорис-Меликов безуспешно умолял Александра II не ездить в воскресенье 1 марта на развод в Михайловский манеж. И даже тогда, когда разорвалась бомба Рысакова, убившая конвойного казака и проходившего случайно по Екатерининскому каналу мальчика, знаменитый своей лихостью кучер государя Фрол Сергеев, спасая оставшегося невредимым царя, хотел мчаться дальше. Но не знавший страха Александр II остановил карету, вышел к убитому мальчику, затем подошел к схваченному уже Рысакову и начал разговор с ним, не слушая полицмейстера Дворжицкого, умолявшего его пересестись в сани, которые умчали бы его от опасного места. Государь продолжал осматривать раненых и убитых, и только после этого Гриневецкий смог бросить свою бомбу, положившую конец эпохе реформ.

«УОРЛД ПРЕСС ФОТО-1990»

Ежегодно Фонд «Уорлд пресс фото» проводит международный конкурс работ профессиональных фотографов. Победители его награждаются призом «Золотой глаз» — «Оскаром» фотожурналистики.

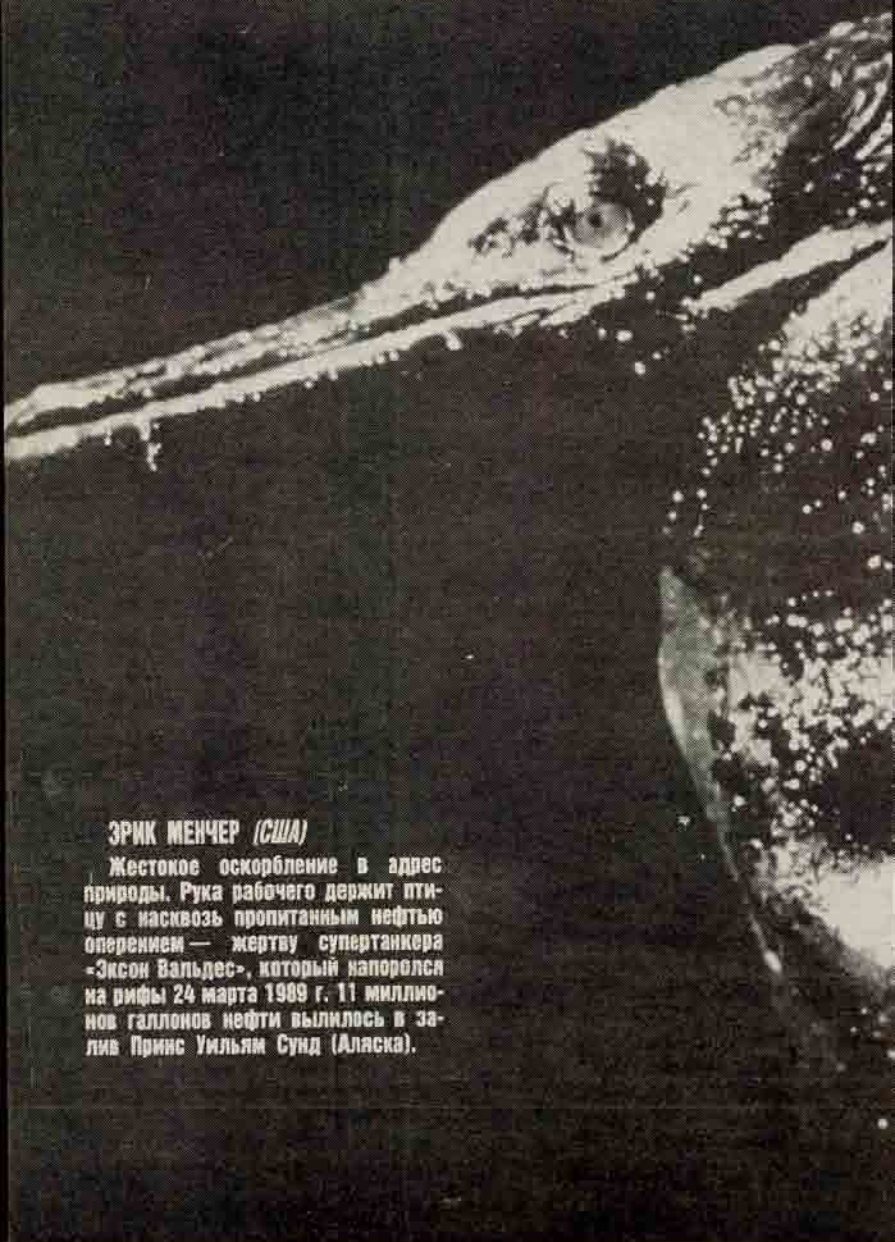
Выставка «Уорлд пресс фото-90» представляет лучшие снимки, сделанные в 1989 году и отобранные по результатам 33-го ежегодного конкурса. В нем приняло участие рекордное число фотографов. Это, без сомнения, барометр главной цели Фонда: привлечь внимание всего мира к фотопрессе и тем самым способствовать взаимопониманию между народами. (В 1955 году в конкурсе участвовали 42 фотографа из 11 стран, а в прошлом — почти 1300 фотографов, представлявших 64 государства, прислали более 11 000 снимков.)

«Уорлд пресс фото» не только собирает и хранит для будущих поколений фотодокументы, рассказывающие о нашей жизни, но и делает нас свидетелями истории...

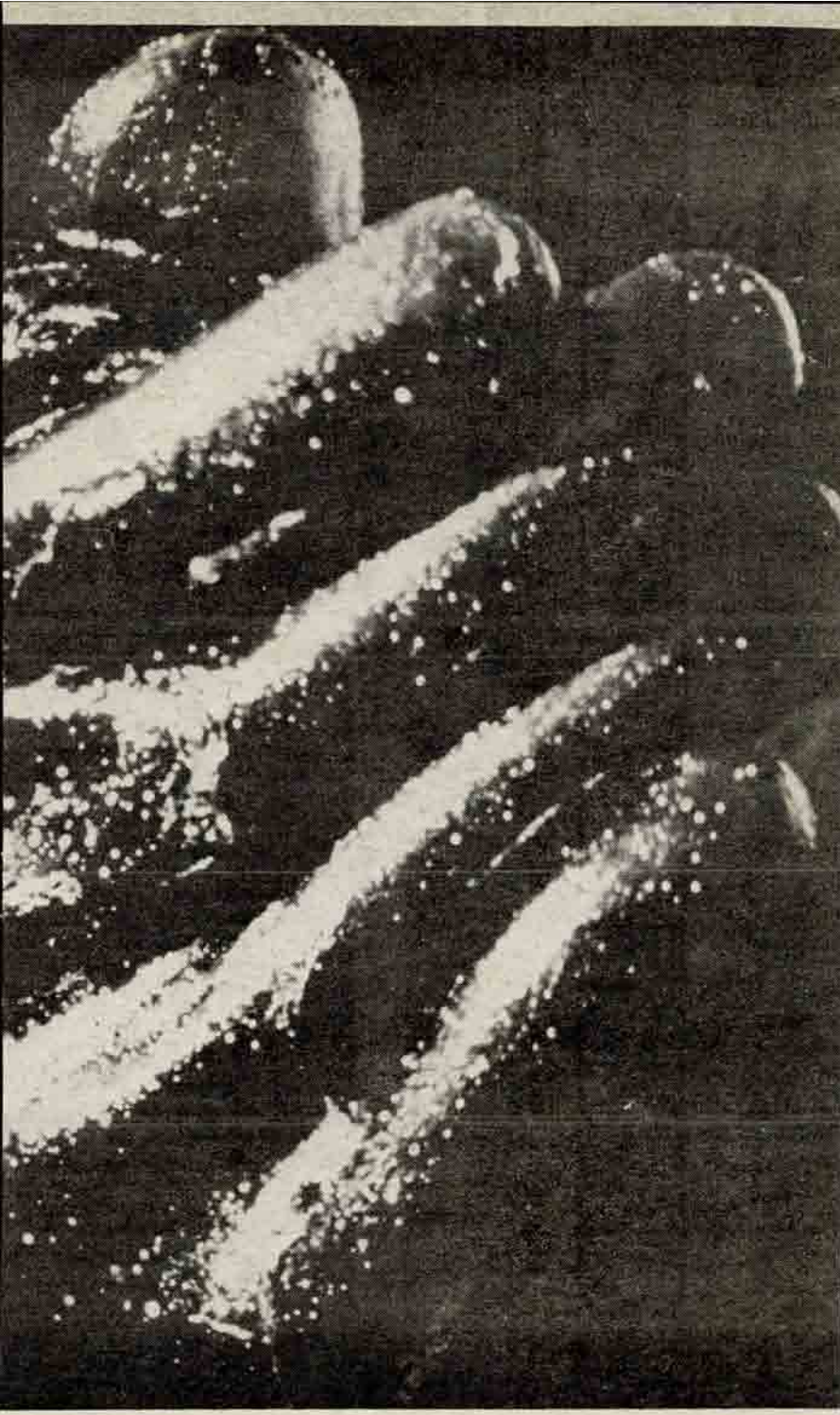
ЗЙПРИЛ СОЛ (США)

Тяжкие испытания выпали на долю Дебби Рэдвани, страдающей от лейкемии. Ее жизнь была спасена только благодаря пересадке костного мозга.

ЗРИК МЕНЧЕР (США)

Жестокое оскорбление в адрес природы. Рука рабочего держит птицу с насквозь пропитанным нефтью оперением — жертву супертанкера «Эксон Вальдес», который напоролся на рифы 24 марта 1989 г. 11 миллионов галлонов нефти вылилось в залив Принс Уильям Сунд (Аляска).

ЭРИК БУВЕ (Франция)
Похороны аятоллы Хомейни —
лидера Исламской Республики Иран.

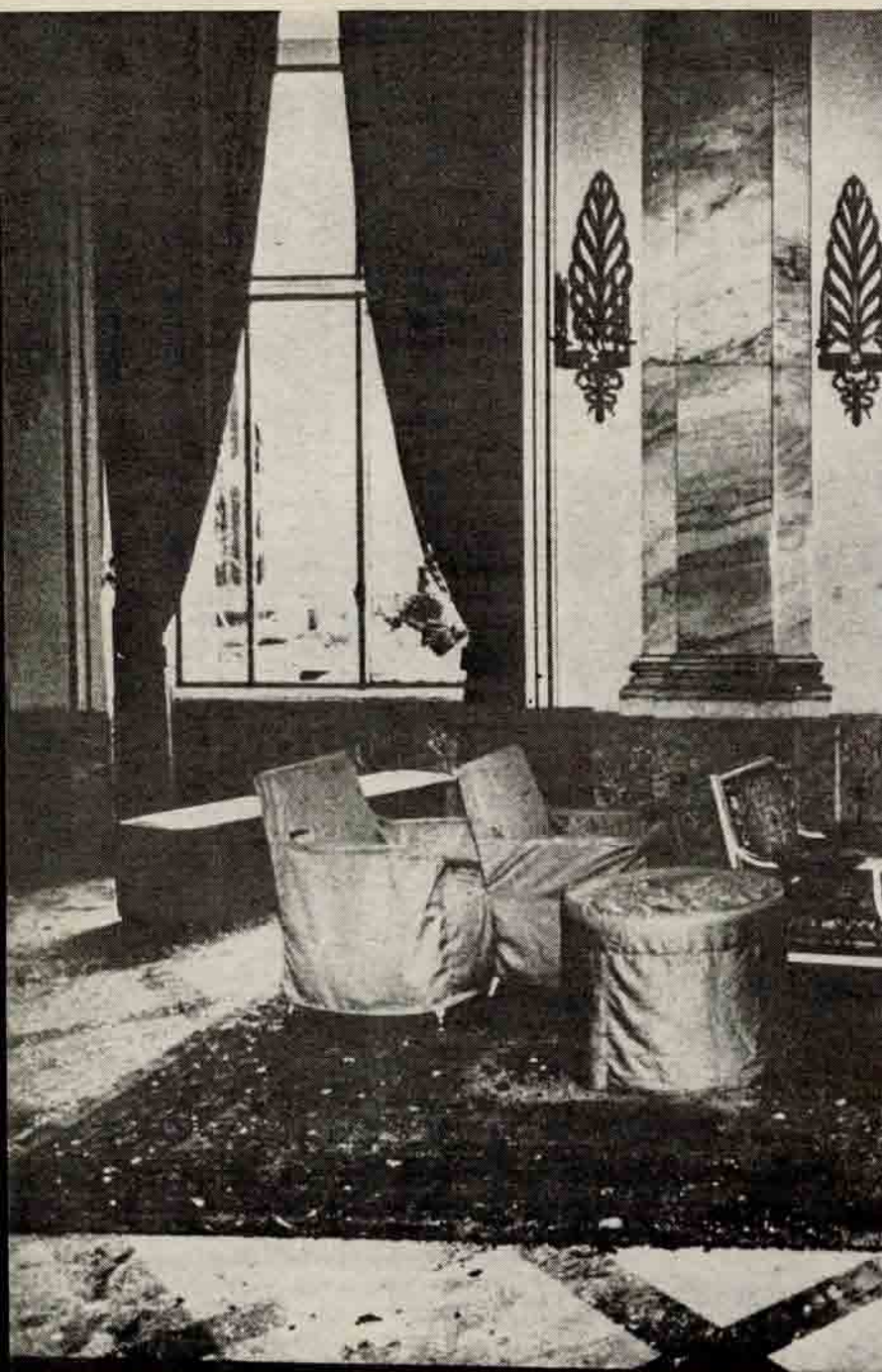

РИЧАРД ЛИПСКИ (США)

Джордж Буш задает тон. На следующий день после принятия присяги, во время инаугурационного бала в честь 41-го Президента США он развлекает гостей, играя вместе с Сэмом Муром и Председателем Республиканского комитета Ли Атуотером.

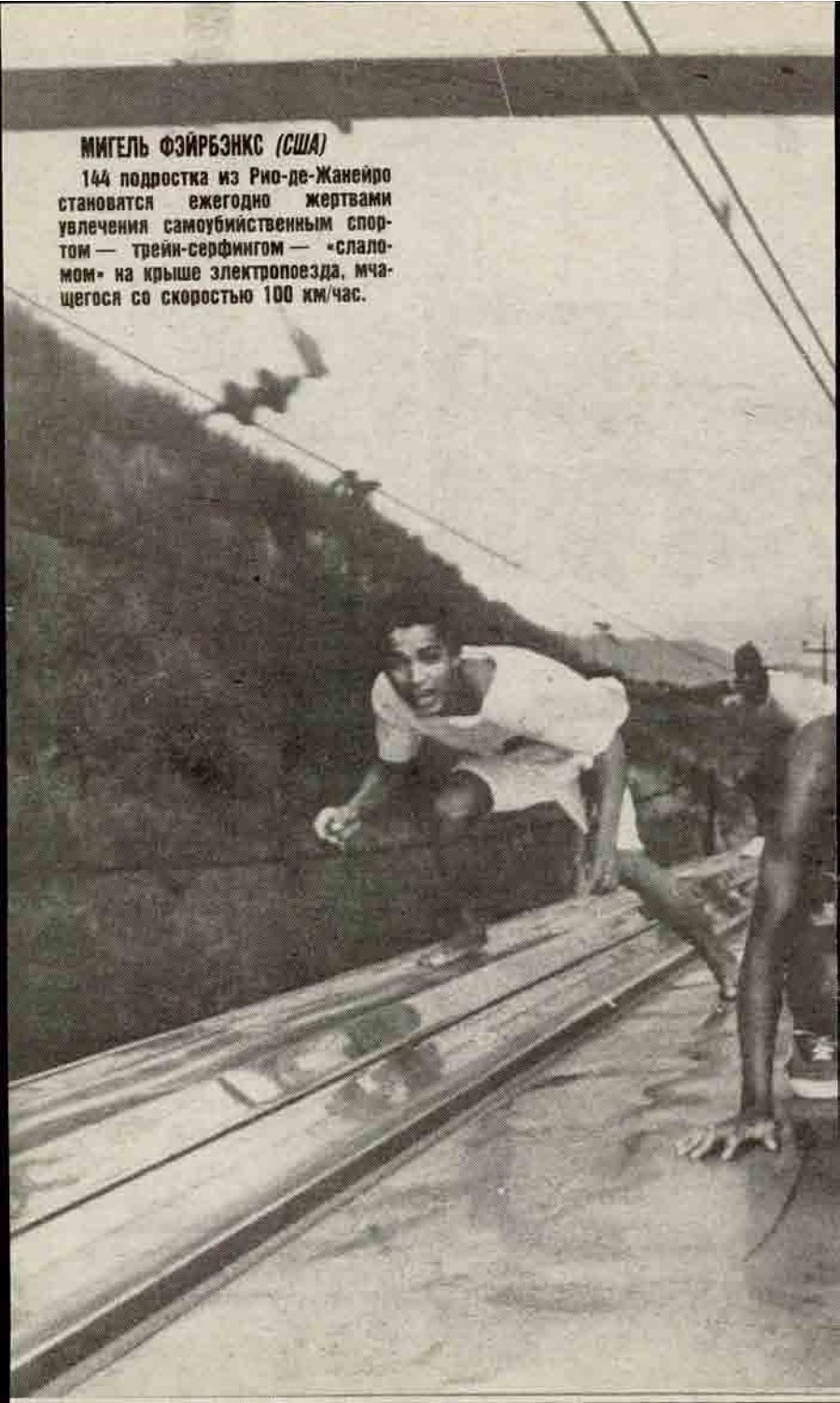

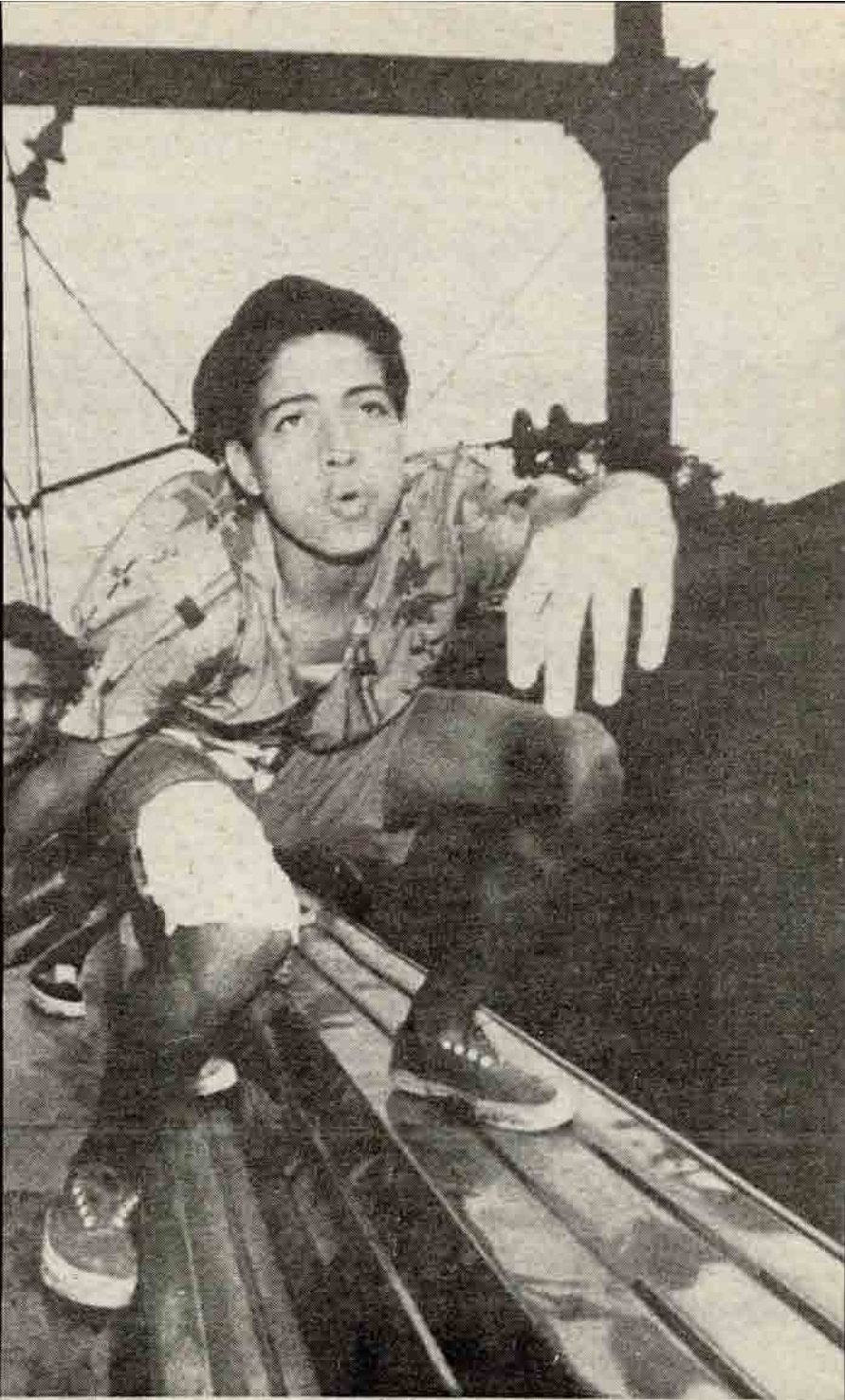
РЬЕН ЗИЛВОЛД (Нидерланды)

Бухарест, декабрь 1989 года. Там
выглядел один из залов дворца Чау-
шеску после взятия его военными.

МИГЕЛЬ ФЭЙРБЭНКС (США)

144 подростка из Рио-де-Жанейро становятся ежегодно жертвами увлечения самоубийственным спортом — трейн-серфингом — «слаломом» на крыше электропоезда, мчащегося со скоростью 100 км/час.

САЙМОН БРУТИ (Великобритания)

Капитан команды регбистов из японского университета Дасиса «платит цeku» за право владения мячом во время матча с командой Кембриджского университета.

ТОМАС МАССИНИКО (США)

Вацлав Гавел — драматург, став-
ший президентом.

ТИМ КЛЕЙТОН (Великобританния)

Заплыв олимпийца Джеймса Пэ-
рака во время подготовки к Играм
Содружества, которые принесли ему
серебряную медаль на стометровке
брассом.

АНТОНИ СУАУ (США)

На исповеди в польском костеле.

тысячи

С художественным руководителем оперы и главным дирижером Большого театра СССР, народным артистом РСФСР, АЛЕКСАНДРОМ ЛАЗАРЕВЫМ беседует корреспондент «Смены» НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

178

— Александр Николаевич, Большой театр и связанные с ним проблемы в последнее время не выходят из поля зрения прессы, телевидения. Казалось бы, наряду с другими закрытыми прежде для критики зонами теперь и эта находится под пристальным контролем общественности, что практически исключает возможность появления сюрпризов, неожиданных для публики. Тем не менее прошедший в конце октября музыкальный вечер «Молодые голоса Большого театра СССР» приятно удивил и вселил оптимизм: 18 исполнителей, многие из которых почти не известны слушателям, заставили поверить в ваши слова, сказанные со сцены перед концертом, что это — «костяк оперы будущего». Кому мы обязаны за идею концерта и ее воплощение?

— Этот концерт прошел в рамках «Оперной панорамы», органи-

зованной Театром Дружбы народов. Естественно, коль скоро я возглавляю последние три года оперную труппу театра и подбор кадров происходит при моем непосредственном участии, все плюсы и минусы программы во многом на моей совести. Не все было ровно на концерте, не все солисты удачно выбрали репертуар, но в конце концов мы можем ошибаться именно потому, что мы работаем!

Надо признаться, что в значительной степени это был шаг нервного свойства. Как вы сами сказали, о Большом театре — масса публикаций. Но какие? В основном: все там плохо... Ткнуть в Большой театр стало модно, даже в КВН стареющие уже «студенты» из разряда «вечных» норовят боднуть его к месту и не к месту — выглядит, кстати, на мой взгляд, это довольно жалко. Думаю, что концерт подтвердил: Большой театр — жизнеспособный организм. Уверен, что ни одна другая оперная труппа на сегодня не может выставить смену такого уровня.

Я не утверждаю, что в театре все хорошо. Отнюдь. Проблем масса, и, к сожалению, творческие — далеко не самые острые из них. Честно говоря, каждый раз искренне удивляюсь, что Большой театр открывает занавес. В этом нет кокетства, меня поймет всякий, кто знает, в каких услови-

МНОГОГЛОССНО

ях живут, а вернее страдают, молодые артисты.

И если в такой обстановке оперная труппа способна создавать произведения, имеющие, на мой взгляд, значение не только для нашей культурной жизни, доставлять зрителям радость, то она заслуживает уважительного разговора на профессиональном уровне, а не только околотеатральных сплетен.

Недавно я встречался с одним известным журналистом, который приходил в театр в связи с символической голодовкой некоторых членов нашего бывшего парткома. Я спросил: «А что вы знаете о Большом театре? Что сделала оперная труппа за последние два года?» Он честно признался, что ничего не знает. И хотя, по-моему, в полуголодной стране голодать в течение одного дня не очень оригинально, а кое-кому это пошло бы только на пользу, ажиотаж прессы вызывает вот этакая пикантная ситуация, а не новая работа творческого коллектива...

— Наш журнал пригласил вас на свои страницы именно с целью приостановить «игру в одни ворота», рассказать читателям о позиции и планах руководства главного театра страны, его достижениях и трудностях. Но прежде чем расспрашивать о вашем творчестве, хочу задать такой вопрос. На сцене Большого театра недавно состоял-

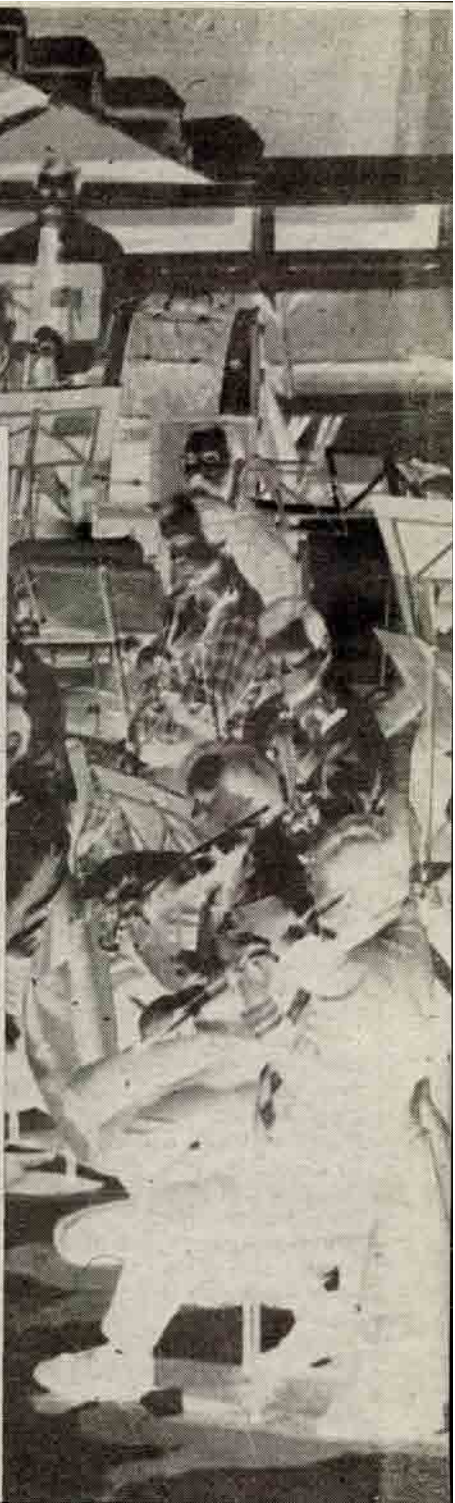
ся концерт Дмитрия Хворостовского и Натальи Троицкой.

Вокруг этих имен возник подлинный бум — не найдется, пожалуй, газеты, которая бы о них не писала. Они, правда, в разное время и при разных обстоятельствах, в труппу Большого театра не попали, а теперь проходят по разряду «звезд мировой величины». Ваша точка зрения на это?

— Выступление певцов было организовано Центром музыкального искусства «Классика», но, естественно, с нашего благословения. Я считаю, что наша сцена не должна быть «оккупирована» только солистами Большого театра, на ней должны выступать все одаренные артисты.

Я не присутствовал на самом концерте, — был в отъезде, — но Наталью Троицкую я слышал в спектаклях за рубежом. И могу подтвердить, что много лет назад она не была принята по конкурсу в Большой театр совершенно справедливо. И тогда, и сегодня наши солистки профессионально выше. Не ставлю тем самым под сомнение закономерность ее артистической карьеры и не хочу здесь анализировать причины такого взлета. Но нужно понимать, что за рубежом существуют те же самые проблемы и сложности в отношениях между людьми, что и у нас, такие понятия, как везение, счастливое стечение обстоятельств, и т. д.

Кстати, она сама признает, что в Большом театре не сделала бы карьеры, и благодарит судьбу за то, что так все обернулось...

— Тем не менее, как отмечалось, свое выступление она начала арией Айды «Вернись победителем!», а бесперспективность работы в Большом объяснила ненавистью к интригам, сплетням, несправедливости...

— Ну, если ей так легче психологически, тогда понять можно. Я же считаю, что шум вокруг Троицкой, как это теперь водится, был вызван самим фактом ее приезда «оттуда».

Отношение к Хворостовскому у меня иное. Он, безусловно, замечательный певец. Три года назад, после Всесоюзного конкурса вокалистов имени М. И. Глинки, я предложил троим его лауреатам без конкурса поступить в стажерскую труппу Большого театра. Понимаете, одно дело — слышать артиста со сцены с концертной арией и совсем другое — видеть в спектакле, насколько он сценичен, как движется, как носит костюм, каковы его актерские данные. Наконец, меня как главного дирижера интересует, как быстро он учит роль, насколько работоспособен. Принять артиста в театр равносильно женитьбе. И трудность не только в том, что уволить потом практически невозможно. Страшная мука — закрепив за артистом полномочия солиста Большого театра, обнаружить, что он этому уровню не соответствует. А ведь в истории Большого театра было предостаточно артистов, приглашенных из других трупп, но не прижившихся здесь, «потерявшихся», несмотря на немалый талант. Есть ведь и такое понятие — «артист не для этого театра».

Так вот, приглашая лауреатов в стажеры, я рассчитывал, что они

вольются в труппу естественным путем, как это и произошло с одним из них, Олегом Кулько. Он тут же получил роль в новой работе театра, «Младе» Н. А. Римского-Корсакова, и после был зачислен в труппу, много и плодотворно работает. Тому свидетельство — премия на последнем конкурсе имени П. И. Чайковского.

Хворостовский же тогда приглашения не принял. Не умаляя его достоинств, я, например, до сих пор не знаю, каким он будет Онегиным на сцене ГАБТа, хотя, как мне кажется, он будто рожден специально для этой роли. Но хотелось убедиться в этом до того, как принять его в штат. Стажерство необходимо, чтобы не только проверить, как человек поет, но и чтобы выверить нюансы его качеств как профессионального оперного певца. Многие прекрасные исполнители концертно-камерного репертуара на оперной сцене себя не проявили. Это другая профессия!

Большой театр на сегодняшний день — это, ко всему, и театр режиссера Б. Покровского, здесь идут его спектакли. И у нас свои требования к артистам, основанные на профессиональном знании оперы, а не на дилетантских суждениях: «Ах, какие голоса проходят мимо Большого театра!»

— Известно, что для певца, как и вообще для музыканта, чтобы подняться в творческой иерархии, необходимо звание лауреата престижного конкурса. Для вас при назначении артиста на роль, при зачислении в труппу играет значение блеск завоеванных титулов?

— Для меня безразлично, кто опаздывает на репетицию на одну-две минуты: народный артист или стажер — я выскажу свое отношение и тому, и другому. Не столь уж важно, сколько у тебя званий

и наград. Важно одно: умеешь ли ты петь...

Хотя ваш вопрос правомерен. Я помню недавние времена, когда и в театр «сверху» назначались артисты, обладавшие именами, да и, как шутил Андрей Миронов в одном из своих скетчей о кино, артист оказывался иногда в положении, когда «на роли богатырей исполнители уже назначены свыше, осталась только Баба Яга...»

— Мы с вами беседуем во время сессии Верховного Совета страны, где обсуждается проблема паралича власти. Ощущаете ли и вы эту проблему как один из руководителей крупного творческого коллектива?

— В Большом театре? Нет. Я же не издаю указов, которые не выполняются...

— Я имею в виду ограниченность средств управления...

— Судите сами: за неполных два года — четыре новых спектакля. И все они вышли в тот день, который был заранее назначен. Вы часто встречаете сейчас у нас такую «немецкую педантичность»? Не было бы власти — ничего бы не было! И я уверен, что и пятый спектакль выйдет не позже запланированного.

Другое дело, я никак не ожидал, что правительство, руководство страны не проявят интереса к деятельности и судьбе нашего театра! Я в театре уже семнадцать лет, застал 200-летний юбилей: по тем временам, как могли, отмечали тех, кто работает. А артисту ведь доброе слово — как кошке...

Я помню, как еще Е. А. Фурцева говорила: «Не торопитесь, делайте, сколько сможете, только делайте хорошо». П. Н. Демичев, правда, больше интересовался элитарной частью театра. Пять-шесть человек как бы представляли для него весь Большой театр, заслоняя его остальные пробле-

мы. Но должен сказать, что были все-таки и помощь, и внимание, хотя и в старинных традициях доброго барина и его крепостных.

В. Г. Захаров, я считаю, через год-полтора после своего прихода довольно досконально разобрался в наших трудностях и создал большой задел для театра. При нем появились документы о контрактной системе, о филиале Большого театра, и он готов был отстаивать эти решения в правительстве, но не успел, оставив пост министра. Сейчас же особой поддержки, помощи, внимания Большому театру нет.

— Хотя, казалось бы, пришел самый что ни на есть «театральный» министр...

— Парадокса в этом не вижу. Человек, который свой театр считает самым важным, что, на мой взгляд, совершенно естественно, ГАБТ воспринимает только как часть отрасли. А это нечто большее! Большой театр для меня — символ нашей страны, если угодно. Главный бриллиант в диадеме нашего искусства. Если хотите, одна из последних козырных карт, которые мы сегодня имеем. И без Большого театра наш престиж в мире резко упадет, поверьте. Недаром все, что приезжает к нам, хотят сюда попасть.

А вопрос сейчас стоит так: сохраним ли мы Большой театр? Сохраним ли мы молодых певцов, которые вам так понравились? Или они все разъедутся по миру вслед за когортой лучших музыкантов-инструменталистов?

Пусть разъезжаются, мы новых найдем? Не найдем! Это стоит крови и пота. И слава Богу, что еще не оскудела у нас земля талантами, но это процесс не бесконечный. Нас не хватит на то, чтобы обеспечить исполнителями все оперные театры мира и оркестры!

Поэтому необходимо специаль-

ное постановление правительства о Большом театре. Министр об этом знает. Но, к сожалению, не нашлось возможности ни на йоту приблизиться к решению вопроса.

— А что, по-вашему, необходимо сделать в первую очередь?

— Чтобы спасти театр, прежде всего надо спасти его от всяких отчислений в бюджет. Театр не автомобильный завод, который обязательно должен приносить материальную выгоду. Общественный смысл театра в другом. Но сегодня в любом кооперативе работать стало гораздо прибыльней, чем на государственном предприятии, потому что кооператив может себе оставлять 70 процентов из заработанных сумм, а Большой театр, например, — только 50. Как сводить концы с концами? К чему это приведет? К тому же человек может подписать контракт и уехать за рубеж. Но как осуждать людей, желающих заработать больше денег в период их девальвации? А многие наши певцы жалуются, что резко упало и количество концертов по стране.

Сейчас руководство театра, не прося денег у правительства, нашло возможность поднять зарплату артистов вдвое. За счет чего? За счет тех средств, которые мы заработали за границей на гастролях. Оставшуюся у театра валюту мы просто-напросто продали на внутреннем официальном валютном рынке. Возникает естественный вопрос: может быть, этого не следовало делать, а следует надбавку прямо в валюте и выплачивать?

Крайне напряженная ситуация с жильем. Квартир от Моссовета мы практически не получаем. Кооперативный дом вот уже лет десять не можем достроить. Артисты живут в помещениях, где не создать нужных микроклиматических условий: или в сырости, или с раскаленными батареями, иссу-

шающими воздух. И то, и другое для голоса губительно. А ведь это их инструмент!

Многие проблемы решила бы контрактная система. Время, когда артисты Большого театра ходили на репетиции и спектакли с улицы Неждановой, кутаясь в бобровый воротник, прошло безвозвратно. Сейчас они носят другие воротники и зачастую прибывают в театр прямо из Шереметьева. И так работают театры во всем мире.

Мы не собираемся никого выгонять на улицу, как представляют дело некоторые «защитники социальных гарантий». Но все уже трещит по швам, потому что мы не можем платить одинаково тому, кто поет на сцене регулярно, и тому, кто в основном бездельничает. Это просто безнравственно. У нас в театре много талантливых людей. И каждый из них заслуживает того, чтобы с ним персонально обговорить, в каких ролях он будет занят, когда он нам нужен, и сколько получит за каждое выступление.

— Александр Николаевич, не могли бы вы рассказать подробнее, как складывается новый репертуар театра? Насколько вы, как художественный руководитель, вольны в его выборе? Какие традиции театра считаете необходимым продолжать?

— Первая традиция, характерная не только для Большого театра, а для всей отечественной культуры, — никто еще по-хорошему с поста не уходил. Все вылетали!

Если быть точным, это традиция европейского масштаба: случалось, «убирали» дирижеров и в миланском «Ла Скала», и в Венской опере! Такая же участь постигла восемь лет назад Б. А. Покровского. Сняли после очередной «смуты» и моего пред-

шефства на месте главного дирижера Ю. И. Симонова. Поводы? Самые обыкновенные. Вот сейчас говорят: «Лазарев заполнил театр русскими операми. А где итальянские?» Придет другой, поставит итальянские — тоже вменят в вину. Бывал еще повод — обидели народную артистку!

И до недавнего времени в известной когорте певцов была одна соученица дочери министра обороны. Не теперешнего, к счастью, а бывшего. И если что не так — вмиг полки вокруг театра стоят... Шутки шутками, но такими связями, вы знаете, не гнушались пользоваться в борьбе за место под солнцем.

А вообще-то вопрос в корень. Ведь главный дирижер — не руки, не манера, не характер. Главный дирижер — это идея, прежде всего мысль.

О чем я думал, выбирая спектакль для первой премьеры после назначения главным? Ведь я театр знал изнутри. Два года без художественного руководителя — разброд в коллективе. Балет — отдельно, оркестр — отдельно, все живут своей жизнью, косясь друг на друга. Мне нужно было произведение, которое бы всех собрало вместе и дало возможность понять: мы есть Театр!

На мое счастье, такое произведение Н. А. Римский-Корсаков написал сто лет назад: «Млада». Пролежало оно нетронутым, как будто специально для нас. Там все задействованы: и балет, и хор, и оркестр, и постановочные хитрости есть, — все, чем располагает Большой театр, понадобилось собрать воедино! Это первая идея.

Вторая: «Обручение в монастыре». С этой оперой связан уход из театра Б. Покровского. Его идеи, его постановку заклеили как

вредные. И я считал необходимым спектакль довести до премьеры. Мы его уже свозили в Италию и в Англию, записали на пластинку.

Третья идея: «Жизнь за царя». Поставленный в сталинские времена, спектакль назывался «Иван Сусанин». Спектакль, в общем, чудной. Слушая его, вы ощущаете, что это не 1613 год, а 1918-й. А Иван Сусанин — почти член ВКП(б). Но ведь опера — блистательная жемчужина, созданная гениальным М. И. Глинкой, русским композитором, который, кстати, довольно мало жил в России. Ее своеобразие — в явном влиянии европейской музыки. Воспринятые от нее легкость и простота сделали оперу на русский сюжет русско-итальянской, я бы сказал, европейской.

Привлекла и созвучность нашему времени. Времени выбора новой формы правления — президентской. А ведь опера, по сути, об обретении Россией государственности.

Далее была «Орлеанская дева». Выбор диктовался, во-первых, юбилеем П. И. Чайковского. Ведь все самое хорошее у него уже поставлено. Здесь меня привлекла главная идея оперы: идея лидера, идея народного героя. Разве не это нам нужно сегодня? И опять же державность, заложенная в музыке Чайковского.

Пятая, и, надеюсь, не последняя, идея — выпустить «Ночь перед рождеством» в ночь перед рождеством! Согласитесь, что в этом что-то есть! Сказалась усталость от геополитических идей. Да и просто ведь дивная музыка!

Открою вам секрет. При выборе репертуара сыграло роль и то, что все эти произведения доселе никем не интерпретированы. За исключением, конечно, «Жизни за

царя», шедшей в другой редакции. «Ночь перед рождеством», правда, ставилась в 1926 году, но ее мало кто помнит. Это все-таки проще, чем поставить нового «Евгения Онегина». Но мы с Покровским и главным художником театра В. Я. Левенталем теперь решились: в апреле вместе с новой постановкой кладем голову на плаху! Идея такова: петь должна молодежь. Помните: «Дожив до 26 годов...» Мне сорок пять. А им должно быть 26, чтобы в Татьяну действительно можно было влюбиться. Ищем...

— Может быть, тут и Хворостовский пригодится?

— Не будем забегать вперед. Риск у нас велик, как никогда. Но что чудовищно в нашем обществе — у художника отняли право на риск, на ошибку. А если нет риска — нет и творчества. Плохие спектакли должны появляться, они и будут — именно потому становятся возможны хорошие. Неудач в творчестве не избежал даже Караян!

— Александр Николаевич, в музыкальном мире вы известны не только своими театральными работами, но и широкой гастрольной деятельностью со многими симфоническими оркестрами. Как удается это совмещать?

— Я считаю, что одно без другого просто невозможно. Более того, прикладываю усилия к тому, чтобы оркестр Большого театра осуществлял самостоятельную концертную деятельность. Без такой обширной практики, без освоения нового репертуара, прежде всего современной музыки, невозможно остаться на уровне требований времени и в интерпретации классики, включая оперную. Иной раз приходится слышать: «Я не хочу играть Глинку, мне интересен Шёнберг...» Исполнение современ-

ной музыки должно основываться на знании исполнительских традиций музыки Баха, Моцарта, Глинки. Как без земли нельзя летать по воздуху, так без знания основ нельзя прийти к современной музыке. И наоборот, мое представление о классике складывается через призму музыки XX века. Любить сегодня музыку Римского-Корсакова мне помогает знание музыки его ученика Стравинского.

— Расскажите, пожалуйста, как вы стали дирижером. Вас как музыканта сформировала среда, в которой вы росли, семья?

— Дирижировать — это зараза! Вы же видите, как многие скрипачи, пианисты обязательно хотят выйти к дирижерскому пульта. Наверное, потому, что это какая-то колдовская профессия!

В нашей семье никто к музыке не имел отношения. Мама просто пела, и все. Отец был военным служащим, поэтому ей выпала судьба домохозяйки.

А мой путь был обыкновенным: родился в Москве, ходил в районную музыкальную школу, потом — музучилище. Примерно с третьего курса стал регулярно ходить в Большой театр. Стоял в очередях и был завсегда там галерки. Большой театр меня и «затянул». Я прослушал почти все спектакли по многу раз — особенно любил оперы «Пиковая дама», «Кармен»...

Были у меня и свои кумиры: Павел Лисициан, Зураб Анджапаридзе, дирижер А. Ш. Мелик-Пашаев, спектакли которого покоряли своей чистоплотностью, завершенностью.

Помыслов стать дирижером, конечно, тогда не было. Я поступил в Институт имени Гнесиных, и со второго курса меня призвали в армию — посчастливилось в том смысле, что через три меся-

ца вышел указ не призывать из вузов. Но я был уже там... Когда пошел третий год службы, вышел указ, что служить будут два года...

Но мне все-таки, я считаю, повезло. Армия открыла глаза, заложила нравственные ценности. До этого я был наивен и прост. Там я встретил, к счастью, и хороших людей. И мне попались умные начальники, которые поняли и помогли мне. Я получил возможность заниматься и именно в армии осознал желание стать дирижером, решив в институт не возвращаться.

Тогда дирижерского факультета в Московской консерватории еще не было, и я поехал поступать в Ленинградскую. И просто чудо: поступил с первого раза. Принял меня профессор Н. С. Рабинович, тогдашний заведующий кафедрой. Но несмотря на то, что очень нравились Ленинград и обстановка в консерватории, было тягостно после армейской разлуки с Москвой, с мамой. И когда через год, опять же на мое счастье, в Москве открылся дирижерский факультет, я приехал в Москву, худой и голодный, потому что жил на стипендию.

Хотел просто перевестись на второй курс. Но «просто» не получилось. Зараженное столичным снобизмом, тогдашнее руководство Московской консерватории заставило заново сдавать вступительный экзамен, позволив, правда, баллотироваться сразу на второй курс. И хотя любой экзамен — это немного лотерея, а конкурс был большой, я выиграл и здесь.

Меня взял в свой класс профессор Лео Гинзбург, который до конца своих дней меня учил, воспитывал, опекал, став мне родным и близким человеком. Его утрату я тяжело переживаю до сих пор.

— А когда вы почувствовали себя настоящим дирижером?

— Уже со второго курса я некоторое время работал в подмосковном городе Жуковском с местным любительским симфоническим оркестром. Это уже школа взаимоотношений с людьми, ибо любители, если им неинтересно или претят твои манеры, не будут к тебе ходить.

На пятом курсе принял участие в III Всесоюзном конкурсе дирижеров, желая проверить свои силы и ни на что не рассчитывая. Но так случилось, что я выиграл первую премию. После этого мне предложили поступить в аспирантуру. Я считал, что получить работу в Москве у меня шансов нет, и мечтал после консерватории куда-нибудь уехать. Но тут — конкурс в Западном Берлине, который проводил Фонд Герберта фон Караяна. Конкурс был оркестровый, и меня послали туда вместе с оркестром студентов Московской консерватории. Фортуна опять нам улыбнулась, мы получили золотую медаль, и худых последствий это для меня не имело.

Получив две первые премии, я продолжал оставаться без работы, жил на стипендию. Но в 1973 году получил сразу два предложения: от К. Кондрашина и от Большого театра. Я выбрал второе.

— И как вы «вписались» в этот сложный коллектив? Интриги, сплетни вас миновали?

— Я всегда много работал. Сразу получил постановку прокофьевского «Игрока», познакомился с Б. А. Покровским и В. Я. Левенталем — высокоталантливыми людьми, которые глубоко знают театр.

И дальше — несколько премьер. Я с интересом овладевал репертуаром театра, дирижировал иногда по 18 спектаклей в месяц.

Это очень тяжело, но я был молод и хотел узнать, что я могу.

Случались, конечно, и различные перипетии. Был момент, когда я решил уйти из театра. Сейчас считаю это ошибкой, но тогда после недельного раздумья меня попросило остаться руководство театра, пойдя на определенные компромиссы.

Самый сложный период наступил после снятия Ю. И. Симонова, которому, на мой взгляд, на самом деле можно вменить в вину лишь его сильную зависимость от ведущих солистов. Главный дирижер должен иметь свою позицию, не зависящую от того, в настроении ли сегодня примадонна... Но два года без главного дирижера доказали его необходимость.

— *Ваше назначение — чье-то волевое решение?*

— Сначала обсуждались 5—6 кандидатур, потом остались две. Перед тем как принимать решение, В. Г. Захаров опросил сто человек. «Против» оказались четверо, те самые четверо, которые фактически убрали из театра Покровского. Им было выгоднее не иметь руководителя вообще, а если уж получить такового, то со стороны, чтобы он еще несколько лет разбирался, что к чему. Я осознаю, что моя поддержка в широких кругах была обусловлена не тем, что я такой уж хороший, а тем, что я давно знал театр изнутри.

— *Александр Николаевич, раз уж мы не избежали соблазна затронуть проблемы немusыкаль- ные, позволите спросить, как вы относитесь к раскрытию группы спекулянтов, которые превратили Большой театр, а значит, и ваш талант, ваш труд в том числе, в свою кормушку?*

— Честь и слава сотрудникам МВД, которые обнаружили людей,

занимающихся подпольным делом. Но я убежден, что если ничего не изменить в системе продажи билетов, то работы для сыщиков хватит до конца столетия. На смену пойманым пятидесяти придут новые, потому что это легкий способ зарабатывать деньги. Это ведь государственная глупость, на которой греют руки люди, далекие от искусства.

Иной раз, выходя на спектакль, я вижу, что в буфете остается сидеть народ. Так для кого мы играем? Грустно, слов нет. А масса людей жаждет прийти в театр, но не может.

Если билет в Большой театр покупают за 40 рублей, давайте мы и будем его за эту цену продавать. Естественно, обезопасив от высоких цен студентов, пенсионеров. Но ясно одно: оставлять все, как есть, нельзя.

— *И последний вопрос. В главе «Капитала» о кооперации Маркс, рассуждая о проблемах управления общественными процессами, приводит в пример оркестр, который в отличие от отдельного скрипача нуждается в дирижере. Облада- я таким опытом, что бы вы могли порекомендовать или пожелать дирижерам перестройки?*

— Мне приходится много работать в Германии. Так вот напомним, что бывший премьер-министр ГДР Лотар де Мезьер — профессиональный музыкант, альтист. Один из претендентов на этот пост, Курт Мазур, — главный дирижер Гевандхауза, принимает активное участие в политической жизни. Экс-канцлер ФРГ Г. Шмидт — пианист, у него есть записи. Дело в том, что музыканты, вообще люди, имеющие музыкальное воспитание, — особого склада. Ведь это воспитание добра и человечности.

Дирижер — человек с полифоническим, многоголосным вос-

приятием мира. В этом изначальная разница в его мировоззрении по сравнению, скажем, с актером, который проявляет себя в профессии только через собственную индивидуальность.

Дирижер же ни шагу не может сделать без коллектива, тех, с кем он должен работать. Прежде чем что-то сделать, он

должен думать, с кем он это делает.

И мне представляется, что в нашем руководстве, в нашем правительстве больше «актеров» по своей сути, чем «дирижеров», «режиссеров» (необязательно в буквальном смысле). Нам не хватает людей, способных мыслить «многоголосно»...

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ СЛУЖБА ЗНАКОМСТВ

«ИНТЕРФЕЙС»

с помощью современных быстродействующих ЭВМ, используя новейшие методы анкетирования, социологического и психологического тестирования, в короткие сроки подберет для вас из своего многотысячного банка данных большое количество вариантов.

Мы уверены, что обязательно найдется тот единственный и неповторимый человек, с которым вы сможете связать свою судьбу.

ВАШЕ СЧАСТЬЕ — В ВАШИХ РУКАХ.

✉ **ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:** Московская обл., г. Электросталь, 144012, «ИНТЕРФЕЙС».

Вам будут высланы условия договора и анкеты для заполнения. Для ускорения переписки в письмо обязательно вложите пустой конверт, на котором напишите свой адрес.

Мужчинам предоставляются большие льготы:

- скидка в оплате на 20%;
- военнослужащим срочной службы — на 50%;
- воины «афганцы» обслуживаются бесплатно;
- первые пять вариантов предоставляются в течение трех месяцев;
- в течение года бесплатно предоставляются дополнительные варианты по желанию абонентов.

Юноши и девушки! Мужчины и женщины!

Обращайтесь в нашу службу.

«Интерфейс» во много раз повысит ваши шансы избежать одиночества.

Кроме того, вы можете заказать у нас один из лучших и новейших зарубежных гороскопов на любой период вашей жизни — месяц, год, век — по самым разным темам (любовь, здоровье, благосостояние, карьера и т. д.).

Ваше будущее больше не секрет! Древняя Индия плюс современная цивилизация — два кита этого гороскопа!

Письма с пометкой «Гороскоп» присылайте по тому же адресу. Для ускорения переписки в письмо также вложите пустой конверт с адресом.

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ ПО МОТИВАМ ТЕКСТИЛЯ

ЕЛЕНА АГАШИНА

Ирина Колесникова и Марина Нечепорук — одни из немногих в Москве ткнут мини-гобелены. Они участницы выставок декоративно-прикладного искусства у нас в стране и за рубежом. Их гобелены побывали во Франции, в Венгрии, Польше, США, Финляндии, Германии. Работы покупают солидные организации, приобретают коллекционеры...

Ирина Колесникова, еще учась в детской художественной школе, впервые попала в мастерскую Суламифи Заславской. Потрясло все. Свет, льющийся сквозь стеклянный потолок, внушительные размеры натянутого на раме неоконченного еще гобелена, удивительное чувство цвета...

Тогда-то она окончательно решила, чем будет заниматься. Факультет прикладного искусства Московского текстильного института давал возможность испытать

себя во многом. Но окончательный выбор между орнаментализмом и моделированием Ирина Колесникова сделала далеко не сразу. После защиты диплома ее направили на работу в институт, искавший точки соприкосновения моды и легкой промышленности. Вскоре она поняла, что здесь легко обойдутся без нее, и решила серьезно заняться гобеленами.

Источником творчества стала... любовь. Любовь к древней шпалере материализовалась в мини-гобелене «Ромео и Джульетта», а сложному сплаву любви к древнерусскому искусству и русскому художественному авангарду XX века — Кандинскому, Малевичу, Шагалу, Тышлеру — обязаны своим появлением «Красный ангел», «Летящая», серия портретов по русским мотивам...

Но более всего ее привлекал творческий процесс. Радость не только оттого, что блеснула идея,

пришло ее художественное решение, но и оттого, что задуманное предстоит воплотить. Нередко импровизируя. Никому не передоверяя.

— Я много думаю об искусстве гобелена. Нужно ли оно сегодня? Можно ли позволить себе этот средневековый, тяжкий, долгий труд, если жизнь вокруг так стремительна? Как монах, отгородившись от мира, сидишь и месяцами ткешь, ткешь... Есть художники, которые считают, что воплощать замысел не дело творца, и приглашают исполнителей. Я так не могу и не хочу, делаю все сама. Верю, что энергия, вложенная автором в работу, передается зрителю. А это так важно...

Ирина внимательно следит за развитием художественных идей в текстиле у нас в стране и за рубежом. Ей интересны поиски коллег в области материалов, фактур. Открытая всему новому, она готова искренне восхищаться чужими озарениями. Но... кладя на одну чашу эпатаж, «сногшибательность», а на другую — однажды найденную манеру, традицию, в собственных работах демонстрирует твердую приверженность второму. Остается верна гладкому гобеленовому переплетению. Строит зрительное восприятие именно на том, ЧТО и КАК изображено.

Сравнительно недавно Ирина, не изменяя гобелену, занялась графикой. Живописью — кисть и карандаш позволяют запечатлеть рождающиеся идеи. Теперь на выставках рядом с гобеленами — графические и живописные работы художницы, и ее радует, если зритель соотносит их, угадывает общие истоки...

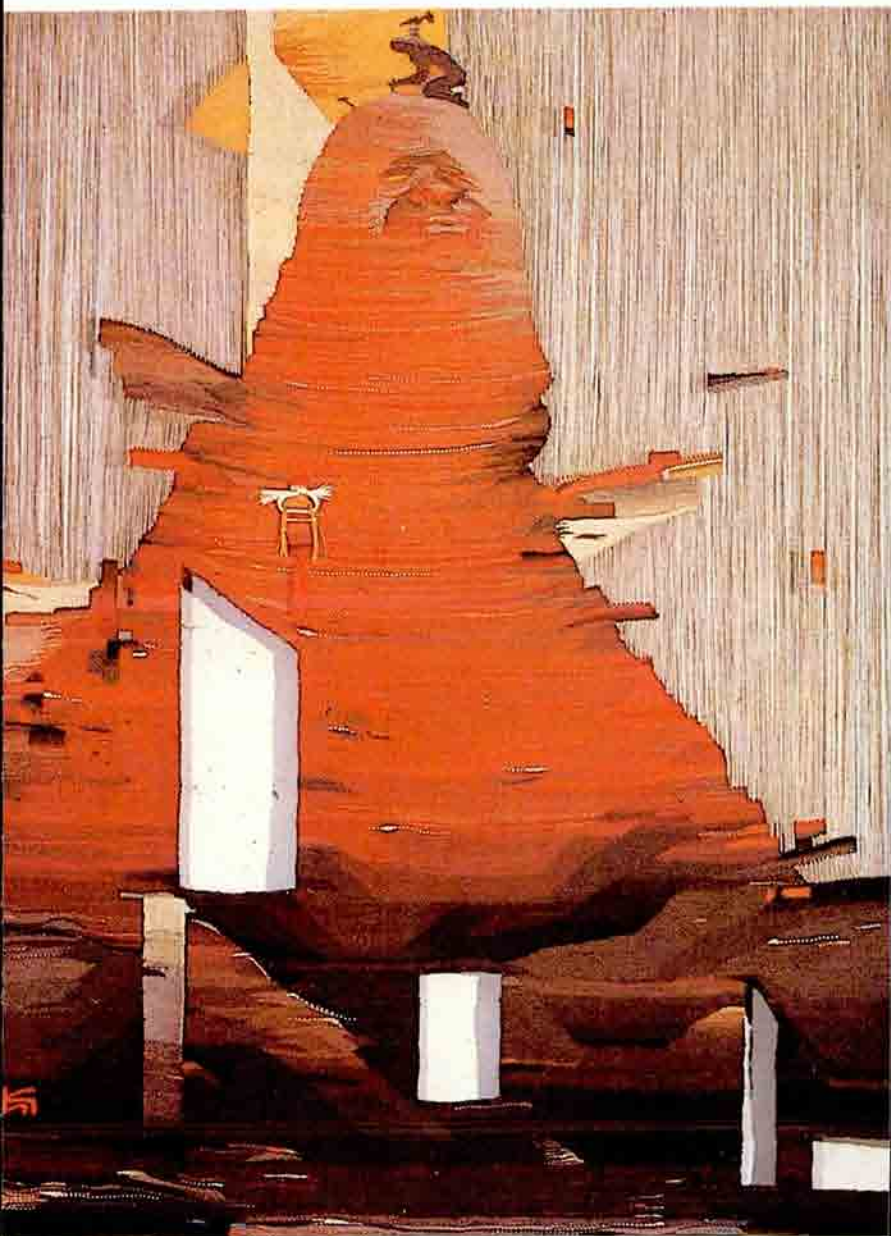
Ее творчество метафорично. Изображает ли она людей, деревья, птиц на гобеленах, посвящает ли нас в смешные и трагичные

моменты жизни неких мистических «колпачков» в графике, умещает ли действие на считанных квадратных сантиметрах или — случается и такое — разворачивает его в грандиозный триптих от пола до потолка, — она стремится передать жизнь духа. Прийти от хаоса к гармонии. Прорваться к светлому, высокому...

Склоняясь над первым своим мини-гобеленом «Бабушкино окно», Марина Нечепорук едва ли предполагала, что начинает серию работ. Детскими грезами, отголосками прожитого, прочувствованного, окно надолго воцарилось в ее работах символом души человеческой — открытой ли, бесхитростной ли, сложной ли, мятущейся...

Марина взяла за правило ткать без эскизов, считая скучной трапой времени «отекстилировать» уже выраженное иным изобразительным языком. Импровизация в данном случае — лишь полдела. Потому ли, что воспитана факультетом «Интерьер и оборудование Строгановки, или же по другим причинам, но она старается уйти от текстильной графики, от живописи в раме. Уйти к совершенно новому, чисто дизайнерскому виду декоративного искусства, когда каждая деталь несет вполне определенную нагрузку — колористическую, пластическую, смысловую...

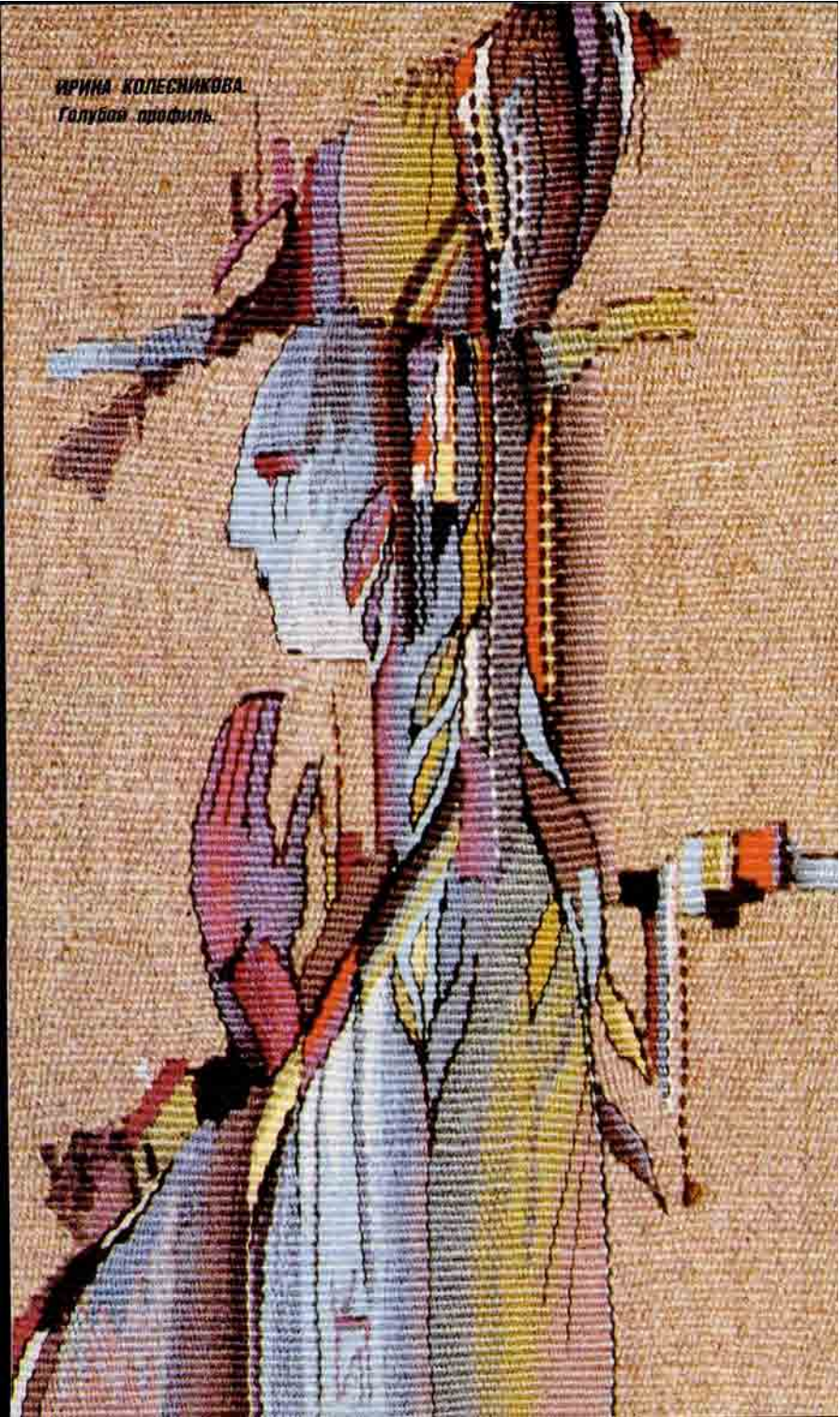
Ее работы играют стеклянными бликами, источают тепло дерева, эпатируют металлическим блеском или ржавчиной. Прилежно выслушав упреки коллег в использовании нетекстильных материалов, она упрямо ходит по магазинам фотопринадлежностей и радиодеталей, покупая стеклянные палки-мешалки, горсть «железок», моток проволоки, чтобы использовать их в работе наравне с шерстяной

ИРИНА КОЛЕСНИКОВА. Надпрестолье восточного тоталитаризма.

ИРИНА КОЛЕСНИКОВА

Голубой профиль.

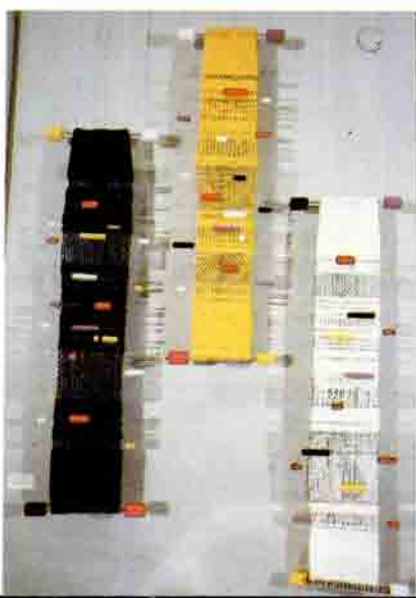

Взгляд.

МАРИНА НЕЧЕПОРУК. Возвращение (триптих).

Вечерние игры.

МАРИНА НЕЧЕПОРУК. Яблочный спас.

пряжей, шелковыми нитками, лоскутками, веревочками...

Кажется, ей это удастся.

Вот серия «Экология». «Рамой» послужила обычная пластмассовая оправка для очков. Увы, именно так смотрим мы порой на природу, убавляя себя нехитрой и преступной мыслью, что «на наш век хватит»... Не будем обольщаться. Рваная рама (или рана?..) обожженного по краям холста, ошетилившегося гвоздиками, булавами, прочим металлическим мусором («Обочина»), куда реальнее, чем выступающий из нее нежный зелено-голубой облик Земли...

Совсем не случайны, не лишни ржавый гвоздь, на котором укреплен мини-гобелен «Россия», цветные стеклянные сколы, кусочек коры, превратившийся в крошечную «раму» серии «Маскарад». Просто душе художника суждено быть выраженной так, а не иначе.

Кроме творческих, можно назвать и вполне прозаические причины пристрастия к мини-текстилю, нетрадиционным для него материалам. У молодых художников не так уж много возможностей делать большие вещи. Нет мастерской, да и с материалами — будь то нитки или краски — проблема.

Марина ткёт и большие гобелены, не отказываясь от своих любимых стеклянных палочек, приходя к неожиданным решениям, позволяющим раздвигать, дробить пространство. Она соединяет пластмассу, шерсть, металл в странно-притягательные ювелирные изделия... И все время ищет. Как обычно — без эскизов, по наитию, — начинает новую вещь, не всегда представляя ее будущее название...

Да и обязательно ли в искусстве точное название? Может быть, важнее внезапный — сначала для художника, а потом и для

зрителя — поворот? Тот самый, за которым непривычное, но такое долгожданное откровение?..

УИЛЬЯМ ПИТЕР БЛЭТТИ

ИЗГОНЯЮЩ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БЕЗДНА

Глава первая

194

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Крис ожидала его, стоя на набережной около Кей-Бридж. На дороге то и дело скапливались машины, водители, спешившие домой, сигналили в образовавшихся заторах с будничным безразличием.

Она нервно стряхнула пепел с сигареты и взглянула на дорогу, ведущую к мосту из города. Кто-то торопливо шел по тротуару. Крис разглядела брюки цвета хаки и синий свитер. Нет, это не священник.

Краем глаза она увидела, как человек в свитере положил руку на парапет, и резко обернулась.

— Двигай дальше, развалина, — жестко сказала Крис, бросая сигарету в воду, — или, клянусь Богом, я сейчас позову полицию.

— Мисс Макнейл? Я отец Каррас.

Она вздрогнула, покраснела и повернулась к нему. Шероховатое, морщинистое лицо.

— О Боже мой! Я... Боже!

Нервно, она сняла темные очки и тут же снова надела их, встретив взгляд ясных и грустных глаз.

Окончание. Начало в № 2.

НИ ДЬЯВОЛА

— Мне надо было предупредить вас, что я буду в обычной одежде. Извините.

Голос звучал успокаивающе, он словно снимал все волнения и тревоги. Отец Каррас аккуратно сложил свои огромные и вместе с тем такие чувствительные руки на груди. Крис поймала себя на том, что не может оторвать глаз от этих рук.

— Я думал, что так будет менее заметно,— продолжал священник.— Ведь вы, кажется, хотели, чтобы все осталось в тайне?

— Мне нужно было лучше позаботиться о том, чтобы не выглядеть такой дурой,— ответила Крис, роясь в сумочке.— Я думала, что вы...

— Простой человек? — вставил он с улыбкой.

— Я поняла это сразу, когда увидела вас в университете,— теперь она начала обыскивать карманы своего костюма.— Поэтому и позвонила вам. Да, вы производите впечатление простого человека.— Крис взглянула на него и увидела, что священник пристально смотрит на ее руки.— У вас не найдется сигареты, святой отец?

— Ничего, что без фильтра?

— Сейчас я выкурю любую солому.

— Мои доходы таковы, что я часто так и поступаю.

— Обет нищеты,— пробормотала она, вынимая сигарету и улыбаясь через силу.

— Обет нищеты иногда приносит пользу,— возразил отец Каррас, отыскивая спички.

— Как, например?

— Делает солому вкуснее.— Слегка улыбаясь, он смотрел, как в руке у Крис дергалась сигарета, затем решительно взял ее и прикурил, пряча спичку в ладонях. Потом вернул сигарету Крис и сказал: — Машины поднимают такой ветер, что прикурить просто невозможно.

— Спасибо, святой отец.— Крис посмотрела на него с благодарностью.— Откуда вы родом, отец Каррас?

— Из Нью-Йорка.

— Я тоже. Но тем не менее никогда бы туда не вернулась. А вы?

— И я.— Каррас проглотил комок, подкативший к горлу, и попытался улыбнуться.— Но не мне принимать подобные решения.

— Ну да, какая же я глупая. Вы же священник. Вы едете туда, куда вас направят.

— Да.

— А как случилось, что вы из психиатра сделали священником? — спросила Крис.

Отцу Каррасу не терпелось побыстрее вникнуть в суть дела, но в то же время он понимал, что нельзя торопиться с расспросами. Крис сама должна выйти на нужный разговор.

— Тут как раз наоборот,— поправил он.— Общество...

— Какое общество?

— Общество Христа. Или, по-другому, иезуиты...

— А, понимаю.

— Общество направило меня в университет учиться на психиатра.

— Куда?

— В Гарвард, к Джону Хопкинсу.

Каррас вдруг поймал себя на мысли, что хочет произвести впечатление на Крис. «Почему?» — удивленно подумал он, но тут же нашел ответ, вспомнив дешевые галерки в восточной части города и трущобы, где пролетело его детство. Маленький Джимми и кинозвезда.

— Неплохо,— кивнула она.

Маленький Джимми достиг цели.

— Мы не даем обета моральной нищеты.

Крис почувствовала легкое раздражение и, пожав плечами, перевела взгляд на реку.

— Видите ли, я вас не знаю, и...— Глубоко затянувшись, она выдохнула дым и потушила окурочек о парапет.— Вы ведь друг отца Дайера?

— Да, я его друг.

— И довольно близкий?

— Достаточно близкий.

— Он рассказывал вам о вечеринке?

— В вашем доме?

— Да. Он вам говорил что-нибудь о моей дочери?

— Нет, я и не знал, что у вас есть дочь.

— Ей двенадцать лет. Он вам не рассказывал про нее?

— Нет.

- И не рассказывал, что она сделала?
- Он вообще не упоминал о ней.
- Похоже, священники умеют молчать.
- Когда как,— ответил Каррас.
- А от чего это зависит?
- От священника.

В глубине его сознания вдруг мелькнула мысль об извращенности некоторых женщин, страстно желающих под любым предлогом завлечь и совратить именно священника.

— Я хотела сказать, что наш разговор смахивает на исповедь. Вам ведь запрещено разглашать тайну исповеди, верно?

— Да, это так.

— А то, что не относится к исповеди? — спросила Крис. — Я хочу сказать, что если... — Ее руки дрожали. — Мне интересно... Я... Мне, правда, очень хочется узнать. Что, если какой-то человек, скажем, убийца, или что-то в этом роде, понимаете? Если он обратится к вам за помощью, вы его выдадите?

Пыталась ли она что-то выведать у него или же ей просто хотелось рассеять свои сомнения?

— Если он придет ко мне за духовной помощью, то нет,— ответил Каррас.

— Вы бы его не выдали?

— Нет, но я бы попытался убедить его в том, что он должен сознаться сам.

— А как вы изгоняете бесов?

— Не понял.

— Если человек одержим, то как вы изгоняете из него бесов?

— Для начала, думаю, надо посадить этого человека в машину времени и доставить в XVI век.

— Что вы хотите этим сказать? Я вас не понимаю.

— Видите ли, мисс Макнейл, это явление больше не встречается.

— С каких пор?

— С тех пор, как мир узнал о таких психических заболеваниях, как паранойя, или раздвоение личности, и других патологических отклонениях, которые я изучал в Гарвардском университете.

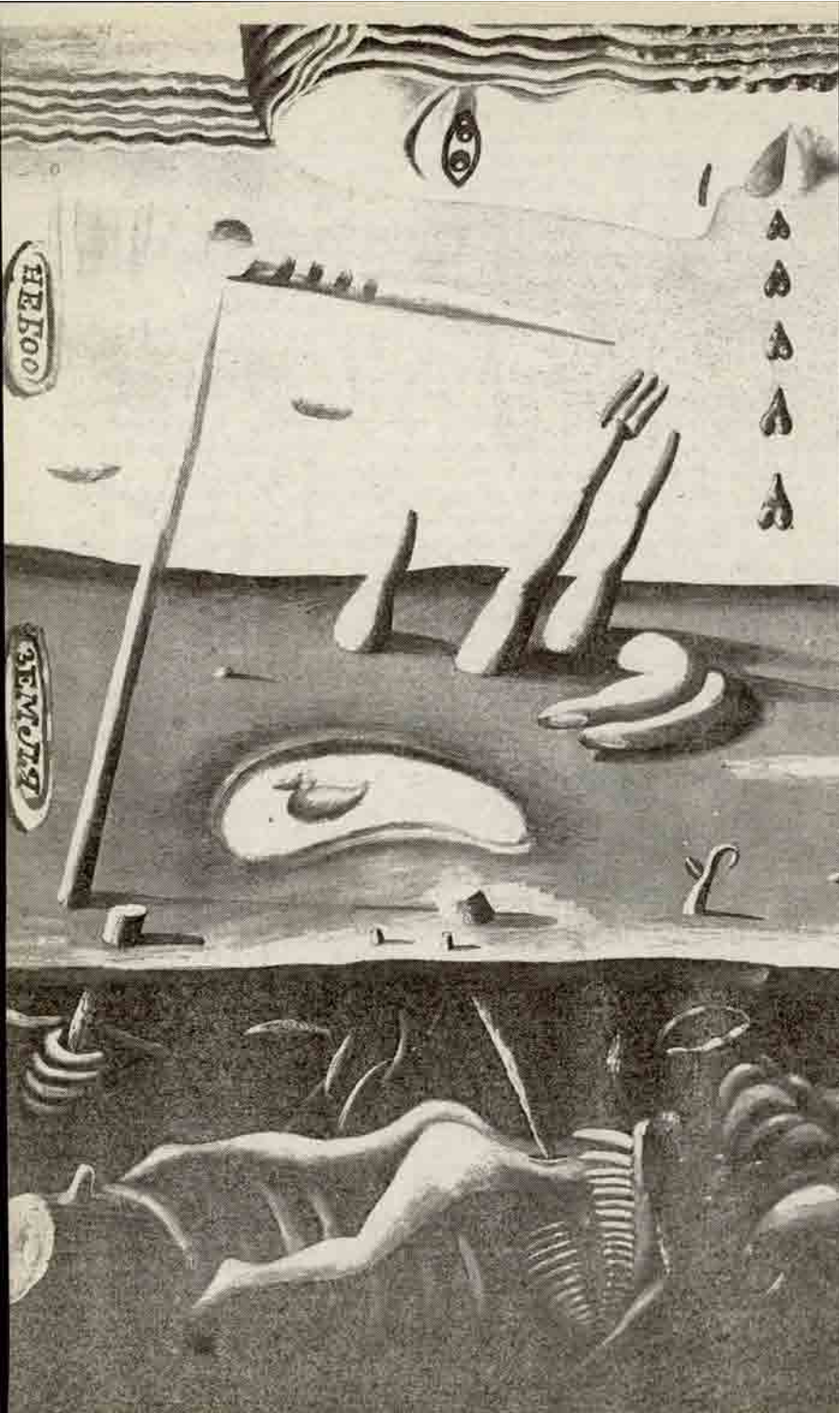
— Вы шутите?

Крис смутилась. Голос ее дрожал, и Каррас в душе проклинал себя за болтливость. «Что это на меня нашло?» — удивился он про себя, а вслух продолжил:

— Многие образованные католики, мисс Макнейл, не верят больше в дьявола, а что касается одержимости, то с того дня, как я стал иезуитом, я не встречал ни одного священника, который бы изгонял бесов. Ни одного.

— Я начинаю сомневаться в том, что вы священник,— промолвила Крис с ноткой горького разочарования в голосе. — А как же библейские рассказы о Христе, изгоняющем всех этих бесов?

— Видите ли, если бы Христос назвал одержимых просто шизофрениками, что, как я полагаю, было истиной, его распяли бы на три года раньше.

Сам сатана не жалея
того, делает что-то
такое, что потом
служит во благо
Богу.

ад

— В самом деле? — Крис взялась за очки, пытаясь сдержать себя. — Дело в том, отец Каррас, что один очень близкий мне человек, возможно, одержим, и ему нужна помощь. Вы сможете провести изгнание бесов?

Все вокруг показалось вдруг Каррасу нереальным: и мост, и кафе, и автомобили, и кинозвезда Крис Макнейл. Он уставился на нее, размышляя, как лучше ответить, и уловил мучительный страх и отчаяние в покрасневших от слез глазах.

— Отец Каррас, это моя дочь, — прошептала Крис. — Моя дочь!

— Тогда тем более нужно забыть об изгнании...

— Но почему? О Боже, я не понимаю! — надрывно вскрикнула Крис.

Каррас взял ее за руку.

— Прежде всего это может только ухудшить дело.

— Как?

— Ритуал изгнания бесов целиком основан на внушении. Он может вызвать одержимость там, где ее не было, или укрепить ее там, где она уже зародилась. Кроме того, мисс Макнейл, прежде, чем церковь даст разрешение на такой ритуал, ей нужно провести расследование, чтобы убедиться в правомерности вашей просьбы. На это нужно время. Между тем ваша...

— А вы не можете провести изгнание? — взмолилась Крис. Ее нижняя губа дрожала, в глазах стояли слезы.

— Послушайте меня. Право изгонять бесов имеет каждый священник, но ему необходимо разрешение церкви, и, честно говоря, это разрешение дается очень редко, поэтому...

— Но вы хотя бы гляньте на нее!

— Конечно, как психиатр, я мог бы, но...

— Ей нужен священник! — яростно вскричала Крис. — Я уже показывала ее всем этим идиотским психиатрам, и они послали меня к вам. Теперь вы посылаете опять к ним!

— Но ваша...

— Господи Иисусе, неужели мне никто не поможет? — этот отчаянный вопль переполюшил птиц, которые откликнулись с берегов взбудораженным криком. — О Боже, помогите мне, хоть кто-нибудь! — разрыдалась Крис и прижалась к Каррасу. — Пожалуйста, помогите мне! Помогите! Прошу вас! Пожалуйста! Помогите...

Священник заглянул ей в глаза и положил свои крупные руки на голову Крис. Пассажиры, попавшие в затор, равнодушно наблюдали за ними из окон автомобилей.

— Конечно, конечно, — прошептал Каррас, похлопывая Крис по плечу. Он пытался успокоить и взбодрить ее, прервать женскую истерику.

Дочь? Да ей самой нужна помощь психиатра.

— Хорошо, я осматрю ее, — сказал священник. — Осматрю.

Они молча подошли к дому. Карраса угнетало ощущение нереальности происходящего, к тому же в голове вертелись мысли о завтрашней лекции в университете. Надо было подготовить кое-какие заметки. Каррас понял, что не успеет к обеду.

Было без десяти шесть. Крис открыла дверь и повернулась к нему.

— Святой отец... может быть, вам лучше надеть сутану?

— Слишком опасно,— ответил он и почувствовал какую-то леденящую, гнетущую тревогу. Острыми осколками льда она вошла в его тело, сконцентрировалась и поползла вверх, замерев в горле.

— Отец Каррас?

Он поднял глаза. Крис вошла в дом и придерживала дверь.

Какую-то долю секунды священник стоял не шевелясь, а потом решительно вошел в прихожую, испытывая при этом странное чувство обреченности.

Он услышал звуки возни, доносившиеся сверху. Хриплый бас кому-то угрожал, посылая всевозможные проклятия с яростной ненавистью.

Крис стала подниматься на верхний этаж. Священник последовал за ней в спальню Реганы. Карл стоял напротив двери, прислонившись к стене. Руки его были сложены, голова опущена. Он медленно поднял голову и посмотрел на Крис. Каррас уловил в его взгляде страх и смтение. Бас громыхал где-то совсем рядом. Он был таким громким, что казалось, в комнате установлен электронный усилитель.

— Оно пытается вырваться из смиренных ремней,— вымолвил Карл слабым от ужаса голосом.

— Я сейчас вернусь, святой отец,— пробормотала Крис.

Каррас наблюдал, как она шла через зал к своей спальне. Потом взглянул на Карла.

— Вы священник? — спросил Карл.

Каррас кивнул. В этот момент из комнаты послышался рев какого-то животного, похожий на мычание вола.

Кто-то тронул его за руку.

— Это она,— выдохнула Крис.— Регана.— И дала ему фотографию.— Эта фотография была сделана четыре месяца назад.— Она взяла карточку и кивнула в сторону спальни.— А теперь идите и посмотрите, что с ней стало. А я подожду здесь.

— Кто с ней? — спросил Каррас.

— Никого.

Он выдержал ее пристальный взгляд и, нахмурившись, повернулся к спальне. Как только он взялся за ручку двери, звуки, доносившиеся оттуда, резко оборвались. В напряженной тишине Каррас медленно вошел в комнату и чуть не вылетел обратно, ощутив резкое зловоние.

Быстро прийдя в себя, он закрыл за собой дверь. И тут взгляд священника упал на существо, которое прежде было Реганой. Оно полулежало на кровати, подпертое подушкой. Широко открытые пронизательные глаза сверкали безумным лукавством. С интересом и злобой они уставились на Карраса. Лицо напоминало страшную маску. Каррас перевел взгляд на спутанные, свалившиеся волосы, на исхудалые руки и ноги, на раздутый живот и потом снова на глаза: они наблюдали за ним, буравили его насквозь.

— Привет, Регана,— как ни в чем не бывало поздоровался священник.— Я друг твоей матери. Она мне сказала, что ты неважно себя чувствуешь. Сможешь рассказать, что произошло? Я хочу помочь тебе.

Немигающие глаза яростно блеснули, и на подбородок из уголков рта поползла желтоватая слюна. Потом губы напряглись и выгнулись в злобную насмешливую улыбку.

— Ну-ну,— злорадно прохрипела Регана, и у Карраса побежали мурашки по всему телу от этого невероятно низкого баса, полного угрозы и силы.— Итак, это ты... они прислали тебя! Ну тебя-то нам нечего бояться.

— Да, это верно. Я твой друг. Я бы хотел помочь тебе.

— Тогда ослабь ремни,— загремел голос Реганы. Она попыталась поднять руки, и только теперь Каррас заметил, что они были стянуты двойными смиренными ремнями.

— Они тебе мешают?

— Чрезвычайно. Они создают крайнее неудобство. Адское неудобство.— В ее глазах блеснул тайный азарт.

Каррас заметил следы царапин на лице и раны на губах девочки. Наверное, она кусала их.

— Боюсь, что ты можешь сделать себе больно, Регана.

— Я не Регана,— басом откликнулся голос. На лице оставалась все та же злобная усмешка, и Каррасу вдруг показалось, что таким оно было всегда. Как нелепо это выглядит со стороны.

— Да, я понимаю. Тогда, наверное, нам надо познакомиться.

Я — Дэмьен Каррас. А ты кто?

— А я — дьявол.

— Ага, хорошо, очень хорошо,— одобительно кивнул Каррас.— Теперь мы можем поговорить.

— Поболтаем немного?

— Если хочешь.

— Это так приятно для души. Однако ты скоро поймешь, что я не могу свободно разговаривать, пока на мне эти ремни. Я привык жестикулировать. Как тебе известно, я провел много времени в Риме, дорогой Каррас. Будь так добр, развяжи ремни!

Какая точность мыслей и выражений!

— Так ты говоришь, что ты дьявол? — спросил Каррас.

— Уверю тебя.

— Тогда почему ты не можешь сделать так, чтобы ремни исчезли?

— Это слишком примитивное проявление моей силы, Каррас. Слишком грубое. В конце концов, я же король! — Смех.— Для меня предпочтительней убеждение. Я люблю, чтобы в мои дела кто-нибудь вмешивался и помогал мне. Если я сам расслаблю ремни, мой друг, я лишу тебя возможности совершить благодеяние.

— Но ведь благодеяние,— возразил Каррас,— это добродетель, и именно то, что дьявол должен предотвращать, так что я помогу тебе, если не буду снимать ремни. При условии, конечно,— он пожал плечами,— что ты на самом деле дьявол. Если же нет, то я, пожалуй, сниму их.

— Ну ты лиса, Каррас. Если бы любезный Ирод был с нами, он гордился бы тобой.

— Какой Ирод? — прищурившись, спросил Каррас. — Их было двое. Ты говоришь о короле Иудей?

— Об Ироде из Галилеи! — с ненавистью и презрением выкрикнула она и улыбнулась, продолжая тем же зловещим голосом: — Ну вот, видишь, как меня расстроили эти проклятые ремни. Развяжи их. Развяжи, и я сообщу тебе твоё будущее.

— Очень соблазнительно.

— Это я умею.

— А как я узнаю, что ты действительно видишь будущее?

— Я же дьявол.

— Да, ты так говоришь, а вот доказательств не даешь.

— В тебе нет веры.

Каррас застыл:

— Веры в кого?

— В меня, дорогой Каррас, в меня! — Маленькое пламя запылало в злобных и насмешливых глазах. — Доказательства — это так расплывчато!

— Мне подошло бы что-нибудь очень простое, — продолжал Каррас. — Ну, например... дьявол ведь знает все, верно?

— Не совсем: почти все, Каррас, почти. Ты меня понимаешь? Люди говорят, что я зазнаюсь. Это не так. К чему же ты клонишь, лиса?

— Я думаю, что мы сможем проверить твои знания.

— Ах да, конечно! Самое большое южноамериканское озеро, — насмешливо произнесла Регана, — озеро Титикака в Перу! Это подойдет?

— Нет, мне нужно от тебя только то, что известно одному дьяволу. Например, где Регана? Ты знаешь это?

— Она здесь.

— Где «здесь»?

— В свинье.

— Дай мне взглянуть на нее.

— Зачем?

— Я должен быть убежден, что ты говоришь правду.

— Ты хочешь поразвлекаться с ней? Ослабь ремни, и я разрешу тебе это сделать.

— Я хочу видеть ее.

— Она ничего из себя не представляет как собеседница, мой друг. Я бы посоветовал тебе остановить свой выбор на мне.

— Ну вот, теперь мне ясно, что ты не знаешь, где она. — Каррас пожал плечами. — Очевидно, ты не дьявол.

— Я — дьявол! — неожиданно взревела Регана и дернулась вперед. Лицо ее исказилось от злобы. Каррас вздрогнул от этого низкого громающего голоса, сотрясшего стены в комнате. — Я — дьявол!

— Ладно, ладно, так дай же мне взглянуть на Регану, — попросил Каррас. — Это и будет доказательством.

— Я докажу тебе! Я отгадаю твои мысли! — вскипело существо. — Задумай число от одного до десяти!

— Нет, это мне ничего не докажет. Мне нужно видеть девочку.

Неожиданно Регана засмеялась и откинулась на подушку.

— Нет, тебе никто ничего не сможет доказать, Каррас. И это прекрасно. В самом деле, это прекрасно! А мы тем временем постараемся развлечь тебя на славу. В конце концов нам бы сейчас очень не хотелось потерять тебя.

— Кому это «нам»? — заинтересовался Каррас.

— Мы — маленькая симпатичная компания внутри поросенка, — кивнула Регана. — Да-да, великолепное маленькое общество. Позднее, возможно, я тебя кое с кем из нас познакомлю. А пока у меня мучительно чешется в одном месте, до которого я не могу достать. Ты не мог бы на минуточку ослабить ремень, Каррас?

— Нет. Скажи мне, где у тебя чешется, и я почешу.

— Ах, как хитро! Как хитро!

— Покажи мне Регану, тогда я, возможно, и развяжу один ремень, — предложил Каррас. — Если...

И вдруг он замер. Дэмьен понял, что смотрит в глаза, переполненные ужасом; на губах девочки застыл беззвучный вопль.

В ту же секунду облик Реганы исчез, и черты лица быстро изменились, превратившись опять в жуткую маску.

— Ну, так снимешь эти ремни? — спросил бас с сильным британским акцентом.

— Помогите старому дьячку, отця! Позалейте! — Существо вдруг перешло на гаденький скрипучий голос, а потом с хохотом откинулось назад.

Каррас сидел неподвижно. Внезапно он почувствовал, как будто к его шее прикоснулись чьи-то холодные руки. Регана перестала смеяться и сверлила его взглядом.

— Кстати, твоя мать здесь, с нами, Каррас. Ты ничего не хочешь ей передать? Я бы мог это сделать.

Побледнев, Каррас устался на кровать. Регана торжествующе засмеялась.

— Если это правда, — ровным голосом проговорил священник, — тогда ты должен знать имя моей матери. Назови его.

Регана зашипела на него, глаза ее безумно заблестели, шея по-змеиному изогнулась.

— Так назови его.

Регана взревела, и этот вопль, прорвавшись через ставни, заставил задрожать стекла огромного окна. Глаза ее закатились.

Некоторое время Каррас наблюдал за Реганой, потом вышел из комнаты.

Крис быстро отошла от стены, вопросительно глядя на иезуита.

— Вы держите ее на транквилизаторах? — спросил Каррас.

— Да. На либриуме.

— Какая дозировка?

— Сегодня ей ввели 400 миллиграммов, святой отец.

— Четыреста?

— Да, иначе нам не удалось бы надеть на нее эти ремни. Мы с трудом все вместе...

— Вы дали ей 400 миллиграммов за один раз?

— Ну да. Регана такая сильная, вы не поверите.

— Она получает питание?

— Нет, святой отец. Только сустаген во время сна. Но она выдернула трубку.

— Выдернула?

— Сегодня.

Каррас забеспокоился и серьезно произнес:

— Она должна быть в больнице.

— Я не могу этого сделать, — безжизненным голосом ответила Крис.

— Почему?

— Просто не могу! — повторила она. — Нельзя допустить, чтобы еще кто-то был в этом замешан. Она... — Крис глубоко вздохнула. Потом медленно выдохнула воздух. — Она кое-что сделала, святой отец. Я не могу рисковать. Никто не должен об этом знать. Ни врач... ни сиделка. — Крис взглянула на Карраса. — Ни одна душа.

Нахмурившись, священник выключил воду. Что, если человек, скажем, преступник... Он опустил голову.

— Кто дает ей сустаген? Либриум? Другие лекарства?

— Мы сами. Доктор показал нам, как это делается.

— Но вам будут необходимы рецепты.

— Кое-чем вы смогли бы нам помочь, святой отец, ведь верно?

Каррас повернулся к Крис, встретил ее запуганный взгляд и прочел в нем какой-то необъяснимый, тайный ужас.

— Святой отец, на что это похоже? — спросила Крис. — Вы думаете, что она одержима?

— А вы?

— Я не знаю. Я считала вас специалистом.

— Что вы знаете об одержимости?

— Только то, что прочитала. И еще то, что мне рассказали врачи.

— Какие врачи?

— В больнице Бэрринджер.

— Вы католичка?

— Нет.

— А ваша дочь?

— Нет.

— А какой религии вы придерживаетесь?

— Никакой, но я...

— Зачем же вы тогда пришли ко мне? Кто вам посоветовал?

— Я пришла, потому что мне некуда больше идти! — крикнула Крис взволнованно. — Никто мне не советовал!

— Вы говорили, что вам посоветовали обратиться ко мне психиатры.

— Я уже не знаю, что говорила. Я почти потеряла рассудок!

— Послушайте, для меня важно только одно: помочь вашей дочери. Но я должен предупредить вас: если вы рассчитываете на ритуал изгнания, как на какое-нибудь лечение потрясением

или внушением, то церковь не даст своего разрешения, и вы упустите драгоценное время, мисс Макнейл.

Каррас вцепился в вешалку, чтобы успокоить дрожь в руках. В чем дело? Что случилось?

— Между прочим, я миссис Макнейл,— сухо отрезала Крис.

Каррас опустил голову и попытался говорить мягче.

— Видите ли, для меня не важно, что это — бес или психическое расстройство. Я сделаю все, чтобы помочь девочке. Но мне нужно знать правду. Пока что я только пробираюсь в темноте. Почему бы нам не спуститься вниз, где мы смогли бы поговорить? — Он повернулся к Крис и ободряюще улыбнулся ей. — Я бы выпил чашку кофе.

— А я бы выпила что-нибудь покрепче.

Они устроились в кабинете. Каррас сел в кресло у камина, а Крис — на диван. Она рассказала священнику историю болезни Реганы, аккуратно опуская все, что касалось Дэннингса.

Каррас слушал, лишь изредка перебивая ее, чтобы задать вопрос. Он кивал головой и время от времени хмурился.

Крис призналась, что вначале действительно считала, будто изгнание может подействовать как потрясение.

— А теперь я и сама не знаю,— засомневалась она. Ее веснушчатые руки нервно вцепились в колени. — Я просто не знаю. — Крис взглянула на задумавшегося священника. — А что вы думаете, святой отец?

— Вынужденное поведение, вызванное чувством какой-то вины и, возможно, основанное на раздвоении личности.

— Святой отец, мне уже говорили о подобной чепухе! Как же вы можете предполагать это после виденного?!

— Если бы вы наблюдали столько пациентов в психиатрических больницах, сколько я, вы утверждали бы это так же легко, — убедительно возразил Каррас. — Пойдем дальше. Одержимость бесами — ладно. Давайте представим, что это возможно и иногда случается. Но ведь ваша дочь не говорит, что она бес, а уверяет, что она сам дьявол, а это равносильно тому, как если бы она утверждала, что она Наполеон! Понимаете?

— Тогда объясните стук и все прочее.

— Но я не слышал стука.

— Его слышали в больнице, святой отец, это было не только здесь, в доме.

— Возможно, но, чтобы объяснить его, вовсе не обязательно привлекать сюда чертей.

— А что же? — потребовала Крис.

— Психокинез.

— Что?

— Вы слышали о том, что происходит на сеансах спиритизма, не правда ли?

— Когда призраки и души швыряются вещами и двигают блюдечко?

Каррас кивнул.

— Это встречается не так уж редко и обычно получается у эмоционально неуравновешенных подростков. Очевидно, вероятное внутреннее напряжение будит невидимую энергию,

которая и передвигает предметы на расстоянии. В этом нет ничего сверхъестественного. То же можно*сказать и о чрезвычайной силе Реганы. Назовите это «разум, преобладающий над материей», если хотите.

— Лучше я назову это кошмаром.

— Ну, в любом случае подобное встречается за пределами одержимости.

— Черт возьми, это прекрасно,— тихо пробормотала Крис.— Вот мы сидим здесь: я атеистка, а вы священник и...

— Лучшее объяснение любому явлению,— перебил ее Каррас,— всегда то, что проще других и включает в себя все факты.

— Может быть, я глупа,— парировала Крис,— но объяснение, будто «что-то непонятное в чьей-то голове подбрасывает блюдце к потолку», мне тоже ничего не дает! Так что же это? Можете вы объяснить, ради всех святых?

Каррас задумался и откинулся на спинку кресла.

— У Реганы низкий голос? — поинтересовался он.

— Нет, я бы даже сказала — очень высокий.

— У нее не раннее развитие?

— Нет. Среднее.

— А что она читает?

— В основном Нэнси Дру и комиксы.

— А сама манера разговаривать сильно отличается сейчас от ее обычной речи?

— Полностью. Она не употребляет и половины слов, которыми пользуется теперь.

— Нет, я имею в виду не содержание речи, а стиль.

— Стиль?

— Ну, как она соединяет слова в предложении.

— Я не уверена, что поняла вас правильно.

— У вас нет ее писем? Сочинений? А запись ее голоса была бы...

— Да, у меня есть пленка, которую она наговаривала для отца,— перебила Крис.— Она хотела отослать ее вместо письма, но так и не закончила. Возьмете ее?

— Да, и еще мне нужна история болезни, записанная в Бэрринджере.

— Послушайте, святой отец, я уже прошла через все это, и...

— Да-да, я понимаю, но мне их нужно просмотреть для себя.

— Значит, вы все еще против изгнания?

— Я только против того, что принесет вашей дочери больше вреда, чем пользы.

— Но вы сейчас говорите как психиатр?

— Нет, я говорю и как священник. Если я пойду в церковь за разрешением на изгнание беса, то первым делом я должен буду дать существенные доказательства того, что у вашей дочери не обычное психическое расстройство. Потом мне нужны будут данные, исходя из которых церковь признает, что она одержима.

— Например?

— Еще не знаю, надо почитать книги.

— Вы шутите? Мне казалось, что вы в этом разбираетесь.

— Возможно, вы сейчас знаете об одержимости больше, чем большинство священников. А пока что скажите, когда вам смогут прислать записи из больницы?

— Если будет нужно, я найму самолет.

— А пленка?

Крис встала:

— Пойду поищу.

— И еще кое-что,— добавил Каррас.— Та книга, о которой вы говорили, с главой об одержимости, вы не вспомните, когда Регана ее читала: до начала болезни?

Крис сосредоточилась, постукивая по зубам ногтями.

— Мне помнится, она что-то читала, перед тем как это дерьмо... как эта ужасная штука началась,— быстро поправились она.— Но я не могу сказать точно. Думаю, что она ее читала. То есть я в этом уверена. Абсолютно уверена.

— Я бы хотел просмотреть эту книгу. Вы мне ее дадите?

— Она ваша. Ее взяли в вашей библиотеке. Я сейчас принесу. А пленка, по-моему, внизу. Я скоро вернусь.— Крис вышла из кабинета.

Каррас отсутствующе кивнул, рассматривая узор на ковре. Продав Крис несколько минут, он встал, прошел через кабинет и остановился в темном холле. Дэмьен словно застыл в другом измерении; засунув руки в карманы, он уставился в никуда и слушал доносившиеся сверху звуки: то хрюканье свиньи, то вой шакала, то шипение и икание.

— А, вы здесь! А я искала вас в кабинете.

Каррас обернулся и заметил, что Крис включает свет.

— Вы уходите? — Она подошла к нему, держа книгу и пленку.

— Боюсь, что да. Мне нужно подготовиться к завтрашней лекции.

— Вы читаете лекции? Где?

— В медицинской школе.— Дэмьен взял у нее книгу и пленку.— Я приду к вам завтра, днем или вечером. Но если случится что-нибудь непредвиденное, звоните мне в любое время. Я попрошу телефонистку на коммутаторе, чтобы вас со мной соединили.

Крис кивнула. Иезуит открыл дверь.

— Как у вас обстоит дело с медикаментами?

— Пока хорошо,— успокоила она священника.— Нам выписали рецепт на бланке, который каждый раз возвращают.

— Вы больше не будете вызывать врача?

Крис прикрыла глаза и чуть заметно покачала головой.

— Вы же знаете, я не терапевт,— предупредил Каррас.

— Я не могу,— прошептала она.— Не могу.

Священник чувствовал, как в ней поднимается тревога.

— Вы понимаете, что рано или поздно мне придется рассказать обо всем высшему духовенству, особенно если я буду бывать здесь по ночам?

— Это так необходимо? — Крис нахмурилась.

— Иначе это будет выглядеть несколько странно, вы не считаете?

Крис опустила глаза.

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать,— пробормотала она.

— Вы не против? Я расскажу только самое необходимое. Не волнуйтесь.— Иезуит попытался успокоить ее.— Больше никто не узнает.

Крис подняла свои измученные глаза и, встретившись с его грустным взглядом, прочитала в нем боль и сочувствие.

— Хорошо,— согласилась Крис.

Она поверила этому взгляду.

Каррас кивнул:

— Мы еще поговорим.

Он уже собирался выйти, но замешкался на секунду в дверях, приложил к губам пальцы, о чем-то раздумывая:

— Ваша дочь не знала, что я священник?

— Нет. Никто не знал, кроме меня.

— Вы знали, что у меня недавно умерла мать?

— Да. Мне очень жаль.

— А Регана знала об этом?

— Нет.

Каррас кивнул.

— А почему вы об этом спрашиваете? — не унималась Крис, удивленно приподнимая брови.

— Это не важно.— Иезуит пожал плечами.— Мне просто хотелось узнать.

Он посмотрел на актрису, в его глазах мелькнула тревога.

— Вы ночью спите?

— Да, немного.

— Принимайте таблетки. Вы пьете либриум?

— Да.

— Сколько? — поинтересовался Каррас.

— По десять миллиграммов, два раза в день.

— Принимайте по двадцать. Попробуйте пока не заходить к дочери. Чем чаще вы ее видите в таком состоянии, тем скорее начнете неправильно судить о ней. Лучше оставайтесь в неведении. И успокойтесь. В состоянии нервного расстройства вы ей ничем не поможете. Да вы и сами это знаете.

Опустив глаза, Крис грустно кивнула.

— А теперь, пожалуйста, ложитесь спать,— тихо попросил священник.— Прямо сейчас идите и ложитесь.

— Да, хорошо,— послушно согласилась Крис.— Хорошо. Я вам обещаю.— Она попыталась улыбнуться.— Спокойной ночи, святой отец. Спасибо. Спасибо вам большое.

Секунду он молча смотрел на нее, потом повернулся и быстро вышел.

Крис, стоя в дверях, наблюдала за священником. Когда он перешел через улицу, она вдруг поняла, что сегодня Каррас остался без обеда.

Заметив, что он опускает закатанные рукава, Крис забеспокоилась, не холодно ли ему.

На углу Проспект-стрит и П-стрит иезуит уронил книгу и резко остановился, чтобы поднять ее, потом обогнул угол и скрылся из виду. Глядя ему вслед, Крис почувствовала облегчение.

Она не заметила, что в легковой машине, стоящей рядом с ее домом, сидит Киндерман.

Крис закрыла дверь.

Каррас принял душ, сел за письменный стол и обнаружил блок сигарет «Кэмел» без фильтра, а рядом с ним два ключа: один с отметкой «Лингафонная лаборатория», а другой — «Холодильник столовой». Ко второму ключу была приложена записка: «Лучше это сделаешь ты, чем крысы». Каррас прочитал надпись и улыбнулся: «Леденцовый мальчик». Он отложил записку, снял часы и положил их перед собой на стол. Было 12 часов 28 минут ночи. Каррас начал читать. Фрейд. Маккасланд. «Сатана». Тщательные исследования Ойстраха. Чтение он закончил уже под утро. Глаза нестерпимо болели. Каррас взглянул на пепельницу, переполненную пеплом и смятыми окурками. Дым густой пеленой повис в воздухе. Он встал, медленно побрел к окну, открыл его, вдохнул полной грудью свежий утренний воздух и задумался. У Реганы выявились физические признаки одержимости. Он не сомневался в этом. Во всех приведенных случаях, независимо от эпохи и места нахождения больного, симптомы одержимости всегда были одни и те же. Некоторые из них, правда, у Реганы еще не проявились: пятна на теле, желание есть непригодную к употреблению пищу, нечувствительность к боли, громкая и продолжительная икота. Но остальные выявились в достаточной степени: непроизвольное мышечное возбуждение, зловонное дыхание, обложенный язык, раздутый живот, раздражение на коже и слизистых оболочках. Но, что более важно, налицо были основные симптомы, наличие которых Ойстрах относил к «истинной» одержимости: поразительные перемены в голосе и чертах лица в сочетании с появлением новой личности.

Каррас поднял глаза и уставился в темноту. Через ветви деревьев ему померещились дом и большое окно в спальне Реганы. Когда одержимость добровольная, как у медиумов, новая личность часто бывает доброй. «Как Ция», — отметил про себя Каррас. Дух женщины, который вселился в мужчину-скульптора. Приступы были непродолжительными, длились не более часа. Но в Регане находится не Ция. Эта вторая личность была злой. Типичный случай бесовской одержимости, когда новая личность пытается разрушить тело своего хозяина. И это ей часто удается.

В задумчивости иезуит подошел к столу, взял пачку сигарет, закурил. Ну, хорошо. У нее синдром бесовской одержимости. А как это лечить? Все зависит от того, что вызвало одержимость.

Священник присел на край стола. Задумался. Например, монахини в монастыре Лилль. Это случилось во Франции в начале семнадцатого века. Монахини признались на исповеди, что во время одержимости они часто посещали дьявольские оргии и занимались развратом с женщинами, с мужчинами, с домашними животными и с драконами. И с драконами!.. Иезуит покачал головой. Во многих случаях одержимости встречается

смесь фантазии и мифомании. Одержимость может быть вызвана и психическими расстройствами: паранойей, психозом, невротическими, психостениями, — в этом крылась основная причина того, что уже в течение многих лет церковь советовала священникам работать вместе с психиатрами и невропатологами. Однако не все случаи одержимости объяснялись так просто. Некоторые из них Ойстрах характеризовал как «отдельные случаи расстройства», не прибегая к психиатрическому термину «раздвоение личности», а заменяя его примерно такими же по смыслу оккультными понятиями «бес» или «дух усопшего».

Записи, сделанные в Бэрринджере, свидетельствовали, по словам Крис, о том что расстройство Реганы могло быть связано с внушением или с чем-то, вызвавшим истерию. Каррс тоже придерживался этого вывода. Он считал, что большинство изученных им случаев имели в своей основе эти причины. Во-первых, подобное почти всегда случается с женщинами. Во-вторых, вспомнить хотя бы вспышки эпидемий одержимости. И еще священников, занимавшихся изгнанием бесов... Каррас нахмурился. Они сами часто становились одержимыми. Он подумал о Лодане. Франция. Урселинский женский монастырь. Из четырех священников, посланных туда во время эпидемии одержимости, трое — отец Лукас, Лактанс и Транкуилл — не только сами стали одержимы, но и вскоре умерли, вероятно, от нервного потрясения. Четвертый, Пьер Сурин, ставший одержимым в 33 года, сошел с ума и провел остальные 25 лет своей жизни в безумии.

Если расстройство Реганы было истерического характера, если внушение есть причина одержимости, тогда на это могла повлиять прочитанная глава из книги о колдовстве. Глава об одержимости. Читала ли она ее?

Иезуит пролистал несколько страниц. Может быть, здесь он найдет какое-то сходство описания припадков одержимости с поведением Реганы? Это было бы доказательством. Это могло бы помочь.

Кое-где он нашел совпадения:

«...случай с 8-летней девочкой, который описывали так: «Она редела, как бык, тяжелым, низким басом». (И Регана так же редела.)

...Случай с Элен Смит, которую лечил известный психолог Флауэрри. Психолог описывал, как с поразительной скоростью менялись черты ее лица и голос. (С Реганой было то же. Личность, которая разговаривала с британским акцентом. Быстрая перемена. Почти моментальная.)

...Случай в Южной Африке. Сведения получены от известного этнолога Юнода. Он рассказал о женщине, которая однажды ночью исчезла из дома. Ее нашли на следующее утро. Женщина была привязана к верхушке высокого дерева «широкими прочными лианами», а потом «сползла с дерева вниз головой, шипя и высывая язык, как змея. Некоторое время она висела на дереве и говорила на языке, которого до сих пор никто из местных жителей не слышал». (Регана тоже ползала за Шарон, как

змея. А ее бессмысленная речь? Что это — попытка говорить на «неизвестном языке»?)

...Случай с Джозефом и Тибатом Бернерами. Им было соответственно 10 и 8 лет. Говорили, что они «вдруг начинали волчками вертеться с огромной скоростью». (Очень похоже на то, как дергается и крутится Регана.)

Да, причины, чтобы подозревать внушение, имелись: в этой главе упоминалось об огромной силе, о сквернословии. Более того, в ней подробно описывалось течение одержимости по стадиям: «Первая — заражение — сюда входят нападение жертвы на предметы окружающей обстановки, шумы, запахи, перемещение предметов, вторая — одержимость — нападение на субъект с целью запугивания, нанесения увечий посредством ударов руками и ногами».

Может быть, она все это и читала. Но Каррас не был убежден. И Крис тоже. Она сильно в этом сомневалась.

Священник снова подошел к окну. Так где же ответ? Настоящая одержимость? Бес? Он опустил глаза и покачал головой. Нет. Это невероятно. Парапсихологические проявления? Конечно. Почему бы и нет? Сколько опытных наблюдателей описывало их. И терапевты, и психиатры. Например, Юнод. Но все дело в том, как ты преподнесешь эти проявления. Каррас опять вспомнил Ойстраха, его рассказ про шамана в горах Алтая. Шамана исследовали в больнице во время левитации. Незадолго до начала левитации его пульс участился сначала до ста, а потом до двухсот ударов в минуту. Заметно изменилась частота дыхания, поднялась температура. Его ненормальное состояние было тесно связано с физиологией. Оно было вызвано какой-то материальной силой или энергией.

Но в качестве доказательства настоящей одержимости церковь требовала иные внешние проявления, которые...

Каррас забыл формулировку и заглянул в книгу. Провел пальцем по странице и отыскал нужное место: «...достоверные внешние проявления, свидетельствующие о высшем вторжении в интеллект человека». «Есть ли это у Реганы?» — спросил себя Каррас.

Он прочитал строчки, которые отчеркнул для себя карандашом: «Изгоняющий бесов должен убедиться в том, что ни одно из проявлений не осталось незамеченным...»

Священник зашагал по комнате, перечисляя в уме признаки расстройства Реганы и пытаясь по возможности объяснить их. Он перебирал один признак за другим:

Невероятная перемена черт лица Реганы.

Частично вследствие болезни. Частично в результате плохого питания и ухода. Но скорее всего, решил он, из-за того, что лицо должно отражать психическую конституцию.

Невероятная перемена голоса.

Иезуит ни разу не слышал ее нормального голоса. Но даже если он и был высоким, как утверждает мать, постоянный крик мог огрубить голосовые связки, и, следовательно, голос стал более низким. Дело было даже не в этом, а в удивительной

громкости голоса, которая физиологически невозможна. И все же, подумал Каррас, в состоянии возбуждения и в патологии огромная сила и напряжение мышц считаются нормальным явлением. Не может ли это относиться и к голосовым связкам?

Резкое увеличение словарного запаса и объема знаний.

Криптомнезия: сохранившаяся и отложившаяся в глубине мозга информация, полученная с первого дня жизни. У сомнамбул, а иногда и у людей, находящихся при смерти, эта подсознательная информация пробивается наружу с поразительными подробностями.

Она узнала, что я священник.

Регана могла догадаться. Если она читала главу про одержимость, то могла ожидать, что к ней пришлют священника. Юнг утверждал, что подсознательная интуиция и чувствительность у истерических больных в десятки раз выше той, которую проявляют медиумы во время «чтения мыслей» и на сеансах спиритизма. Ведь «чтение мыслей» — это не что иное, как вибрации, незаметное сотрясение воздуха, идущее от человеческих рук. Эти вибрации создают определенный рисунок, он-то и является условным кодом для разных букв или чисел. Регана, угадав его профессию, могла «прочитать» и мысли священника. Она ведь наблюдала за его манерами, руками, могла почувствовать запах церковного вина.

Регана узнала, что у него умерла мать.

Всего лишь логический домысел. Ему уже сорок шесть лет.

«Помогите старому дьячку...»

Католичество признает телепатию как реальное и естественное явление.

Раннее развитие интеллекта у Реганы.

Психиатр Юнг, наблюдая однажды случай раздвоения личности, обладающей якобы оккультными способностями, сделал заключение, что истерический лунатизм не только обостряет чувственное восприятие, но и повышает интеллектуальные способности, так как новые, вторгающиеся личности оказываются намного умнее первой. «Но все же, — удивился Каррас, — может ли констатация факта объяснить его?»

Внезапно священник застыл над столом. Его осенило, что намек Реганы на Ирода был гораздо тоньше, чем ему сначала показалось: когда фарисеи рассказали Христу об угрозах Ирода, Христос ответил им: «Идите и скажите этой лисе, что я изгоняю бесов...»

Каррас взглянул на пленку с записью голоса и устало опустился на стул. Он прикурил еще одну сигарету... выпустил дым... и опять вспомнил братьев Бернеров и восьмилетнюю девочку со всеми признаками настоящей одержимости. Какую же книгу могла прочитать девочка, чтобы подсознательно так правдоподобно симулировать симптомы? И, может быть, одержимые в Китае каким-то образом связывались с одержимыми в Сибири, в Германии, в Африке, ведь симптомы всегда были одинаковы?

«Кстати, твоя мать с нами здесь, Каррас...»

Сигаретный дым поднимался вверх и возвращал Дэмьена

в прошлое. Он откинулся назад, уставившись на нижний левый ящик стола, затем выдвинул ящик и вытащил из него старую школьную тетрадь, тетрадь своей матери. «Обучение взрослого населения». Дэмьен положил ее на стол и с трепетом пролистал. Алфавит, опять и опять алфавит. Потом простые упражнения:

Урок 4.

Мой полный адрес.

Между страницами она пыталась написать ему письмо:

«Дорогой Димми,

Я долго ждала тебя...»

Еще одно письмо. Незаконченное. Дэмьен отвернулся. В окне привиделись ее глаза. В них застыла тоска.

«Отец наш, я недостойн...»

Глаза матери вдруг превратились в глаза Реганы. Они молили... Они ждали...

«Скажи хоть слово...»

Священник взглянул на пленку с записью голоса Реганы.

Он вышел из комнаты, прихватив с собой пленку, и направился в лабораторию. Отыскал свободный магнитофон. Сел. Заправил пленку. Надел наушники. Щелкнул выключателем. Подался поближе и приготовился слушать.

Некоторое время было слышно только шипение пленки. Потом раздался щелчок включаемого аппарата, и сразу же какой-то шум, звуки возни. «Привет...» Потом, видимо, пленку остановили. Откуда-то издали донесся приглушенный голос Крис Макнейл: «Не так близко к микрофону, малышка. Держи его чуть подальше». — «Так?» — «Нет, еще дальше». — «Так?» — «Да, вот так. Ну, давай. Говори дальше». Смех. Микрофон стучит по столу. Потом веселый голос Реганы Макнейл.

«Привет, папа! Это я. М-м-м-м». Опять смех и шепот в сторону: «Я не знаю, что говорить!» «Ну, расскажи ему, как у тебя дела. Расскажи, чем ты занимаешься». Снова смех. «М-м-м... папа... ну, я... Ты меня хорошо слышишь? Я... м-м... ну вот... м-м-м... мы... нет, подожди, сначала, нет... мы сейчас живем в Вашингтоне, знаешь? Это где президент и этот дом... ты знаешь, папа, он такой... нет, подожди, я лучше начну сначала. Ну вот. В общем, здесь...»

Остальное Каррас слышал неясно, звуки доносились издали, в ушах шумело, в груди, где-то внутри, всколыхнулось предчувствие: существо, которое я видел в той комнате, — не Регана!

Он вернулся к себе. Произнес молитву, а когда поднимал гостию, пальцы его задрожали. Дэмьен вдруг ощутил надежду, о которой не смел даже думать; против этой надежды восставала вся его воля, каждая клеточка, каждый нерв.

«Это мое тело...» — прошептал он с трепетом.

Нет, это хлеб! Это только хлеб!

Дэмьен не осмеливался полюбить вновь и опять потерять свою любовь. Прежняя утрата была для него слишком тяжела. Священник опустил голову и проглотил гостию. Надежда растаяла, а хлеб больно оцарапал его пересохшее горло.

После мессы Дэмьен позавтракал, набросал кое-какие заметки

и отправился читать лекцию в медицинскую школу Джорджтаунского университета. С трудом давалась плохо подготовленная речь: «... и рассматривая симптомы маниакальных состояний, вы...» «Папа, это я... это я...»

Но кто «Я»?

Каррас отпустил студентов пораньше и вернулся домой. Он сразу же сел за стол и еще раз просмотрел главу о признаках одержимости: «...телепатия... естественное явление... движение предметов... теперь предполагается... тело может излучать некий флюид... наши предки... наука... в настоящее время надо быть более осторожным. Однако сверхнормальные явления не выдерживают критики...» Дэмьен начал читать медленней: «...нужно тщательнее анализировать все разговоры, которые ведутся с пациентом. Если в них сохраняется логико-грамматическая структура и та же система ассоциаций, что и в нормальном состоянии, то одержимость следует поставить под сомнение».

Каррас тяжело задыхался. Он сильно устал за это время. Неужели единственная надежда для Реганы — это обряд изгнания? Неужели ему придется приподнять завесу прошлого?

Нет, нужно еще раз проверить. Он должен знать правду. Но как ее узнать? «...разговоры с больными надо тщательно...» Ну да. Почему бы не попробовать? Если обнаружится, что структура речи Реганы и «беса» совпадает, то даже со сверхнормальными проявлениями, конечно же... Верно. Только резкое отличие докажет, что одержимость возможна!

Священник нервно зашагал по комнате. Надо еще что-то срочно придумать. Она... Он остановился, уставившись в пол и сложив за спиной руки. Эта глава... Эта глава в книге по колдовству... Бесы всегда реагируют на священную гостию, она вводит их в ярость, как и другие реликвии... Святая вода! Вот то, что мне надо! Я приду к девочке и окроплю ее простой водопроводной водой, но скажу, что это святая вода! Если Регана среагирует на нее так, как должны реагировать на святую воду бесы, то будет ясно, что она не одержима... что причина во внушении... А если нет, то это...

Настоящая одержимость?

Может быть...

Дрожа, как в лихорадке, Дэмьен пошел искать пузырек для святой воды.

Уилли открыла священнику дверь. Еще из прихожей он взглянул на дверь спальни Реганы, откуда доносились крики. Кто-то ругался. Но это был уже не тот низкий громкоголосый бас. Голос отличался резкостью, в нем явственно слышался британский акцент... Когда Каррас видел Регану в последний раз, именно эта личность на секунду возникла перед ним.

Каррас посмотрел на Уилли, с удивлением рассматривающую его рясу.

— Скажите, пожалуйста, где миссис Макнейл? — обратился к служанке священник.

Уилли указала наверх.

— Спасибо.

Дэмиен поднялся по лестнице и увидел Крис. Она сидела рядом со спальней Реганы. Голова ее была опущена, руки сложены на груди. Когда иезуит подошел поближе, Крис услышала шорох его одежды и встала.

— Здравствуйте, святой отец.

Под глазами мешки. Каррас нахмурился:

— Вы спали?

— Немного.

Он с упрямом покачал головой.

— Я просто не могла, — вздохнула Крис, кивком указывая на спальню. — Это продолжается всю ночь. — Она взяла священника за рукав, будто пыталась увести его в сторону. — Пойдемте вниз, там мы сможем...

— Нет. Я хотел бы посмотреть на нее, — перебил Каррас, не трогаясь с места.

— Прямо сейчас?

Что-то неладно. Она напряжена. Чем-то напугана.

— А почему бы нет? — поинтересовался он.

Крис с опаской взглянула на дверь, ведущую в спальню. Оттуда доносился пронзительный мужской голос:

— Проклятый нацист! Нацистская свинья!

Крис отвернулась, потом в отчаянии кивнула:

— Идите. Идите к ней.

— У вас есть магнитофон?

Она метнула на него удивленный взгляд.

— Принесите его, пожалуйста, сюда, и еще чистую ленту.

Крис подозрительно нахмурилась:

— Зачем? Вы хотите записать?..

— Да. Невоз...

— Святой отец, я не могу...

— Мне нужно сравнить структуру ее речи, — резко перебил ее Каррас. — И, пожалуйста, запомните: вы должны мне доверять!

Из спальни выскочил Карл, вслед ему неся поток отборной ругани. Мрачное лицо швейцарца было землистого оттенка. В руках он сжимал пеленки и постельное белье.

— Ты их сменил, Карл? — спросила Крис, как только слуга закрыл за собой дверь.

— Да, сменил, — сухо отчеканил Карл и заспешил через холл к лестнице.

Крис посмотрела ему вслед и повернулась к Каррасу.

— Хорошо. Хорошо. Его принесут сюда. — Она неожиданно отвернулась и вышла из холла.

Каррас следил за ней, ничего не понимая. Что произошло? Потом прислушался. В спальне было тихо. Но тишина взорвалась вдруг дьявольским смехом. Каррас нащупал в кармане пузырек с водой, открыл дверь и шагнул в спальню.

Зловоние было еще сильнее, чем в прошлый раз. Священник прикрыл за собой дверь и устался на кровать.

Бес наблюдал за ним насмешливым взглядом. Глаза его были полны лукавства, ненависти и силы.

— Здравствуй, Каррас.

— Здравствуй, Дьявол. Как ты себя чувствуешь?

— В настоящий момент счастлив видеть тебя. Очень рад.— Язык вывалился наружу, глаза нахально рассматривали Карраса.— Теперь ты в своем обычном одеянии. Очень хорошо. Кстати, кто тебе сказал, что я — Дьявол?

— Разве не так?

— Нет. Просто бедный разбуянившийся демонишка. Черт. Однако я не совсем забыт нашим папочкой, который сейчас обитает в аду. Кстати, ты ведь ему не расскажешь о моей непростительной оговорке, Каррас? Не расскажешь, когда его увидишь?

— Я увижу его? Он здесь? — вздрогнул священник.

— В поросенке? Конечно, нет. Здесь только маленькая несчастная компания скитающихся душ, мой друг. Ты ведь не винишь нас за то, что мы здесь, правда? Дело в том, что нам деться-то некуда. Мы бездомные бродяги.

— И как долго ты собираешься здесь находиться?

Голова дернулась, Регану перекосило от ярости, и она зарычала:

— Пока не подойдет поросенок! — Неожиданно она откинулась назад и, пуская слюни, улыбнулась: — Между прочим, какой сегодня прекрасный день! Как раз для изгнания, Каррас.

Книга! Она прочитала это в книге!

— Ну начинай же. Побыстрее, пожалуйста.

— Разве тебе этого хочется?

— Безумно.

— Но это выгонит тебя из Реганы.

Закинув голову, бес дико расхохотался. Потом смех резко оборвался.

— Это нас сплотит.

— Тебя и Регану?

— Тебя и нас, мой милый друг, — заскрипел бас. — Тебя и нас.

Каррас замер. Он ясно почувствовал прикосновение к шее чьих-то рук. Будто кто-то дотронулся до него ледяными пальцами. Мгновением позже ощущение пропало. «Это от страха», — успокоил себя иезуит. От страха.

Страх перед чем?

— Ну да, ты присоединишься к нашей маленькой семейке, Каррас. Беда в том, моя крошка, что, хоть раз распознав знамение Бога и поверив в него, человек уже не имеет оправданий. Ты, наверное, заметил, как мало чудес происходит в последнее время? Не наша вина, Каррас, не обвиняй в этом нас. Мы стараемся.

Каррас дернулся и повернул голову, услышав резкий громкий скрип. Ящик шкафа был выдвинут на всю длину. Священник увидел, как ящик сам собой задвинулся с тем же противным скрипом. Что это? Он тут же успокоился, и душа его освободилась от мелькнувших на мгновение сомнений, подобно дереву, сбросившему оковы состарившейся коры. Психокинез. Каррас услышал хохот.

— Как приятно поболтать с тобой, Каррас,— оскалился бес.— Я чувствую себя свободным. Как развратник. Я расправляю свои огромные крылья. Ведь даже то, что я просто рассказываю тебе об этом, должно удесатерить твои проклятия, мой доктор, мой бездарный лекарь.

— Это ты сделал? Ты двигал сейчас ящик?

Но бес уже не слушал его. Он уставился на дверь. Кто-то приближался к спальне.

Черты его лица опять изменились, и перед Каррасом явилось новое существо.

— Проклятый мерзавец! — закричало оно с британским акцентом.— Поганый лгун!

Вошел Карл. Он быстро приблизился к кровати, держа в руках магнитофон, поставил его, отвернулся от Реганы и так же быстро вышел из комнаты.

— Прочь, Гиммлер! Прочь с моих глаз! Вали к своей косолапой дочке! Поднеси ей квашеной капустки и героинчику! Ей это придется по нраву, ей...

Неожиданно существо успокоилось и мирно наблюдало, как Каррас заправляет в магнитофон пленку.

— О, что у нас там новенького в программе? — радостно заверещало оно.— Мы что-то собираемся увековечить, падре? Как здорово! Я люблю новые роли, ты же понимаешь! Просто обожаю!

— Я — Дэмьен Каррас,— начал священник, когда магнитофон заработал.— А кто ты?

— Ты что же, меня не узнаешь? Ерунда какая-то.— Существо захохотало.— Кстати, где здесь дают выпить? А то у меня в горле пересохло.

Священник аккуратно поставил микрофон на ночной столик.

— Если ты назовешь мне свое имя, то я, пожалуй, поищу что-нибудь.

— Ну да, конечно,— хихикнуло существо.— А потом, я полагаю, сам все и вылакаешь.

Каррас нажал на кнопку «запись» и продолжал:

— Как тебя зовут?

— Задрюченный ворюга! — заорало существо. И в тот же момент исчезло. Вместо него появился бес.— А что мы сейчас делаем, Каррас? Записываем нашу милую трепотню?

Каррас напрягся. Он посмотрел на беса, переставил стул поближе к кровати и сел.

— Ты не возражаешь?

— Вовсе нет,— заскрипел бес.— Мне всегда нравились эти адские механизмы.

И вдруг новый сильный запах ударил в нос священнику, запах, похожий на...

— Квашеная капуста, Каррас. Ты заметил?

Действительно, пахнет квашеной капустой. Потом запах исчез, и его сменило обычное зловоние. Каррас нахмурился. Неужели показалось? Самовнушение? Он решил, что пора доставать пузырек. Хотя нет, еще рано. Надо записать побольше.

- С кем я говорил перед этим? — спросил Каррас.
- С одним из нашей компании, Каррас.
- С демоном?
- Ты ему льстишь.
- Каким образом?
- Слово «демон» означает «мудрый», а он придурок.

Иезуит восторженно.

- А на каком языке «демон» означает «мудрый»?
- На греческом.
- Ты говоришь по-гречески?
- Совершенно свободно.

Один из признаков! Она говорит на незнакомом языке. На подобное священник даже не рассчитывал.

— *Pos egnokas hoti presbyteros eimi?* — быстро задал он вопрос на классическом греческом языке.

- Я не в духе, Каррас.
- А-а-а. Тогда не умеешь...
- Я не в духе!

Каррас почувствовал разочарование.

- Это ты выдвигал ящик стола? — поинтересовался он.
- Да, уверяю тебя.
- Очень эффектно. — Каррас кивнул. — Ты действительно очень сильный демон. Интересно, а можешь повторить?
- В свое время повторю.
- Сделай, пожалуйста, сейчас, мне очень хочется посмотреть.

- В свое время.
- Почему не сейчас?

— Надо же оставить тебе сомнения, — прорычал бес. — Некоторые сомнения. Чтобы таким образом обеспечить правильный исход событий. — Он откинул голову и злобно рассмеялся. — Как нехарактерно для меня брать в союзницы истину и выигрывать с ее помощью! Как это заводит!

Ледяные пальцы вновь дотронулись до шеи. Каррас окаменел. Опять страх? Страх? Но страх ли это?

— Нет, не страх, — возразил бес, ухмыльнувшись. — Это я сделал.

Ощущение прикосновения пропало. Каррас нахмурился. Еще одно проявление. Телепатия? Проверить. Немедленно проверить.

- Ты можешь сказать, о чем я сейчас думаю?
- Твои мысли слишком скучно читать.
- Значит, ты не умеешь читать мысли.
- Думай, как хочешь...

Попробовать святую воду? Сейчас? Каррас слышал, как поскрипывает мотор магнитофона. Нет. Еще не время. Надо еще немного записать.

— Ты очаровательное создание, — начал Каррас.

Регана ухмыльнулась.

— Нет-нет, в самом деле, — продолжал Каррас. — Я бы с удовольствием послушал подробности о твоём прошлом. Ну, например, ты никогда не говорил мне, кто ты такой.

— Я — черт, — представился бес.
 — Да, знаю, но какой именно черт? Как тебя зовут?
 — Какая разница, Каррас? Зови меня Гауди.
 — Да-да, капитан Гауди. — Каррас кивнул. — Друг Реганы.
 — Очень близкий друг.
 — Правда?
 — В самом деле.
 — Тогда почему ты мучаешь ее?
 — Потому что я ее друг. Поросенку это нравится.
 — Нравится?
 — Она без ума от этого.
 — Но почему?
 — Спроси ее!
 — И ты разрешишь ей ответить?
 — Нет.
 — Тогда какой смысл спрашивать?
 — Никакого! — В глазах беса заблестела ярость.
 — С кем я говорил раньше? — выпытывал Каррас.
 — Ты уже спрашивал об этом.
 — Я знаю, но ты мне так и не ответил.
 — Еще один хороший приятель нашего сладкого поросеночка, дорогой Каррас.
 — Можно мне поговорить с ним?
 — Нет. Им сейчас занимается твоя мамаша. — Бес тихо загоготал и добавил: — Прекрасный язычок у твоей мамаша. И ротик замечательный.

Он хитро и выжидающе уставился на Карраса. Священник почувствовал резкий прилив ярости, но понял, что она относится не к Регане, а к бесу. Бес! Что случилось с тобой, Каррас? Он попробовал успокоиться, глубоко вздохнул, достал из кармана рубашки пузырек и откупорил пробку.

Демон насторожился:

— Что это?

— А ты разве не знаешь? — удивился Каррас, слегка прикрывая большим пальцем горлышко пузырька и разбрызгивая содержимое на Регану. — Это святая вода, черт.

В то же мгновение бес съезжился и начал корчиться, в ужасе выкрикивая:

— Она жжет! Она меня жжет! А-а-а! Прекрати это! Остановись, мерзкий святоша! Прекрати!

Каррас хладнокровно закрыл пузырек. Истерия. Внутренне. Она все же читала эту книгу. Он посмотрел на магнитофон. Зачем тогда записывать?

Заметив, что Регана затихла, Каррас взглянул на нее и нахмурился. В чем дело? Что происходит? Черты лица изменились, они лишь отдаленно напоминали только что виденную Каррасом страшную маску. Регана что-то бормотала. Очень медленно. Какой-то бред. Каррас подошел к кровати, нагнулся и стал вслушиваться. Что это? Набор звуков. И все же... Здесь прослеживается определенный ритм... Похоже на непонятный язык. Возможно ли это? Не будь дураком! И все-таки...

Каррас проверил уровень записи на магнитофоне. Слишком тихо. Он добавил громкость и стал прислушиваться, пригнув свою голову к губам девочки. Бред тем временем прекратился, слышно было только глубокое хриплое дыхание.

Каррас выпрямился.

— Кто ты? — обратился он к Регане.

— Откыньай, — выдохнула она. Стон. Потом шепот. Девочка говорила с надрывом, казалось, каждое слово вызывало у нее сильную боль. Веки задрожали.

— Откыньай.

— Это твоё имя? — нахмурился Каррас.

Губы зашевелились. Девочка лихорадочно произносила непонятные слоги. Что-то совсем неразборчивое. Внезапно прекратился и этот шепот.

— Ты понимаешь меня?

Тишина. Приглушенное глубокое дыхание. «Странный звук, — подумал Каррас. — Так дышат больные люди, когда спят в кислородной камере».

Иезуит ждал, надеясь услышать еще что-нибудь.

Тишина.

Каррас перемотал пленку и, прихватив кассету, поднял магнитофон.

Последний раз взглянул на Регану. В нерешительности задержался, уставившись на ослабшие ремни, потом вышел из комнаты и спустился вниз.

Крис и Шарон пили на кухне кофе. Заметив священника, они впились в него напряженными взглядами. Крис обратилась к Шарон:

— Иди проверь Регану. Хорошо?

Шарон отпила маленький глоток кофе, кивнула Каррасу и вышла. Священник устало опустился на стул.

— Ну как там? — спросила Крис, ловя его взгляд.

Каррас собрался было ответить, но в этот момент вошел Карл, вознамерившийся вычистить над раковиной кастрюлю.

Крис проследила за взглядом священника.

— Все нормально, — тихо успокоила она его. — Говорите. Как там дела?

— Появились две новые личности. Вернее, одна появлялась в прошлый раз, она говорит с британским акцентом. Это ваш знакомый?

— А это так важно? — переспросила Крис.

— Да, важно.

Крис опустила глаза и кивнула:

— Я его знаю.

— Кто это?

— Бэрк Дэннингс.

— Режиссер?

— Да.

— Режиссер, который...

— Да, — быстро вставила Крис.

Некоторое время иезуит молчал, обдумывая услышанное. Он заметил, как нервно подергиваются его пальцы.

— Вы не хотите выпить кофе?— предложила Крис.

Каррас покачал головой:

— Нет, спасибо.— Он облокотился на стол.— Регана была с ним знакома?

— Да.

— И...

Раздался звон падающей посуды. Крис вздрогнула, резко повернулась и увидела, что Карл уронил на пол сковородку.

— В чем дело, Карл?

— Извините, мадам.

— Выйди отсюда. Сходи в кино или еще куда-нибудь. Нельзя же нам всем сидеть в этом доме, как в тюрьме.— Крис повернулась к Каррасу, взяла пачку сигарет и, услышав, как он запротестовал, хлопнула ею по столу.

— Нет, я лучше посмотрю за...

— Карл, я не шучу! — не оборачиваясь, нервно вскричала Крис.— Убирайся! Уйди из дома, ну хоть ненадолго! Нам всем надо выходить отсюда. Иди!

— Да-да, иди! — поддержала вошедшая на кухню Уилли и отобрала у Карла сковородку.

Карл взглянул на Крис и Карраса и вышел.

— Извините, святой отец, — смущенно пробормотала Крис.— Ему так много пришлось пережить в последнее время.

— Вы правы, — мягко начал Каррас.— Все должны стараться понемногу выходить из дома. И вы в том числе.

— Так что говорил Бэрк? — поинтересовалась Крис.

— Он ругался, — пожал печами Каррас.

— И это все?

Священник заметил, что голос ее дрогнул.

— Разве этого недостаточно? — Он заговорил тише.— Кстати, у Карла есть дочь?

— Дочь? Нет, я ничего не знаю. Если и есть, то он о ней никогда не говорил.

Уилли чистила кастрюли у раковины, и Крис обернулась к ней.

— Разве у вас есть дочь, Уилли?

— Она умерла, мадам. Очень давно.

— Извини меня.

Крис повернулась к Каррасу.

— Я сама об этом первый раз слышу, — прошептала она.— А почему вы спросили? Откуда вы узнали?

— Регана говорила о ней, — ответил Каррас.

Крис молча уставилась на него.

— А вы никогда не замечали у нее сверхчувствительного восприятия? — спросил священник.— Я имею в виду, до болезни.

— Ну... — Крис запнулась.— Даже не знаю. Я не уверена. То есть, бывало, что наши мысли совпадали, но мне кажется, это часто происходит с близкими людьми.

Каррас кивнул и задумался.

— А вторая личность, о которой я говорил, — начал он, — это она появлялась во время гипнотического сеанса?

— Та, которая бредит?

— Да. Кто это?

— Я не знаю.

— Она вам совсем незнакома?

— Нет.

— А вы посылали за медицинскими отчетами?

— Да, их привезут сегодня и сразу же передадут вам.— Крис отпила глоток кофе.— Мне это стоило большого труда.

— Я знал, что вы столкнетесь с трудностями.

— Трудности были, но тем не менее документы вам принесут. Как как же насчет изгнания беса, святой отец?

Каррас опустил глаза и вздохнул:

— Я не совсем уверен, что епископ одобрит это изгнание.

— Что значит «не совсем уверен»? — Крис поставила чашку на стол и нетерпеливо взглянула на священника.

Иезуит сунул руку в карман и вынул оттуда пузырек.

— Вы видите это?

Крис кивнула.

— Я сказал девочке, что это святая вода,— объяснил Каррас.— И когда начал разбрызгивать ее, Регана реагировала очень бурно.

— Ну и что?

— Это не святая вода. Это обыкновенная водопроводная вода.

— Может быть, некоторые бесы просто не знают разницы?

— Вы действительно верите, что в ней сидит бес?

— Я верю, что Реганой завладел тот, кто хочет ее убить, отец Каррас. А может ли он отличить мочу от воды, по-моему, не так уж и важно. Разве я не права? Извините, конечно, но вы хотели знать мое мнение! Какая разница между святой водой и водопроводной?

— Святую воду освящают.

— Великолечно, отец Каррас, я так счастлива, что узнала об этом! Значит, вы говорите, об изгнании не может быть и речи?

— Нет, я только начал разбираться в этом деле,— горячо возразил Каррас.— Но у церкви свои критерии, и с ними надо считаться. Нельзя без разбора верить во все предрассудки и рассказы о левитирующих священниках или плачущих статуях святой девы Марии. Я не хочу стоять в одном ряду с такими рассказчиками.

— Вы не хотите принять либриум, святой отец?

— Извините, но вы хотели знать мое мнение.

— И я узнала его.

Каррас полез за сигаретами.

— Дайте и мне тоже,— попросила Крис.

Иезуит протянул ей пачку, поднес спичку и прикурил сам. Они шумно выдохнули дым и тяжело откинулись на спинки стульев.

— Извините,— мягко проговорил священник.

— Такие крепкие сигареты вас погубят.

Он повертел в руках пачку, шелестя целлофаном.

— У нас есть все необходимые церкви признаки. Ваша дочь

говорит на языке, который никогда прежде не знала и не изучала. Я все записал на пленку. Потом ее ясновидение. Правда, современные взгляды на телепатию и сверхчувствительное восприятие несколько иные, чем в средние века, и церковь может не принять их как доказательство одержимости.

— А вы сами-то верите в эту чепуху? — Крис нахмурилась.

Каррас посмотрел на нее и продолжил:

— И последнее — ее сила. Она не соответствует ни ее возрасту, ни ее состоянию. Это уже ближе к мистике.

— А стук в стенах?

— Сам по себе он ничего не значит.

— А то, как она подпрыгивала на кровати?

— И этого недостаточно.

— А чертовщина на коже?

— Что такое?

— Разве я вам не рассказывала?

— О чем?

— О, это было в больнице, — объяснила Крис. — Там были... — Она провела пальцем по груди. — Ну, как надпись. Просто буквы. Они появились у нее на груди, а потом исчезли.

Каррас нахмурился.

— Вы сказали «буквы», а не целые слова?

— Нет, не слова. Сначала один или два раза появлялась буква «М», потом «П».

— Вы это видели? — спросил Каррас.

— Нет, мне рассказывали.

— Кто?

— Врачи из больницы. Все записано в истории болезни.

— Я вам верю. Но опять же повторяю: это естественное явление. Оно встречается довольно часто.

— Где? В Трансильвании? — недоверчиво поинтересовалась Крис.

Каррас покачал головой.

— Нет, я читал об этом в журнале. Мне запомнился один случай. Тюремный психиатр сообщил, будто один из заключенных мог по своему желанию впадать в транс, и в этом состоянии у него на груди появлялись знаки Зодиака. — Иезуит провел рукой по груди. — Он заставлял кожу на груди приподниматься в определенных местах.

— Пожалуй, вы не очень-то верите в чудеса.

— Однажды был проведен такой эксперимент, — спокойно объяснил Каррас. — Пациента загипнотизировали, ввели в транс и на каждой руке сделали надрезы. Ему сказали, что левая рука будет кровоточить, а правая — нет. И действительно, кровь пошла только из левой руки. Сила мозга удерживала ток крови. Мы не знаем, как это происходит, но факты налицо. То же самое и со знаками у заключенного, то же самое и у Реганы: подсознание контролирует скорость течения крови и посылает ее увеличенное количество туда, где кожа должна вздуться. Таким образом появляются рисунки, буквы или что угодно. Это, конечно, таинственно, но вряд ли сверхъестественно.

— С вами очень трудно, святой отец.

Каррас прикусил ноготь большого пальца.

— Я попробую вам объяснить,— начал он.— Церковь — заметьте, не я, а церковь,— издала однажды предупреждение для священников, занимающихся изгнанием бесов. Я читал его вчера вечером. Там было сказано, что большинство людей, считающих себя одержимыми,— я цитирую,— «гораздо больше нуждаются в помощи врача, нежели священника». Как вы думаете, в каком году было издано это предупреждение?

— В каком же?

— В тысяча пятьсот восемьдесят третьем.

Крис удивленно взглянула на него и задумалась. Потом она услышала, что священник встает со стула.

— Разрешите, я подожду, когда принесут больничные записи, и просмотрю их?

Крис кивнула.

— А пока что,— продолжал иезуит,— я выберу из пленок нужные места и отвезу их в Институт лингвистики. Может быть, это бессмысленное бормотание все-таки имеет отношение к какому-нибудь языку. Хотя я и сомневаюсь в этом, но все может быть. Там выявят еще и структуру речи. Если она окажется постоянной, вы можете быть уверены, что девочка не одержима.

— И что тогда? — заволновалась Крис.

Священник пристально посмотрел на нее. Крис была обеспокоена. Беспокойтесь, что ее дочь не одержима! Он вспомнил Дэннингса. Что-то здесь не то. Совсем не то.

— Мне очень неудобно просить вас, но не могли бы вы одолжить мне на некоторое время свою машину?

— На некоторое время я могу вам одолжить хоть собственную жизнь,— пробормотала Крис.— Только верните машину к четвергу, вдруг она мне понадобится.

С болью смотрел Каррас на эту незащищенную, поникшую женщину. Ему так хотелось взять ее за руку и успокоить, сказав, что все уладится. Но как это сделать?

— Подождите, я дам вам ключи,— заговорила она.

Получив ключи, Каррас прошел в комнату, взял пленку с записью голоса Реганы и возвратился на стоянку, где была припаркована машина Крис.

Садясь в машину, он услышал с крыльца оклик Карла:

— Отец Каррас!

Каррас обернулся. Карл бежал к нему, натягивая на ходу куртку, и махал рукой.

— Отец Каррас! Подождите минутку!

Каррас опустил стекло, и Карл просунул в окно голову.

— Вы в какую сторону едете, отец Каррас?

— На круг Дюпон.

— Это здорово. Вы меня туда не подбросите, святой отец? Можно?

— Рад буду помочь. Садитесь.— Каррас завел мотор.— Сделаю доброе дело, если вывезу вас отсюда на некоторое время.

— Да, я пойду в кино. Идет хороший фильм.

Каррас включил скорость, и машина тронулась.

Некоторое время они ехали молча.

Каррас был занят своими мыслями. Одержимость. Невозможно. Святая вода. И все-таки...

— Карл, вы ведь хорошо знали мистера Дэннингса?

Карл уставился на ветровое стекло, потом кивнул:

— Да, я его знал.

— Когда Регана... когда она пытается изобразить Дэннингса, вам не кажется, что она действительно на него похожа?

Молчание. Потом короткий сухой ответ:

— Да.

Больше они не разговаривали. Выехав на круг Дюпон, машина затормозила перед светофором.

— Я сойду, отец Каррас,— сказал Карл, открывая дверь.— Здесь можно пересестись на автобус. Большое спасибо, вы меня очень выручили.

Швейцарец стоял посреди улицы и ждал, когда загорится зеленый свет. Он улыбнулся, помахал священнику рукой и следил за машиной, пока она не скрылась за поворотом на Массачусетс Авеню. Потом побежал к автобусу и сел в него. Проехав несколько остановок, Карл сделал пересадку, доехал до северо-западного жилого района и зашагал к полуразрушившемуся старому зданию.

Он остановился около мрачной лестницы и задумался. Из кухни несло кислятиной. Где-то в квартире надрывался ребенок. Швейцарец опустил голову. Из-под плинтуса выполз таракан и заспешил к лестнице. Карл вцепился в перила и хотел было вернуться, но потом покачал головой и пошел наверх. На третьем этаже он свернул в темный закуток и остановился перед дверью. Постоял так некоторое время, положив руку на дверную ручку, и нажал на кнопку звонка. Из глубины квартиры донесся скрип пружин. Кто-то раздраженно выругался. Понимались неровные шаги, как будто человек шел в ортопедической обуви. Дверь неожиданно приоткрылась, гремя, натянулась дверная цепочка, и в образовавшейся щели показалась женщина в одной комбинации. Из уголка рта торчала сигарета.

— А, это ты,— мрачно произнесла она и сняла цепочку.

Карл наткнулся на ее жесткий взгляд. Эти глаза, похожие на два переполненных болью колодца, обвиняли его. Он разглядел печальный изгиб рта на опустошенном лице молодой девушки, похоронившей свою юность и красоту в дешевых гостиничных номерах, ночами тоскующей по несостоявшейся жизни.

— Скажи там, чтобы побыстрее проваливали! — донесся из глубины квартиры мужской голос.

Девушка грубо отрезала:

— Не треньхайся, это мой папаша!

Потом повернулась к Карлу:

— Пап, он пьяный. Ты лучше туда не ходи.

Карл кивнул.

Равнодушные глаза молча следили за его руками. Карл достал из заднего кармана брюк бумажник.

— Как мама? — поинтересовалась девушка, затягиваясь сигаретным дымом и не сводя глаз с бумажника. Карл вынул деньги и отсчитывал десятидолларовые купюры.

— Она чувствует себя хорошо.— Он кивнул.— Мама чувствует себя хорошо.

Девушка судорожно закашлялась и прикрыла рот рукой.

— Проклятые сигареты,— прохрипела она.

Карл заметил у нее на руке следы от уколов.

— Спасибо, пап.

Он почувствовал, как она вытягивает у него из пальцев деньги.

— О Боже, нельзя там побыстрее? — заорал мужчина из комнаты.

— Слушай, пап, давай поскорей, а? Ты же его знаешь!

— Эльвира!..— Карл неожиданно сделал шаг вперед и схватил ее за руку.— Сейчас в Нью-Йорке открылась больница! — почти умоляя, прошептал он.

Дочь скорчилась и попыталась вырвать руку.

— Ну хватит!

— Я пошлю тебя туда! Они помогут! Тебя не посадят в тюрьму! Это...

— О Боже мой, ну хватит, па! — хрипло воскликнула девушка, высвободив, наконец, руку.

— Нет, прощу тебя! Это...

Она захлопнула перед ним дверь.

Карл горестно опустил голову — последняя его надежда рухнула.

Из квартиры раздалось приглушенные голоса, послышался циничный женский смех, перешедший в кашель.

Карл повернулся и застыл на месте. Перед ним стоял лейтенант Киндерман.

— Может быть, мы поговорим, мистер Энгстром? — засопел детектив. Он стоял, засунув руки в карманы, и грустно смотрел на Карла.— Я думаю, теперь мы можем поговорить...

ГЛАВА ВТОРАЯ

В кабинете директора Института лингвистики Каррас вставил в магнитофон кассету.

Он выбрал на пленке нужные места и переписал их на отдельную кассету. Сейчас Каррас собирался прослушать первую запись. Он включил магнитофон и отошел от стола. Каррас и директор молча слушали лихорадочное и невнятное бормотание Реганы. Потом Каррас повернулся к директору.

— Что это, Фрэнк? Это язык?

Директор — полный седеющий мужчина — сидел на краю письменного стола. Пленка кончилась. Лицо Фрэнка выражало крайнее удивление.

— Какая-то дикость. Где вы это взяли?

Каррас остановил магнитофон.

— Эта запись хранится уже несколько лет. У меня был пациент, страдающий раздвоением личности. А сейчас я пишу статью по этому вопросу.

— Понятно.

— Ну, и что вы думаете?

Директор снял очки и начал покусывать черепаховую оправу.
— Нет, лично я такого языка никогда не слышал. Однако...— Он нахмурился. И опять взглянул на Карраса.— Можно еще раз прокрутить?

Каррас быстро перемотал пленку и запустил ее еще раз.

— Ну, теперь ваше мнение не изменилось?

— Ритм, характерный для языков вообще, здесь присутствует.

— Да, мне тоже так показалось,— согласился Каррас.

— Но язык мне незнаком, святой отец. Он древний или современный? Или вы сами этого не знаете?

— Не знаю.

— Оставьте пленку у меня. Я попрошу ребят, и они проверят.

— Фрэнк, а вы не могли бы переписать ее? Я должен оставить оригинал у себя.

— Да-да, конечно.

— Но это еще не все. У вас есть время?

— Да. Что там у вас?

— Если я дам вам пленку с записью речи двух разных людей, не могли бы вы, сделав семантический анализ, сказать, принадлежит ли речь в первом и во втором случаях одному и тому же лицу?

— Думаю, что смогу.

— Каким образом?

— Здесь можно применить метод подсчета частоты употребления тех или иных знаков. Если у вас есть запись из тысячи или более слов, можно подсчитать количество разных частей речи.

— А можно ли положиться на такой вывод?

— Безусловно. Почти на сто процентов. Такая проверка выявляет разницу и в основном словарном запасе. Здесь имеют значение не столько сами слова, сколько стиль. Мы это называем «индексом разнообразия». Дилетанту здесь разобраться трудно, что, впрочем, нас устраивает.— Директор чуть заметно улыбнулся. Потом кивком указал на пленки, которые Каррас держал в руках.— Если я правильно понял, здесь записана речь двух разных людей.

— Нет. И голос, и слова принадлежат одной и той же личности, Фрэнк. Я уже говорил вам, это случай раздвоения личности. И слова, и голоса кажутся совершенно разными, но все это принадлежит одному и тому же лицу. Я буду вам очень обязан.

— Вы хотите, чтобы я проверил записи? С радостью. Я передам их специалисту.

— Нет, Фрэнк, я прошу вас о большем — чтобы это сделали именно вы и как можно скорее. Это очень важно.

Директор заглянул ему в глаза и поспешно кивнул.

— Хорошо-хорошо, я займусь этим.

Фрэнк сделал копию записи с пленки священника, и Каррас вернулся в свою комнату. На полу за дверью он нашел записку. В ней сообщалось, что история болезни уже доставлена.

Каррас расписался за пакет. Вернувшись в комнату, он не-

медленно принялся за чтение и вскоре убедился, что напрасно ездил в институт.

«...предполагается навязчивая идея вины с последующим истерико-сомнамбулическим...»

Но сомнения все-таки остались. Все зависит от того, как объяснять эти явления. А пятна на коже у Реганы? Каррас закрыл лицо руками. То, о чем рассказывала Крис, действительно упоминалось в бумагах. Но там также указывалось, что у Реганы сверхактивная кожа, и она сама могла это делать, проводя по груди пальцем незадолго до появления букв. Обычная дерматография.

Она сама это делала. Каррас был убежден в этом. Как только Регане стянули ремнями руки, таинственные буквы больше ни разу не появлялись.

Обман. Сознательный или подсознательный, но все равно обман.

Священник поднял глаза и взглянул на телефон. Может, позвонить Фрэнку? Он снял трубку. Абонент не отвечал, и Каррас продиктовал автоответчику, чтобы Фрэнк ему перезвонил. Измученный и уставший, он медленно поднялся и побрел в ванну. «...Изгоняющий дьявола должен убедиться в том, что не осталось признаков...» Дэмьен глянул на свое отражение в зеркале. Может быть, он что-то упустил? Что? Запах квашеной капусты. Каррас повернулся, снял с вешалки полотенце и вытер лицо. Самовнушение, вспомнил он. К тому же люди с психическими заболеваниями так умеют переделывать свой организм, что от тела начинают исходить самые различные запахи.

Удары... Ящик, открывающийся и закрывающийся сам по себе. Телекинез? Но может ли это быть? «Неужели вы верите в эту чепуху?» Мысли путались и разбегались. Слишком устал. Тем не менее Каррас продолжал думать о Регане.

Он вышел из здания и направился в университетскую библиотеку, нашел нужный журнал и прочитал статью немецкого психиатра Ганса Бендера об исследовании явлений парапсихологии.

Сомнений нет, решил Каррас, закончив чтение: психокинез существует, в его пользу говорят авторитетные документы, случаи, которые удалось заснять на пленку, и случаи в психиатрических клиниках. Но ни в одном из них даже не упоминалось об одержимости бесами. Предполагалось, что телекинез достигается за счет энергии мозга, высвобожденной подсознательно и (что особенно произвело на Карраса впечатление) встречающейся у подростков в моменты «чрезвычайно высокого внутреннего напряжения, расстройства или озлобленности».

Каррас протер усталые глаза, еще раз просмотрел выдержки с описанием симптомов, тщательно обдумывая каждый из них. «Что же пропущено? — удивлялся он. — Что?»

И тут же с отчаянием осознал, что ответом было жестокое слово: «НИЧЕГО».

Каррас вернул журнал и направился к дому миссис Макнейл. Уилли открыла ему дверь и провела в кабинет.

Крис, облокотившись на стойку бара и подперев руками голову, стояла спиной к священнику.

— Здравствуйте, святой отец.

В ее голосе сквозило отчаяние. Обеспокоенный священник подошел к актрисе.

— Вам плохо? — тихо спросил он.

— Нет, мне хорошо.

Эту фразу она почти выдавила из себя. Каррас нахмурился. Крис закрыла лицо руками. Руки дрожали.

— Что вы делали? — спросила Крис.

— Я читал больничные записи. — Каррас подождал. Она не отвечала. Тогда он заговорил снова: — Я считаю... Поймите, лично мое мнение таково, что Регане сейчас помогут психиатры и соответствующее лечение.

Крис медленно покачивала головой.

— Где ее отец? — спросил священник.

— В Европе, — чуть слышно прошептала Крис.

— Вы сообщили ему, что случилось?

Крис столько раз порывалась рассказать ему обо всем. Может быть, это несчастье снова их сблизило бы. Но Говард и священники... Это невозможно. Ради Реганы Крис решила ничего ему не говорить.

— Нет, — тихо ответила она.

— Мне кажется, будет лучше, если он приедет сюда.

— Послушайте, нет ничего лучше, чем то, что далеко от нас! — неожиданно взорвалась Крис. — И нет никого лучше, чем тот, кто убирается от нас ко всем чертям!

— Я думаю, стоит послать за ним.

— Зачем?

— Это может...

— Я просила вас выгнать дьявола, а не тащить сюда еще одного! — истерично закричала Крис. Лицо ее искажилось от страданий. — Что же вдруг случилось со всеми священниками?

— Послушайте...

— На кой черт мне здесь Говард?

— Мы можем поговорить об этом...

— Так поговорите об этом сейчас! На кой черт здесь нужен Говард? Какой от него толк?

— Есть сильные подозрения, что расстройство Реганы как раз началось с ее чувства вины по поводу...

— По поводу чего?

— Это может быть...

— Развод? Этот бред я уже слышала от психиатров!

— Видите ли...

— Регана виновата, потому что она убила Бэрка Дэннингса! — завизжала Крис, со всей силой сдавив руками виски. — Она убила его! Регана убила его, и теперь ее пытаются убить! Ее посадят в тюрьму! О Боже мой, Боже мой...

Крис зарыдала и пошатнулась. Каррас подхватил ее и проводил до дивана.

— Успокойтесь, — тихо повторял он, — успокойтесь.

— Нет, они все равно ее уберут! — всхлипывала женщина. — Все равно... они... ее... О-о-о! Боже мой!.. Боже мой!

— Ну, успокойтесь.

Каррас усадил Крис на диван, помог лечь, а сам присел на край дивана и взял ее ладони в свои руки.

Он думал о Киндермане. О Дэннингсе. Об этих слезах. Нет, все это нереально.

— Успокойтесь, все в порядке... не переживайте... так... успокойтесь...

Вскоре всхлипывания прекратились, и Крис, приподнявшись, села. Каррас принес ей воды и пачку бумажных салфеток, найденных им на полке в баре. Потом снова присел рядом с Крис.

— Я рада, — проговорила она, сморкаясь. — Боже, как я рада, что наконец-то рассказала об этом.

Карраса одолело смятение. Чем спокойней становилась Крис, тем сильнее он сам начинал волноваться. Необъяснимая и гнетущая тяжесть навалилась на священника. Он весь напрягся изнутри! Нет! Молчи! Не говори больше ничего!

— Может быть, вы хотите мне еще что-то сказать? — тихо вымолвил Каррас.

Крис кивнула, глубоко вздохнула и вытерла глаза. Очень сбивчиво и отрывочно она рассказала о Киндермане, о книге, о своей уверенности в том, что Дэннингс заходил к Регане в спальню, о невероятной силе Реганы и о том, как она увидела повернувшееся к ней на 180° лицо Дэннингса.

Крис замолчала. Теперь она ждала, что скажет священник. Некоторое время Каррас обдумывал услышанное. Наконец тихо проговорил:

— Вы же не знаете, что это сделала она.

— Но голова повернулась и уставилась на меня, — воскликнула Крис.

— Вы сами довольно сильно ударились головой о стену, — возразил Каррас. — К тому же находились в шоковом состоянии. Вам это показалось.

— Она сама сказала мне об этом, — настаивала Крис безжизненным голосом.

Молчание.

— А Регана не рассказала вам, как именно она это проделала? — поинтересовался Каррас.

Крис отрицательно покачала головой.

— Нет, не говорила.

— Тогда ее слова ничего не значат, — заверил Каррас. — Это все ерунда, раз Регана не рассказала вам все подробности, знать которые может только убийца.

Крис с сомнением пожала плечами.

— Я не знаю, — промолвила она. — Не знаю, правильно ли я поступила. Я считаю, что это сделала Регана и что она может убить еще кого-нибудь. Я не знаю... — Крис замолчала. — Святой отец, что же мне делать?

Ощущение тяжести, обрушившейся на него, становилось все

отчетливей и острее, и Каррас внезапно осознал, что эта тяжесть никогда больше его не оставит.

Он уперся локтями в колени и прикрыл глаза.

— Вы правильно поступили, что рассказали мне обо всем,— спокойно начал Каррас.— А сейчас перестаньте думать об этом и положитесь на меня.

Священник почувствовал ее взгляд и обернулся.

— Вам лучше?

Крис кивнула.

— Вы не сделаете мне одолжения?

— Что такое?

— Сходите в кино.

Она вытерла ладонью глаза и улыбнулась:

— Я терпеть не могу кино.

— Тогда сходите в гости к друзьям.

Крис положила руки на колени и тепло взглянула на Карраса.

— Мой друг сидит передо мной,— произнесла она.

Иезуит улыбнулся.

— Отдохните-ка лучше,— посоветовал он.

— Ладно.

Каррас снова задумался.

— Вы считаете, что это Дэннингс отнес книгу наверх? Или она уже была там?

— Я думаю, что она уже была там,— ответила Крис.

Священник обдумал ее ответ. Встал.

— Ну, хорошо. Вам нужна сейчас машина?

— Нет, можете пока оставить ее у себя.

— Отлично. Я к вам зайду попозже.

— До свидания, святой отец.

— До свидания.

Дэмьен в полном смятении вышел на улицу. В голове все перемешалось. Регана. Дэннингс. Невозможно! Нет! И все же... Крис, впад в истерику, почти убедила его. Вот в том-то и дело: истеричное воображение. И все же... он перебирал все варианты и искал, искал ответ.

Вернувшись к себе, иезуит позвонил в институт. Но Фрэнка там не оказалось. Дэмьен положил трубку. Святая вода. И водопроводная вода. Что-то здесь не так. Он открыл «Инструкцию для изгоняющих дьявола»: «злые духи... неверные ответы... таким образом может показаться, что данная личность не одержима...» Каррас задумался. Черт возьми! Какие еще «злые духи»?

Он с треском захлопнул книгу, взгляд его упал на медицинские записи. Дэмьен перечитал их, отыскивая места, которые можно было упомянуть в разговоре с епископом.

Вот. Нет подозрения на истерию. Это уже кое-что. Но мало. Нужно еще. Смутно припоминалось какое-то несоответствие. Но какое? Дэмьен отчаянно пытался вспомнить. И вдруг его осенило.

Он поднял трубку, набрал номер и услышал сонный голос Крис:

— Это вы, святой отец?

— Вы спали? Извините.

— Ничего.

— Крис, где этот доктор... — Каррас заглянул в свои записи. — Доктор Кляйн?

— В Росслине.

— В больнице?

— Да.

— Позвоните ему и передайте, что к нему зайдет доктор Каррас, который желает посмотреть ЭЭГ Реганы. Скажите, доктор Каррас. Вы меня поняли?

— Поняла.

— А с вами я поговорю попозже.

Повесив трубку, Каррас быстро переоделся в свитер и брюки цвета хаки. Сверху он надел черный плащ и застегнул его на все пуговицы. Посмотрев на себя в зеркало, он нахмурился. Так выглядят только священники и полицейские. В их одежде всегда найдется какая-нибудь деталь, сразу указывающая на профессию. Каррас расстегнул плащ, снял черные ботинки и надел белые теннисные тапочки.

Он сел в машину Крис и поехал в Росслин. Остановившись у светофора перед мостом, Дэмьен выглянул из окна и обомлел. Из черной полицейской машины на 35-й улице перед винным магазином Дикси выходил Карл. За рулем машины сидел Киндерман.

Загорелся зеленый свет. Каррас дал полный ход и вырвался вперед. Он въехал на мост и глянул в зеркальце заднего вида. Видели они его или нет? Вряд ли. Но почему они были вместе? Что это: чистая случайность? Или тоже связано с Реганой?

Забудь об этом! Нельзя все время думать об одном и том же.

Каррас припарковал машину у больницы и принялся разыскивать кабинет Кляйна. Доктор был занят, но медсестра передала Каррасу электроэнцефалограмму. В отдельном кабинете Дэмьен, пропуская между пальцев длинную узкую полоску бумаги, изучал результат ЭЭГ.

Вскоре к нему присоединился Кляйн.

— Доктор Каррас?

— Да. Рад с вами познакомиться.

— Я — доктор Кляйн. Как дела у девочки?

— Ей лучше.

— Рад слышать.

Каррас вернулся к изучению рисунка. Кляйн водил пальцем по зигзагообразной линии.

— Видите? Волны очень ритмичные. Никаких отклонений.

— Да, вижу, — Каррас нахмурился. — Очень любопытно.

— Любопытно? Если учитывать, что мы имеем дело с истерией...

— Я полагаю, что это пока малоизвестно, — пробормотал Каррас, продолжая рассматривать ленту. — Бельгиец Айтека обнаружил, что при истерии наблюдаются довольно странные колебания волн на рисунке. Очень незначительные, но постоянные изменения. Я искал их здесь, но пока не смог найти.

Кляйн ухмыльнулся:

— Ну и что?

Каррас посмотрел в его сторону:

— Но все-таки, когда вы делали ЭЭГ, у нее было расстройство?

— Да, было. Я бы сказал, что было. То есть, конечно же, было.

— Неужели вас не поразило то, что результаты получились идеальные? Даже в нормальном состоянии субъекты способны менять рисунок волн в пределах допустимого, а у Реганы было расстройство. Можно было логически предположить, что на ЭЭГ появятся колебания. Если...

— Доктор, миссис Симмонс нервничает,— перебила его медсестра, открывая дверь.

— Да-да, иду,— вздохнул Кляйн.

Медсестра поспешно удалилась. Кляйн шагнул к выходу и обернулся:

— Кстати, об истерии,— сухо вставил он.— Извините, мне надо бежать.

Кляйн закрыл за собой дверь. Каррас услышал его торопливые шаги. Потом стало слышно, как в приемной открылась дверь, и оттуда донесся голос:

— Ну, как мы себя сегодня чувствуем, миссис?..

Дверь закрылась. Каррас вернулся к бумажной ленте, досмотрел ее, свернул, перевязал и вернул медсестре в приемной. Что-то есть. Об этом он мог упомянуть в разговоре с епископом. Каррас мог утверждать, что у Реганы не истерия, а значит, она, возможно, одержима. С другой стороны, ЭЭГ породила еще одну загадку: почему на ней не было отклонений? Совсем никаких?!

Священник возвращался к дому Крис, но у дорожного знака на углу 35-й улицы и Проспект-стрит сердце его екнуло: между знаком и домом иезуитов стояла машина Киндермана. Детектив сидел в машине один, высунув из окна локоть и уставившись прямо перед собой.

Каррас нашел свободное место, припарковал машину и запер ее. Неужели он наблюдает за домом? Призрак Дэннингса вновь отчетливо встал перед его глазами. Неужели Киндерман думает, что Регана...

Спокойно. Не спеши. Спокойно.

Священник подошел к машине и нагнулся к окошку:

— Здравствуйте, лейтенант.

Детектив быстро обернулся, удивленно посмотрел на него, а потом расплылся в улыбке:

— А, отец Каррас.

Успокойся! Каррас почувствовал, что ладони у него увлажнились и похолодели.

Спокойней. Не показывай ему, что ты волнуешься! Спокойней!

— С вас сейчас штраф возьмут, вы это знаете? По будням с 4 до 6 здесь запрещена остановка.

— Не важно,— засопел Киндерман.— Я ведь разговариваю со священником. А здесь все полицейские набожные.

— Как у вас дела?

— Говоря откровенно, отец Каррас, так себе. А у вас?

— Не могу пожаловаться. Вы так и не раскрыли то дело?

— Какое дело?

— Смерть режиссера.

— А, это... — Детектив махнул рукой. — Лучше не спрашивайте. Послушайте, а что вы делаете сегодня вечером? Вы не заняты? У меня есть пропуск в «Крэст». Там сейчас идет «Отелло».

— А кто играет?

— Дездемону — Молли Пайкон, а Отелло — Лео Фукс. Вы довольны? Это же Шекспир! Какая разница, кто играет! Так вы идете?

— Боюсь, что нет. У меня очень много работы.

— Вижу. Извините, но выглядите вы отвратительно. Засиживаетесь допоздна?

— Я всегда выгляжу отвратительно.

— А сейчас хуже обычного. Бросьте свои дела! Один вечер можно и отдохнуть. Пойдемте!

Каррас решил проверить Киндермана:

— А вы уверены, что именно эти актеры в главных ролях? Мне помнится, что сейчас на экранах идет картина с участием Крис Макнейл.

Детектив не отреагировал:

— Нет, я уверен. Там идет «Отелло».

— Кстати, что вас привело в наши места?

— Я приезжал специально из-за вас, хотел пригласить в кино.

— Да, конечно, гораздо проще приехать, чем позвонить по телефону, — съязвил Каррас.

Детектив невинно поднял брови и развел руками.

— Ваш номер был занят.

Иезуит молча уставился на него.

— Что случилось? — спустя мгновение поинтересовался Киндерман.

Каррас с мрачным видом просунул внутрь машины руку и приподнял Киндерману веко. Осмотрел глаз.

— Не знаю. Вы ужасно выглядите. У вас может развиться мифомания.

— Я не знаю, что это такое, — проговорил Киндерман, когда Каррас убрал руку. — Это серьезно?

— Не смертельно.

— Но что это? Я умираю от любопытства.

— Загляните в справочник, — посоветовал Каррас.

— Не будьте злокой. Я некоторым образом на страже закона и могу вас задержать. Вы это понимаете?

— А за что?

— Психиатр не должен заставлять людей волноваться. Вы эпатазируете публику, святой отец. Нет, я серьезно, эта публика не прочь от вас отделаться. Что же это за экстравагантный священник, расхаживающий в свитере и тапочках?

Чуть заметно улыбнувшись, Каррас кивнул.

— Мне пора. Будьте осторожны. — Прощаясь, Дэмьен дваж-

ды постучал по окошку, потом повернулся и медленно побрел к дому.

— Сходите к психоаналитику! — хрипло крикнул вслед детектив. Проезжая мимо Карраса, он посигналил и махнул ему рукой.

Каррас помахал в ответ, остановился на тротуаре и дрожащей рукой осторожно провел по лбу. Неужели она могла это сделать?

Неужели Регана так чудовищно разделалась с Бэрком Дэннингсом? Дэмьен поднял голову и взглянул на окно Реганы. Что же там, в этом доме? И сколько уже времени Киндерман идет по следу Реганы? Может быть, он видел кого-то, похожего на Дэннингса? Или слышал голос этого человека? Сколько времени будет мучиться Регана?

Или она умрет?

Он должен переговорить с высшим духовенством.

Священник торопливо перешел улицу и направился к дому Крис. Надавил на кнопку звонка.

Дверь открыла Уилли.

— Миссис прилегла отдохнуть, — заявила она.

Каррас кивнул.

— Хорошо. Очень хорошо. — Он прошел мимо служанки и поднялся наверх. Ему срочно понадобились неопровержимые доказательства.

Священник вошел в спальню Реганы и увидел Карла. Тот сидел у окна, сложив руки и уставившись на девочку. Своей солидностью и спокойствием швейцарец гармонировал с добротной темной мебелью комнаты.

Каррас подошел к кровати и посмотрел на Регану. Глаза ее закатились, слышалось невнятное бормотание, похожее на какое-то неземное заклинание. Каррас перевел взгляд на Карла. Потом не спеша нагнулся и начал развязывать ремни, стягивающие руки Реганы.

— Святой отец, не надо!

Карл подскочил к кровати и резко оттолкнул руку священника.

— Не надо, святой отец! Она сильная! Очень сильная! Оставьте эти ремни!

В глазах его без труда читался неподдельный страх, и Каррас понял, что разговоры о силе Реганы не были пустой болтовней. Она могла это сделать, могла свернуть шею Дэннингсу. О боже, Каррас! Спешь! Отыщи доказательства! Думай! Спешь, или...

— Ich möchte Sie etwas fragen, Engstrom!¹

Горячей волной в крови нахлынула надежда. Каррас вздрогнул и посмотрел на кровать. Бес издевательски ухмылялся, обращаясь к Карлу:

— Tanzt Ihre Tochter gern?²

¹ Я хочу вас кое о чем спросить, Энгстром! (нем.)

² Ваша дочь любит танцевать? (нем.)

Немецкий! Бес спрашивает, любит ли дочь Карла танцевать! Сердце Карраса забилося, он повернулся и увидел, что у слуги щеки стали пунцовыми. Карл весь затрясся, в глазах сверкнула ярость.

— Карл, вам лучше выйти,— посоветовал Каррас.

Швейцарец отрицательно замотал головой и только крепче сжал кулаки.

— Нет, я останусь.

— Вы уйдете отсюда. Я прошу вас,— твердым голосом произнес иезуит, глядя прямо в глаза Карлу.

После некоторого замешательства Карл уступил и вышел из комнаты.

Смех прекратился. Каррас оглянулся. Бес с довольным видом наблюдал за священником.

— Итак, ты вернулся,— пробасил он.— Я удивлен. Я считал, что неудача со святой водой навсегда отобьет у тебя охоту появляться здесь. Но я совсем забыл, что у священников нет совести.

Каррас изо всех сил пытался сдержаться и ждал, что будет дальше. Ему необходимо было сосредоточиться и оценить все трезво. Он знал, что языковая проверка требует разговора, ведь отдельно произнесенные фразы могли оказаться подсознательно запомнившимися. Спокойно! Ты помнишь ту девочку? Служанку-подростка? Она была одержима и в бреду разговаривала на каком-то языке, который в конце концов оказался древнесирийским. Каррас представил себе, как это поразило всех, когда выяснилось, что девочка одно время работала в доме, где одним из квартирантов был студент, изучающий теологию. Накануне экзаменов он шагал по комнате, поднимался по лестнице и на ходу читал вслух древнесирийские тексты. Девочка все это слышала. Спокойно! Не торопись!

— Sprechen sie deutsch?¹ — тихо спросил Каррас.

— Если хочешь поразвлекаться?

— Sprechen sie deutsch? — повторил он и почувствовал, как сердце в надежде застучало еще быстрее.

— Natürlich², — злобно усмехнулся бес. — Mirabile dictu³, не правда ли?

Сердце иезуита замерло. Не только немецкий, но и латынь! Да еще разговорная!

— Quod nomen mihi est? — быстро спросил Каррас. (Как меня зовут?)

— Каррас.

Священник возбужденно продолжал:

— Ubi sum? (Где я?)

— In cubiculo. (В комнате.)

— Et ubi est cubiculum? (А где комната?)

— In domo. (В доме.)

¹ Говорите ли вы по-немецки? (нем.)

² Конечно. (нем.)

³ Отличное произношение. (лат.)

— Ubi est Burke Dennings? (Где Бэрк Дэннингс?)
— Mortuus. (Он умер.)
— Quomodo mortuus est? (Как он умер?)
— Inventus est capite reverso. (Его нашли со свернутой головой.)

— Quis occidit eum? (Кто его убил?)
— Регана.
— Quomodo ea occidit illum? Dic mihi exacte! (Как она убила его? Расскажи мне подробно!)

— Ну ладно, пока и этого вполне достаточно,— сказал бес, оскалившись.— Достаточно. И вообще хватит. Хотя, конечно, тебе и в голову не пришло, как я полагаю, что, пока ты задавал свои вопросы на латыни, ты в уме сам же проговаривал и ответы на латыни.— Он рассмеялся.— Разумеется, подсознательно. И что бы мы вообще делали без этого подсознания? Ты понимаешь, на что я намекаю, Каррас? Я совсем не умею говорить по-латыни. Я читаю твои мысли. Я просто нашел ответы в твоей голове.

Каррасу стало страшно. Уверенность его была поколеблена, постоянно мучили сомнения, глубоко засевшие в его мозгу.

Демон усмехнулся и продолжал:

— Да, я знал, что до тебя это дойдет, Каррас. За это ты мне и нравишься. За это я уважаю всех разумных людей.— Голова его откинулась, и он захохотал.

Мозг священника лихорадочно работал. Он пытался найти такой вопрос, на который можно было бы дать несколько ответов. Но, может быть, я буду думать обо всех ответах? Ладно. Тогда можно задать вопрос, на который сам не знаешь ответа! А правильность его можно будет определить позже.

Он подождал, пока смех прекратится, и спросил:

— Quam profundus est imus Oceanus Indicus? (Какова глубина Индийского океана в самом глубоком месте?)

Глаза беса засветились.

— La plume de ma tante¹,— злобно произнес он.

— Responde Latine².

— Bon jour! Bonne nuit!³

— Quam...

Каррас не договорил. Глаза беса закатились, и появилось существо, бормочущее на неизвестном языке.

Каррас с нетерпением потребовал:

— Я хочу говорить с бесом!

Ответа не было. Только дыхание.

— Quis es tu? (Кто ты?)— резко спросил он. Голос его звучал раздраженно.

Молчание.

— Дай мне поговорить с Бэрком Дэннингсом!

¹ Ручка моей тетушки. (франц.)

² Отвечай на латыни. (лат.)

³ Добрый день! Доброй ночи! (франц.)

Существо начало икать.

— Дай мне поговорить с Бэрком Дэннингсом!!!

Икота продолжалась с равномерными промежутками. Каррас покачал головой. Затем подошел к стулу и сел на самый край. Сгорбившись, он принялся ждать...

Время шло. Каррас начал дремать. Вдруг он резко вскинул голову и посмотрел на Регану. Тишина, икота прекратилась.

Спит?

Он подошел к кровати и посмотрел на девочку. Глаза закрыты. Дыхание глубокое. Он нагнулся и нащупал пульс, потом тщательно осмотрел ее губы. Они были сухими и растрескавшимися. Каррас выпрямился, подождал еще немного, затем вышел из комнаты.

Он спустился в кухню в надежде найти Шарон. Шарон сидела за столом и ела суп. В руке у нее был бутерброд.

— Вам что-нибудь приготовить поесть, отец Каррас? — спросила она. — Вы, наверное, голодны.

— Спасибо, не надо. Я не хочу, — ответил Дэмьен и взял со стола блокнот Шарон. Достал ручку.

— Ее мучила икота. У вас есть компазин?

— Да, осталось еще немного.

Каррас писал что-то на листке и, не поднимая головы, сказал:

— Сегодня вечером поставьте половину 25-миллиграммовой свечки.

— Хорошо.

— У нее началось обезвоживание организма, — продолжал он. — Поэтому я перевожу ее на внутривенное питание. Первым делом позвоните в магазин медицинского оборудования и скажите, чтобы сюда доставили вот это.

Он протянул ей исписанный листок.

— Она спит, поэтому сейчас можно установить сустагенное питание.

— Хорошо, — кивнула Шарон. — Я все сделаю.

Выгребая ложкой остатки супа, она придвинула к себе листок и проглядела список.

Каррас молча наблюдал за ней.

— Вы ее учительница?

— Да.

— Не учили ли вы ее латыни?

Она удивилась:

— Нет.

— А немецкому?

— Только французскому. И довольно серьезно.

— Но ни немецкому, ни латыни?

— Да нет же!

— А Энгстромы, они между собой иногда говорят по-немецки?

— Конечно.

— Регана могла это слышать?

Шарон пожала плечами.

— Наверное. — Она встала и понесла тарелки в раковину. — Да, я даже уверена в этом.

- А вы сами никогда не изучали латынь?
- Никогда.
- Но могли бы отличить ее на слух?
- Да, конечно.
- Она никогда не разговаривала по-латыни в вашем присутствии?
- Регана?
- С тех пор, как заболела.
- Нет, никогда.
- А на каком-нибудь другом языке? — пытался дознаться Каррас.

Шарон закрутила кран и задумалась.

- Может быть, мне это показалось, но...
- Что?
- Ну, мне показалось... — Она нахмурилась. — Я готова поклясться, что она разговаривала по-русски.

Каррас внимательно посмотрел на нее.

- А вы сами говорите по-русски? — спросил священник. В горле у него пересохло.

Шарон пожала плечами.

- Чуть-чуть. — Она сложила кухонное полотенце. — Я изучала его в колледже, вот и все.

Каррас обмяк. Она выбирала латинские слова из своей головы. Он сидел, опустив голову на руки и ничего не видя вокруг. Его терзали и сомнения, и факты. Телепатия часто встречается в состоянии сильного напряжения. Человек начинает говорить на языке, знакомом кому-нибудь из присутствующих... Что же делать? Надо немного отдохнуть. А потом еще раз попробовать... еще раз... еще раз... еще раз... Он встал. Шарон, прислонившись к раковине и сложив руки, задумчиво наблюдала за ним.

- Я пойду к себе, — сказал Дэмьен. — Как только Регана проснется, позвоните мне.

— Хорошо, я позвоню.

— И насчет компазина, — напомнил он. — Не забудьте.

Она кивнула:

— Конечно, не забуду. Я все сейчас сделаю.

Каррас пытался припомнить, не забыл ли он что-то еще сказать Шарон. Так всегда: когда надо сделать очень многое, обязательно о чем-то забываешь.

- Святой отец, что происходит? — спросила Шарон. — Что же это? Что случилось с Реганой?

Он поднял свои поблекшие от горя и слез глаза.

— Я не знаю.

Затем повернулся и вышел из кухни.

Проходя через зал, Каррас слышал шаги. Кто-то торопливо догонял его.

— Отец Каррас!

Он оглянулся. Карл нес его свитер.

- Извините, — сказал слуга, протягивая свитер священнику. — Я хотел это сделать раньше, но совсем забыл.

Пятна были выведены, и от свитера приятно пахло.

— Большое спасибо, Карл,— ласково сказал священник.— Вы очень заботливы.

— Спасибо вам, отец Каррас. Спасибо за помощь мисс Регане.— Карл повернулся и с достоинством удалился.

Каррас смотрел ему вслед и вспоминал о том, как встретил его в машине Киндермана. Еще одна тайна...

Он с трудом открыл дверь. Было уже темно. С чувством отчаяния Дэмьен шагнул вперед — из одного мрака в другой.

Он перешел улицу и заспешил навстречу близкому отдыху, но, войдя в комнату, увидел на полу у двери записку. Записка была от Фрэнка. Насчет пленок. Домашний телефон и «пожалуйста, позвоните...».

Дэмьен набрал номер и замер в ожидании. Руки его подрагивали.

— Алло? — зазвучал в трубке писклявый мальчишеский голос.

— Можно мне поговорить с твоим папой?

— Да. Подождите, пожалуйста.— Трубку положили и тут же снова подняли. Опять мальчик: — А кто это?

— Отец Каррас.

— Отец Каритц?

Сердце Дэмьена бешено стучало, но он спокойно поправил мальчика:

— Каррас. Отец Каррас.

Трубку опять положили, и через несколько секунд раздался голос:

— Отец Каррас?

— Да. Здравствуйте, Фрэнк. Я тщетно пытался дозвониться вам.

— О, извините. Я занимался дома нашими пленками.

— Уже закончили?

— Да. Это какая-то чертовщина.

— Я и сам знаю.— Каррас пытался говорить ровным голосом.— Так что же там, Фрэнк? Что вы обнаружили?

— Начнем с частности...

— Ну?..

— Здесь недостаточно примеров, чтобы сказать наверняка, вы понимаете, но выводы сделать можно. Эти два голоса на пленках, возможно, принадлежат разным людям.

— Возможно?

— Под присягой я не стал бы на этом настаивать, но ошибка почти исключена.

— Почти исключена...— автоматически повторил Каррас. Опять сомнения...— А что насчет бреда?— спросил он безнадёжно.— Это какой-нибудь язык?

Фрэнк рассмеялся.

— Что тут смешного?

— Это что, психологический тест, святой отец?

— Я вас не понимаю, Фрэнк.

— Или вы перепутали пленки, или я уж не знаю...

— Фрэнк, это язык или нет? — перебил Каррас.

— Я бы сказал, что это язык. Да, именно язык.

Каррас напрягся:

— Вы шутите?

— Вовсе нет.

— И что это за язык?

— Английский.

Несколько секунд Каррас молчал, а потом изо всех сил закричал:

— Фрэнк, или я вас не расслышал, или вы решили надо мной подшутить?

— У вас есть магнитофон? — спросил Фрэнк.

Магнитофон стоял на письменном столе.

— Да, есть.

— Там есть кнопка реверса?

— А в чем дело?

— Есть или нет?

— Подождите. — Каррас раздраженно положил трубку на стол и снял с магнитофона крышку. — Такая кнопка есть. Но что все это значит?

— Поставьте пленку и проиграйте ее в обратную сторону.

— Что?!

— Там какие-то злые гномы. — Фрэнк рассмеялся. — В общем, вы прослушайте, а завтра побеседуем. Спокойной ночи, святой отец.

— Спокойной ночи, Фрэнк.

— Желаю вам хорошенько развлечься.

Каррас повесил трубку, разыскал нужную ленту и вставил ее в магнитофон. Сначала он просто прослушал ее. Покачал головой.

Ошибки быть не могло: бред — и все.

Дэмыен промотал пленку до конца и включил ее в обратную сторону. Он услышал свой голос, произносящий слова наоборот. А потом голос Реганы — или еще кого-то — говорящий... по-английски!

...Marin marin Karras be us letus...¹

Английский. Какая-то чепуха, но на английском! Как она это делает, черт возьми!

Он прослушал пленку, перемотал ее и поставил снова. Потом еще раз. И только после этого осознал, что слова тоже шли в обратном порядке!

Взяв бумагу и карандаш, Дэмыен сел за стол и начал записывать транскрипцию слов. Он работал увлеченно, то и дело щелкая выключателем магнитофона. Когда с этим было покончено, на другом листке бумаги он записал те же слова, только меняя их порядок в предложениях.

Наконец откинулся на спинку стула и прочитал все, что у него получилось.

...опасность. Но не совсем. (неразборчиво) умрет. Мало времени. Теперь (неразборчиво). Пусть она умрет. Нет, нет, так хорошо! Так хорошо в этом теле! Я чувствую! Здесь (неразборчиво). Лучшие (неразборчиво), чем пустота. Я боюсь священника. Дай нам время. Бойся священника! Он (неразборчиво). Нет, не этот, а тот, который (неразборчиво). Он

¹...Мэррин, Мэррин, Каррас, жить нам дай... (англ.)

болен. Ах, эта кровь, почувствуй кровь, как она (поет?).

На этом месте Каррас спросил: «Кто ты?» и ответом было: «Я никто, я никто».

Тогда Каррас спросил: «Это твое имя?» — «У меня нет имени. Я никто. Нас много. Дай нам жить. Дай нам согреться в теле. Не (неразборчиво) из тела в пустоту, в (неразборчиво). Оставь нас, оставь нас. Дай нам жить, Каррас. (Мэрин? Мэрин?)...

Он вновь и вновь перечитывал написанное. Его пугали эти слова, казалось, что здесь говорят несколько людей сразу. В конце концов от многократного перечитывания текст превратился в бессмысленный набор слов. Каррас отложил листок и закрыл лицо руками. Это не неизвестный язык. Писать слова наоборот не считалось сумасшествием, и такое явление часто встречалось, но говорить! Переделывать произношение так, чтобы при проигрывании назад слова звучали фонетически верно. Это было не под силу даже чрезмерно возбужденному интеллекту. Может, это и есть ускоренное развитие подсознания, на которое ссылается Юнг? Нет. Здесь что-то другое...

Каррас подошел к полкам, отыскивая книгу Юнга «Психология и патология так называемых оккультных явлений», и нашел нужную страницу: «Отчет об эксперименте относительно автоматического написания слов». Субъект подсознательно отвечал на все вопросы анаграммами.

Анаграммы!

Он положил открытую книгу на стол, склонился над ней и прочитал часть отчета:

«3-й день.

— Что такое человек? —...

— Это анаграмма? — Да.

— Сколько в ней слов? — Пять.

— Какое первое слово? — Смотри.

— Какое второе слово? — И-и-и-и.

— Смотри? Я должен разгадать его сам? — Попробуй.

Решение анаграммы субъектом было найдено:

(Жизнь в меньшей степени может.) Он сам был удивлен. Это доказывало, что в его мозгу существует интеллект, совершенно от него независимый. Поэтому он продолжал задавать вопросы:

— Кто ты? — Клелия.

— Ты женщина? — Да.

— Ты жила на земле? — Нет.

— Ты будешь жить? — Да.

— Когда? — Через шесть лет.

— Почему ты разговариваешь со мной? —

Субъект расшифровал и эту анаграмму: (Я Клелию чувствую.)

4-й день.

— Это я отвечаю на вопросы? — Да.

— Клелия здесь? — Нет.

— Тогда кто здесь? — Никого.

— Клелия существует? — Нет.

— Тогда с кем я разговаривал вчера? — Ни с кем».

Каррас перестал читать. Покачал головой. Ничего сверхнормального здесь не было: просто неограниченные возможности интеллекта.

Он достал сигарету, потом снова сел и закурил. «Я никто. Нас много». Жутко. Откуда она могла это взять?

«Ни с кем».

Может быть, и Клелия появилась так же? Неожиданно возникающие личности?

«Мэррин... Мэррин...» «Ах, эта кровь...» «Он болен»...

Утомленный взгляд Дэмьена упал на книгу «Сатана». Он вспомнил первые строки: «Не дай дьяволу увести меня...».

Каррас выпустил дым, закрыл глаза и закашлялся. Горло саднило. Глаза слезились от дыма. Он встал, повесил на дверь табличку «Прошу не беспокоить», выключил свет, задернул занавески, сбросил ботинки и рухнул на кровать. В голове мелькали обрывки мыслей. Регана, Дэннингс, Киндерман. Что делать? Он должен помочь, но как? Поговорить с епископом, имея лишь то немногое, что у него есть? Нет, рано. Пока еще он не может отстаивать свою правоту до конца.

Каррас подумал о том, что неплохо было бы раздеться и забраться под одеяло. Но он слишком устал. Тяжесть событий давила на него, а он хотел быть свободным.

«... Дай нам жить!»

«Дай мне жить!» — ответил он на это. Тяжелый глубокий сон постепенно окутал его.

245

Дэмьен проснулся от телефонного звонка. Слабой рукой он потянулся к выключателю. Интересно, сколько сейчас времени? Он снял трубку. Звонила Шарон и просила его прийти прямо сейчас. Каррас снова почувствовал себя затравленным и измученным.

Он прошел в ванную, умылся холодной водой, натянул свитер и вышел из дому.

Было еще темно. Несколько кошек в испуге шарахнулись в разные стороны.

Шарон встретила его внизу. Она была в кофте и куталась в одеяло. Вид у нее был перепуганный.

— Извините, святой отец, — прошептала Шарон, — но я подумала, что вы должны это видеть.

— Что?

— Сейчас увидите. Только тише. Я не хочу будить Крис. — Она кивком пригласила Карраса следовать за ней.

Войдя в спальню Реганы, священник ощутил ледяной холод. Он нахмурился и недоуменно посмотрел на Шарон.

— Отопление включено на полную мощность, — прошептала она и взглянула на Регану, на страшные белки ее глаз, сверкающие при свете ночника. Казалось, Регана находится в бессознательном состоянии. Дыхание тяжелое, полная неподвижность. Трубка — на месте, суштаген медленно вливается через нос в горло ребенка.

Шарон осторожно подошла к кровати, наклонилась и медленно расстегнула Регане воротник пижамы. Каррас с болью наблюдал за тем, как обнажается исхудалое тело девочки. По выступившим ребрам, казалось, можно было сосчитать остаток ее дней на этой земле.

Он почувствовал, что Шарон смотрит на него.

— Я не знаю, святой отец, может быть, это уже прекратилось,— прошептала она.— Но вы посмотрите на грудь.

Брови Карраса поползли вверх. Он заметил, что кожа Реганы начала краснеть, но не на всей груди, а только местами.

— Вот, начинается,— шепнула Шарон.

По телу Карраса поползли мурашки, но не от холода, а от того, что он увидел на груди Реганы. Ярко-красными рельефными буквами на коже четко проступили два слова:

ПОМОГИТЕ МНЕ

— Это ее почерк,— прошептала Шарон.

В 9 часов утра священник Дэмьен Каррас явился к президенту Джорджтаунского университета и попросил предварительного разрешения на проведение ритуала изгнания дьявола. Получив его, он отправился к епископу епархии. Тот серьезно выслушал рассказ Карраса.

— Вы уверены, что это настоящая одержимость? — спросил епископ.

— Я могу утверждать, что все признаки, описанные в «Ритуале», сходятся,— уклончиво ответил Каррас. Он все еще не осмеливался поверить в случившееся. Не разум, а сердце заставило его прийти сюда. Жалость и надежда, что внушение поможет излечить девочку.

— Вы хотели бы провести изгнание сами? — спросил епископ.

Дэмьен почувствовал в себе прилив сил. Ему захотелось сбросить с себя тяжкий груз и избавиться от надоедливой призрака собственного неверия.

— Да, конечно,— ответил он.

— Как ваше здоровье?

— В порядке.

— Вам когда-нибудь приходилось делать что-нибудь подобное?

— Никогда.

— Хорошо, мы примем решение. Конечно, в таких делах лучше всего иметь человека с опытом. Их, конечно, немного, но, возможно, кто-нибудь вернулся из заграничной миссии. Дайте мне время подумать. Когда что-нибудь прояснится, я сразу же поставлю вас в известность.

После того как Каррас ушел, епископ связался с президентом Джорджтаунского университета, и они поговорили о Дэмьене, уже второй раз за этот день.

— Да, он знает всю историю болезни,— заметил в разговоре президент.— Я думаю, не будет вреда, если взять его в качестве помощника. В любом случае необходимо присутствие психиатра.

— А кого пригласить для изгнания? У вас есть какие-нибудь предложения? Я ума не приложу.

— Здесь сейчас Ланкэстер Мэррин.

— Мэррин? Мне казалось, что он сейчас в Ираке. По-моему, я читал, что он работает на раскопках где-то в Ниневии.

— Да, рядом с Мосулом. Все правильно, только он уже закончил работу и три или четыре месяца назад вернулся. Он в Вудстоке.

— Преподает?

— Нет, работает над очередной книгой.

— Бог да поможет нам! Вам, однако, не кажется, что он слишком стар? Как его здоровье?

— Наверное, неплохо, иначе он не стал бы заниматься раскопками, не так ли?

— Думаю, вы правы.

— Кроме того, у него есть опыт, Майкл.

— Я этого не знал.

— По крайней мере так говорят.

— Когда это было?

— Мне кажется, 10 или 12 лет назад, по-моему, в Африке. Изгнание длилось несколько месяцев, он сам чуть не погиб.

— В таком случае я сомневаюсь, чтобы он захотел это повторить.

— Мы делаем то, что нам говорят, Майк. Среди нас, священнослужителей, мятежников нет.

— Спасибо за напоминание.

— Ну и что же вы думаете?

— Я полагаюсь на вас и на архиепископа.

Этим же вечером молодой человек, готовящийся стать священником, бродил по Вудстокской семинарии штата Мэриленд. Он искал худого седовласого иезуита и нашел его, когда тот в раздумье прогуливался по аллеям семинарии. Юноша вручил ему телеграмму. Пожилой человек поблагодарил его, тепло посмотрел на юношу, затем повернулся и продолжал свои размышления. Он шел и любовался природой; иногда останавливался, прислушиваясь к пению малиновки и наблюдая за поздними бабочками. Он не вскрыл телеграмму и не прочитал ее, так как уже знал, что в ней написано. Он прочитал ее в пыльных храмах Ниневии.

Он был готов, поэтому и продолжал свою прощальную прогулку.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
«ДА ПРИДЕТ ВОПЛЬ МОЙ
ПРЕД ЛИЦЕ ТВОЕ...»

*«Тот, кто остается верным любви,
остается верным Богу, а Бог — ему...»*
СВЯТОЙ ПАВЕЛ

Глава первая

Киндерман сидел за столом в полумраке своего тихого кабинета. Свет от настольной лампы падал на ворох документов.

Репортеры полицейских и отчеты из лабораторий, вещественные доказательства и служебные записки. В задумчивости он медленно разложил их в виде лепестков цветка, чтобы сгладить то мерзкое заключение, к которому они его привели и которые он никак не мог принять.

Энгстром был невиновен. Во время гибели Дэннингса он был у своей дочери — снабжал ее деньгами для покупки наркотиков. Он солгал в первый раз, чтобы не выдать ее и чтобы мать, считавшая дочь умершей, ничего не узнала. Когда Киндерман рассказал Эльвире, что ее отец подозревается в соучастии убийства Дэннингса, она согласилась все рассказать. Нашлись и свидетели, которые подтвердили рассказ. Энгстром был невиновен. Невиновен и молчалив. От него нельзя было узнать, что происходит в доме у Крис.

Киндерман нахмурился, рассматривая свой «цветок»: что-то ему не понравилось.

Он передвинул один «лепесток» немного ниже и правее и еще раз проанализировал все факты.

Киндерман уставился в самую середину своей бумажной розы, где лежала старая выцветшая обложка популярного журнала. С фотографии на него смотрели Крис и Регана. Он пригляделся к девочке: симпатичное, веснушчатое лицо, волосы завязаны в «хвостики», не хватает переднего зуба. Киндерман посмотрел в окно. На улице было темно. Моросил надоедливый дождик.

Он пошел в гараж, сел в черный автомобиль и поехал по блестящим, мокрым от дождя улицам в сторону Джорджтауна. Припарковавшись на восточной стороне Проспект-стрит, он просидел в машине около четверти часа, глядя на окно комнаты Реганы. Может быть, нужно постучаться и потребовать, чтобы ему ее показали? Он опустил голову и потер лоб рукой.

Уильям В. Киндерман! Вы больны! Идите домой! Примите лекарство и ложитесь спать!

Он опять посмотрел на окно и задумчиво покачал головой. Нет. Неумолимая логика руководила его поступками.

К дому подкатил автомобиль.

Детектив насторожился, повернул ключ зажигания и включил дворники.

Из такси вышел высокий пожилой человек. На нем были черный плащ и шляпа, в руках он держал выдавший виды чемоданчик. Старик заплатил шоферу и остановился, осматривая дом с улицы. Такси тронулось и повернуло на 36-ю улицу. Киндерман поехал за ним. Поворачивая за угол, он заметил, что пожилой человек так и не двинулся с места; он стоял в туманном свете уличного фонаря, как памятник путнику: полный спокойствия и застывший на века.

Детектив послышал фары таксиста.

В это время Шарон делала Регане укол либриума, а Каррас и Карл держали девочку за руки. За последние два часа доза была увеличена до четырехсот миллиграммов. Это было очень много, но после временного затишья, длившегося много часов,

бес неожиданно проснулся в таком приступе ярости, что ослабевший организм Реганы не смог бы долго продержаться.

Каррас измотался. После визита к представителю высшего духовенства он вернулся к Крис, чтобы рассказать ей о результатах. Потом помог наладить для Реганы внутреннее питание, вернулся домой и сразу же рухнул в кровать. Однако уже через полтора часа его разбудил телефонный звонок. Звонила Шарон. Регана все еще была без сознания, и ее пульс постепенно замедлялся. Каррас сразу же бросился на помощь, захватив чемоданчик с медикаментами. Он уколол Регану в ахиллесово сухожилие, чтобы посмотреть на ее реакцию. Реакции не было. Он с силой надавил на ноготь. То же самое. Священник забеспокоился. Хотя он знал, что при истерии и в состоянии транса иногда наблюдается невосприимчивость к боли, в данном случае он опасался наступления комы, которая легко могла закончиться смертью. Каррас измерил давление: девяносто на шестьдесят, пульс — шестьдесят. Он оставался в комнате и делал повторные измерения через каждые пятнадцать минут в течение полутора часов, пока не убедился в том, что Регана была не в состоянии шока, а в оцепенении. Шарон получила инструкцию продолжать измерять пульс каждый час. После этого Дэмьен вернулся к себе, чтобы поспать. Но его снова разбудил телефон. Ему сообщили, что «изгоняющим дьявола» назначен Ланкэстер Мэррин, а помощником — он, Каррас.

Новость потрясла его. Мэррин! Философ-палеонтолог, человек, обладающий удивительным, тонким умом! Его книги всякий раз приводили в волнение церковь, потому что в них вера объяснялась с точки зрения науки, постоянно развивающейся материи, судьба которой — стать субстанцией духовной и присоединиться к Богу.

Каррас тут же позвонил Крис, чтобы передать новость, и узнал, что епископ уже сообщил ей об этом лично.

— Я ответила епископу, что Мэррин может остановиться у нас, — сказала Крис. — Это займет день или два, верно?

— Я не знаю, — ответил Каррас.

Подождав еще немного, он продолжал:

— Вы не должны слишком многого ждать от него.

— Я хотела сказать, если это поможет. — Голос Крис звучал подавленно.

— Я и не думал убеждать вас в том, что это не подействует, — подбодрил ее Каррас. — Просто на это, возможно, понадобится время.

— Сколько времени?

— Бывает по-разному.

Он знал, что изгнание дьявола часто затягивалось на недели, а то и на месяцы. Знал, что часто оно вообще не помогало. Предчувствовал, что бремя лечения свалится на него очередным и на сей раз последним грузом.

— Это занимает несколько дней или недель, — сказал он Крис.

После разговора Каррас почувствовал себя до предела усталым и измученным. Вытянувшись на кровати, он думал о Мэррине. Волнение и сомнения овладели им. Дэмьен считал себя

вполне подходящим кандидатом для проведения ритуала, однако епископ выбрал не его. Почему? Из-за того, что Мэррину раньше уже приходилось делать это?

Он закрыл глаза и вспомнил, что для изгнания бесов выбирают тех, «кто набожен» и обладает «высокими душевными качествами». Ему припомнился отрывок из Евангелия, когда ученики спросили Христа, почему они не могут изгонять бесов, и он ответил им: «Потому что вера ваша слаба».

Архиепископ знал о его проблеме, знал об этом и президент. Может быть, один из них и рассказал епископу?

Каррас повернулся на кровати и почувствовал себя недостойным, неумеющим, отвергнутым. Эта мысль больно ужалила его. В таком подавленном настроении он все же заснул, и сон постепенно заполнил все трещины и пустоты в его сердце.

Но и на этот раз он проснулся от телефонного звонка. Рыдающая Крис сообщила, что у Реганы опять приступ. Дэмьен поспешил к ним и проверил у девочки пульс. Сердце бешено колотилось. Он ввел ей либриум, потом еще раз. И еще раз. После этого Каррас отправился на кухню и сел рядом с Крис за стол, чтобы выпить чашечку кофе. Крис просматривала одну из книг Мэррина, которые по ее просьбе были доставлены на дом.

— Мне это недоступно, — тихо сказала она. Однако по ее виду можно было догадаться, что книга ей очень понравилась.

Она перелистала назад несколько страниц, нашла отмеченное место и передала книгу Каррасу. Он прочитал:

«...У нас есть установившееся мнение относительно порядка, постоянства и обновления материального мира, окружающего нас. Хотя каждая часть его преходяща и все элементы его движутся, все же он связан законом постоянства, и хотя он постепенно умирает, он так же постоянно и возрождается. Исчезновение одного только лишь дает рождение другим, и смерть — это появление тысячи новых жизней. Каждый час бытия свидетельствует о том, как преходяще и как одновременно с этим твердо и велико сие грандиозное существование единства. Оно подобно отражению в воде: всегда одно и то же, хотя вода течет. Солнце заходит, чтобы снова взойти, ночь поглощает день, чтобы он снова родился из нее, такой же ясный, словно никогда и не угасал. Весна становится летом, а потом, пройдя лето и осень, — зимою, но тем яснее и ближе становится ее возвращение, которое все равно восторжествует над холодом, хотя к холоду весна стремится уже с самого первого своего мгновения. Мы горюем о майских цветах, потому что они непременно завянут, но мы знаем, что однажды май непременно возьмет верх над ноябрем, и этот круговорот никогда не остановится. Это учит нас надеяться и никогда ни в чем не отчаиваться...»

— Да, это красиво, — тихо сказал Каррас, не отрывая взгляда от книги.

Сверху послышался крик беса:

— Негодай! Подонок! Набожный лицемер!..

— Она всегда клала мне розу на тарелку... утром... перед тем, как мне уходить на работу.

Каррас вопросительно посмотрел на Крис.

— Регана,— пояснила она и опустила глаза.— Я совсем забыла, что вы ее раньше никогда не видели.— Крис высморкалась и коснулась пальцами век.

— Вам налить немного бренди в кофе, отец Каррас? — спросила она, сиюсь придать голосу бодрость.

— Спасибо, не нужно.

— А для меня просто кофе не подходит,— прошептала она.— Я налью себе бренди, если вы не возражаете.

Крис вышла из кухни.

Оставшись один, Каррас мелкими глотками допил свой кофе. Ему было тепло в свитере, надетом под ряссу. То, что он не смог успокоить Крис, слегка расстроило его. Он вдруг вспомнил свое детство, и ему стало грустно. У него жила собачонка Джинджер, простая дворняга, которая однажды заболела и лежала в ящике прямо в его комнате. Ее все время лихорадило и рвало, и Каррас укрывал ее полотенцами, заставлял пить теплое молоко. Потом пришел сосед и сказал, что собака больна чумкой. Он покачал головой и добавил: «Надо было сразу же делать уколы». Однажды он вышел из школы... на улицу... они шли парами... И на углу его ждала мать... она была очень грустная... потом она взяла его за руку и вложила в нее монетку в полдоллара... он тогда еще обрадовался: так много денег!.. и тут же раздался ее голос, мягкий и нежный: «Джинджер больше нет...»

Он посмотрел на горькую черноту в чашке и ощутил холод утраты.

— Проклятый святоша!!!

Бес все еще был в бешенстве.

«Надо было сразу же делать уколы».

Каррас вернулся в спальню Реганы и удерживал ее, пока Шарон делала укол либриума. Доза на этот раз составляла пятьсот миллиграммов.

Шарон прижала тампон к месту укола, и тут Каррас изумленно взглянул на Регану. Ругательства на этот раз относились не к ним, а к кому-то другому, кто был невидим и находился далеко отсюда.

— Я сейчас вернусь,— сказал он Шарон и спустился на кухню, где в одиночестве за столом сидела Крис, подливая себе в кофе бренди.

— Вы не передумали, святой отец? — спросила она.

Он отрицательно покачал головой и устало опустился на стул.

— Вы разговаривали с ее отцом?

— Да, он звонил.— Молчание.— Он хотел поговорить с Рэгс.

— И что же вы ему сказали?

— Я сказала, что она ушла в гости.

Снова тишина. Каррас взглянул на Крис и увидел, что она смотрит на потолок. Он заметил, что крики наверху наконец смолкли.

— Мне кажется, либриум подействовал,— с удовлетворением произнес Дэмьен.

В дверь позвонили. Он посмотрел на Крис, и она уловила догадку в его глазах.

Киндерман?

Потянулись долгие секунды. Они ждали. Уилли отдыхала, Шарон и Карл были еще наверху. Крис резко поднялась и пошла в комнату. Она приподняла занавеску и посмотрела в окно на незнамого гостя. Слава Богу! Это не Киндерман. Вместо детектива она увидела высокого пожилого мужчину в поношенном плаще. Склонив голову, он терпеливо ждал под дождем, держа в руках старомодный, потертый чемоданчик.

Звонок прозвенел еще раз.

Кто он?

Удивленная Крис пошла к выходу, приоткрыла дверь и высунулась в темноту.

— Я вас слушаю.

Поля шляпы скрывали глаза незнакомца.

— Миссис Макней? — раздался его голос. Он был чистым, мягким и вместе с тем достаточно уверенным.

Старик снял шляпу, и Крис увидела глаза, которые ошеломили ее. Умные и добрые, они словно сияли и были наполнены пониманием и состраданием. Они излучали тепло, и источник этой целительной энергии был одновременно в них самих и во вне, и поток этот не имел границ.

— Я отец Мэррин.

Секунду она непонимающе смотрела на него, на его худое лицо аскета, на рельефные, тщательно выбритые скулы, а потом поспешно распахнула дверь:

— О Боже! Пожалуйста, входите! О, входите! Видите ли, я... В самом деле! Я не знаю, где мои...

Он вошел в дом, и она закрыла дверь.

— То есть я хочу сказать, что я ждала вас только завтра утром!

— Да, я знаю,— услышала она в ответ. Крис обернулась и увидела, что отец Мэррин стоит, склонив голову набок и смотрит вверх, как будто слышит что-то, нет, чувствует что-то невидимое присутствие... Какие-то отдаленные вибрации, которые ему давно знакомы. Она с удивлением наблюдала за пришельцем.

— Можно, я помогу вам, святой отец? Мне кажется, ваш багаж слишком тяжел.

— Спасибо,— мягко ответил он.— Этот чемодан — как часть меня самого: такой же старый... и потрепанный.— Отец Мэррин опустил глаза, и в них мелькнуло что-то совсем доброе и ласковое.— Я привык к грузу... Отец Каррас здесь?

— Да, он на кухне. Кстати, вы сегодня обедали, святой отец? Послышался скрип открываемой двери.

— Да, я поел в поезде.

— Вы не хотите еще перекусить?

Через секунду дверь закрыли.

— Нет, спасибо.

— Этот противный дождь,— сокрушалась Крис.— Если бы я только знала, что вы приедете, я бы вас встретила на вокзале.

— Это не важно.

— Вы долго искали такси?

— У вас есть с собой плащ?

Каррас отрицательно покачал головой.

— Тогда возьмите мой,— сказал седовласый иезуит, расстегивая плащ.— Я попросил бы вас принести мне рясу, два стихаря, орарь, немного святой воды и два экземпляра «Ритуала».— Он протянул плащ изумленному Каррасу.— Мне кажется, надо начинать.

Каррас нахмурился:

— Что вы имеете в виду? Прямо сейчас?

— Да, именно так.

— Может быть, вы сначала хотите послушать ее историю, святой отец?

— Зачем?

Мэррин непонимающе поднял брови.

Каррас понял, что ему нечего на это ответить, и отвел взгляд от чистых бесхитростных глаз.

— Хорошо,— ответил он.— Я сейчас все принесу.

Мэррин посмотрел на Крис.

— Вы не возражаете, если мы начнем сразу же?— тихо спросил он.

Она смотрела на него и чувствовала, как все ее существо наполняется облегчением, решимостью и уверенностью. Эти чувства обрушились внезапно, как гром среди ясного неба.

— Вы, наверное, устали, святой отец? Не хотите ли чашечку кофе? Его только что заварили.— Голос ее звучал настойчиво, и в то же время в нем прослушивались нотки мольбы.— Он горячий. Не хотите, святой отец?

Мэррин заметил и ее усталые, измученные глаза, и то, как она нервно сжимала и разжимала кулаки.

— Да, с удовольствием,— тепло сказал он.— Спасибо. Если только это вас не затруднит.

Крис провела его на кухню, и через минуту он уже держал в руке чашку с черным кофе.

— Хотите, я налью в кофе немного бренди, святой отец?

Мэррин склонил голову и ровным голосом произнес:

— Врачи не разрешают.— И добавил, протягивая ей чашку:— Но, слава Богу, воля у меня слабая.

Крис увидела веселую искорку в его глазах и налила ему бренди.

— Какое у вас чудесное имя,— сказал он.— Крис Макнейл. Это не псевдоним?

Она налила себе немного бренди и покачала головой.

— Нет, мое настоящее имя не Эсмеральда Глютч.

— Ну и слава Богу,— пробормотал Мэррин.

Крис улыбнулась.

— А что такое Ланкэстер, святой отец? Такое необычное имя. Вас называли в чью-нибудь честь?

— В честь грузового судна. Или в честь моста. Да, помнится, это был мост.— Он задумался, потом продолжил:— Дэмьен! Как бы мне хотелось, чтобы меня звали Дэмьен! Это имя священника, который посвятил свою жизнь прокаженным острова Молокай. В конце концов он сам заболел. Прекрасное имя. Я считаю,

что если бы меня звали Дэмьен, я даже согласился бы на фамилию Глютц.

Крис засмеялась, и ей стало легче. Некоторое время они разговаривали с Мэррином о домашних делах и разных мелочах. В дверях появилась Шарон. Мэррин встал, как будто только и ждал ее появления, отнес кружку в мойку, ополоснул ее и аккуратно поставил в сушилку.

— Спасибо, кофе был очень вкусный, как раз то, что надо.

— Я провожу вас в вашу комнату.

Он поблагодарил и пошел за ней к кабинету.

— Если вам что-нибудь понадобится, святой отец, скажите мне.

Он положил ей руку на плечо и ободряюще сжал его. Крис почувствовала, как в нее вливаются сила и тепло. И покой. Она явно ощутила покой! И еще одно странное чувство... безопасности.

— Вы очень добры.— Ее глаза улыбались.— Благодарю вас.

Он опустил руку и посмотрел ей вслед. Но как только Крис скрылась, лицо его исказилось от боли. Мэррин вошел в кабинет и тщательно закрыл дверь. Из кармана брюк он достал коробочку с надписью «аспирин», открыл ее, вынул оттуда таблетку нитроглицерина и осторожно положил ее под язык...

Крис прошла на кухню. Прислонившись к двери, она смотрела на Шарон, которая стояла у плиты и, положив руки на кофейник, ждала, когда подогреется кофе.

— Послушай, дружок, почему ты не хочешь отдохнуть? — озабоченно спросила Крис.

Молчание. Казалось, Шарон была погружена в размышления. Потом она повернулась и уставилась на Крис.

— Извини. Ты что-то сказала?

Крис заметила какое-то напряжение в ее лице.

— Что произошло наверху, Шарон?

— Где произошло?

— В комнате. Когда туда вошел отец Мэррин.

— Ах, да...— Шарон нахмурилась.— Да. Это было забавно.

— Забавно?

— Странно. Они только...— Она запнулась.— Ну, в общем, они молча посмотрели друг на друга, а потом Регана, то есть это существо, сказала...

— Что сказала?

— Оно сказала: «На этот раз ты проиграешь».

— А потом?

— Это все,— ответила Шарон.— Отец Мэррин повернулся и вышел из комнаты.

— А как он при этом выглядел? — спросила Крис.

— Забавно.

— О Боже, Шарон, оставь в покое это слово! — вспыхнула Крис и хотела добавить еще что-то, но вдруг заметила, как Шарон склонила голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

Бес внезапно прекратил бушевать, и еще... что-то тревожное и тягостное разливалось в воздухе вокруг них.

Женщины уставились друг на друга.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросила Шарон.

Крис кивнула. Дом. Что-то было в самом доме. Напряжение. Воздух постепенно сгущался, в нем явно угадывалась пульсация, вибрация какой-то посторонней энергии.

Звонок у входной двери вывел их из оцепенения.

— Я открою.

Шарон пошла в холл и открыла дверь. Вернулся Каррас и принес с собой картонную коробку из-под белья.

— Спасибо, Шарон.

— Отец Мэррин в кабинете, — сообщила она Дэмьену.

Каррас осторожно постучал и вошел, неся коробку на вытянутой руке.

— Извините, святой отец, — сказал он. — Я немного...

Каррас неожиданно остановился. Мэррин, одетый в брюки и рубашку с короткими рукавами, стоял на коленях у кровати и молился, опустив голову на сложенные руки. Каррас секунду стоял неподвижно, как будто вдруг очутился в детстве и увидел себя, бегущего куда-то вперед с перекинутой через руку рясой дьячка.

Он перевел взгляд на коробку из-под белья, на еще не просохшие капельки дождя. Потом медленно подошел к дивану и молча выложил на него содержимое коробки. Закончив эту процедуру, он снял плащ и аккуратно повесил его на стул, взял стихарь из белой материи и стал надевать поверх рясы. Он услышал, как Мэррин встал и сказал:

— Спасибо, Дэмьен.

Каррас повернулся к нему, поправляя одежду. Мэррин подошел к дивану и оглядел принесенные вещи.

Каррас взял в руки свитер.

— Я подумал, может быть, вы наденете под рясу вот это, святой отец? — сказал он, протягивая его Мэррину. — В комнате иногда становится очень холодно.

Мэррин дотронулся до свитера.

— Вы очень внимательны, Дэмьен.

Каррас взял с дивана рясу Мэррина и молча наблюдал, как тот надевает свитер. Только теперь он ощутил величие, силу этого человека, этой минуты, тишины дома, которая сейчас давила и душила его.

Он опомнился, когда почувствовал, что Мэррин тянет у него из рук рясу.

— Вы знакомы с правилами ритуала, Дэмьен?

— Да, — коротко ответил Каррас.

Мэррин начал застегиваться.

— Особенно важно не вступать с бесом в разговоры...

Бес. «Он произнес слово как бы между прочим», — подумал Каррас. Именно это и поразило его.

— Мы можем спрашивать только очень немного, — сказал Мэррин, застегивая пуговицу на воротнике. — И помните, что все излишнее — чрезвычайно опасно. — Он взял стихарь и надел его поверх рясы. — Ни в коем случае не прислушивайтесь к тому, что он говорит. Бес — лжец. Он будет лгать, чтобы смутить нас, но при этом будет подмешивать к своей лжи долю

правды. Это психологическая атака, Дэмьен. И очень серьезная. Не слушайте его. Помните об этом и не слушайте.

Каррас передал ему епитрахиль¹, и Мэррин спросил:

— Вы еще что-то хотите узнать, Дэмьен?

Каррас отрицательно покачал головой.

— Нет, но я думаю, что вам стоит познакомиться с разными личностями, которыми одержима Регана. Пока что их три.

— Всего одна,— мягко ответил Мэррин, поправляя одежду. На секунду он крепко сжал епитрахиль, и на лице его появилось мучительное выражение страдания и боли. Потом он взял «Ритуал» и дал один экземпляр Каррасу.

— Литании святым мы пропускаем. У вас есть святая вода?

Каррас вынул из кармана маленький пузырек, заткнутый пробкой. Мэррин взял его и кивнул в сторону двери:

— Идите, пожалуйста, первым, Дэмьен.

Наверху в напряженном ожидании стояли Крис и Шарон. На них были надеты теплые кофты и свитера. При звуке открываемой двери они повернулись и, глядя вниз, увидели, что к лестнице идут Каррас и Мэррин.

«Высокие,— подумала Крис,— какие они высокие и величественные!»

Наблюдая за тем, как Каррас подходит все ближе и ближе, Крис возликовала. Ко мне на помощь пришел мой старший брат, и берегись теперь, проклятый! Она ощутила сильное сердцебиение.

Около двери в комнату иезуиты остановились. Увидев теплую одежду Крис, Каррас нахмурился.

— Вы тоже собираетесь пойти туда?

— Мне показалось, что так будет лучше.

— Не надо, прошу вас,— принялся убеждать ее Каррас.— Не надо. Вы совершите большую ошибку.

Крис вопросительно посмотрела на Мэррина.

— Отцу Каррасу виднее,— спокойно ответил тот.

— Хорошо,— в отчаянии произнесла она и прислонилась к стене.— Я буду ждать здесь.

— Какое второе имя у вашей дочери? — спросил Мэррин.

— Тереза.

— Прекрасное имя.— Мэррин ободряюще посмотрел ей прямо в глаза, потом перевел взгляд на дверь. Крис вновь почувствовала какое-то напряжение, будто темнота сгушалась и давила на нее. Изнутри. Оттуда, из спальни.

— Все в порядке,— тихо произнес Мэррин.

Каррас открыл дверь и сразу же отшатнулся от волны зловония и ледяного холода. В углу комнаты, сторбившись на стуле, сидел Карл. На нем был старый зеленый охотничий костюм. Карл вопросительно посмотрел на Карраса. Иезуит перевел взгляд на беса, чей яростный взгляд сверлил фигуру Мэррина.

Каррас подошел к кровати и встал в ногах у беса, а Мэррин, высокий и стройный, подошел сбоку. Он остановился и склонился над кроватью.

¹ элемент облачения священника. (Прим. переводчика.)

Гнетущая тишина воцарилась в комнате. Регана облизнулась распухшим, почерневшим языком. Раздался звук, похожий на шорох пергамента.

— Ну что, чирей проклятый,— проскрипел бес.— Наконец-то! Наконец-то ты явился собственной персоной!

Старый священник поднял руку и перекрестил кровать, а потом и всю комнату. Повернувшись, он открыл пузырек со святой водой.

— Ах, ну да! Вот и святая моча! — зарычал бес.— Семя святых!

Мэррин поднял пузырек, и лицо беса исказилось от злости.

— Давай же.

Мэррин начал разбрызгивать воду. Бес вскинул голову и затрясся от ярости.

— Давай, продолжай! Валяй, Мэррин! Вымочи нас! Потопи нас в своем поту! Ведь твой пот священный, святой Мэррин! А теперь нагнись и испусти немного благовония!

— Молчи!

Слово вылетело, как стрела. Каррас резко повернул голову и с удивлением посмотрел на Мэррина, который повелевающе глядел на Регану. Бес замолчал. Он тоже смотрел на Мэррина, и в глазах его мелькнуло сомнение. Бес насторожился.

Мэррин закрыл пузырек, встал на колени у кровати, закрыл глаза и начал читать «Отче наш».

Регана плюнула, желтоватый комоч слюны попал в лицо Мэррина и начал медленно сползать по щеке.

—...Да придет царствие Твое.— Мэррин достал из кармана платок и не спеша вытер с лица плевок.— И не введи нас во искушение.

— Но избави нас от лукавого,— подхватил Каррас и коротко взглянул на Регану.

Ее глаза закатились так, что были видны одни белки. Каррас встревожился, почувствовав усиливающийся в комнате холод. Он вернулся к тексту и стал следить за молитвой.

— Бог и Отче наш, я взываю к святому имени Твоему, молю о милосердии Твоем, сжался и помоги мне одолеть врага Твоего, который измывается над созданием Твоим, помоги мне, Боже,— продолжал молиться Мэррин.

— Аминь,— произнес Каррас.

— Боже, создатель и защитник рода человеческого, сжался, смилуйся над рабой Твоей, Реганой-Терезой Макнейл, чья душа и тело находятся в лапах врага нашего, искушителя, который...

Каррас услышал, что Регана зашипела, и взглянул на нее. Она выпрямилась, закатила глаза и быстро задвигала языком. При этом голова ее тоже двигалась, как у кобры.

Каррас снова ощутил беспокойство и снова заглянул в текст.

— Спаси рабу Твою,— молился Мэррин, читая «Ритуал».

— Которая верует в Тебя, Господи,— отзывался Каррас.

— Пусть же она найдет защиту в Тебе...

— И избавь ее от врага...

Мэррин продолжал читать молитву.

Вдруг Каррас услышал испуганный крик Шарон. Он быстро

повернулся и увидел, что та в оцепенении усталилась на кровать. Каррас обернулся назад и обомлел. Передняя часть кровати медленно отрывалась от пола!

Он не верил своим глазам. Четыре дюйма. Полфута. Фут. Потом начали подниматься и задние ножки.

— Gott in Himmel!¹ — в ужасе прошептал Карл.

Кровать поднялась еще на фут и зависла в воздухе, медленно покачиваясь и кренясь, будто плавала по поверхности тихого озера.

— Отец Каррас! — послышался сзади шепот.

Регана извивалась и шипела.

— Отец Каррас!

Дэмень обернулся. Мэррин смотрел на него в упор, кивком указывая на «Ритуал», который Каррас держал в руках.

— Ответьте, пожалуйста, Дэмень.

Каррас недоуменно посмотрел на него.

— Не позволяй же бесу возыметь власть над нею, — тихо и уверенно повторил Мэррин.

Каррас торопливо заглянул в книгу и с гулко бьющимся сердцем прочитал ответ:

— И пусть порожденный несправедливостью не сможет причинить ей зла.

— Господи, услышь мою молитву, — продолжал Мэррин.

— Да придет вопль мой пред лице Твое.

— Господь с нами.

— И с душами нашими!

Мэррин начал читать следующую молитву, и Каррас опять посмотрел на кровать. Дрожь пробежала по всему телу. Она там! Она там! Прямо передо мной! Вот она! Он услышал, как открылась дверь, и оглянулся. Шарон и Крис, вбежав в комнату, остановились как вкопанные, все еще не веря своим глазам.

— Боже мой!

—...Всемогущий Боже, Господи...

Мэррин поднял руку и будничным жестом три раза перекрестил лоб Реганы, продолжая читать молитву из «Ритуала»:

—...который послал своего сына единородного сражаться против врага нашего...

Шипение прекратилось, и из перекошенного рта Реганы исторгся душераздирающий бычий рев.

—...вырви из когтей торжествующего дьявола рабу Твою, созданную по образу и подобию Твоему...

Мычание становилось все сильнее, заставляло тело содрогаться, проникало в каждую клеточку, в каждый нерв.

— Господи, создатель, отец наш... — Мэррин спокойно вытянул руку и прижал оранж к шее Реганы: — И сатана был низвергнут с небес и упал на землю, повергая в ужас...

Рев прекратился. Комната наполнилась тишиной. Потом обильная и зловонная рвота ровными толчками поползла изо рта Реганы, покрывая ее лицо толстым слоем и стекая, как лава, на руки Мэррина.

¹ Боже праведный! (нем.)

— Протяни руку свою, изгони злого беса из Терезы-Реганы Макнейл, которая...

Каррас смутно слышал, как дверь снова открылась, и Крис вылетела из комнаты.

— Выгони его, преследующего невинных...

Кровать начала медленно раскачиваться, накренилась и стала двигаться вверх-вниз, а потом вправо-влево, но Мэррину удалось приспособиться и к этим движениям. Он плотно прижмал оранж¹ к шее Реганы, которую все еще рвало.

— Наполни дух наш отвагой, чтобы мы смогли смело сражаться с нечистым...

Неожиданно кровать замерла. Каррас увидел, как она спокойно, подобно перышку, заскользила вниз и с приглушенным стуком опустилась на коврик.

—...Господи, дай нам силу... Услышь мою молитву,— тихо произнес Мэррин.

Он сделал шаг назад, и комната затряслась от его приказа:

— Я изгоняю тебя, нечистый дух, и всякую сатанинскую силу! Все порождение ада!

Мэррин, встряхнув рукой, сбросил комки рвоты на коврик:

— Это Христос приказывает тебе, чье слово умирляет ветер и море! Тот, кто...

Регану перестало рвать. Она сидела молча и смотрела на Мэррина. Стоя в ногах кровати, Каррас с напряжением наблюдал за всем происходящим, его потрясение понемногу стало проходить, но в мозгу с новой силой вспыхнули сомнения. Он вспомнил сеансы спиритизма, психокинез, силу мысли и напряжения у подростков и нахмурился. Потом подошел к кровати и взял Регану за запястье. И тут же понял, что опасения его были не напрасны. Пульс у Реганы возрос до невероятной частоты. Каррас считал удары, глядя на свои часы, и не мог поверить, что сердце способно выдержать такой ритм.

— Это Он приказывает тебе, Тот, Кто сверг тебя с небес!

Властные заклинания Мэррина отдавались эхом в сознании Карраса, а в это время пульс Реганы неумолимо продолжал учащаться. Все быстрее и быстрее билось ее сердце. Тонкие струйки пара поднимались от рвоты вверх. Каррас присмотрелся и почувствовал, как волосы у него на голове становятся дыбом. Очень медленно, как в кошмарном сне, сантиметр за сантиметром, голова Реганы начала поворачиваться, вращаться, как у куклы, шея при этом хрустела, как старый, несмазанный механизм, и ее страшные, сверкающие глаза уставились прямо на него.

—...и посему трепещи в страхе, Сатана...

Голова медленно повернулась назад, в сторону Мэррина.

—...ты, попирающий справедливость! Породитель смерти! Предатель рода человеческого! Ты, отбирающий жизнь, ты...

Каррас устало огляделся по сторонам. Накал в лампах неожиданно ослаб, и они очутились в страшном, мигающем полумраке. Демьена передернуло. Становилось все холоднее и холоднее.

—...Ты, повелевающий убийцами, ты, враг...

¹ длинная лента, элемент дьяконского облачения.

Приглушенный удар потряс комнату. Потом еще один. Затем стал слышен ритмичный стук, сотрясающий стены и пол и раскалывающий потолок. Стук этот словно пытался войти в ритм с биением бесовского сердца.

— Уходи прочь, чудовище! Твоя доля — быть в изгнании! Твое жилище — в гнезде гадюк! Ползай же, подобно им! Сам Бог повелевает тебе! Кровь и...

Стук усилился, удары раздавались все чаще и чаще.

—...Приказываю тебе...

И еще чаще.

—...именем судьи всех живых и мертвых, именем создателя...

Шарон вскрикнула, зажимая уши руками. Удары стали оглушительными и раздавались с бешеной скоростью.

Пульс у Реганы стал таким частым, что его невозможно было подсчитать. С другой стороны кровати подошел Мэррин и медленно перекрестил грудь Реганы, покрытую слоем рвоты. Его молитва была полностью заглушена грохотом.

Неожиданно Каррас почувствовал, что сердцебиение стало уменьшаться. Когда Мэррин перекрестил Регане лоб, грохот прекратился, словно по мановению безумного дирижера.

— Господи, повелитель на земле и в небесах, Господи, властелин над всеми ангелами и архангелами...— Каррас прислушивался к молитве, а пульс становился все реже и реже...

— Гордец, скотина Мэррин! Подонок! Ты все равно проиграешь! Она умрет! Поросенок сдохнет!

Мерцающий туман поредел. Бес вновь с ненавистью накинута на Мэррина:

— Развратная гадина! Еретик! Заклинаю тебя: повернись, посмотри на меня! Посмотри на меня, дрянь!— Бес дернулся и плюнул в лицо Мэррину, зашипев:— Вот так твой хозяин исцеляет слепых!

— Господи, создатель всего живого...— молился Мэррин, доставая в то же время платок и вытирая лицо.

— Последуй теперь его примеру, Мэррин! Давай же! Соверши чудо... Исцели поросенка, святой Мэррин!

—...освободи рабу свою...

— Лицемер! Тебе же плевать на свинью! Тебе на всех плевать! Ты отдал ее нам на растерзание!

—...Я смиренно...

— Врешь! Ты врешь! Расскажи нам, где ты растерял свою смиренность? В пустыне? На развалинах? В могилах, куда ты позорно сбежал от своих друзей? Куда ты нагло смылся? Как ты смеешь разговаривать после этого с людьми, ты, вшивая блевотина!..

—...отпусти...

— Твое место в гнезде у павлина, Мэррин! Твоя участь — остаться наедине с самим собой! Уединись где-нибудь подальше и поговори сам с собой, ведь тебе больше нет равных!

Мэррин продолжал молиться, не обращая внимания на поток оскорблений.

Каррас попытался сосредоточиться на тексте. Мэррин читал отрывок из Библии:

—...«он сказал «легион», потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелевал им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выпешшие из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо из крутизны в озеро, и потонуло, и...»

— Уилли, у меня для тебя хорошие вести! — заскрипел бес. Каррас поднял глаза и увидел в дверях Уилли, которая тут же замерла, держа в руках ворох простыней и полотенец. — Я облегчу тебе страдания, — загремел голос беса. — Эльвира жива! Она жива! Она...

Уилли уставилась на него, а Карл закричал:

— Нет, Уилли, нет!

— Она наркоманка, Уилли, совершенно безнадежная...

— Уилли, не слушай! — кричал Карл.

— Сказать тебе, где она живет?

— Не слушай! Не слушай! — Карл попытался вытолкнуть Уилли из комнаты.

— Сходи, навести ее в праздник, Уилли, удиви ее! Сходи...

Неожиданно бес замолчал и внимательно посмотрел на Карраса, который, подсчитав пульс Реганы и найдя его нормальным, решил, что можно ввести еще немного либриума. Он попросил Шарон приготовить все для инъекции.

Шарон кивнула и быстро отошла в сторону. Когда она с опущенной головой подошла к кровати, Регана с воплем «Потаскуха!» обдала ей лицо рвотой.

Шарон остановилась как вкопанная, и тут появилась личность Дэннингса и заорала:

— Проклятая шлюха!

Шарон вылетела из комнаты.

Новая личность скорчила недовольную физиономию, огляделась и спросила:

— Может быть, кто-нибудь откроет окно? Пожалуйста! Здесь такая жуткая вонища! Это просто...

— О нет-нет, не надо, — вдруг передумав, продолжал тот же голос. — Ради Бога, не делайте этого, а то еще кого-нибудь к черту утробят! — Потом Дэннингс засмеялся, подмигнул Каррасу и исчез.

—...это он изгоняет тебя...

— Неужели, Мэррин? Да неужели? — Снова появился бес, и Мэррин молился, время от времени перекладывая орарь и крестя Регану. Бес снова принялся ругать его.

«Слишком долго длится этот приступ, — подумал Каррас. — Слишком уж он затянулся».

— А, вот и свиноматка появилась! — засмеялся бес.

Каррас повернулся и увидел, что к нему приближается Крис со шприцем и тампоном. Она пыталась не смотреть на него.

— Шарон переодевается, а Карл...

Каррас перебил ее коротким «Хорошо», и она подошла с ним к кровати.

— Да-да, посмотри на свое произведение, мама-свинья! Подойди сюда! — захихикал бес.

Крис изо всех сил пыталась не смотреть на Регану, не слушать ее, пока Каррас потуже привязывал руки девочки.

— Посмотри на эту блевотину! — взревел бес. — Ты довольна? Это все из-за тебя! Да! Это все из-за того, что карьера тебе важнее всего на свете, важнее мужа, важнее дочери, важнее...

Каррас оглянулся. Крис не шевелилась.

— Давайте же! — приказал он. — Не слушайте! Давайте!

—...твой развод! Иди к священникам! Но они тебе не помогут! — У Крис затряслись руки. — Она сошла с ума! Она сошла с ума! Поросяенок спятил! Это ты довела ее до сумасшествия и до убийства, и...

— Я не могу. — Лицо у Крис исказилось. Посмотрев на трясущийся шприц, она покачала головой. — Я не могу делать укол!

Каррас выхватил у нее шприц.

— Ладно, протрите руку! Протирайте! Вот здесь, — твердо приказал он.

Бес дернулся и, сверкая глазами от ярости, повернулся к нему.

— Кстати, и о тебе, Каррас!

Крис прижала тампон к руке и протерла нужное место.

— А теперь уходите! — решительно приказал Каррас, вонзая иглу в тело.

Крис вышла.

— Да, уж мы-то знаем, как ты заботаешься о матерях, дорогой Каррас! — закричал бес. Иезуит отступил и некоторое время не мог шевельнуться. Потом вынул иглу и посмотрел на закатившиеся глаза. Из горла Реганы доносилось тихое, медленное пение, похожее на голос мальчика из церковного хора:

— *Tantum ergo sacramentum veneremur cernui...*

Это был католический гимн. Каррас стоял как вкопанный, пока продолжалось жуткое, леденящее кровь пение. Он поднял глаза и увидел Мэррина с полотенцем в руках. Аккуратно и очень осторожно он вытер рвоту с шеи и лица Реганы.

—...et antiquum documentum...

Пение продолжалось.

Чей же это голос? И эти обрывки: Дэннингс, окно...

Каррас не заметил, как вернулась Шарон и взяла полотенце из рук Мэррина.

— Я закончу, святой отец, — сказала она. — Уже все прошло. Перед компасом я бы хотела переодеть ее и немного привести в порядок. Можно? Вы не могли бы на минуточку выйти?

Священники вышли в теплый полутемный зал и устало прислонились к стене.

Каррас все еще прислушивался к страшному приглушенному пению, раздававшемуся из комнаты. Через несколько секунд он обратился к Мэррину.

— Вы говорили... вы говорили мне, что в ней только одна... новая личность.

— Да.

Они разговаривали, опустив головы, будто на исповеди.

— А все остальное — только формы приступов. Да, здесь всего... всего один бес. Я знаю, что вы сомневаетесь. Видите ли,

этот бес... В общем, я один раз уже встречался с ним. Он очень могучий, очень.

Они снова помолчали, потом заговорил Каррас:

— Говорят, что бес... появляется помимо желания жертвы.

— Да, это так... это так. Он может появиться и там, где нет греха.

— Тогда какова цель одержимости? — спросил Каррас, хмурясь. — Отчего это происходит?

— Кто знает, — ответил Мэррин, задумался на секунду, потом продолжил: — Мне, однако, кажется, что цель беса — не сама жертва, а другие люди, мы... те, кто видит все это, кто живет здесь. И я думаю, я уверен — он хочет, чтобы мы отчаялись, потеряли человеческий облик и сами стали зверьми, подлыми, разложившимися личностями, забывшими о человеческом достоинстве. В этом, видимо, и весь секрет — дьяволу нужно, чтобы мы сами считали себя недостойными. Я думаю, что вера в Бога не зависит от разума, а от нашей любви, от того, считаем ли мы, что Бог любит нас...

Мэррин помолчал, а потом заговорил медленней, как бы вспоминая о чем-то:

— Он знает... бес знает, куда бить. Тогда, давно, я даже отчаялся любить ближнего своего. Некоторые люди... отталкивали меня. Это меня мучило, Дэмьен, и привело к тому, что я разочаровался в себе, после чего мог легко разочароваться и в своем Боге. Моя вера была расшатана.

Каррас с интересом посмотрел на Мэррина.

— И что же произошло потом? — спросил он.

—...В конце концов я понял: Бог никогда не потребует от меня того, что невозможно с точки зрения психологии, что любовь, которая нужна ему, находится во мне, она в моих силах и совсем непохожа на обычные эмоциональные чувства. Совсем непохожа! Ему нужно было только, чтобы я делал все с любовью, делал даже для тех, кто отталкивает меня, — а ведь это требует от нас большой любви. — Он покачал головой. — Конечно, все ясно и так, сейчас я понимаю, Дэмьен. Но тогда не понимал. Странная слепота. Как много мужей и жен считают, что их любовь прошла, потому что сердца их больше не бьются в восторге при виде возлюбленного! Боже! — Он снова покачал головой. — Вот здесь-то и лежит ответ, Дэмьен... Одержимость. Не в войнах суть, как считают многие, и даже не в таких случаях, как этот... Эта девочка... бедный ребенок. Нет, главное в мелочах, Дэмьен... в бесчувственном, мелочном непонимании. Ну, ладно. Ведь и сатана не нужен, чтобы началась война. Для этого достаточно нас самих... нас самих.

Из спальни все еще доносилось ритмичное пение. Мэррин взглянул на дверь и прислушался:

— А ведь даже от зла может исходить добро. Конечно, в каком-то смысле, который мы не можем ни понять, ни увидеть. — Мэррин помолчал. — Возможно, что зло — это суровое испытание добра, — задумчиво продолжал он. — И, возможно, даже Сатана, сам Сатана, не желая этого, делает что-то такое, что потом служит во благо добру.

— А если бес будет изгнан,— спросил Каррас,— какая гарантия, что он больше не вернется назад?

— Я не знаю,— ответил Мэррин,— не знаю. Но такого не случилось никогда.— Он приложил руку к лицу.— Дэмьен. Какое красивое имя.

Каррас почувствовал смертельную усталость в его голосе. И что-то еще. Какое-то усилие, которым он пытался подавить боль.

Неожиданно Мэррин шагнул вперед, извинился и, закрыв лицо руками, поспешил вниз, в ванную. Каррас же почувствовал откровенную зависть к сильной и искренней вере иезуита. Пение прекратилось. Чем же кончится эта ночь? Он глубоко вздохнул и вернулся в спальню. Регана заснула. «Наконец-то! — подумал Каррас.— И наконец-то можно отдохнуть».

Он нагнулся, взял ее худую руку и начал следить за секундной стрелкой часов.

— Почему ты так со мной поступил, Димми?

Дэмьен застыл от ужаса.

— Почему?

Каррас не мог сдвинуться с места, у него перехватило дыхание. Существо смотрело на него таким одиноким и обвиняющим взглядом. Глаза его матери. Его матери!

— Ты бросил меня, чтобы стать священником, Димми, ты думал, мне будет легче...

Не смотри!

— А теперь ты меня выгоняешь?

Это не она!

— Зачем ты это делаешь?

В висках застучало, к горлу подкатил комок. Он крепко зажмурился, а голос становился все более умоляющим и страшным.

— Ты же у меня хороший мальчик, Димми! Прошу тебя! Мне страшно! Не гони меня отсюда, Димми! Ну, пожалуйста!

Это не моя мать!

— Там, снаружи, нет ничего! Только темнота, Димми! Мне будет так одиноко! — Голос ее дрожал от слез.

— Ты не моя мать,— прошептал Каррас.

— Димми, прошу тебя!

— Ты не моя...

— О, ради Бога, Каррас!

Это уже был Дэннингс.

— Послушай, нехорошо гнать нас отсюда! В самом деле! То есть, что касается меня, я здесь нахожусь по справедливости. Сучка! Она отняла у меня тело, и мне кажется, что я по праву остался здесь, как ты думаешь? О, ради Христа, Каррас, посмотри на меня, а? Посмотри же! Мне не очень-то часто удается поговорить. Ну, оглянись на меня!

Дэмьен заворуженно поднял глаза.

— Ну вот, так-то лучше. Послушай, она же меня убила! Не наш хозяин, Каррас, а она! Это точно! — Существо усердно затрясло головой.— Она! Я занимался своими делами возле бара, и мне вдруг послышалось, что кто-то стонет. Наверху. Я должен был посмотреть, что там ее беспокоило. Ну, я пошел

к ней наверх, и эта стерва, представь себе, схватила меня за горло! Боже, никогда в своей жизни я не видел такой силы! Она начала орать, что я как-то надул ее мамашу, и что она развелась из-за меня, и еще что-то в том же роде. Я уж точно и не помню. Но уверяю тебя, милый мой, что это она выкинула меня из проклятого окна.— Голос осекся и продолжал уже фальцетом:— Она убила меня! И теперь ты считаешь, что это честно— выгонять меня отсюда? Послушай, Каррас, ну-ка ответь! Ты считаешь, это честно? А?

Каррас сглотнул.

— Да или нет?— настаивал голос.— Честно?

— Каким образом... шея оказалась свернутой?— через силу выдавил из себя Каррас.

Дэннингс осторожно огляделся.

— Ну, это чистая случайность... Я ведь ударился о ступени, понимаешь... так что это случайность.

У Карраса пересохло в горле. Сердце бешено стучало. Он поднял руку Реганы и растерянно посмотрел на часы.

Снова появилась его мать:

— Димми, прошу тебя! Не оставляй меня одну! Если бы ты стал не священником, а доктором, мы жили бы в красивом доме, таком хорошем, Димми, без тараканов, я не осталась бы однаодинешенька в квартире... И тогда...

В отчаянии он пытался не слушать, но голос молил:

— Димми, пожалуйста!

— Ты не моя мать...

— Боишься посмотреть правде в глаза, тварь вонючая?— Теперь появился бес.— Веришь тому, что говорит Мэррин? Веришь, что он святой и хороший? Нет, он не такой! Он гордец, и недостойн уважения! Я докажу тебе, Каррас! Я докажу это, убив поросенка!

Каррас открыл глаза, но все еще не осмеливался повернуть голову.

— Да, она умрет, и ваш Бог не спасет ее, Каррас! И ты не спасешь ее! Она умрет из-за его высокомерия и твоего невежества! Сапожник! Не надо было давать ей либриум!

Каррас обернулся и посмотрел в эти сверкающие победой глаза.

— Поцупай пульс!— усмехнулся бес.— Ну, Каррас! Поцупай пульс!

Каррас все еще держал Регану за руку и озабоченно хмурился. Пульс был частый и...

— Слабый?— засмеялся бес.— Ах, да! Но это ерунда. Пока что ерунда.

Каррас взял свой чемоданчик и достал стетоскоп. Бес закричал:

— Послушай ее, Каррас! Хорошенько!

Каррас услышал далекое и слабое биение сердца.

— Я не дам ей спать!

Каррас быстро взглянул на беса и похолодел.

— Да, Каррас!— хохотал он.— Она не будет спать. Ты слышишь? Я не дам поросенку заснуть!

Каррас онемел. Бес откинул голову и злорадно ухмыльнулся. Никто не заметил, как в комнату вернулся Мэррин, встал у кровати рядом с Каррасом и взглянул ему в глаза.

— Что такое? — спросил он.

Каррас глухо ответил:

— Бес... сказал, что не даст ей спать. — И измученно посмотрел на Мэррина. — Сердце начало сбиваться в ритме, святой отец. Если она в скором времени не получит хоть немного отдыха, она умрет от сердечной недостаточности.

Мэррин встревожился.

— Вы можете дать ей какое-нибудь лекарство, чтобы она заснула?

Каррас покачал головой.

— Нет, это опасно. Может наступить кома.

Он повернулся к Регане, которая в это время начала кудахтать, как курица.

— Если давление упадет еще ниже... — Он не закончил фразу.

— Что можно сделать? — спросил Мэррин.

— Ничего... ничего, — ответил Каррас. — Я не знаю, может быть, есть какие-то новые средства. — И вдруг он добавил. — Я хочу пригласить специалиста-кардиолога, святой отец.

Мэррин кивнул.

Каррас спустился вниз. Из кладовой раздавались всхлипывания Уилли и голос Карла, пытающегося успокоить ее. Крис не спала и сидела на кухне. Каррас объяснил ей необходимость консультации, умолчав, однако, о той опасности, которая угрожала Регане. Крис согласилась, и Каррас позвонил приятелю, известному специалисту медицинского факультета Джорджтаунского университета, разбудил его и кратко изложил суть дела.

— Сейчас приеду. — ответил кардиолог.

Он прибыл примерно через полчаса и был очень удивлен обстановкой в комнате. С ужасом и состраданием смотрел он на Регану. Она бредила, то напевая, то издавая животные звуки. Потом появился Дэннингс.

— О, это невыносимо! — пожаловался он врачу. — Просто ужасно! Я надеюсь на вас, вы должны что-то сделать! Вы что-нибудь предпримете? Иначе нам некуда будет пойти, и все из-за... О, этот проклятый, упрямый дьявол!

Доктор удивленно поднял брови. Пока он измерял Регане давление, Дэннингс обратился к Каррасу:

— Какого черта вы здесь торчите? Вы что, не видите, что эту сучку нужно немедленно отправить в больницу? Ее место в сумасшедшем доме, Каррас! Теперь ты понимаешь, да? Давайте оставим в стороне все суеверия! Если она умрет, виноваты будете вы! Только вы! Если Он такой упрямый, это еще не значит, что и вы должны так же вести себя! Вы же врач! Вы должны понимать это, Каррас! И войдите в наше положение: сейчас с жильем очень трудно, и если мы...

Вернулся бес и завыл по-волчьи. Кардиолог хладнокровно упаковал свои инструменты и кивнул Каррасу. Обследование было закончено.

Они вышли в зал. Кардиолог на секунду оглянулся на дверь в спальню и повернулся к Каррасу.

— Что за чертовщина здесь происходит, святой отец?

— Я не могу объяснить вам,— честно признался Каррас.

— Ладно.

— Что вы нашли?

Доктор был мрачен:

— Она уже на пределе. Ей нужно выспаться... прежде чем упадет давление.

— Можем ли мы ей помочь, Билл?

— Молитесь,— ответил врач.

Он попрощался и ушел. Каррас смотрел ему вслед и каждой клеткой, каждым нервом молил об отдыхе, о надежде, о чуде, хотя знал, что чудес не бывает.

«...не надо было давать ей либриум!»

Он вернулся в спальню.

Мэррин стоял у кровати и смотрел на Регану, ржавшую по-лошадиному. Лицо у него было грустным, потом на нем отразились смирение и, наконец, твердая решимость. Мэррин встал на колени:

— Отче наш...— начал он.

Регана отрыгнула на него темную вонючую желчь и засмеялась:

— Ты проиграешь! Она умрет! Она умрет!

Каррас взял свою книгу и раскрыл ее. Потом стал наблюдать за Реганой.

— Спаси рабу Твою,— молился Мэррин.— Перед лицом опасности.

Сердце Карраса терзалось в отчаянии. Засни! Засни!— неустанно повторял он.

Но Регана не засыпала.

Ни на рассвете.

Ни днем.

Ни вечером.

Не заснула она и в воскресенье, когда пульс был уже сто сорок ударов в минуту и заметно ослаб. Приступы не прекращались. Каррас и Мэррин не переставая читали молитвы. Каррас пытался сделать все возможное: он использовал смирительную рубашку, чтобы свести движения Реганы до минимума, выгнал всех из комнаты, чтобы проверить: вдруг отсутствие посторонних лиц приостановит приступ. Но ничего не помогало. Крик Реганы становился все более слабым, как и она сама, давление, однако, не падало. Сколько это еще может длиться? Нервы у Карраса были на пределе.

Господи, не дай ей умереть! Не дай ей умереть! Ниспошли ей сон! Ниспошли ей сон!

В воскресенье, в семь часов вечера, Каррас, совершенно изможденный, сидел в спальне рядом с Мэррином. Он думал о том, что ему не хватает веры, знаний, о том, что он ушел от матери, надеясь обрести положение в обществе. И о Регане. О своей ошибке. «...Не надо было давать ей либриум...»

Священники закончили очередной этап ритуала и теперь отдыхали, прислушиваясь к Регане. Она пела «Ранис Анжеликус».

Они редко покидали комнату. Каррас вышел только один раз, чтобы принять душ и переодеться. Однако при таком холоде бодрствовать было легко. Запах в комнате с утра изменился: теперь было похоже, что где-то поблизости находится гнилая, разложившаяся плоть. От спертого воздуха сильно тошнило. Лихорадочно следя за Реганой красными, утомленными глазами, Каррас вдруг услышал какой-то звук. Будто что-то скрипнуло. Потом еще раз. Как раз в тот момент, когда он моргнул. Потом до его сознания дошло, что звук доносится из-под его затвердевших век. Он повернулся к Мэррину. Слишком уж большой дефицит сна накопился в старом организме. Это в его-то возрасте! Мэррин сидел с закрытыми глазами, опустив подбородок на грудь. Каррас с трудом поднялся, подошел к кровати, проверил пульс Реганы и приготовился измерить давление. Оборачивая черную материю вокруг руки, он несколько раз подряд моргнул, чтобы прийти в себя: комната уже начала расплываться у него перед глазами.

— Сегодня мой праздник, Димми.

Сердце рванулось из груди. Потом он заглянул в глаза, которые принадлежали уже не Регане. Это были глаза его матери.

— Разве я не была к тебе добра? Почему ты бросил меня одну умирать, Димми? Почему? Почему? Почему ты...

— Дэмьен!

Мэррин крепко сжал его руку:

— Пожалуйста, идите и отдохните немного!

У Карраса подкатил комок к горлу, и он молча вышел из спальни. Кофе? Да, он хотел бы выпить чашечку кофе. Но еще больше ему хотелось принять душ, побриться и переодеться.

Он вышел из дома, пересек улицу, вошел в подъезд и открыл дверь в свою комнату... Но как только он увидел свою постель...

Забудь о душе. Поспи. Хотя бы полчаса.

Едва он протянул руку к телефону, собираясь попросить, чтобы его разбудили через тридцать минут, как телефон зазвонил сам.

— Да, я слушаю,— хрипло сказал он.

— Вас ожидают, отец Каррас. Некий мистер Киндерман.

Задумавшись на секунду, Каррас ответил:

— Пожалуйста, скажите ему, что я сейчас выйду.

Повесив трубку, Каррас заметил на столе пачку сигарет «Камел». В ней торчала записка Дайера:

«В часовне нашли ключ от клуба Плейбой.
Не твой ли, случаем? Можешь взять его
в приемной».

Каррас равнодушно отложил записку, переоделся в чистое белье и вышел из комнаты, забыв захватить сигареты.

В приемной он увидел Киндермана, увлеченного перестановкой цветов в большой вазе. Детектив, держа в руке розовую камелию, повернулся к Каррасу.

— А, святой отец! Отец Каррас! — Лицо детектива приняло выражение озабоченности. Он быстро воткнул цветок на прежнее место и подошел к Каррасу.

— Вы ужасно выглядите! В чем дело? Вот к чему приводит бег по стадиону! Бросьте вы это! Послушайтесь меня!

Он взял Карраса за локоть и потянул его на улицу.

— У вас есть время? — спросил Киндерман, когда они вышли из приемной.

— Очень мало, — пробормотал Каррас. — А что случилось?

— У меня к вам небольшой разговор. Мне нужен ваш совет. Простой совет, ничего более.

— Какой совет?

— Одну минуточку. — Киндерман махнул рукой. — Давайте прогуляемся, подышим воздухом. Это так полезно. — Он повел иезуита через Проспект-стрит. — Посмотрите-ка вон туда. Как красиво! Просто великолепно! Нет, ей-богу, вы плохо выглядите, — повторил он. — Что случилось? Вы не больны?

«Когда же он поймет, что происходит?» — подумал про себя Каррас, а вслух произнес:

— У меня много дел.

— Тогда отложите их, — засопел детектив. — Притормозите немного. Отдохните. Кстати, вы видели балет Большого театра? Они выступают в Уотергейте.

— Нет.

— И я не видел. Но мне очень хочется. Балерины так изящны... Это очень красиво!

Они прошли еще немного. Каррас взглянул в лицо Киндерману, который в задумчивости смотрел на реку.

— Что вы задумали, лейтенант? — спросил Каррас.

— Видите ли, святой отец, — вздохнул Киндерман. — У меня появилась проблема.

Каррас мимоходом взглянул на закрытое ставнями окно Реганы.

— Профессиональная проблема?

— Частично... только частично.

— Что случилось?

— Ну, в общем... — Киндерман замаялся. — В основном это проблема этики. Можно сказать так... Отец Каррас... вопрос... — Детектив повернулся и, нахмурившись, прислонился к стене здания. — Я ни с кем не мог поговорить об этом, даже со своим капитаном, понимаете... Я не мог рассказать ему. Поэтому я подумал... — Его лицо неожиданно оживилось. — У меня была тетка... Это очень смешно. В течение многих лет она была просто в ужасе от моего дяди. Никогда не осмеливалась сказать ему слово; даже боялась взглянуть на него. Никогда! Поэтому когда она сердилась на него за что-то, то пряталась в шкаф в своей спальне, и там, в темноте — вы мне не поверите! — в темноте, среди одежды и моли, она ругалась. Ругалась! — на дядю! — в течение двадцати минут! И говорила все, что она о нем думает! Когда ей становилось легче, она выходила из своего шкафа, она шла к дяде и целовала его в щеку. Как вы считаете, отец Каррас, это хорошо или плохо?

— Очень хорошо,— ответил, улыбаясь, Каррас.— Так что же, сейчас я — ваш шкаф? Это вы имели в виду?

— В какой-то степени.— Киндерман задумчиво посмотрел вниз.— В какой-то степени. Только здесь дело более серьезное, отец Каррас.— Он немного помолчал, затем добавил: — И шкаф должен говорить.

— У вас есть сигареты? — спросил Каррас. У него дрожали пальцы.

— В моем состоянии еще и курить?

— Ах да... Конечно, нет,— пробормотал Каррас, прижимая ладони к стене. Перестаньте дрожать!

— Ну и доктор! Вы все еще сводите бородавки лягушками, доктор Каррас?

— Жабами,— мрачно ответил священник.

— Вы что-то сегодня совсем не в духе,— обеспокоился Киндерман.— Что-нибудь случилось?

Каррас молча покачал головой и тихо попросил:

— Продолжайте.

Детектив вздохнул и посмотрел на реку.

— Я говорил...— Он засопел, потом почесал лоб большим пальцем.— Я говорил, что... Ну, давайте предположим, что я работаю над одним делом, отец Каррас. Речь идет об убийстве.

— Дэннингс?

— Нет, я говорю чисто гипотетически. Считайте, что вы об этом ничего не знаете. Ничего.

Каррас согласно кивнул.

— Убийство похоже на ритуальное жертвоприношение,— хмуро продолжал детектив, медленно подбирая слова.— Давайте предположим, что в доме живут пять человек, и один из них — убийца. И я знаю об этом совершенно точно.— Он медленно повернул голову.— Но вот проблема... Все улики — понимаете? — указывают на ребенка, на маленькую девочку лет десяти, может быть, двенадцати... Далее. В этот дом приходит священник, очень известный, и, так как это дело чисто теоретическое, я, святой отец, чисто теоретически предположил, что священник вылечил однажды очень специфическую болезнь. Болезнь, кстати сказать, психическую.

Каррас почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— И еще здесь замешан сатанизм... плюс сила. Да, невероятная сила. И эта выдуманная девочка могла, например, свернуть взрослому человеку шею. Да, ей это было вполне под силу.— Он кивнул головой.— Да, да... Теперь вопрос.— Киндерман в задумчивости наморщил лоб.— Видите ли... Девочка здесь ни при чем. Она сумасшедшая. И всего лишь ребенок. Ребенок! И все же ее болезнь... Девочка может быть опасна. Она может убить кого-нибудь еще. Вот в чем проблема. Что делать? Я имею в виду, теоретически. Забыть об этом? Забыть и надеяться...— Киндерман замаялся,— на то, что она поправится? Или... Святой отец, я не знаю... Это ужасное решение, просто ужасное. И мне не хотелось бы принимать его. Как правильно поступить в таком случае? Я имею в виду теорию. Как вы считаете?

Некоторое время иезуит боролся со своими противоречивыми чувствами, злился на себя за то, что снова ощутил страшный груз. Потом, встретив прямой взгляд Киндермана, тихо ответил:

— Я бы оставил решение вопроса тем, кто более компетентен.

— Я полагаю, что они это сейчас и решают. Я знал, что вы мне именно так ответите. Ну, мне пора, а то миссис Киндерман начнет нервничать и твердить, что вот опять обед стынет! Спасибо вам, святой отец. Мне сейчас легче... гораздо легче. Да, кстати, вы мне не откажете в любезности? Если встретите человека по имени Энгстром, скажите ему: «Эльвира в больнице, у нее все в порядке». Он поймет. Передадите? Если, конечно, вы его встретите.

Каррас удивленно посмотрел на него.

— Обязательно, — сказал он. — Обязательно.

— Послушайте, а когда же мы с вами сходим в кино, святой отец?

Иезуит опустил глаза и пробормотал:

— Скоро.

— «Скоро». Вы, как тот раввин, который говорит о мессе всегда только «скоро». Послушайте, сделайте мне еще одолжение. Прекратите этот бег по стадиону, хотя бы ненадолго. Ходите, просто ходите. Сбавьте темп! Вы мне обещаете?

— Обещаю.

Детектив сунул руки в карманы и смиренно устоял в землю.

— Понятно, — вздохнул он. — Скоро. Всегда только «скоро».

Перед тем как уйти, Киндерман положил руку на плечо иезуиту и крепко сжал его.

— Элия Казан шлет вам поклон.

Некоторое время Каррас наблюдал, как он шел по улице. Наблюдал с удивлением. С любовью. И поражался тем изменениям, которые могут происходить в сердце человека. Он прижал кулак к губам и почувствовал, как печаль исторгается из груди и затуманивает глаза. Взглянув на окно Реганы, он решил вернуться в дом.

Дверь открыла Шарон, держа в руках испачканное белье. Она извинилась:

— Я несла это вниз постирать.

Глядя на нее, он подумал было о кофе, но тут же услышал, как наверху бес орет на Мэррина. Он двинулся к лестнице, но вдруг вспомнил о Карле. Где он сейчас? Дэмьен пошел на кухню, но Карла там не было. Только Крис сидела за столом и разглядывала... альбом?

Приклеенные фотографии, вырезки из газет. Она закрывала голову руками, и Каррас не смог разглядеть выражения ее лица.

— Извините, — тихо спросил Каррас. — Карл у себя?

Крис покачала головой:

— Он вышел. — Каррас услышал, что она всхлипнула. — Там есть кофе, святой отец. Вот-вот закипит. — Крис встала из-за стола и вышла из кухни.

Каррас перевел взгляд на альбом, подошел к столу и пролистал его. Он увидел фотографии маленькой девочки и с болью осознал, что смотрит на Регану: вот здесь она в день рождения, задувает свечки на торте, здесь сидит в шортах и маечке, весело помахивая рукой фотографу. Спереди на майке виднелась какая-то надпись, сделанная по трафарету: «Лагерь...» Дальше он не смог разобрать.

На следующей странице детским почерком на листке бумаги было написано:

*«Если бы вместо обычной глины
Я могла бы взять самые красивые вещи,
Например, радугу,
Или облака, или песенку птицы,
Может быть, тогда, милая мамочка,
Если бы я все это перемешала,
Я бы по-настоящему вылепила тебя»*

Ниже: «Я люблю тебя! Поздравляю с праздником!» и подпись карандашом: «Рэгс».

Каррас закрыл глаза. На сердце стало тяжело от случайной встречи с чужим прошлым. Он отвернулся и стал ждать, когда закипит кофе. Выкинь все из головы! Немедленно! Прислушиваясь к бульканью закипающего кофе, он почувствовал, как у него задрожали руки, жалость вдруг переросла в слепую ярость, в злость на эту болезнь, на эту боль, на страдания детей и на хрупкость тела, на чудовищную и непреодолимую разрушительную силу смерти.

«...Если бы вместо обычной глины...»

Злоба снова медленно превращалась в сострадание, в беспомощную жалость.

«...самые красивые вещи...»

Больше он не мог ждать. Он должен идти... Должен что-то сделать... помочь... попытаться...

Каррас вышел из кухни. Проходя мимо гостиной, он заглянул в дверь и увидел, что Крис лежит на диване и рыдает, а Шарон сидит рядом и пытается ее успокоить. Он отвернулся и пошел наверх, в спальню.

Бес отчаянно ругал Мэррина:

—... все равно ты бы проиграл! И ты знал это! Ты подонок, Мэррин! Скотина! Вернись! Вернись и... — Каррас перестал слушать.

«...или песенку птицы...»

Он посмотрел на Регану. Ее голова была повернута в сторону. Приступ бесовской ярости продолжался.

«...самые прекрасные вещи...»

Он медленно подошел к своему стулу, и только тогда заметил, что Мэррина в комнате нет. Когда же Дэмьен направился к Регане, чтобы измерить давление, то споткнулся о распростертое на полу тело. Мэррин лежал возле самой кровати, безвольно раскинув руки, лицом вниз. В ужасе Каррас опустил на колени, перевернул тело и увидел страшное, посиневшее лицо. Он взял его за руку в надежде нащупать пульс. Жгучая,

невыносимая боль пронзила его сердце: Мэррин был мертв! —...священная напыщенность! Умер, да? Умер? Каррас, вылечи его! — заорал бес. — Верни его, дай нам закончить, дай нам...

«Сердечная недостаточность. Коронарная артерия не выдержала...»

— О Боже всевышний! — чуть слышно простонал Каррас, закрыл глаза и затряс головой. Он не хотел, не мог поверить. В безумном порыве горя он изо всей силы сжал бледное запястье Мэррина, будто хотел выжать из мертвых сухожилий пропавшее биение жизни.

—...набожный...

Каррас заметил крошечные таблетки, раскатившиеся по всему полу. Нитроглицерин. Глазами, красными от слез, он посмотрел на мертвое тело Мэррина. «...идите и отдохните немного, Дэмьен...»

— Даже черви не будут жрать твои останки, ты...

Каррас услышал слова беса, и его заколотило от злобы.

Не слушай!

—...гомосек...

Не слушай! Не слушай!

На лбу у Карраса вздулись пульсирующие жилы. Он поднял руки Мэррина и стал осторожно складывать их на груди.

Плевок вонючей слюны угодил прямо в глаз Мэррину.

— Последний обряд! — обрадовался бес, запрокинул голову и дико захохотал.

Некоторое время Каррас молча смотрел на плевок и не шевелился. Он ничего не слышал, кроме шума приливающей к голове крови. Потом очень медленно, весь дрожа, поднял голову. На его багровом лице застыла маска ненависти и злобы.

— Ты, с-сукин сын, — прошептал он, и эти слова рассекли воздух, как сталь. — Ты, подонок! — Хотя он не шевелился, каждый мускул его был напряжен, и жилы на шее натянулись, как веревки.

Бес перестал смеяться и зло уставился на него.

— Ты проиграешь! Ты всегда проигрывал!

— Да, ты прекрасно расправляешься с детьми! — Дэмьен дрожал, как в лихорадке. — С маленькими девочками! А ну-ка, давай посмотрю, способен ли ты на что-нибудь большее! Давай же, попробуй! — Он выставил свои огромные руки и медленно поманил к себе. — Давай, ну, давай же! Попробуй, возьми меня! Оставь девочку, возьми МЕНЯ! МЕНЯ!..

Крис и Шарон услышали, что в спальне Реганы происходит нечто странное. Крис сидела возле бара, Шарон смешивала напитки. Она поставила водку и тоник на стойку бара, и тут обе женщины одновременно поглядели вверх. Послышался звук падающего тела. Потом удары по мебели, по стенам. И голос... беса? Да, беса. Были слышны его ругательства. Но голос был уже немножко другим. Он менялся. Каррас? Пожалуй, Каррас мог говорить таким голосом. Но ЭТОТ голос был громче. И глубже.

— Нет, я не позволю тебе обижать их! Ты не посмеешь причинить им зло! Ты...

Крис уронила стакан и вздрогнула от звука разбившегося стекла. В ту же секунду они вместе с Шарон выбежали из кабинета, помчались вверх к спальне Реганы и ворвались в комнату.

Они увидели, что ставни, снятые с петель, валяются на полу, а окно!.. Стекло было полностью высажено!

Встревоженные женщины кинулись к окну, и в эту секунду Крис увидела Мэррина, лежавшего на полу возле кровати. Она замерла. Потом подбежала к нему, нагнулась, и у нее тут же перехватило дыхание.

— О Боже! — закричала она. — Шарон! Шар, подойти! Скорее, сюда!

Шарон выглянула в окно, тоже вскрикнула и рванулась к двери.

— Шар, что случилось?

— Отец Каррас! Отец Каррас!

Рыдая, она вылетела из комнаты, а Крис встала и подошла к окну. Она смотрела вниз, и сердце ее в эту минуту готово было вырваться из груди. В самом конце лестницы, на М-стрит, окруженный собравшейся толпой, беспомощно лежал Каррас.

От ужаса она не могла шевельнуться и стояла, как парализованная.

— Мама?

Слабенький, тоненький голосок, дрожащий от слез, позвал ее откуда-то сзади. Крис окаменела. Она боялась верить.

— Что случилось, мама? Пожалуйста, подойди ко мне! Мамочка, пожалуйста! Я боюсь! Я...

Крис обернулась. Она увидела детские слезы, умоляющее родное лицо и бросилась к кровати.

— Рэгс, моя маленькая, моя крошка! О, Рэгс...

...Шарон неслась к дому иезуитов. Она вызвала Дайера, — тот сразу же вышел в приемную, — и все ему рассказала. Дайер побледнел.

— Вы вызвали «Скорую помощь»?

— О Боже, я об этом как-то не подумала!

Дайер быстро проинструктировал дежурного у телефона и кинулся вперед. Шарон едва успевала за ним. Они перебежали улицу и спустились по ступенькам вниз.

— Дайте мне пройти! Расступитесь! — Проталкиваясь через зевак, Дайер слышал обрывки реплик: «Что произошло?» — «Какой-то тип упал с лестницы». — «Вы видели?» — «Наверное, написал. Видите, его рвало». — «Ну, пошли, а то опоздаем в...»

Наконец Дайеру удалось протиснуться внутрь кольца, и он застыл на миг от чувства неутешного горя и скорби. Каррас лежал на спине, около головы его растекалась лужа крови. Он безразлично смотрел в небо, рот был слегка приоткрыт. Но вот он заметил Дайера и слегка шевельнулся. Как будто хотел сказать ему что-то очень важное и срочное.

— Ну-ка, разойдись! А ну, отойдите! — К толпе подошел полицейский.

Дайер опустился на колени и положил ладонь на разбитое лицо. Как много порезов! Из уголка рта струйкой стекала кровь.

— Дэмьен... — Дайер запнулся и постарался справиться с комком, подкатившим неожиданно к горлу. Он увидел слабую улыбку, озарившую лицо Карраса, и придвинулся поближе.

Каррас медленно дотянулся до руки Дайера и, глядя ему прямо в глаза, сжал ее слабеющими пальцами.

Дайер еле сдерживал слезы. Он придвинулся еще ближе и прошептал ему прямо на ухо:

— Ты хочешь исповедаться, Дэмьен?

Каррас снова сжал ему руку.

Дайер немного отодвинулся и медленно перекрестил его, произнеся слова отпущения грехов:

— *Ego te absolvo...*¹

Слеза выкатилась из глаза Карраса, и Дайер почувствовал, что он еще сильнее сжимает его руку.

— *...in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen*².

Дайер склонился над Каррасом, подождал немного и прошептал ему на ухо:

— Ты... — И тут же осекся, почувствовав, что рука Карраса разжалась. Он посмотрел на него и увидел, что глаза Дэмьена наполнились покоем и чем-то еще: какой-то таинственной радостью от того, что сердце наконец-то перестало страдать. Глаза устремились в небо, но они уже ничего не видели в этом мире.

Медленно и очень нежно Дайер опустил Каррасу веки. Вдали послышалась сирена «Скорой помощи». Он хотел сказать: «Прощай», но не смог, а только опустил голову и заплакал.

Подъехала «Скорая». Санитары положили тело Карраса на носилки, задвинули их в машину. Дайер тоже залез внутрь и сел рядом с врачом. Он нагнулся и взял Карраса за руку.

— Вы ему больше ничем не поможете, святой отец. — Врач пытался говорить как можно мягче. — Не расстраивайте себя. Вам не надо ехать.

Дайер не сводил глаз с разбитого лица и отрицательно качал головой.

Врач посмотрел на дверцу, около которой терпеливо ждал шофер, и кивнул ему. Дверца захлопнулась.

Шарон стояла на тротуаре и молча наблюдала, как «Скорая» медленно скрывается за углом.

Вой сирены будоражил ночь и несли над рекой, но потом шофер, видимо, вспомнив, что спешить уже некуда, отключил сигнал. Стало совсем тихо, и река вновь обрела покой.

ЭПИЛОГ

Стоял конец июня. В спальне Крис собирала вещи, и яркие солнечные лучи пробивались через стекло. Она положила цветастую кофточку в чемодан и закрыла крышку.

¹ Я прощаю тебе грехи... (лат.)

² ...Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. (лат.)

— Ну вот и все,— сказала она Карлу.

Тот закрыл чемодан на ключ, и Крис пошла к Регане.

— Эй, Рэгс, ты готова?

Прошло уже шесть недель после смерти священника и после того, как Киндерман закрыл дело, хотя не все было выяснено до конца. Крис могла только догадываться о случившемся, и частые размышления доводили ее до того, что она нередко просыпалась среди ночи в слезах.

Киндерман тоже не мог успокоиться. Смерть Мэррина наступила от острой сердечной недостаточности. Но Каррас...

— Интересно,— сопел Киндерман в попытках добраться до истины.— Это не девочка. В тот момент она была крепко связана смирительными ремнями. Очевидно, сам Каррас убрал ставни и выбросился из окна. Но зачем? От страха? Или в попытке избежать чего-то ужасного? Нет! — Киндерман сразу же отбросил эту версию. Если бы Дэмьен хотел уйти, то вышел бы спокойно через дверь, тем более что Каррас был не из тех, кто бежит в минуту опасности.

Тогда чем объяснить этот прыжок?

Киндерман решил поискать ответ в показаниях Дайера, который говорил, что у Карраса были большие эмоциональные перегрузки: чувство вины перед матерью, ее смерть, проблема его собственной вины. Когда Киндерман добавил к этому несколько бессонных ночей, вину перед неизбежной смертью Реганы, издевки беса, принимавшего облик его матери, и удар, нанесенный смертью Мэррина, он с грустью заключил, что у Карраса помутился разум. Кроме того, расследуя смерть Дэннингса, детектив вычитал в книгах, что во время изгнания бесов священники часто и сами становились одержимыми, когда этому благоприятствовали обстоятельства: сильное чувство вины, желание быть наказанным плюс сильная самовнушаемость. Каррас был к этому предрасположен. Звуки борьбы, меняющийся голос священника, который слышали Шарон и Крис,— все это также подтверждало гипотезу Киндермана.

Однако Дайер не согласился с таким предположением. Он снова и снова приходил поговорить с Крис, пока девочка выздоравливала и набиралась сил. Он всякий раз спрашивал, в состоянии ли Регана вспомнить, что же все-таки случилось в комнате в тот вечер. Но ответ был всегда один: «Нет».

Дело было закрыто.

...Крис заглянула в спальню Реганы и увидела, что девочка сидит, обняв двух плюшевых зверей, и недовольно смотрит на упакованный чемодан на кровати.

— Ну как, ты уже уложила вещи, крошка? — спросила Крис.

Регана, такая худенькая и слабая, с черными кругами под глазами, посмотрела на нее:

— Не хватает места вот для них!

— Ну, ты же все равно не сможешь взять сейчас всех, дорогая. Оставь их, а Уилли все привезет. Пойдем, кроха, а то опоздаем на самолет.

В полдень они улетали в Лос-Анджелес, оставляя Шарон и Энгстромов собирать вещи. Потом Карл на «ягуаре» должен был привезти домой все оставшееся.

— Ну, ладно,— нехотя согласилась Регана.

— Вот и хорошо.— Крис, услышав звонок, быстро спустилась по лестнице и открыла дверь. На пороге стоял отец Дайер.

— Привет, Крис! Я зашел попрощаться.

— О, я очень рада! Я как раз сама собиралась к вам.— Она сделала шаг назад.— Заходите.

— Да нет, не стоит, Крис. Я знаю, что вам некогда.

Крис молча взяла его за руку и втащила в зал.

— Прошу вас. Я как раз собиралась выпить кофе.

— Ну, если вы уверены, что...

Она была уверена. Они пошли на кухню, сели за стол, выпили по чашечке кофе, поговорили о мелочах, а в это время Шарон и Энгстромы продолжали заниматься багажом, бегая по всему дому.

Крис заговорила о Мэртине: она была очень удивлена, увидев так много известных людей — и американцев, и иностранцев — на его похоронах. Потом они помолчали, и Дайер принялся грустно разглядывать свою чашку. Крис без труда отгадала его мысли.

— Регана ничего не помнит,— произнесла она.— Простите.

Иезуит молча кивнул. Крис взглянула на свой нетронутый завтрак. На тарелке все еще лежала роза. Она взяла ее и в задумчивости повертела в руках стебелек.

— А он так и не увидел ее,— прошептала Крис, ни к кому не обращаясь. Потом посмотрела на Дайера и встретила его взгляд.

— А как вы думаете, что же произошло на самом деле? Как невероятная,— тихо спросил он,— вы считаете, что она и в самом деле была одержима?

Крис опустила глаза и задумалась, продолжая поигрывать цветком.

— Что касается Бога, то я действительно в него не верю. До сих пор. Но когда речь идет о дьяволе, тут совсем другое дело. В это я поверить могу. И я верю. В самом деле! И не только после того, что случилось с Рэги, а вообще.— Она положила цветок.— Вот вы обращаетесь к Богу. Представьте, сколько он должен отдыхать от наших просьб и молитв, чтобы они ему не надоели, если он, конечно, существует. Вы понимаете, о чем я говорю? А дьявол постоянно сам создает себе рекламу. Он везде, он всюду совершает сделки.

— Но если все зло мира заставило вас поверить в существование дьявола, то что вы скажете насчет всего добра, которое есть в мире?

Она задумалась и отвела глаза в сторону. Потом посмотрела на тарелку.

— Да... да,— тихо согласилась Крис.— Об этом стоит подумать.

Со дня смерти Карраса печаль настолько глубоко вошла в ее сознание, что оставалась в нем и по сей день. Хотя впереди она

предвидела светлые дни и все время вспоминала слова Дайера, которые он произнес, провожая ее до машины после похорон Карраса.

— Вы не могли бы зайти ко мне? — спросила она тогда.

— Я бы с удовольствием, но боюсь опоздать на праздник, — ответил он.

Крис была поражена.

— Когда умирает иезуит, — пояснил Дайер, — у нас всегда праздник. Для него это только начало, и мы должны отметить это событие.

У Крис мелькнула еще одна мысль.

— Вы говорили, что у отца Карраса была проблема с верой?

Дайер кивнул.

— Я не могу в это поверить, — сказала она. — Я никогда в жизни не встречала такой набожности.

— Такси уже здесь, мадам, — доложил появившийся Карл.

Крис вышла из задумчивости:

— Спасибо, Карл. Все в порядке. — Она встала, и Дайер вслед за ней поднялся из-за стола.

— Нет-нет, вы оставайтесь, святой отец. Я сейчас вернусь. Я только поднимусь за Рэгс.

Крис ушла, а Дайер вновь принялся размышлять над последними непонятными словами Карраса, над криками, которые слышали перед самой его смертью. Здесь что-то скрывалось. Но что? Этого-то он и не понимал. И Крис, и Шарон вспоминали только какие-то смутные обрывки фраз. Дайеру отчетливо вспомнилась затаенная радость в глазах умирающего священника. Этот странный блеск не давал ему покоя, было в них что-то похожее на... триумф? Дайер не был уверен в этом, но от такой мысли ему почему-то стало легче.

Он встал, вышел в зал, прислонился к двери и, засунув руки в карманы, молча стал наблюдать, как Карл помогает укладывать багаж в такси. Воздух был горячим и влажным. Дайер вытер взмокший лоб и услышал, что Крис спускается вниз. Она вышла, держа Регану за руку. Мать и дочь подошли к Дайеру, и Крис поцеловала его в щеку, а потом, коснувшись его рукой, заглянула прямо в глаза.

— Все в порядке, — сказал он и улыбнулся. — Мне почему-то кажется, что все будет хорошо.

Крис кивнула:

— Я позвоню вам из Лос-Анджелеса. Ждите.

Дайер посмотрел на Регану. Она нахмурилась, взглянув на него, будто вспоминая что-то, потом протянула руки. Дайер нагнулся, и она его поцеловала.

Крис отвернулась.

— Ну, пошли, — сказала она, взяв Регану за руку. — Мы опоздаем, кроха. Пошли.

Дайер, не отрываясь, смотрел, как они шли к машине, и махал им на прощание. Крис послала ему воздушный поцелуй и быстро села в такси вслед за Реганой. Карл уселся рядом с шофером, и такси тронулось. Дайер дошел до поворота и все смотрел им вслед. Вскоре машина повернула за угол и скрылась.

Сзади раздался скрип тормозов. Священник оглянулся и увидел полицейскую машину, из которой выходил Киндерман. Детектив не спеша обошел автомобиль и проковылял к Дайеру, приветливо махнув ему рукой.

— Я пришел попрощаться.

— Вы опоздали.

Киндерман остановился и поник.

— Уже уехали?

Дайер кивнул.

Киндерман посмотрел на улицу и горестно покачал головой. Потом обратился к Дайеру:

— Как девочка?

— Все в порядке.

— Это хорошо. Очень хорошо. А остальное меня не интересует. Ну, ладно. Надо возвращаться на работу. До свидания, святой отец. — Он повернулся и шагнул к машине, потом остановился и, раздумывая о чем-то, уставился на Дайера.

— Вы ходите в кино, отец Дайер?

— Конечно.

— У меня есть контрамарка. — Он поколебался секунду и добавил: — На завтрашний вечер в «Крэст». Вы не хотите составить мне компанию?

Дайер стоял, засунув руки в карманы.

— А что там идет?

— «Высоты Вутеринга».

— А кто играет?

— Хатклиффа — Джэки Глизон, а Катерину Эрншоу — Люси Болл.

— Я уже смотрел, — ответил Дайер.

Киндерман молча посмотрел на него и отвернулся.

— Еще один, — пробормотал он. Потом вдруг подошел к Дайеру, взял его под руку и повел по улице.

— Мне вспомнились слова из фильма «Касабланка», — сказал он весело. — В самом конце Хэмфи Богарт говорит Клоду Рэйнс: «Луи, мне кажется, что это — начало красивой дружбы».

— Знаете, а вы немного похожи на Богарта.

— И вы заметили?

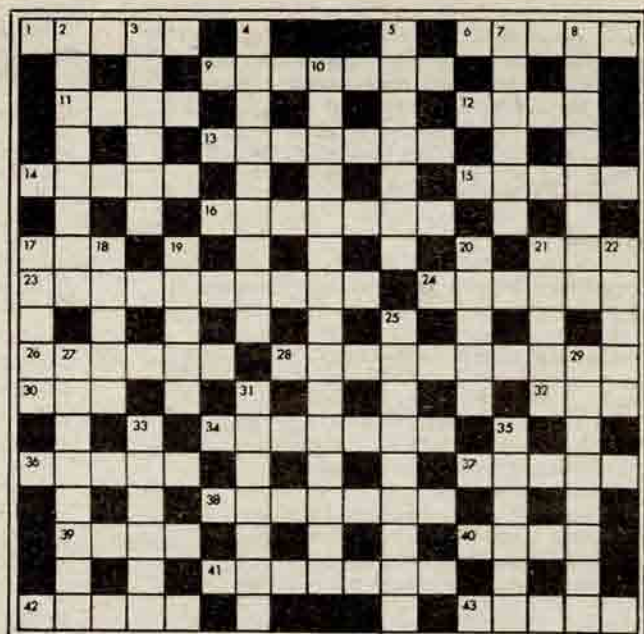
Наступило время забвения. Но они старались запомнить все до последней детали...

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Я взял на себя смелость изменить местонахождение Джорджтаунского университета, а также перевести в другое место Институт Языков и Лингвистики. Проспект-стрит в действительности не существует, она выдумана мной так же, как и приемная в доме иезуита.

Отрывок прозы, приписанный Ланкэстеру Мэррину, взят из проповеди Джона Генри Ньюмана «Вторая весна».

Перевод с английского АЛЕКСАНДРА ЯЧМЕНЕВА,
МАРИИ ПАВЛОВОЙ и МАРИНЫ ЯКОВЛЕВОЙ.

ЗРУДИТ По горизонтали:

1. Степной народ, изображавший животных в «позе летящего галопа». 6. Оперная героиня Р. Леонкавалло, поющая балладу «В лазурной вышине». 9. Англичанин как любитель напитка, которого он выпивает больше любого другого европейца. 11. Изображенная Э. Мане валенсийка, которой Ш. Бодлер посвятил четверостишие. 12. Танец в манере сценического поведения битлов. 13. Предшественница и спутница инфляции. 14. Итальянский художник, пренебрегший монашеской рысью ради любви к красивой монахини. 15. Страна с обычаем: если девушка села к юноше на багажник велосипеда, значит, она «обратила внимание на пожар его души». 16. Музыкальная пьеса, заменявшая в XVI—XVII веках туш. 17. Три фута под килем. 21. А ... и ныне там (поговорка «от Крылова»). 23. Советский поэт, видевший, что Диего Ривера «из кольта попадает в монету на лету». 24. Судно петровских времен для транспортировки лошадей. 26. Занятие, которое хорошо знал и описал Л. Сабанеев. 28. Колдовство, на которое способна почти каждая женщина. 30. «Музыка» лавины. 32. Повесть Н. Чернышевский откликнулся на нее статьей «Русский человек на randevu». 34. Разящее оружие Соловья-разбойника в былинах. 36. Насекомое, способное нести груз, в двадцать раз превышающий его собственный вес. 37. Популярный композитор, автор известной фразы о Шопене: «Снимите шляпы, перед вами гений!». 38. Русский

писатель, сказавший: «Для лакея нет героя». 39. Австралийская птица, ловко подражающая даже звону колокола. 40. Американский промышленник, считавший: «Кто действительно работает, тот не нуждается в титулах. Его работа для него — достоянная честь». 41. Шлюпка гарпунеров. 42. Газ. Содержание его в воздухе определяют эманометром. 43. Артиллерия вместе с боеприпасами в Московской Руси.

По вертикали:

2. Средневековый город, стоявший близ Коктебеля. Его название завораживало М. Волошина. 3. Митрополит, обличавший злодеяния Ивана Грозного и поплатившийся за это жизнью. 4. Первый парень на селе еще в недавние годы. 5. Головной убор Стебелькова в «Подростке» Ф. Достоевского. 7. Поэт, о котором Иван Бунин в 1925 году писал, «что он, плут, отлично знает, что говорит, когда говорит, что в его налитых самогоном глазах «прозрений дивных свет». 8. Положение Вс. Мейерхольда в своем театре. 10. Ум, вкус и... — «боевое вооружение» поэта (по Шота Руставели). 17. Старинное русское название селитры. 18. Птица с длинным языком. 19. Химический элемент, название которого появилось за тридцать лет до его открытия. 20. Писать — читать, сев — ... 21. Пора любви. 22. Замысел без расчета. 25. Живший в III веке н. э. святой. Его обычно изображали с головой собаки (по легенде, он был так красив, что женщины осаждали его, и он умолил Бога, чтоб им виделось не лицо, а песья морда). 27. Муха, чья личинка до превращения в кокон успевает высосать две тысячи тлей. 29. Самая северная страна Европы. 31. Польский вариант паваны. 33. Строитель самолетов, первым перелетевший через Ла-Манш. 35. Одно из племен, в совокупности носивших название «чудь».

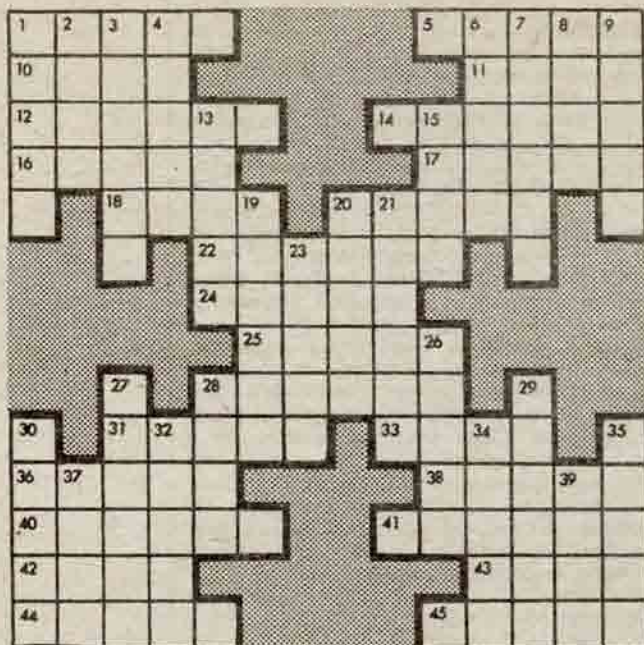
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

1. Идальго. 6. Чумичка. 11. Окрут. 13. Ритенуго. 14. «Богатыри». 16. Инки. 17. Феогнид. 18. Холм. 21. Аристотель. 23. Ленотр. 25. Жув. 27. Вук. 28. Крота. 29. Чехов. 30. Миф. 33. Чал. 35. Анобис. 36. Палестрина. 38. Гизо. 39. «Реквием». 40. Сова. 43. Стяжение. 45. Втирание... 46. ...остов... 47. Зависть. 48. Ромашка.

По вертикали:

2. Детектив. 3. Лень. 4. Готтентоты. 5. Око. 6. Чуб. 7. Утопия. 8. Ишак. 9. «Крысолов». 10. Эрмитаж. 12. Бисмарк. 15. Ягель. 19. Вторник. 20. Реторта. 22. Рубин. 24. Туман. 26. Невежество... 30. Мангуст. 31. Фудзияма. 32. Саква. 33. Чиновник. 34. Лафатер. 37. Шевиот. 41. ...цепи... 42. Юрта. 44. Есь. 45. Вор.

КРОССВОРД
Составил
И. МАНЕГА,
Речица
Гомельской
области

По горизонтали:

1. Пришелец. 5. Потухший вулкан, флору которого Джой Адамсон считала «самой интересной из растительного мира всех гор Восточной Африки». 10. Греческий бог, чьи атрибуты — копье, горящий факел, собака, коршун. 11. Моржовый ремень у северных народов для метания гарпуна. 12. Подобный гуттаперче млечный сок одноименного тропического дерева. 14. Пальма-лиана, самое длинное растение. 16. На картине «Шубка» П. Рубенса запечатлел жену (ее имя). 17. Рисовая лебеда, самая высокогорная пищевая культура Америки, возделываемая с первобытных времен. 18. Время, с которого на Руси начинали отсчет суток. 20. Скамья. 22. Последний роман Э. Золя; 24. Шаблон. 25. Рита — Даугава. Кулдига — ... 28. Отец кентавров, за злодеяния привязанный в подземном царстве к вечно вращающемуся огненному колесу. 31. Русское название талии. 33. «Такой вид уродства, выносить который невозможно более полугода» (О. Уайльд). 36. Смородина — кустарник, черника — кустарничек, земляника — ... 38. Бегун, девятикратный олимпийский чемпион. В Хельсинки ему при жизни поставили памятник. 40. Рыцарь, влюбленный у М. Боярдо и неистовый у Л. Ариосто. 41. Мусульманское право. 42. Приют, кров. 43. Одно из русских названий петли для ловли зверей и птиц. 44. Подвесная койка. 45. Дальневосточная сардина. В 1980 году ее было поймано 2,6 миллиона тонн.

По вертикали:

1. Душистый цветок в составе любовного напитка Тристана и Изольды. 2. Богатырь, герой башкирского народного эпоса. 3. Драгоценный металл у древних египтян. 4. Дисциплина тела в йоге. 6. Ядовитый цветок, чьи семена американские индейцы считают лакомством. 7. Самоцвет. Видимо, его главное будущее — в емкой памяти для ЭВМ. 8. Промежуток в школьных занятиях. 9. Револьвер. 13. Свод ставок оплаты, обложения. 15. Правый приток Бенуэ в Нигерии. 19. Сорт яблок в стихотворении Н. Асеева «Заповедная буца». 20. Город на острове Эвбея в Греции. 21. Везалий как основоположник науки. 23. Организация, объект критики Петрова в «Балладе о бюрократе и о раборе» В. Маяковского. 26. «Сметанное яблоко» тропиков. 27. Каждое из песнопений, на основе которых Лемм в «Дворянском гнезде» И. Тургенева написал для Лизы кантату. 28. Самое частое имя в русских сказках. 29. ... Лузина — актриса, которой В. Высоцкий посвятил песню «Она была в Париже». 30. Древнерусское речное судно. 32. Безмерная ... чести вредит (пословица). 34. Поэт-петрашевец. На его квартире читали тенденциозное письмо Белинского к Гоголю. 35. Злой паук в мирной стране Азора (А. Толстой. «Аэлита»). 37. Другое название кички, женского головного убора. 39. Растение, дар легендарного Гайаваты людям.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

8. Эстафета. 10. Инвестор. 11. Берег. 12. Хабанера. 13. Рырыткин. 14. Зифта (в дельте Нила). 17. Паритет. 18. Осинник. 19. Бояре. 20. Абая. 25. Дача. 27. «Кама-ринская». 28. Жерло. 29. Табор. 30. Расставание. 31. Мать ... 33. Ласт. 37. Оникс ... 39. Истукан. 40. Нестрой. 41. Веря. 44. Балаково. 45. Зрелость. 46. Сунды. 47. Парусник. 48. Коррозия.

По вертикали:

1. Эстакада. 2. Карабиха. 3. Лебедев. 4. Тариф. 5. Хворост. 6. Осетинка. 7. Политика. 9. Абаз. 10. Игра. 15. Изобретение. 16. Тарановское. 21. Бурка. 22. Якорь. 23. Смесь. 24. Шкант. 25. Дятел. 26. Чибис. 31. Маскарад. 32. «Трубадур». 34. Астроном. 35. Тростник. 36. Мадонна. 38. Деметра. 41. Воск. 42. Рений. 43. Язык.

286

БОРИС АНДРЕЕВ

ЗАЧЕМ ИМ ЭТО НУЖНО

Когда я рассказывал знакомым о литовских автогонщиках, мне почти всегда задавали один и тот же вопрос: «А зачем им это нужно?»

Ралли, согласно распространенному у нас мнению, чисто мужской вид спорта. Однако, занимаясь им, Илона Алишаускаене (водитель) и Людмила Груодене (штурман) не утратили качеств, которые, наверное,

можно отнести к чисто женским.

— У меня на первом дополнительном скоростном участке (допе, как говорят спортсмены. — Б. А.) всегда очень дрожит левая нога, — рассказывает Алишаускене. — Из-за этого я не могу даже нормально выжать сцепление. Поэтому не люблю, когда на первом скоростном много зрителей. Мне кажется, как бы быстро я ни ехала, они видят, как у меня дрожит левая нога...

Стенограмму они тоже вели по-женски. Рядом с цифрами, обозначающими тип поворота и расстояние до него, Людмила под диктовку Илоны рисовала дополнительные ориентиры: елочки, домики с трубой и так далее.

— Когда мы показывали наши стенограммы мужчинам, — вспоминала Людмила, — те теряли дар речи. А мы все прекрасно понимали и никогда не ошибались. При чем читала я эту стенограмму на двух языках: основные данные для скорости — по-русски (русские числительные короче), а всю дополнительную информацию — по-литовски...

Ну и, конечно, в машине Алишаускене и Грудене всегда был запас косметики, который шел в ход перед самым ответственным моментом — за несколько минут до финиша.

И еще деталь. Как бы они ни «улетали» на поворотах, потом почти всегда вставали на колеса, а не на крышу. Однажды механик, который готовил их автомобиль, даже зафиксировал это «кошачье» свойство женского экипажа, нарисовав на машине Илоны и Людмилы черную кошку...

После удачи Илоны и Людмилы в гонке «Союз-85» (тогда в Эстонии на одном из этапов Кубка страны они сумели пройти трассу без срывов) невозможно было

предположить, что очень скоро они расстанутся. Однако осенью следующего года их экипаж распался.

— Я должна была осуществить свою мечту стать водителем, — говорит Людмила. — И потому никакие доводы не могли меня удержать.

Чтобы выкроить время для тренировок, Людмила занялась частным «извозом».

— Но вскоре я поняла, что такая работа может отбить всякое желание ездить, — рассказывает она. — Мне надоело отвечать на постоянные вопросы: «Муж не боится за вас?», «А не зайти ли нам в кафе выпить кофе или шампанского?» Иногда, чтобы пресечь дальнейшие вопросы, я прибегала к испытанному средству: проходила несколько поворотов так, что у пассажира рождалось неудержимое желание тут же выбраться из машины...

После того как Илона и Людмила расстались, и той, и другой пришлось решать одну проблему: искать штурмана. С Илоной стала ездить опытная автомобилистка Рута Крикштапонене, а штурманом у Людмилы стала Изабелла Брадаускене.

По-разному складывались судьбы этих экипажей. Илоне Алишаускене и Руте Крикштапонене повезло больше. В 1988 году они стали мастерами спорта СССР — первыми среди советских раллисток. И все же их «счастливая» судьба — еще одно доказательство того, как нелегка «женская доля» в ралли.

— Как завоевать признание на автомобиле, на котором невозможно выиграть даже любительское ралли? — спрашивает меня Илона, вовсе не ожидая, что я смогу ответить на этот вопрос.

— Если бы наша «восьмерка» была полноприводной... — взды-

хает Илона. — В международных гонках мы не могли развить скорость выше 150—160 километров в час. А мимо проносились «лянци», «пежо» и «ауди-кваттро», осыпая нас гравием на скорости под 200 километров. Нам с Рутой казалось, что мы едем на велосипеде. Поэтому приходилось рисковать на поворотах, так как только здесь мы могли хоть что-то отыграть.

Самым трудным соревнованием для Алишаускене и Криштапонене была гонка «1000 озер» — этап чемпионата мира 1988 года. Общая ее протяженность 1500 километров. Длина 39 дополнительных скоростных участков — около пяти сот.

— На старте одного из долов нас должны были ждать механики, — рассказывает Илона. — Подъезжаем — никого. А у нас бензин на исходе. Что делать? Стартуем. Проехали 13 километров, остается 5, впереди горка и трамплин. А стрелка на нуле...

— Илона говорит мне, — вспоминает Рута, — «Все. Дальше не поеду. На горку мне не подняться». — Поднимайся! — чуть ли не кричу я на нее. — Хотя бы на скорости 20 километров, но попробуй...

Вот так, ползком мы и закончили этот доп. Едва пересекли линию финиша — встали. А следом за нами ехали французы. Они никак не могли понять, почему это вдруг наша машина остановилась. «Что с вами?» — «Бензин кончился». Никогда не забуду выражение их лиц: мол, только с женщинами такое может случиться...

На этом приключения каунаских автомобилисток не кончились.

— Когда до финиша гонки осталось четыре допа, наша машина вдруг резко села вниз, — продолжает рассказ Илона. — Я го-

ворю Руте: «Наверное, колесо спустило». Выпрыгиваю — колесо в порядке. Поднимаю капот и вижу — «подушка», на которой лежит двигатель, сломана, и он, естественно, провалился.

Бросаемся к механикам, которые обслуживают нашего лидера Зугениюса Тумалявичуса, умоляем их: «Сделайте что-нибудь!» Они говорят: «Это серьезный ремонт. Нужно менять «подушку», а где мы ее здесь достанем?» — «Ну так привяжите как-нибудь двигатель!» — «Как?» — «Тросом к капоту!»

Один из механиков посмотрел на меня, словно на душевнобольную... Однако затем нам все-таки подняли двигатель, обвязали его тросом и кое-как закрепили. Капот не закрывался, его тоже как-то привязали.

— Вам нельзя ехать, — пытались механики остановить нас. — Разобьетесь.

— Ничего. Рискнем...

Когда-то Илона не знала, что такое страх. Сейчас ей хорошо известно это чувство.

— Чем старше становится моя Кристина (в этом году ей исполнится одиннадцать лет), — говорит Илона, — тем острее я ощущаю опасность во время гонки и теперь уже не забываю, что любой миг здесь может стать последним...

**ИЛОНА АЛИШАУСКЕНЕ
И РУТА КРИШТАПОНЕНЕ.**

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

РАДИО ПОСЛОН

ИНДЕКС 70820. 1 Р. 65 КОП.